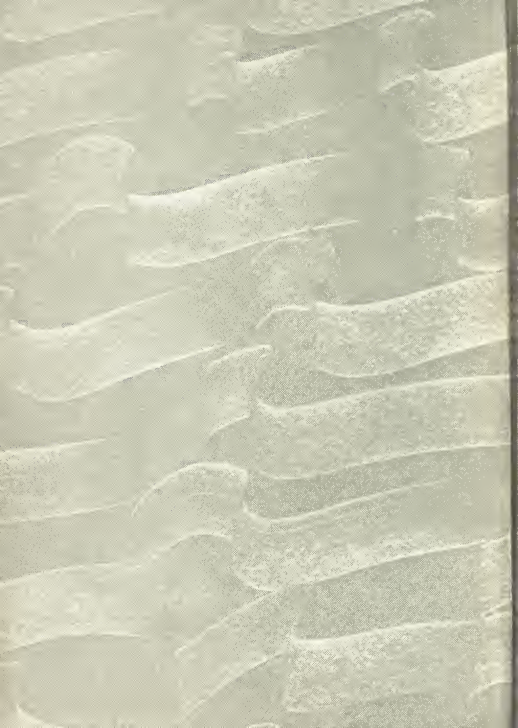
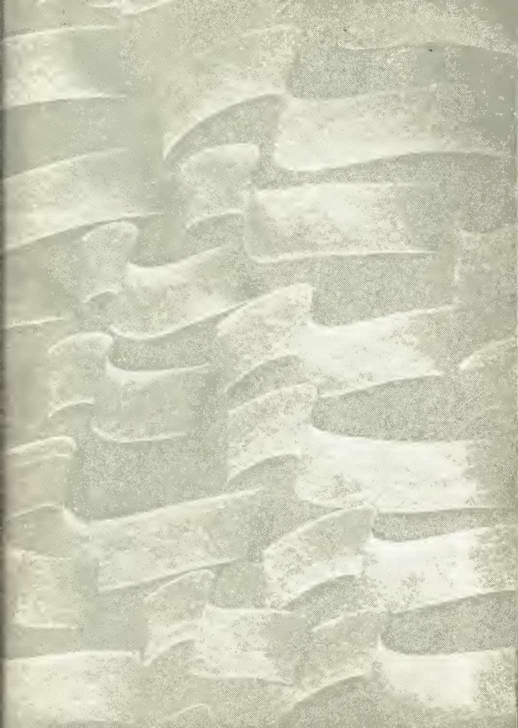
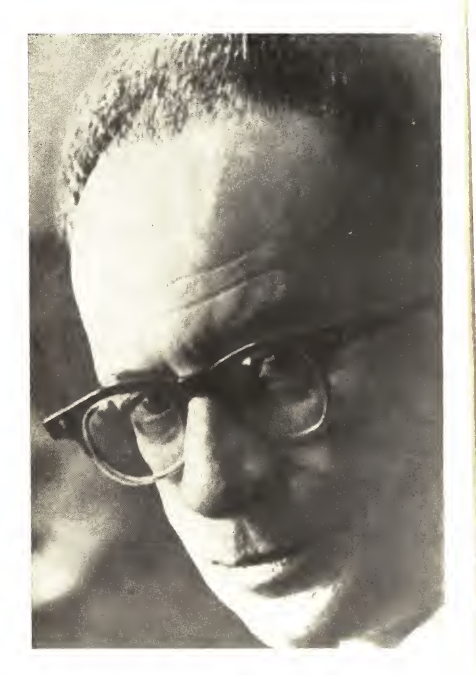
КАССИЛЬ и
о КАССИЛЁ

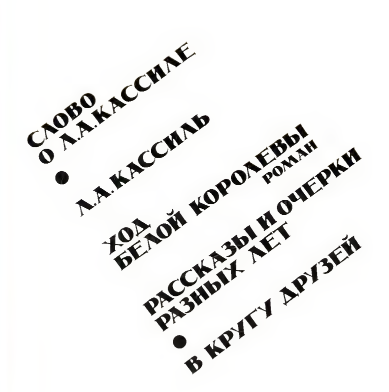

«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ» МОСКВА 1972

КАССИЛЬ и о КАССИЛЕ

СЛОВО
О Л.А.КАССИЛЕ
Л.А.КАССИЛЬ
ХОД
БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ
РОМАН
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ
РАЗНЫХ ЛЕТ
В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Составители А. КУЛЕШОВ и Ц. СОЛОДАРЬ

Кассиль и о Кассиле. М., «Физкультура и спорт». 1972.

296 с.; 8 ил., портр.
На обороте тит. сост.: А. Кулешов и Ц. Солодарь

Этот сборник посвящен памяти Льва Абрамовича Кассиля. Его книги читали и будут читать миллионы. Он любил спорт, и многие художественные и публицистические произведения писателя рассказывают о спорте. В этом сборнике выступают и сам Кассиль, и его друзья — известные писатели и спортсмены. Они делятся своими воспоминаниями о добром человеке и замечательном писателе — зачинателе нашей спортивной литературы.

6—9—1
БЗ 11—72—№ 4

Р2

СЛОВО О Л. А. КАССИЛЕ

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

О ДРУГЕ

Нам долго не верилось, что среди нас нет Льва Абрамовича Кассиля. За многие десятилетия мы все буквально с пионерского возраста привыкли к книгам Льва Абрамовича Кассиля, к его доброму человеческому слову, к какой-то особой любви к людям, и самое главное — к детям.
Целые поколения советской молодежи знали и любили его книги. Да и не совсем точно говорить об этом в прошедшем времени. Знают, любили и будут любить всегда, потому что образы пытливых советских детишек, деятельных, ищущих, горячих, борющихся за добро, созданные Львом Кассилем, незабываемы.
Кассиль был серьезным писателем. И все,

что он делал, было серьезно. Он был хорошим товарищем и добрым человеком. Он очень любил жизнь, и, наверное, поэтому все годы, прожитые этим большим и глубоким писателем, были связаны со спортом.

Лев Абрамович знал спорт досконально во всех его подробностях — знал составы команд, характеры игроков, разбирался в складывающейся спортивной ситуации и, как правило, почти наверняка предсказывал возможный исход. Он не был «болельщиком», он был знатоком спорта. Он был знатоком спорта во всех его подробностях, в профессиональном понимании особенностей каждого вида спорта и всех тонкостей, связанных с этим видом. Он был постоянным другом советских спортсменов. И опять оговорка: не только советских, а вообще лучших спортсменов всего мира, потому что, как правило, за самым редким исключением, спортсмены являются проводниками дружбы народов и одной из опор мира на земле.

Спорт — это не только состязание в силе, но и состязание духа, человеческой психологии, выявление лучших сторон человека: мужества, преданности, выносливости, целеустремленности.

Я помню Мексику. Эти Олимпийские игры были очень нелегкими для советских спортсменов. Мы выигрывали и проигрывали. И еще эта высота 2200 метров, такая тяжелая для тех, кто привык заниматься спортом в обычных условиях. Трудно было не только спортсменам, но даже тем, кто писал об этих соревнованиях. Я помню, как был возмущен Кассиль, когда в американской спортивной делегации, по существу, произошла вспышка расовой дискриминации по отношению к неграм — участникам этой спортивной делегации, вспышка со стороны белых спортсменов. Мы это все запомнили, и я видел Кассиля возмущенного, негодующего. Это было понятно: для нас эта вещь невозможная, противоестественная.

Кассиль был неутомимым спортивным журналистом. Огромное удовольствие испытывал каждый из нас, читая то, что писал Лев Кассиль о спорте. Я помню, как в Англии, на мировом футбольном первенстве, мы носились с ним вместе по дорогам из Сандерленда в Ливерпуль, Бирминген. Мы видели поражение Бразилии, и нам было жалко Пеле. Я помню, Кассиль сказал тогда: «Это не закат Пеле, Пеле еще поднимется». И он не ошибся — Пеле поднялся и вновь стал первой звездой на футбольном небосклоне.

Кассиль во многом был провидец и, уже больной — он очень плохо себя чувствовал в Мексике,— вышагивал километры и километры от одной спортивной площадки к другой.

Таким он и остался в памяти — шагающим в жизнь и по жизни, наш дорогой Лев Абрамович Кассиль.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ, ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

ЗВЕЗДОЧКА В ПУТИ

Каким нам вспоминается Кассиль? Шагающим по улице — не идущим, а шагающим, стремительно и неутомимо. Этому шагу, этой походке он, вероятно, научился еще в годы своей юности у Маяковского. Он не суетился, не бежал, а просто шагал быстро и никогда не опаздывал. До последних дней он сохранял свою кассилевскую спортивную форму, держался молодцом на своей замечательной жизненной дистанции и, несмотря на годы, не сбивался с ритма — дыхание у него было ровное.

Мы начали свое слово с кассилевской походки потому, что она была как бы отражением стиля его жизни. Он был таким же ровным, устремленным, был примечательным марафонцем литературной и общественной жизни. Это не значит, что жизнь его была легкой. Само определение «марафонец» исключает легкость.

Кассиль был сильным, волевым, принципиальным и целеустремленным. У него была своя сверхзадача: готовить из детишек хороших взрослых. Он был подлинным всесоюзным тренером детворы. Своими книгами, своей публицистикой, своими публичными выступлениями он воспитывал маленьких граждан Страны Советов.

Сильный, волевой, он вместе с тем был очень ранимым человеком. Глубоко переживал незаслуженные обиды, разочарование в людях, жизненные ошибки. К сожалению, даже мы, его близкие друзья, не всегда знали об этом: Кассиль умел скрывать свою боль с завидным мужеством бойца. О многих его переживаниях мы узнали с досадным опозданием, листая страницы дневника.

В своем творчестве Лев Кассиль достиг тех завидных вершин, когда вместе с маленькими читателями книги писателя начинают читать взрослые. «Когда я читаю книги Кассиля, во мне оживает мое детство. И то дорогое и далекое, что я считал давным-давно забытым, ушедшим из моей жизни, оказывается при мне. А это большое счастье». Так писал один из взрослых читателей Кассиля. Для настоящего писателя не может быть большей награды.

Творчеству Кассиля всегда сопутствовала сказка. Она то удалялась, то приближалась к реальной жизни его героев, но, в конце концов, сливалась с жизнью. И недаром все творчество Кассиля как бы обрамлено двумя мечтами. Оно начинается с детской, наивной мечты о не существующей стране Швамбрании и кончается выношенной поколениями мечтой «о жизни совсем хорошей» — мечтой о коммунизме, про который он так искусно, увлекательно и вместе с тем вполне «по-детски» рассказал юным читателям.

О творчестве Льва Кассиля уже написано и будет еще написано много исследований. Но в этих беглых заметках, предназначенных для книги, рассказывающей о жизни Кассиля в спорте, нам хочется выделить то главное, стержневое, что неизменно характерно для его писательской позиции во всех без исключения произведениях, что очень важно понять его читателям. Двумя словами это можно назвать — великое противостояние. Эти выразительные слова, давшие название одной из лучших книг Кассиля, применимы ко всему его творчеству. Писатель призывает своих юных героев противостоять заманчивому и сверкающему во имя главного, основного — того, что составляет суть жизни. Это очень трудный процесс — противостоять самому себе. Но философия писателя не имеет ничего общего с аскетизмом. Писатель не зовет своих героев к серой обыденности. Напротив, он учит их преодолевать обыденность, найти в ней невидимые с первого взгляда зерна прекрасного. Очень трудно, скажем, Симе Крупицыной, ставшей благодаря случаю на какое-то время киноактрисой, порвать с «волшебным миром» кино. Но у девочки хватает сил открыто бросить вызов «господину случаю». Она находит себя в главном. По такому же пути сумели пойти и Антон Кандидов, и Наташа Скуратова, и все спортсмены, сильными мазками выведенные в книгах Кассиля. Они нашли себя в главном, они совершили свой главный поступок в жизни —к этому их звали и привели книги Кассиля. И в этом огромная нравственная сила его книг.

Кассиль был человеком широкого дружеского диапазона. Его друзьями были писатели и пилоты, моряки и ученые, артисты и учителя, спортсмены и строители. Всю жизнь писателя влекло к людям, преодолевавшим барьеры, изобретавшим, открывавшим, творившим. Забывая, что он сам относится именно к таким людям, Кассиль рядом с ними как бы отступал в тень, уступал им место и поистине с детским восторгом наблюдал за ними.

Лев Абрамович любил спорт. Будучи человеком отнюдь не атлетического здоровья, он был другом спортсменов, их самым

горячим доброжелателем и болельщиком. И хотя последние годы он не бегал даже трусцой, а встав на лыжи, не очень-то удалялся от дома, он был выносливым и стойким человеком спорта. Если взять глобус и отметить флажками места олимпиад и чемпионатов, на которых побывал Кассиль, глобус запестреет многоцветьем флажков. Кассиль был, без преувеличения, добрым гением советских спортсменов в часы пребывания за рубежом. И знаменитый, зажигательный возглас «Мо-лод-цы!», который теперь большой человеческой наградой гремит на стадионах, впервые сорвался с уст Кассиля.

Герои многих произведений писателя — спортсмены. Рисуя их образы с большой теплотой, Кассиль проявил тонкое проникновение в психологию спорта. Вот почему его спортсмены предстают перед читателями людьми душевно красивыми и благородными, чьи мысли в самые трудные минуты испытаний и борьбы устремлены к Родине. Кассиль очень точно подметил и убедительно показал, что патриотизм — отличительная, типическая черта людей советского спорта. Недаром по книгам Кассиля проходили свои первые университеты многие выдающиеся мастера советского спорта. И не будет преувеличением сказать, что Лев Кассиль — любимый писатель советских спортсменов, что к его книгам они все чаще и чаще обращаются в минуты, когда ощущают потребность в умном и верном собеседнике, в друге-советчике.

Как все друзья Льва Кассиля, мы с нетерпением и надеждой ждали появления его новых книг. И каждый раз друг не обманывал наших ожиданий. Он проявлял себя писателем своего времени, точно попадал в «яблочко» стремлений и тревог своего читателя. Поэтому книги его будут долго жить, будут долго современны.

Когда творческая жизнь писателя выходит за рамки его человеческой жизни и яркой, самобытной звездочкой загорается в Галактике отечественной литературы,— это высшая награда для советского литератора. Лев Кассиль удостоился этой награды — его звездочка долгое время будет путеводной для поколений, идущих нам на смену.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

ПУТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Лев Кассиль отдал юным всю свою жизнь. Он любил дорогих наших мальчишек и девчонок сильно, взыскательно, нежно. Он посвящал им все свое творческое горение, весь свой огромный талант.

Я пишу «любил», «посвящал»... Тяжко поверить в то, что бесконечно доброе и верное сердце Кассиля остановилось. Но не остановились, ни на миг не задержались в своем пути к сердцам миллионов юных читателей герои прекрасных кассилевских книг. Да, герои его повестей «Кондуит» и «Швамбрания», «Великое противостояние», «Черемыш, брат героя», «Дорогие мои мальчишки», «Будьте готовы, Ваше высочество!», «Про жизнь совсем хорошую» навсегда останутся благородными друзьями, верными спутниками нашей советской юности. Они и впредь будут насыщать душу юного человека витаминами рыцарства, храбрости, стойкой бескомпромиссности. Они и впредь будут окрылять юных граждан чувствами безграничной любви к нашей Отчизне, ко всему прекрасному, что создали на нашей земле Октябрь, Революция, Ленин.

Владимир Маяковский первым заметил и оценил высокое литературное дарование Льва Кассиля. И Кассиль не только посвятил своему учителю и наставнику замечательную книгу «Маяковский — сам», он и жил по-маяковски: всюду — на страницах книг, в газетах, по радио и телевидению, с трибун литературных конференций — он выступал как пламенный патриот своей Родины, как писатель-гражданин.

Лев Кассиль хотел, чтобы наши молодые граждане входили в жизнь людьми жизнерадостными, оптимистически настроенными. Он по-отечески заботился о духовном и физическом здоровье своих юных читателей. И потому много вдохновенных страниц посвятил спорту. Вот они стоят передо мной — книги, повествующие о героях спортивных полей, арен, кортов. Эти книги любимы не только физкультурниками, но и всеми молодыми читателями, потому что они об отваге, о благородстве, о готовности сражаться за победу. «Вратарь Республики», «Чаша гладиатора», «Ход Белой королевы»... Кто не знает этих произведений, одухотворенных любовью к спорту!

Не раз приходилось мне вместе с Львом Абрамовичем вести радиопередачи, посвященные Майским и Октябрьским праздникам, физкультурным парадам, молодежным празднествам. Никто

не умел лучше него рассказать миллионам о шествии физкультурных колонн, о красоте и величии спорта. Он говорил об этом с юношеской увлеченностью. Он всегда считал, что качества, которые воспитывает спорт, необходимы каждому молодому человеку. И он пропагандировал, воспевал эти высокие человеческие качества.

ЮРИЙ НАГИБИН

О ПИСАТЕЛЕ, ЛЮБИВШЕМ ДЕТЕЙ И СПОРТ

Как и все мои сверстники, я познакомился с писателем Львом Кассилем очень рано — его «Кондуит» и «Швамбрания» были в числе первых «толстых» книг, которые я самостоятельно прочел. И мир этих чудесных, добрых книг навсегда соединился с моей сутью, как мир Тома Сойера и Гека Финна, трех мушкетеров, благородных разбойников и рыцарей Вальтера Скотта, искателей Жюля Верна и самого близкого из всех — гаринского Темы Карташева. Знакомство же с человеком Львом Кассилем произошло значительно позже — в пору Отечественной войны, когда после контузии и госпиталя я стал работать в газете «Труд» на должности военного корреспондента по... глубокому тылу. Меня взяли на том условии, чтоб до полного выздоровления я и не заикался о поездках на фронт.

В те дни у меня было и другое основание для дурного настроения: мою первую книжку, тощий сборничек рассказов, с сокрушительной силой раздолбала именитая «критикеса». На помощь себе она привлекла самого Горького. Она язвила и уничтожала меня умело подобранными цитатами, и можно было подумать, что Алексей Максимович и впрямь провидел появление моего жалкого сборника.

Мы сидели в хлебосольном московском доме за скудным столом войны, пили мутный сырец из хрустальных рюмок, ели ленд-лизовскую колбасу и порошковую яичницу на кузнецовском фарфоре, и Лев Кассиль с доброй настойчивостью пытался втянуть меня в разговор. В конце концов, то ли его упорство возымело действие, то ли крепкий сырец, я вышел из норы. Кассиль говорил, что писатель не должен придавать значения ни разносным, ни восторженным отзывам, его дело — писать.

«Хорошо тебе рассуждать!— думал я.— Сам-то чуть не с первой книги вышел в классики!»

— Не надо обижаться на критиков,— продолжал Кассиль, положив мне на плечо свою легкую, тонкую руку.— Они бедные

люди. Представьте, вы садитесь к столу, перед вами чистый лист бумаги, вы берете перо и пишете о небе, звездах, деревьях; траве, детях, о своей душе, о любви, о добрых ценностях жизни. А другой человек, чье орудие тоже перо и бумага, садится к столу и должен писать почему-то о вас, обо мне или о ком-то еще... Есть от чего обозлиться!..

— Ну, о вас-то всегда хорошо писали!..

— Вы не читали сегодняшних газет?— с меланхолической улыбкой спросил Кассиль.

Столь огорчившая меня рецензия была почти похвальной по сравнению с тем, что было сказано в адрес этого всесветно известного признанного писателя. А он держался так, будто ничего не произошло, исполненный спокойствия, доброты, дружеской заботы о своем меньшом собрате. Это непреднамеренный урок достоинства врезался мне в душу.

Когда мы расставались в близости грозного комендантского часа, Лев Кассиль снова вернулся к злополучной рецензии на мою книжку.

— Ваш критик литературный тяжеловес, а вы пока что мухач, к тому же новичек на ринге. Это нехорошо. Я признаю лишь равную, чистую борьбу...

В дальнейшем я не раз сталкивался с замечательной способностью Льва Кассиля противопоставлять неблагоприятным внешним обстоятельствам образцовый, до щегольства, порядок в себе самом — в глубинном самочувствии и во всем облике. Как-то в Коктебеле, когда третьи сутки подряд дул тревожный черный ветер, не уменьшавший, а нагнетавший знойную духоту, и отдыхающие в растерзанных пижамах окончательно махнули рукой на правила бытового приличия, я увидел Льва Абрамовича у морского заплеска, наблюдавшего повадки нырка. На нем был серый костюм из тонкой рогожки, белая рубашка с крахмальным воротничком, галстук, платочек в нагрудном кармашке, на ногах замшевые макасины. Я поинтересовался, чем вызван такой парад.

— Я получил нехорошее письмо из дому, ветер и духота действуют на меня отвратительно. Надо собраться, не то окажешься на лопатках.

Да, он умел «собираться». Жизнь далеко не всегда платила ему добром за добро. Он потерял горячо любимого брата, того самого очаровательного Иоську, который всем нам стал другом после «Кондуита» и «Швамбрании»; никогда не отличаясь здоровьем, много и тяжело болел; подвергался и литературной опале, но никогда его не видели на лопатках. Он оставался неиз-

менно благожелательным, отзывчивым к людям, в частности к своим коллегам, и если порой наносил ответный удар, то всегда в открытую. Ведь он признавал лишь честную борьбу.

Вспоминаю Льва Абрамовича Кассиля во время зимних Олимпийских игр в Гренобле. С утра он мчался в крошечном автобусе в Шамрусс, где соревновались горнолыжники, оттуда на трассу лыжных гонок в Отран, затем на стадион к ледовым скороходам и, наконец, в Пале де глясс на хоккей. Поздно вечером он писал и отстукивал свои корреспонденции, ночью передавал их в Москву. Однажды в хмурый, метельный день, когда все журналисты толпились у цветного телевизора, предпочитая наблюдать соревнования в тепле гостиной, а не под режущим ветром стадиона, Лев Кассиль, подняв воротничок пальто и поглубже натянув фетровую шляпу, собрался в Альп д'Юез, самую далекую и высокую точку олимпийских владений, где в ожидании погоды томились саночники и бобслеисты.

— Зачем вам это надо?— накинулась на него журналистская братия.— Там нечего делать. Туда никто не ездит.

— Вот поэтому я и поеду,— с улыбкой сказал Кассиль.

Ему было жалко саночников, хороших, смелых ребят, оказавшихся на задворках Олимпиады, отрезанных от огней, музыки, многолюдства праздника, внимания публики, любопытства корреспондентов, вот он и пустился в далекий и небезопасный путь по обледенелому горному шоссе.

В ту пору, на стыке зимы и осени, погода вытворяла бог весть что: то солнце, то снегопад, то мороз, то оттепель. Бессильные уследить за капризами природы, журналисты окончательно распоясались, корреспондентский корпус напоминал цыганский табор. И среди живописных оборванцев выделялась своей неизменной элегантностью высокая фигура Кассиля. Потом я узнал, что Лев Абрамович очень плохо чувствовал себя, он отравился в парижском кафетерии, а в паршивом поезде Париж — Гренобль его жестоко продуло, поднялась температура, стало прихватывать сердце, он держался только на пилюлях, заглатывая их горстями. Но отвечал железной собранностью этому беспорядку взбунтовавшегося организма...

У Льва Кассиля были две главные темы: дети и спорт. Дети— это вполне понятно. Уже ранние произведения Кассиля ясно ответили на вопрос: откуда вы? Кассиль был из страны своего детства. Все люди имеют начало и ту пору, когда человека называют ребенком, но не все имели детство и не все были детьми. Это несчастные люди, хотя они не сознают своего несчастья. А есть люди, которые навсегда сохраняют связь с детством, пережитым

сильно и глубоко, и до гробовой доски несут в себе что-то детское,— это счастливые люди, сознающие свое счастье. К таким людям принадлежал Л. Кассиль.

Но он никогда не был спортсменом, даже в юности не обещал стать вторым Поддубным или Лурихом, Паниным или Струнниковым, Уточкиным или Сумароковым-Эльстоном. Он не отличался мускульной силой, ловкостью, меткостью. Мне кажется, он любил спорт, любил преданно и страстно, до конца дней, прежде всего за чистую борьбу, за то, что в настоящем спорте дело решается в открытую, правом истинного, а не мнимого преимущества,— это соответствовало его этическому кредо.

Я часто задумывался, в чем причина ни с чем не сравнимого успеха «Вратаря» — книги и особенно фильма. Сценарий был написан самим Кассилем, и фильм, что редко случается, несет явственный отпечаток его личности и стиля. Режиссер Тимошенко подчинился авторской интонации, и зрители получили «кассилевский» фильм. Недавно «Вратарь» с прежним успехом демонстрировался по телевизору и на большом экране. Редчайший пример живучести — ведь кинопроизведения так быстро дряхлеют и умирают.

Признаюсь сразу: я не принадлежу к почитателям этого произведения. Но нельзя же не считаться со всенародным успехом и думать, что прав ты, а все другие слепы. Фильмом восхищаются и любители спорта, и профаны, и матерые спортсмены, в том числе футболисты, вратари и сам Лев Яшин, и люди, сроду не бывавшие на стадионе. Едва ли их приводит в восторг необъятный зад Карасика, которым он так охотно поворачивается к экрану, или липовая история с роботом, или натужная фабула. Конечно, нет, тут содержится нечто важное, нужное, дорогое для всех людей. Это сам Кандидов, чудо-вратарь, чудо-юноша, заставляющий верить в безграничность человеческих возможностей и в ту великую удачу, о какой в тайне мечтает каждое живое сердце. И это могло случиться лишь потому, что сам автор беззаветно верит в своего героя, верит, что, ловя арбузы на пристани, можно стать классным ловцом кожаных мячей, посланных пушечным ударом, что в нужный момент супер-вратарь способен пройти все поле, всех нападающих, полузащитников и защитников команды соперников и забить решающий гол, что вся фантасмагория судьбы Кандидова могла быть, была, черт подери, на самом деле! Усомнись в чем-то Кассиль, поддайся бытовому правдоподобию, все бы сразу развалилось. Но он свято верил творимой им легенде и победил навсегда. Кандидов так же реален, как бессмертные Заморра, Соколов, Планичка, Яшин. Он

первый из всех! На такое мог отважиться лишь писатель, очень любящий спорт, очень верящий в человека и сохранивший в душе что-то детское.

Лев Кассиль прожил счастливую, хотя и нелегкую литературную жизнь. Счастливую, потому что уже первые его книги принесли ему славу и любовь читателей, а нелегкую, потому что легкой литературной жизни вообще не бывает, литература — сложное занятие, да и жестокие критические удары не раз обрушивались на его плечи. Но он сносил их, как и все превратности жизни, не поступаясь в себе ничем.

Этот худой, узкоплечий, с очками на добрых, грустных глазах кабинетный человек был настоящим спортсменом, если подразумевать под этим не быстрые секунды и рекордные метры, а нечто куда более важное: стойкость, мужество, благородство, умение жить сверх отпущенных природой сил. Таким был Лев Кассиль, правофланговый советской спортивной литературы.

ДМИТРИЙ МОЛДАВСКИЙ

АКТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

Вначале была убийственно смешная повесть о старой гимназии «Кондуит», и еще более смешная, но уже с романтической дымкой «Швамбрания». Потом «Вратарь Республики», «Дорогие мои мальчишки», «Ученик чародея», «Боб сойер»... И когда, спустя много лет, я познакомился с Львом Абрамовичем Кассилем уже «очно», моментально узнал в нем мальчишку из любимых книг.

С мальчишеской гордостью вынимал Лев Абрамович из кармана набор вечных перьев самых невероятных марок и систем — свою знаменитую коллекцию. Правда, когда нужно было расписаться, обычно оказывалось, что ни одна из этих ручек не работает. И сигару (он покуривал сигару) Кассиль доставал из какого-то желтого металлического футлярчика так значительно, что сразу было видно — жест этот принадлежит гимназисту-старшекласснику из «Кондуита», которому кажется, что он уже взрослый... И в манере Льва Кассиля разговаривать было что-то от школьника, особенно когда он чуть таинственно начинал рассказ.

Лев Абрамович пришел на «Ленфильм», когда наше объединение решило поставить спортивный фильм. Был он высок, тощ, лохмат, совсем такой, каким я видел его на десятках фотографий и шаржей. Началась работа. И тут-то проявились его пре-

красные человеческие качества. Объединение наше не отличается дипломатическим изяществом манер, и критика, которая обрушилась на автора сценария, была весьма лихой. Но писатель не впадал в амбицию, не пытался гордо закрыться своим авторитетом. Он будто бы специально «подначивал» нас на самые резкие слова... Горячность споров не помешала ему войти в товарищеский контакт со всеми нами.

Года три спустя председатель колхоза под Андижаном Закирджан Сабиров уверял меня, что, покажи он фильм «Удар, еще удар!» узбекской команде «Пахтакор» перед решающим матчем, она бы обязательно победила своих противников...

Человек широкой образованности, Лев Кассиль следил не только за литературой или спортом, его волновали научные открытия в самых различных областях. И обо всем, что его волновало, он умел и говорить и писать очень интересно.

...Началась работа над новым кинофильмом — о лыжниках по мотивам романа «Ход Белой королевы». Прославленный наш автор по-прежнему держался очень скромно. Заявку, точнее, энный ее вариант, он начал словами: «На основании замечаний и рекомендаций... со слов ряда товарищей из Второго творческого объединения студии «Ленфильм» и спортивных специалистов, ознакомившихся с моей первой заявкой, я ее доработал и направляю на рассмотрение».

Заявка была принята, и работа началась... Сейчас, после смерти писателя, мы уже другими глазами читаем его письма, сохранившиеся в рабочей папке «Белоснежка» (так назывался первоначально сценарий «Ход Белой королевы»). Лев Кассиль был уже болен, когда работал над фильмом.

В письме от 6 сентября 1969 года он писал:

«Болезнь моя (парез правой стороны лица, поражение лицевого нерва, носящее, как считают врачи, периферийный характер) является, к сожалению, как правило, затяжной. Энергичные меры, принятые рентгенотерапией и другими способами лечения, уже сказались в известной степени, но, к сожалению, ни читать, ни писать я еще нормально не в состоянии. И, конечно, все это скажется на сроках окончания работы над сценарием...» Но Кассиль не был бы Кассилем, если бы письмо обрывалось на этом. Концовка его была в иной тональности: «Тем не менее я твердо рассчитываю окончить эту работу во второй половине ноября с. г.».

18 и 19 июня 1970 года Лев Абрамович провел на студии. В эти дни еще продолжался футбольный чемпионат мира. Когда Кассиль вошел ко мне, я спросил:

— Почему вы здесь, а не в Мексике?

Он засмеялся и сказал, что уже начинает избегать знакомых — нет ни одного человека, кто бы в эти дни не задал ему все тот же вопрос: «Почему вы не в Мексике?»

— Да что там знакомые! Выхожу я из метро, идет какой-то старик с сумкой. Посмотрел на меня и говорит: «Футбол в Мексике, а Кассиль в Москве. Непорядок». И недовольно так взмахнул сумкой...— Потом Лев Абрамович как-то удивленно сказал: — Меня впервые врач не пустил за границу...

18 июня в 12 часов дня начался художественный совет нашего объединения: мы принимали литературный сценарий «Ход Белой королевы». Выступали режиссеры А. Г. Иванов и Н. И. Лебедев, писатели, редакторы и приглашенные нами представители спортивных организаций А. И. Сурин и заслуженный тренер СССР А. Баженов.

Было видно, как ревниво относятся к Льву Кассилю спортсмены. Получилось даже нечто вроде борьбы за писателя — с кем он — со спортсменами или с кинематографистами. И, как всегда, о Льве Кассиле и его работе было сказано много веселых и добрых слов. Драматург Игнатий Дворецкий рассказал:

— В моей жизни был случай, когда мне предлагали стать конферансье. Я почти что умирал с голода. Положение было безвыходное. И я согласился, хотя никакого запаса острот у меня не было. Но я взял книги Льва Кассиля — и все пошло как по маслу...

Сценарий был принят. Он действительно отвечал той мысли, которую Лев Кассиль высказал еще в заявке: «Фильм должен показать, какими неисчерпаемыми талантами в области спорта обладает наш народ, какую огромную роль играет спорт в воспитании гармонически развитого человека, как специальное мастерство обогащает и вооружает природное дарование, иной раз дремлющее и ждущее возможностей для пробуждения. Хочется показать, что без вмешательства подлинного активного педагогического знания даже самый яркий природный талант не сможет проявиться в полную силу».

Подлинное активное педагогическое знание. Оно проявлялось в каждом произведении, в каждом поступке Льва Абрамовича Кассиля. Он писал о том, что его волновало. Юность. Спорт. Революция. А за всем этим — тема формирования нового человека. Здорового, счастливого, нужного.

АНАТОЛИЙ АКИМОВ

ДОБРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Если я скажу, что считаю Льва Абрамовича Кассиля одним из своих первых спортивных учителей, кто-то, может быть, улыбнется. И все-таки это так. Я стал вратарем в то время, когда само это слово «вратарь» было у нас почти неизвестно. Обычно говорили — «голкипер», иногда — просто «кипер», но «врата», «вратарь?» Русское слово казалось каким-то церковно-колокольным.

Оно вошло в обиход с появлением кассилевского «Вратаря Республики». И я стал для любителей футбола вратарем, а поскольку играл я в знаменитом «Спартаке» и часто выступал в международных матчах на крупнейших турнирах, то меня и стали называть «вратарем республики», полагая, что Антон Кандидов «списан» с Анатолия Акимова.

Нет, уж если говорить откровенно, то скорее Акимов «списан» с Кандидова, по крайней мере, я хотел, стремился походить на этого великого футболиста, который хоть и литературный герой, но лично для меня, для многих моих сверстников вполне реальное лицо, близкий человек и товарищ.

«Вратарь Республики» — роман Льва Кассиля. «Эй, вратарь, готовься к бою» — песня Василия Лебедева-Кумача и Исаака Дунаевского. Но для меня это не просто произведения литературы и искусства — это моя жизнь, мои мечты, дела, стремления.

Мне посчастливилось быть таким вратарем, в которого «играют» мальчишки. Это высокая ответственность. Всегда, в любом матче, надо быть предельно собранным, показать все лучшее, на что способен. Когда я выбегал на поле стадиона и занимал свое место в воротах, то чувствовал, что на меня смотрят десятки тысяч взыскательных судей, и среди них Лев Абрамович Кассиль — мой учитель, настоящий знаток футбола, умный, добрый и строгий.

АЛЕКСЕЙ КАТУЛИН

ТОВАРИЩ ЖУРНАЛИСТ

То были уже далекие тридцатые годы, когда советские спортсмены начали завоевывать авторитет на международной арене. Наша сборная команда по борьбе, капитаном которой был я, не раз встречалась с турецкими атлетами у себя дома и за рубежом.

В 1935 году в Турцию отправилась особенно представительная советская спортивная делегация. В ее составе кроме борцов были фехтовальщики и футболисты.

Вместе с нами, впервые на моей памяти, за рубеж отправился и представитель прессы, отрекомендовавшийся спортивным журналистом. Это был высокий смуглый тонколицый человек с густой шапкой черных волос, очень подвижный и тем не менее весьма сосредоточенный.

Здесь у меня так и готово вырваться слово «молодой», но оно — порождение сегодняшнего дня. Тогда же мы сами не достигли еще тридцатилетнего возраста, но считали себя уже многоопытными в жизни людьми и именно с позиций взрослых, обремененных высоким долгом людей смотрели на своего сверстника.

Наша задача была предельно ясна: победить. Мы знали, что спросить друг с друга: «Все ли ты отдашь для победы?». Ну, а этот-то, представившийся нам официально «Лев Абрамович Кассиль», что будет делать?

В Турцию мы плыли пароходом, время шло, и вскоре оказалось, что скромный журналист просто незаменим в любой собравшейся на палубе компании.

Нет, он не навязывался в наши борцовские беседы, козыряя всякими цирковыми терминами вроде «тур де бра» или «туше». Но от него мы узнали, что наш борцовский «нельсон», оказывается, происходит от фамилии знаменитого английского адмирала.

Он не учил футболистов забивать голы, не похвалялся знакомством с Заморрой или Планичкой, но братья Старостины почему-то чертили в воздухе перед ним свои замысловатые тактические схемы и даже старший из них, Николай, держался с ним на равных. А фехтовальщики, наша, так сказать, спортивная интеллигенция, весьма неохотно выпускали его из своего кружка.

Вряд ли сейчас я с достоверной точностью смогу передать содержание наших долгих бесед. Пароход плыл, светило солнце... И что-то новое входило в нашу жизнь. Теперь я знаю что: литература, искусство — в азбучных истинах своих, бывших для нас тогда откровением.

К концу короткого путешествия Лев Абрамович стал для нас просто Левой, Левушкой, свойским парнем, хорошим другом, у кого всегда можно спросить совета, не опасаясь, что услышишь в ответ: «А-а, чепуха все это. Мне бы твои заботы!».

Справедливости ради скажу, что и он то и дело обращался

к нам с вопросами, которые казались нам наивными. Ну, например: «Трудно бороться?» или (к футболистам): «А больно, если упадешь?» Ответить односложно было нельзя — глаза пытливо смотрели сквозь стекла очков.

Я не стану подробно описывать соревнования. Скажу лишь, что Лев Кассиль во время турниров оказался просто незаменимым человеком. Он знал все: как выступают фехтовальщики, как дела у футболистов. И при этом вроде бы ни на шаг не отходил от нас, борцов. Потом я узнал, что то же самое говорили наши товарищи из других команд: «Скажи, пожалуйста! Был все время с нами, но еще успел и к вам заскочить!». В том-то и дело, что он «не заскакивал» к нам с блокнотиком — он был с нами!

Домой мы возвращались также морем, на пароходе «Чичерин». Разыгралась страшная буря. Корабль потерял управление, волны швыряли его так и сяк. Неприятно об этом вспоминать, но оказались на судне люди, перепугавшиеся в эти часы насмерть. И вот тогда-то я узнал, как умеет шутить, какой весельчак по натуре этот самый Лев Кассиль! Он, худощавый, по нашим борцовским представлениям даже хлипкий с виду, оказался человеком несгибаемой силы. Будто бы ничего необычного и не происходило. Нас несло к румынским берегам, а он рассказывал о каком-то Остапе Бендере, о его появлении на румынском берегу,— и заразительно хохотал. При этом он вовсе не выглядел заказным бодрячком, который за шуткой прячет чувство страха. Лев Кассиль был самим собой — серьезным, ироничным, бодрым, и только его осунувшееся, побледневшее лицо говорило о том, что буря изматывает и его. С тех пор я много плавал морями. И когда разбушуется стихия, я всегда вспоминаю шторм на Черном море, потерявший управление корабль и звонкий голос товарища:

— А вот послушайте, какую забавную историю я вам расскажу. Были у Пеки бутсы...

ВСЕВОЛОД БОБРОВ

ТАКИЕ ПЕРЕЖИВАЮТ СЕБЯ!

Не буду оригинальным, если скажу, что в детстве моим самым любимым литературным героем был Антон Кандидов — знаменитый кассилевский вратарь. Кинокартину, рассказывавшую о его подвигах, я смотрел больше тридцати раз,

безжалостно тратя на билеты деньги, которые мне давали родители на школьные завтраки. Именно Антон Кандидов разжег во мне неугасимый огонь честолюбия и детские мечты о славе, о большом мастерстве и больших победах. Кандидов казался мне существом сугубо реальным, живым, непременно существующим, а о том, кто его создал, я, честно говоря, даже не думал.

Прошли долгие годы. В конце сорок пятого, когда вместе с командой московского «Динамо» я вернулся из ставшего тогда знаменитым турне по Англии, первым телефонным звонком на квартиру был звонок от Льва Абрамовича Кассиля.

— На аэродроме не мог к вам прорваться,— пожаловался он.— Очень хочу познакомиться. Ваша победа прекрасна. Мы создадим о ней книгу.

Книга действительно была создана. Она называлась предельно просто: «19 : 9». Это был итог наших выступлений на родине футбола. Заглавие придумал Кассиль. И в каждой страничке книги, авторами которой выступали в основном участники поездки, знаменитые мастера футбола, были его страсть, его труд, его энергия.

В дни работы над книгой «19 : 9» мы познакомились и, хотя в дальнейшем виделись редко, сохранили очень добрые, сердечные отношения.

Вряд ли требуется доказывать, как горячо любил Лев Кассиль спорт. Я его не раз видел на стадионе. Видел и на трибунах отчаянно переживающим ход поединков, и в наших раздевалках, куда он приходил как свой человек. Причем меня всегда поражал его исключительный такт: он не лез с вопросами к игрокам, понимая, что людям нужно отдохнуть, собраться с новыми силами, сбросить нервное напряжение.

Среди многих замечательных качеств, которыми обладал Лев Абрамович, едва ли не самым ценным, самым радостным и счастливым для нас было его умение подбодрить, вселить силы, причем делал он это очень тонко, не назойливо.

Никогда не забуду его статьи, написанной накануне нашего отъезда в Стокгольм, на чемпионат мира 1954 года по хоккею с шайбой. Она кончалась такими словами: «Конечно, очень сильны канадцы, но их, случалось, побеждали чехи. А чехи, в свою очередь, уступили в сорок восьмом нам, хотя мы, по существу, были еще тогда зелеными новичками. Так почему бы нашим ребятам не выиграть и сейчас?!»

Вот это простое, скромное и в то же время зовущее «так почему бы и не выиграть» очень подняло нам всем настроение,

придало силы, заразило хорошим азартом, без которого немыслима ни одна настоящая победа.

Да что эта статья — все творчество Кассиля звало к победам, к славе отечественного спорта. Мы все очень любили его. Любили прежде всего за то, что свой огромный талант большого писателя он отдает нашему любимому делу.

В 1971 году, накануне очередного Дня печати, журнал «Спортивная жизнь России» провел интересную анкету среди ста выдающихся спортсменов Советского Союза, попросив их назвать своих любимых журналистов. Льва Абрамовича, увы, уже не было, но он был назван в этих списках, потому что таким людям, как Кассиль, суждено переживать себя!

АЛЕКСАНДР КОТОВ

ЧЕЛОВЕК ДОБРОЙ ДУШИ И БОЛЬШОГО СЕРДЦА

Вместе со своими сверстниками в далекие юношеские годы я тоже поддавался очарованию таинственной и загадочной Швамбрании, с замиранием сердца следил за спортивными подвигами Кандидова, позже волновался за судьбу Чудинова.

Герои романов Кассиля представлялись мне объемными, живыми, а ситуации столь естественными, столь четко выписанными, будто это была сама жизнь.

Не знаю, занимался ли Лев Абрамович в молодости какимлибо видом спорта, но одно можно сказать: все детали спортивных состязаний, тренировки, все перипетии сложнейших событий спортивной борьбы написаны им с таким знанием предмета, с такой точностью, будто автором этих строк был обладатель многих золотых медалей.

Приходится невольно пожалеть о том, что в поле зрения этого наблюдательного и умного писателя так редко попадали шахматы. Я верю: он смог бы отлично разобраться в глубоких процессах мышления гроссмейстера, сумел бы ярко описать загадочные процессы и передать широкому читателю необычайную гамму переживаний, происходящих в душе участников этого молчаливого, но до чрезвычайности напряженного состязания умов.

В последние годы мы много встречались с Кассилем во время соревнований и в нашей стране, и в других странах, вместе участвовали в вечерах, посвященных спорту, в творческих домах столицы.

Особенно теплыми были знаменитые кассилевские среды в Московском Доме литераторов, когда Лев Абрамович как истинно добрый и гостеприимный хозяин встречал представителей самых различных видов культуры и науки.

Как личность Кассиль в какой-то мере был явно под стать своим произведениям. Он обычно испытующе глядел на собеседника из-за толстых стекол очков, готовый в любую минуту разразиться характерным, чисто кассилевским смешком или недовольно крякнуть перед тем, как сделать хрипловатым голосом критическое замечание. При этом даже самое неприятное, такое, что от других воспринимаешь как обиду, Кассиль умел облекать во что-то мягкое и доброе — ты сразу понимал, что это говорит человек, которому не безразличны ни ты сам, ни твое творчество.

Спортсмены любили Льва Кассиля — тонкого и умного знатока спорта, сумевшего проникнуть в тайны борьбы и тренировок, понявшего те невидимые людям терзания и муки, с которыми связаны в наши дни рекорды и победы. Лев Кассиль умел как никто другой понять душу спортсмена, потому-то он и был всегда желанным гостем в любых спортивных коллективах, потому им восхищались рекордсмены и даже самые капризные из спортивных звезд произносили его имя с уважением.

Лев Абрамович бывал и на шахматных баталиях, чаще всего на матчах за мировое первенство. В эти дни он волновался за шахматную корону, не скрывая своей симпатии к тому из партнеров, кто, по его мнению, умел лучше создавать содержательные шахматные произведения. И, конечно же, любимцем его был шахматный кудесник, виртуоз комбинационных атак и неожиданных капканов — экс-чемпион мира Михаил Таль.

Любители спорта всегда с удовольствием читали очерки и репортажи Кассиля с олимпиад. Высший спортивный форум неотразимо привлекал этого неутомимого человека. Кассиля можно было видеть на всех олимпиадах, в которых участвовали советские спортсмены, начиная с Хельсинки 1952 года до Мексиканской олимпиады 1968 года.

Однажды, незадолго до смерти, Лев Абрамович пригласил меня на свою квартиру в проезде Художественного театра. В тесных, заставленных мебелью комнатах, я увидел как раз то, что ожидал увидеть: полки книг, на которых было немало и спор-

тивных. Гостеприимный хозяин с восторгом показывал мне памятные реликвии, привезенные из разных стран мира, его особенной любовью и вниманием пользовалось все то, что было связано с олимпиадами. Лев Абрамович рассказал мне, что собирается поехать на очередное первенство мира по футболу в Мехико.

— Это так интересно — видеть величайшие футбольные матчи!— восклицал Кассиль.

Лев Абрамович не поехал на чемпионат мира. Ему не довелось посмотреть зрелище, о котором он так мечтал, о котором хотел рассказать читателям. Он умер в расцвете творческих сил, оборвав на полуслове свой рассказ о спорте, который вел всю жизнь...

ЛЕВ ЯШИН

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СВЕТЛО

Есть люди, к которым как-то безотчетно, необъяснимо тянет... Иной раз даже и не знаешь человека, вернее, знаешь — по его делам, по тому, что говорят о нем люди, и... тянет, ну, что ты сделаешь! Робеешь уже от одного желания подойти познакомиться, поговорить...

К Кассилю потянуло, как только прочел его «Вратаря». Прочел, каюсь, уже вратарем, в зрелом, можно сказать, возрасте, потому как детство у меня было не для книжек, суровое.

Прочел — загорелся. «Вратарь Республики»! Не мог такую книгу простой человек написать. Как любить и как знать надо спорт, чтобы написать такого «Вратаря»!

Кассиль написал, что называется, бестселлер, только не го́да, а целой спортивной эпохи. Вот и сейчас, другая жизнь, другие интересы, другие вкусы, но и книга, и фильм живут, не забываются, их помнят и знают и старики, и мальчишки.

А представляю себе, что значила эта книга для мальчишек довоенных лет, если меня, взрослого уже человека, она захватила и, честное слово, сослужила немалую мне службу, укрепив духом твердо и бесповоротно. А я колебался в те годы, раздумывал, правильную ли выбрал дорогу.

Не помню сейчас, кто мне тогда подсунул зачитанного, потрепанного «Вратаря», и жалею, что не помню, потому что человек этот был не дурак, понимал, видно, мое состояние и неспроста между делом подсунул: на-ка, мол, прочти, интересно — про вашего брата.

Кассиль, словно мальчишка, сам верит в чудеса, в сверхнеобыкновенное и заставил поверить в это читателя. Самую настоящую жизнь Кассиль переплел с романтикой, со сказкой, а это как раз то, что нужно пацанам. Ну, а мастерство писателя-рассказчика даже взрослого читателя возвращает в детство, обращает в такого мальчишку, для которого писал он своего Кандидова.

Итак, я прочел «Вратаря Республики». Полюбил Антона Кандидова, но еще более полюбил человека, его создавшего. Я не думал тогда, что вот надо бы стать таким прославленным, как Антон. Я видел только, что его любили люди, и чувствовал, что Антон этим людям нужен. И укрепился в сознании важности дела, которое делал, захотел делать его еще лучше.

Впрочем, не то слово — «лучше», я тогда еще не умел «хорошо». Но теперь мои стремления стали осознанными. На тренировках я трудился в поте лица и, нет-нет, да и вспоминал Кандидова, можете мне поверить...

...Почему так бывает? Живет среди нас привлекательный человек, ты встречаешься с ним, здороваешься, перебросишься даже фразой, шуткой и — до свидания. А потом думаешь: ну почему не разговорились, не потолковали по душам? Ведь есть же о чем поговорить, о чем спросить! А потом... потом этот человек неожиданно и преждевременно уходит из жизни...

Свое знакомство с Львом Абрамовичем я называю шапочным. Виделись не раз, не два, но, как говорится, урывками. На «Динамо», в Лужниках — мне не до бесед: игра. В Доме литераторов — не до бесед ему: он окружен людьми. В Лондоне — на чемпионате мира, в Мексике — на Олимпиаде нам обоим уже не до разговоров.

Да, так мы и не познакомились, хотя знакомы были. Приглашали друг друга: он — в гости, я — на милую моему сердцу рыбалку. В Швеции приглашали, и в Англии, и в Мексике. А возвращались в Москву и за суетой бесконечных разъездов, за футбольной — у меня и творческой — у него лихорадкой никак не удосуживались встретиться, все откладывали до лучших, более спокойных времен.

Запомнился мне крепко Кассиль на юбилейном вечере Андрея Петровича Старостина. Мы были приглашены оба, выступали. Кассиль, видно по всему, любил «Спартак», был его болельщиком, что меня, честно говоря, задевало. И почему это за «Спартак», подумал я на том вечере, болеют такие интересные люди?

Но я, собственно, не о том. Выступал Кассиль очень ярко, красиво говорил. Очень тепло — о Старостиных, с любовью — о «Спартаке», со страстью — о футболе. Братьев Старостиных назвал пионерами советского футбола. А ведь он сам был пионером нашего футбола, самым первым пионером, и, если бы мне вдруг предложили составить «33 лучших», сделавших много для развития футбола в нашей стране, одним из первых (да что там, под № 11) я бы поставил Льва Кассиля.

Я благодарен этому человеку. Я его люблю...

Л. А. КАССИЛЬ

ХОД БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ

РОМАН

> Я сознаю, что этот эпизод можно было бы разукрасить, но предпочитаю изложить его так, как он излагался... на заявках... где сентиментальность умеряется сильно развитым чувством юмора.
>
> Ф. Брет-Гарт

ПРОЛОГ

Нет такого журналиста, который бы не мечтал хоть раз в жизни написать роман или повесть... Поэтому не было ничего из ряда вон выходящего в том, что Евгений Карычев принес мне однажды довольно объемистую рукопись и смущенно попросил прочесть ее, а если подойдет — продвинуть в печать. Но я никак не предполагал тогда, что эта

рукопись со временем лишит меня покоя и даже заставит пуститься в довольно далекое зарубежное путешествие, чтобы разрешить некоторые загадки, таившиеся в ней, и, может быть, дочитать ее конец, так как, на мой взгляд, автор обрывал свое повествование не там, где следовало бы. Мне и в голову не приходило, что эта аккуратно перепечатанная на машинке рукопись в скоросшивателе, легшая на мой стол среди других папок, доставит мне столько беспокойства, а затем и в фигуральном и в прямом смысле перенесет меня в особый, когда-то бывший мне очень близким мир, где гуляет азартный ветер, который жжет морозом щеки на лыжне, хлопает цветными флагами у финиша и раздувает священное пламя олимпийского факела.

И надо признаться, что рукопись Карычева пролежала у меня довольно долго. Честно говоря, я сперва даже забыл о ней среди всяких дел, а деликатный автор стеснялся напомнить о себе. Недавно, перебирая залежавшиеся бумаги, я вдруг обнаружил папку с рукописью, устыдился, что так долго продержал ее у себя, ничего не сообщив автору, и решил просмотреть повесть.

Автора ее, Евгения Карычева, писавшего обычно под псевдонимом «Е. Кар.», я знал давно. Мы с ним когда-то вместе работали в большой московской газете. Он уже тогда был отличным разъездным корреспондентом, неутомимым, вездесущим и «летучим» спецкором. Встречался я с ним и на фронте, откуда он слал в редакцию превосходные, всегда очень точные и как бы отдававшие специфическим запахом окопов корреспонденции, которые Карычев действительно ухитрялся строчить на самых передовых линиях. Мне он всегда был симпатичен — скромный, сдержанно-остроумный и порой казавшийся несколько чудаковатым из-за неодолимой своей стеснительности. Сам Карычев считал себя внешне крайне неуклюжим и малопривлекательным, а привык он тянуться к людям сильным, ловким, уверенным в себе. Поэтому его влекло к спортсменам, к шумному, крепкому и грубоватому содружеству, возникающему среди людей, приверженных к спорту. А те, со своей стороны, считали Евгения Кара хорошим человеком, своим парнем, который, правда, не очень удачлив в жизни.

Зато все восхищались его живым, энергичным пером и профессиональным знанием любых видов спорта. Сам он не занимался всерьез спортом главным образом из-за той же проклятой застенчивости. На коньках, на лыжах, в спортивном одеянии он казался себе невероятно смешным. А несколько болезненная мнительность, развившаяся с годами, подсказывала его слуху обидные шутки или насмешливые замечания, которые, как каза-

лось Карычеву, всегда неслись вдогонку ему. «Никто даже не знает, — жаловался он, — что вытерпела моя спина, за которой чего только не говорили про меня!..»

Ему казалось, что среди физкультурников, искренне его уважающих и всегда прислушивающихся к его авторитетному мнению, сразу возникало насмешливо-несерьезное к нему отношение, как только он пытался по-настоящему взяться за какое-нибудь из спортивных занятий. Тут, как он был уверен, разом обнаруживались его беспомощность и комическое неумение, особенно огорчительные тем, что проявлялись они рядом с пленительным мастерством сильных друзей.

Однако все это не мешало ему оставаться заядлым болельщиком, бескорыстным обожателем чемпионов, трубадуром их славы, глашатаем ее. Он был незаменимым спортивным радиокомментатором соревнований, главным образом зимних. Куда тут только девалась его застенчивость! Он становился красноречивым, громогласным, убедительным, пылким.

Мы с ним одинаково смотрели на спорт — как на одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью. И оба мы видели такую же разницу между будничными занятиями физкультурой, с одной стороны, и спортом — с другой, какая есть, например, между общедоступной грамотой и поэзией.

Рукопись, которую принес мне Карычев, как и следовало ожидать, также посвящалась его любимому спорту.

— Вот написал, понимаешь, повестушечку, — сказал смущенно Карычев, вручая мне свой труд. — Посмотри на досуге, если время будет. Тут у меня про наших лыжниц, точнее, про одну лыжницу. Возможно, что ты слышал об этой истории. Я давал информацию в газету. Ну, а потом решил изобразить... Сомневаюсь, конечно, чтобы получилось что-то путное... Но ты, в общем, полистай, погляди. Только уговор: выкладывай правду и руби разом. Чур, пилюли не золотить. Проглочу, будь покоен, любую.

Как я уже говорил, прошло много времени, прежде чем я взялся за рукопись Карычева: все как-то руки не доходили. Но когда я наконец прочел ее, она сразу меня серьезно озадачила да и заинтриговала порядком... Я перечитал повесть еще раз с самого начала, и все-таки кое-какие вещи в ней остались для меня неясными и, если хотите, даже чуточку таинственными.

Кроме того, в самом изложении встречались несообразности, которых не допускают добрые литературные правила. Например, повествование велось сперва от лица автора и он был как бы непременным свидетелем, очевидцем всех описываемых событий, а в дальнейшем речь то и дело шла об эпизодах, присутствовать при которых сам автор не мог, хотя он и не считал нужным оговаривать это. К тому же автор по журналистской привычке перенес из корреспондентского блокнота в повесть множество лишних технических деталей и цифр.

Я решил внести некоторые уточнения и кое-что подсократить в повести, если только автор согласится с моими замечаниями.

Однако оказалось, что встретиться с Карычевым не так-то легко. Он по-прежнему был все время в разъездах. То я читал его корреспонденции с целинных земель Казахстана, то он оказывался с партией геодезистов на Ангаре, то вдруг голос его звучал по радио из Кирова, где проводились конькобежные состязания.

Потом я узнавал, что он отбыл очередным самолетом на одну из дрейфующих полярных станций, а когда наконец я изловил его в Москве, он торопливо сообщил мне по телефону, что я захватил его «буквально на хвосте» и он должен спешить на аэродром, так как через час улетает в Италию на Белую олимпиаду.

— Ну что, прочел? — беспокойно спросил он. — Дрянь, наверно? Ну ладно, выкладывай быстрей. Надавай мне тумаков на дорогу. Знаешь, как мужик говорил, когда вывалился пьяный из саней, а лошадь ушла? «Хучь бы кто по шее дал, все же легче пехом идти было бы...»

— Я не собираюсь давать тебе тумаков, но разговор серьезный, так на ходу нельзя.

— А что? Очень плохо?

— Нет, я читал с интересом, и, признаться, ты меня кое-чем зацепил. Только много лишнего...

— А ты выкинь! Вымарывай к чертям все лишнее, распорядись, как считаешь нужным. Ты меня извини, спешу. Мне пора...

— Погоди — закричал я в трубку.— У тебя есть тут кое-какие загадочные неясности.

— Неясности? — пробормотал Карычев. — Значит, написал неясно. Я же ничего не придумывал, а в жизни все было очень ясно... Ну, слушай, спасибо, что прочел и позвонил. А мне нужно двигать: машина пришла. Нет, погоди! А почему бы и тебе не

скатать туда? — неожиданно предложил мне Карычев, словно речь шла о прогулке в Сокольники. — Ты ведь тоже когда-то отдавал должное спорту и пописывал, в общем, дельно. Тряхни стариной, а? В Италии, брат, такое сейчас будет, какого никогда в жизни, быть может, не увидишь. Зимние Олимпийские игры! Шутка ли! Со всего мира туда съедутся. И наши будут впервые участвовать в зимней Олимпиаде. Интересно?

— Еще бы!

— Ну вот. А ты засиделся. Ты не верь этому старику Эммерсону *. Это он ерунду порол, будто путешествия нужны только дуракам, у которых дома зудит пустота в незаполненной голове. Чепуха это. Надо ездить! Как можно больше ездить! Иначе теряешь ощущение кривизны пространства, забываешь, что земля шарообразна, и жизнь становится плоской... Правда, махни-ка на Олимпиаду. Я, кстати, там надеюсь новую концовочку дописать к повести. Дело к тому идет. Может быть, тогда и тебе все ясно станет. Ну, будь здоров, поехали!

Конечно, не только этот телефонный разговор решил дело. Я и без попреков Карычева давно уже подумывал о том, что засиделся и слишком долго не выезжал на большие спортивные состязания, пропустить которые в прежнее время считал для себя невозможным. Рукопись Карычева с первых страниц напомнила мне о наших прежних общих увлечениях. А то, что Евгений мчался сам куда-то на север Италии, в Доломитовые Альпы, куда съезжались на Белую олимпиаду самые прославленные спортсмены мира и устремлялись самые яростные болельщики всего света, уже окончательно вывело меня из равновесия. Мне нестерпимо захотелось не только самому побывать там, но и дочитать повесть Карычева, в которой, повторяю, кое-какие моменты оставались для меня покрытыми тайной.

Через некоторое время я в качестве корреспондента одной из центральных газет и на правах туриста уезжал вместе с другими любителями спорта в Италию. На дне моего чемодана, упакованная в толстую папку, лежала рукопись Карычева. Я попробовал отредактировать ее, убрал некоторые технические скучноватые детали. Во всем остальном я сохранил построение и манеру автора.

Вот о чем рассказывал в своей повести «Хрустальный Кубок» Евгений Карычев.

---

* Ральф Эммерсон — известный американский писатель XIX века, считающийся певцом умеренной мещанской добродетели.

ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК

Повесть Евгения Карычева

Глава I

С ЭТИМ ПОКОНЧЕНО!

— Нет здесь никакого заслуженного мастера спорта! — Он бросил трубку на рычажок и повернулся ко мне: — Ну, теперь убедился, что не шучу? С этим, брат, кончено.

— Слушай, старик, может быть, ты хоть мне объяснишь толком?

Телефон зазвонил снова. Чудинов сорвал трубку с рычажка.

— Я ведь вам сказал ясно: нет здесь... Что? Да, Чудинов. Да, Степан Михайлович, он самый... Бывший! Бывший, я вам говорю, понятно? Что?.. Про это забудьте.

Трубка стукнула, закачавшись на рычажке. Чудинов встал с дивана и прошелся по комнате. Я внимательно оглядел его с головы, где на коротко стриженных висках уже виднелись ранние сединки, до сильных ног, легко и прочно ступавших по ковру. На левую он едва заметно припадал. Я знал характер своего старого друга. Мне давно были известны его некоторые причуды, я уже привык считаться с тем, что, когда на Чудинова накатывает, спорить с ним бесполезно. Но все-таки сегодняшнее решение Степана слишком меня ошеломило. Я не в силах был согласиться.

— Ты что же это, Михалыч, всерьез?

— Да. И надолго. Навсегда.

Он остановился перед стеклянным шкафчиком-горкой, на полках которой лежали укрепленные на широкой алой ленте десятки золотых медалей, жетонов, почетных значков и стояли всевозможные кубки, ларцы, вазы, шкатулки, чаши — многие регалии и трофеи, которыми был отмечен спортивный путь Степана Чудинова, славная белая стезя его, проложенная по снежным равнинам нашей страны и Западной Европы.

— Посуды много, — угрюмо и насмешливо сказал Чудинов, — а выпить сегодня не за что.

Он хмуро оглядел комнату. Возле большого рабочего стола стояли чертежные доски с прикнопленными к ним проектами. Свитки плотного ватмана загромождали угол за столом. На одной из стен висели застекленные, изящно окантованные изображения зданий павильонов, эстрад, коттеджей, главным образом

деревянных. Чудинов был отличным знатоком деревянной архитектуры. И недаром перед войной на сельскохозяйственной выставке таким успехом пользовался построенный по его проекту Павильон лесоводства и древонасаждений. Противоположную стену занимали стеллажи и полки с книгами. Полки были расположены причудливо, симметричными ступенями. На них стояли толстые фолианты истории архитектуры с выпуклыми золотыми корешками, блестели ряды томов нескольких энциклопедий. И вся стена со ступенчато расположенными полками, на которых плотно стояли, корешок к корешку, книги, неожиданно напоминала орган с рядами толстых и тонких сверкающих труб.

На столе, на специальной полочке, были аккуратно разложены зажигалки. Это было одной из забавных страстей моего приятеля — коллекционировать зажигалки, всевозможные приборы для добычи огня. Какие только зажигалки не попадались в его коллекции! Тут были и трофеи — немецкие пугачи-пистолеты, нажав на собачку которых можно было получить безобидный синий огонек над дулом, и зажигательные палочки полинезийцев, и чиркалки времен гражданской войны, сделанные из патрона, и знаменитые фронтовые кресала с фитилем и кремнем для высекания искры, и миниатюрные факелы — сувениры одной из олимпиад — на цепочке из пяти разноцветных колец, и последнее приобретение Чудинова — чудо-ручка, которая служила одновременно и компасом (он был вделан в верхнее донышко футляра) и таила под ним бензиновую зажигалку. Были тут и старинные трут и огниво, и затейливо выточенные апокалипсические василиски-зверюшки — нажми на хвост, и пламя исторгнется из пасти...

Но не на зажигалки, не на любимые книги и проекты свои смотрел сейчас Чудинов. Он уставился на стену, с которой глядел на нас с фотографии знаменитый лыжник, чемпион многих годов, непобедимый в прошлом Степан Чудинов — молодой, широкоплечий, узкобедрый, размашистый и в то же время на́туго собранный в мгновенно схваченном движении, такой, каким я знавал Степана на протяжении долгих полутора десятка лет. И сколько раз доводилось мне писать о нем, сообщать по телефону в Москву, в редакцию о его победах на лыжне, передавать по зарубежному телеграфу его чертовски неудобную для начертания латинским шрифтом фамилию: Tschudinoff.

Сколько раз, заслоняя заиндевевшей варежкой микрофон от ветра, объявлял я по радио его победителем гонки!

Спор был для Чудинова постоянной потребностью, естественным выражением его жизненной энергии. Устав от работы за чертежным столом, он выбирался за город, отмеривал на лыжах

десяток-другой километров по холмам, перелескам Подмосковья и возвращался к работе неузнаваемо помолодевшим, взбодренным, с веселой благосклонностью смотрящим на мир.

— Погоняешь немного, так и голова свежее, ощущения точнее и веры в себя больше, — говаривал он.

Но человек страстный, не умеющий останавливаться на полумерах, действовать вполсилы, он привык во всякое дело входить с головой и в любой своей деятельности добирался до высот совершенства. И если уж решал тренироваться к большим состязаниям, то все его существо надолго проникалось как бы одним назначением: выжать из каждой мышцы все запасы таящихся в ней скоростей, вложить каждый сантиметр движения в разгон. И работал он над собой с безудержным рвением. Так же и в области инженерной: если он был убежден в своей правоте, то рвался к поставленной цели напролом. И некоторые жаловались, что он порой грубоват, слишком резок. А эти качества, как известно, непростительны для тренера-воспитателя.

Характер у Степана был трудный, и я это хорошо знал. Неуступчивый, он предпочитал сменить место работы, чем убеждения, хотя бы они касались и не очень значительных дел.

Он ездил строить новые города, жил там с плотниками в бараках-времянках. Я встречал его в Комсомольске-на-Амуре, в Хибинах, где вырастали поселки, застроенные отчасти по его типовым проектам.

И вот сейчас из-за этой заносчивой, черт знает что о себе возомнившей девчонки, у которой, кажется, язык был еще более прытким, чем ноги, он совсем уходит с лыжни. Я не мог примириться с этим. Правда, непосредственно со спортивной лыжни Чудинов сошел еще несколько лет назад. Пулевое ранение в коленную чашечку левой ноги лишило его возможности после возвращения с фронта отстаивать звание чемпиона страны, до этого неизменно ему достававшееся. С первых дней войны он пошел добровольцем на фронт и стал командиром отряда лыжников-разведчиков, совершавших смелые рейды в тыл врага. Там, на Карельском перешейке, и прошила вражеская пуля его колено. Как ни мудрили хирурги, раненая нога теперь уже не выдерживала длительного напряжения, начинала нестерпимо болеть, да и движения ее были порой несколько стеснены. Продолжая работать в «Гипрогоре», в институте, где проектировались новые города и разрабатывались планы перестройки старых, Чудинов перешел на тренерскую работу.

После ранения он было совсем бросил спорт — перестал даже смотреть состязания. Потом его клетчатая, хорошо всем нам

знакомая куртка снова появилась сперва на трибунах стадиона, среди зрителей на Ленинских горах и в Подрезкове, где проводились лыжные состязания, а потом и возле самой лыжни. И в спортивных кругах с радостью сообщали, что Чудинов взялся за тренерскую работу.

Был он аскетически строг в обращении с женщинами, особенно с теми, кого тренировал. Он нравился девушкам, но делал вид, что не замечает этого. Некоторые его товарищи-тренеры женились на своих воспитанницах. Но Чудинову подобные браки казались нарушением каких-то очень важных и строгих норм, установленных им для себя. «Вышел на снег, сам — лед», — говорил он. И вообще нежности между тренерами и спортсменками он считал непростительной пошлостью. Мне же казалось порой, что Чудинов слишком строг к себе и людям и поэтому, пожалуй, одинок.

— Я уже не любимец славы, а вдовец ее, — пошучивал он. — Теперь мне остается по-отечески растить новую молодую славу и выдавать ее замуж, женя на ней других молодых счастливцев. Что же, я не ревную...

Он оставался холостяком, относясь к женщинам с хмурой настороженностью, заставлявшей считать его нелюбезным.

— Да, старик, — говаривал он, — что-то у меня в жизни не получилось, а я, как говорят моряки, приближаюсь к «ревущим сороковым». Что-то будет...

Он прошел специальные тренерские курсы и весь свой огромный, многообразный опыт, весь свой волевой напор и неистребимое терпение, отличавшее его самого в прежних тренировках, отдавал теперь новичкам белой стези. Многие из его питомцев уже стали известными лыжниками. Никому не уступала первого места уже третий год подряд воспитанница Чудинова Алиса Бабурина. У меня было подозрение, что из-за нее-то все и произошло... Вот она на фотографии в журнале, брошенном раскрытым на кресле. Высокая, изящная, со слегка надменно вздернутым подбородком. Одной рукой она принимает очередной приз, другой обхватила плечо своего тренера. А вокруг фоторепортеры, поклонники, овации.

— Что ты уставился? — Чудинов, расхаживая по комнате, резко остановился около меня, когда я склонился к журналу. — Полагаешь, вероятно, что все дело в Алисе? Смешно!

— А разве нет?

— Слушай, старик, я тебя считал когда-то умнее. Неужели ты серьезно думаешь, что причиной всему этот вчерашний разговор в комитете? Дело гораздо серьезнее. Мне вообще пора ухо-

дить, понимаешь? Я дал все, что мог, но этого, видно уже недостаточно. Третий год подряд Алиса показывает одно и то же время, и неважное время, ни на йоту лучше. А впереди всесоюзная спартакиада, а за ней Олимпийская лыжня. На каком месте мы там будем, если не подготовимся? Я и сейчас уже ночами не сплю, когда думаю об этом. Нет, мне просто не повезло. Нет у меня вот этого самого тренерского счастья. Вероятно, бездарен — да, да, не маши, пожалуйста, руками! Не сумел я вот привить той же Алисе настоящую и постоянную страсть к этому делу. Она талантливая гонщица, но, понимаешь, ненадежная, любит легкую добычу. Привыкла брать готовенькое, хочет, чтобы горшки вот эти, — он мотнул головой в сторону шкафчика с кубками, — за нее боги обжигали. У нее нет нужной серьезности в подготовке. Вот пустяк, например, а характерно: она заставляет своих поклонников ей лыжи мазать перед серьезными гонками. Это же черт знает что такое! Настоящий художник должен уметь и любить грунтовать холст, как рыбак смолит шлюпку, солдат сам чистит свое ружье. И она хотя до сих пор и выигрывала, но всегда рывком. У нее расчет на случай, она берет только азартом, этого у нее, правда, хватает. Но гонка не всегда игра. Она начинается не на старте, а по крайней мере за несколько недель до взмаха стартового флажка.

Он помолчал, потом угрюмо поглядел на меня:

— И черт возьми, в конце концов, что я вам нанялся всю жизнь быть тренером? К лешему! Хватит с меня! Я на что-нибудь еще гожусь. Вон разработал новые проекты для городов-новостроек, и дешево и сердито, а вы все хотите, чтобы я возился с этими зазнавшимися баловнями!

— Ну что ты все ворчишь?

— Не ворчу, а официально заявляю тебе — пожалуйста, так можешь и в газету сообщить: «Инженер Чудинов, в прошлом чемпион СССР по лыжам, оставил тренерскую работу, посвятив себя целиком строительству». Шабаш, старик, уезжаю. Имею уже два великолепных предложения на стройку — одно лучше другого. Есть предложение под Вологду, и за Урал зовут, в Зимогорск, там у них на руднике целый город вырос, тоже огромная стройка. И лесу сколько угодно, требуется специалист по деревянной архитектуре. Я уже списался. И там и здесь будут строить по моим типовым проектам, только не решил еще, куда ехать: под Вологду или за Урал.

— Да ты строй себе на здоровье, но зачем спорт бросать? — пытался я урезонить его.

Чудинов решительно провел ребром ладони по горлу:

— Сыт-сытехонек. Был когда-то, да весь вышел. Спортсмену, как и артисту, со сцены надо уходить вовремя. Я уже и так пересидел. Вот когда-то, верно, были и мы с тобой рысаками... Что говорить!

Он схватил меня своими твердыми, сильными пальцами за локоть и подвел к стене, на которой висела большая застекленная фотография, немного уже поблекшая. Оба мы были изображены на снимке еще совсем молодыми, в клетчатых спортивных курточках щегольского покроя, с большими выпуклыми пуговицами в форме футбольных мячей. На нас были лыжные картузики. Из раскрытого ворота толстых курток по-петушиному выпирали особым образом повязанные под самым подбородком шарфы.

— Помнишь, старик, в Швейцарии снимались? Хороши, брат, с тобой были — орлы! Ну, а здесь уже совсем другой коленкор. Это мы с тобой, друг мой Евгений, на Карельском. — Он наклонился к большой любительской фотографии, где мы с ним стояли оба в тулупчиках и валенках, по колено в сугробе, с автоматами на груди. — Да, это уже была моя последняя лыжня. Тут, как говорится, нам песни поют и честь воздают.

Он вздохнул и медленно, тяжело разогнулся. И мне показалось, что пришла подходящая минута.

— Слушай, Степан, ты хоть не вздыхал бы при мне. И так я все эти годы себя корю. Ведь из-за меня же... Да я ведь все отлично знаю... Ну давай хоть раз в жизни поговорим об этом по-человечески.

Чудинов разом насторожился:

— Это о чем еще?

— Довольно дурака валять, знаешь прекрасно, о чем я говорю! Столько лет прошло, довольно уже крутить-то.

— Фью! — засвистел Чудинов. — Лыко-мочало, опять завел! Ведь мы, по-моему, договорились с тобой раз и навсегда. Уговор дороже денег.

— К черту уговор!

— А ты у меня поговори еще, пока я не погнал тебя в три шеи! Так и вылетишь!

— Но-но, еще посмотрим, кто вылетит!

— Да ты, старик, с кем это говоришь? Я тебе сейчас напомню! — И Чудинов с кровожадным видом двинулся на меня, засучивая рукава. — Думаешь, кончился чемпион? Бывший? Сошел? Не гожусь? С такими-то хлюпиками... Ну, как тебя — вольноамериканским методом или приемом самбо? Заказывай сам.

Не знаю, какой метод применил Чудинов, но через мгновение

я уже был распростерт на диване, а на ногах у меня, легонько подпрыгивая, держа меня за руки, сидел Степан.

— Ну, будешь еще когда-нибудь поднимать тот разговор?

— Буду. Это глупо, честное слово! Все равно я же знаю, что это ты тогда меня спа...

В передней раздался звонок и сейчас же второй, нетерпеливый, настойчивый.

Чудинов разом соскочил, обеими руками подхватил меня под мышки, оправил и утвердил в вертикальном положении.

— Это Алиса. Пришла объясниться. Звонила днем, что придет. Выкатывайся живо отсюда. Чудачка, думает, что все дело только в ней одной. Совсем зазналась, дуреха! — Он сунул мне в руки шапку, быстро помог одеться, натаскивая на меня пальто, стал открывать дверь.

— Хорошо, —сказал я негромко, — ладно, уйду, но мы с тобой еще поговорим.

Лицо Чудинова стало непроницаемо жестким. Очень тихо, но внятно он произнес:

— Евгений, ведь мы, по-моему, условились не возвращаться к этому? Честно заявляю: если опять хоть заикнешься,— вот тебе бог, а вот порог!

Распахнулась входная дверь и впустила высокую изящную брюнетку в кокетливой лыжной шапочке. Все: и эта неизвестно на чем державшаяся воздушная пуховая нашлепка на голове, и очень узкие, остро заглаженные в складки голубовато-серые брючки, и слишком короткая, вычурно-модная курточка — все настойчиво заявляло, что вошедшая принадлежит к миру спорта, посвящена во все его тайны и вхожа в самые его высшие сферы. Она была хороша, Алиса Бабурина. Резковатая в движениях, худощавая, стройная. С деланным безразличием она окинула меня затаенно-внимательным взглядом и словно сперва не узнала.

Что толковать, она была хороша, но уж больно все в ней, как говорится, шибало в нос крикливой, показной стороной спорта.

Я не раз убеждался, что чем больше у человека внешних примет, подчеркнуто сообщающих о его занятиях, тем меньше он сто́ит в таковых на самом деле. Большей частью очень уж кудлатые художники в специально сшитых свободных блузах оказывались на поверку бездарными мазилами; молодчики, рядившиеся в костюмы особого спортивно-мужественного покроя, частенько проявляли себя слабосильными слюнтяями с бабьими капризами. Знаменитого писателя не легко было узнать по его костюму, в то время как приходилось мне встречать едва начи-

нающих литераторов, один вид которых уже за версту вещал: я поэт! Было нечто излишне подчеркивающее причастность к спорту во всем облике Алисы, хотя на лыжне с ней и в самом деле лучше было не тягаться.

Алиса с детства привыкла везде быть на виду и принимать дань восхищения. Бывало, еще в третьем классе школы, когда 8 Марта, в Международный женский день, одноклассники и одноклассницы покупали в складчину какой-нибудь нехитрый подарок для своей классной руководительницы — флакончик одеколона, костяной нож для разрезания бумаг, записную книжку в кожаной обложке, — Алиса неожиданно для всех, после того как подарок класса был уже вручен учительнице, вдруг вынимала из парты свой особый сюрприз — вышитую салфеточку, крымский вид собственной работы, вставленный в золоченую рамочку. Она любила срисовывать видики с открыток, и дома все говорили, что она, верно, станет художницей. Но в третий класс поступил новичок, который рисовал гораздо лучше ее, не с открыток, а прямо с натуры. Слава Алисы на короткое время померкла, однако вскоре она очень удачно протанцевала «Молдаваночку» на вечере школьной самодеятельности, и все стали прочить ей артистическую будущность. Мать даже возила ее к какому-то знаменитому балетмейстеру, и тот нашел, что у девочки есть задатки. Однако часто демонстрировать эти задатки единолично Алисе не приходилось. В школе почему-то больше устраивались выступления всего танцевального и хорового кружков. Тогда она стала писать стихи, ибо это дело совсем уж не «хоровое» и в стенной газете можно было крупно ставить свою подпись «соло». Вообще Алису считали разносторонне одаренной девочкой. «Она выделяется», — говорили педагоги. И правда, она была весьма способной, но эти разнообразные способности возбуждали лишь недолгие увлечения, не порождая той всепоглощающей страсти, которая завладевает человеком безраздельно и свойственна лишь истинному таланту. Она достигала известных успехов в том или ином занятии, но быстро охладевала к нему, если оно не давало ей случая немедленно выделиться среди других.

Так было и в спорте. Быстро и удачно выдвинувшись, обойдя не очень серьезных конкуренток, она стремительно завоевала высокое звание всесоюзной чемпионки и долгое время удерживалась на этом почетном месте. Иногда ей просто везло — она не встречала серьезного соперничества. Кроме того, Чудинов, не только замечательный тренер, но и великолепный тактик лыжной гонки, был жестоко требователен в период тренировок и очень расчетлив и гибок в составлении графика гонки примени-

тельно к данным Алисы... Но ей вскоре наскучили занятия с этим чересчур требовательным, неумолимо взыскательным тренером. Они разошлись во взглядах на цели спорта.

В первый год своих занятий с Чудиновым Алиса немножко увлеклась им самим и потому беспрекословно выполняла все подчас придирчивые требования своего воспитателя. Потом она убедилась, что тренер ее, как она заявила подругам, человек в личной жизни безнадежный, его не расшевелишь. Она пересмотрела свои увлечения и симпатии, поостыла и к тренировкам, в состязаниях строила откровенный расчет на случай, везение, игру удачных обстоятельств. «Она немножко авантюристка», — часто жаловался мне Чудинов, убеждаясь, что Алиса не улучшает показателей, не движется вперед, и он, по-видимому, оказался плохим психологом, понадеявшись лишь на природную одаренность своей ученицы. А он слишком много говорил о ней прежде в комитете, даже перехвалил... И теперь толковали, что это он обманул надежды, которые всеми возлагались на него и Алису: не сумел найти верный подход к способной спортсменке.

— Здравствуйте, Кар! — воскликнула, узнав меня, Алиса и хохотнула.

У нее был противоестественно быстрый, с мелкими частыми всхлипами хохоток, словно прокручивали обратным ходом пленку на магнитофоне.

— Здравствуйте, Кар! А я вас сразу не узнала — быть вам богатым. Скоро, может быть, премию цапнете? Не забывайте тогда старых друзей. Что, вы уже уходите? Жаль, лучше бы поговорить всем вместе.

— Он торопится, — перебил Алису Чудинов. — Кроме того, обо всем уже договорились. Входите, Алиса.

Мне очень хотелось поговорить с Алисой по душам. Что бы там ни было, ее бестактное выступление в комитете глубоко задело Чудинова. Оно, вероятно, после всех разговоров в лыжной секции и послужило последним толчком, побудившим Степана принять всех ошеломившее решение.

Но сам тоже хорош! Вот характерец! Кто-кто, а я знал упрямство своего друга. Взять хотя бы ту памятную ночь на Карельском перешейке. Сколько лет прошло, а он все упрямится и слушать не желает о моей признательности. Но я-то ведь хорошо знал, как было дело. Тогда, на Карельском перешейке, я военным корреспондентом попал в лыжный отряд к Чудинову. Вышло так, что по пути с полевой почты я ночью отбился, потерял направление и попал в жестокий, внезапно разыгравшийся буран. Кроме того, я во тьме забрел в район, где хаживали автоматчики

противника. Совершенно обессиленный от долгих плутаний, я окончательно утратил ориентировку. Полузамерзшего, меня уже заносило метелью, и Чудинов ночью пошел в буран, разыскал меня и вынес на себе. По-видимому, ему пришлось отстреливаться, да и сам он был ранен в колено...

Очнулся я тогда уже в блиндаже. Некоторое время, не сразу придя в себя из забытья, я плохо соображал, что со мной происходит. Жаром полыхала печурка, вокруг в блиндаже никого не было. Я опять стал засыпать, но вскоре сквозь сон увидел, что вошел, хромая, Чудинов, сел возле меня, положил на нары забинтованную ногу, а потом позвал кого-то из бойцов и стал шумно радоваться, рассказывая, что кто-то из лыжников разыскал меня, спас и доставил в блиндаж.

Я и тогда еще пытался что-то возразить, силясь вспомнить, что со мной было, но Чудинов накинулся на меня: «Брось! Либо ты сам добрался без памяти, либо кто-то из бойцов тебя доставил в наше расположение». И с тех пор, сколько раз я ни пытался расспросить его о подробностях той ночи, он решительно и досадливо отмахивался: «Охота тебе, в самом деле, ломать над этим голову! Радуйся, что кто-то вытащил или помог самому доползти, ну и все. Аминь! Ты, старик, становишься суетным и многословным, а мы с тобой, помнится, никогда не были неженками из аристократического рода «сенти-менти», честное слово».

Мне тогда пришлось вскоре покинуть отряд Чудинова и отбыть на другой фронт.

Перед самым моим отъездом Чудинова отправили в госпиталь. Как он ни протестовал, как ни упрямился, рана в колене оказалась настолько серьезна (да он еще и разбередил ее в напряженной ходьбе тогда ночью, таща меня на себе), что пришлось моему другу смириться.

Уже после войны я встретился с одним из лыжников, когда-то входивших в отряд Чудинова. Он узнал меня, но, когда я попробовал было расспросить его, известно ли ему, кто и каким образом вытащил меня тогда из леса и доставил в блиндаж, парень засмущался: «А вам командир так и не сказал? Ну, стало быть, по этой команде не было от него нам отбою дано, а приказ был твердый — молчать. Хотите — догадывайтесь, хотите — нет. Я лично добавить ничего не могу».

Глава II

ПРОЩАЙ, ЛЫЖНЯ!

Долой слова недвижные:
«стоять»,
«сидеть»,
«лежать»,
Идем на базы лыжные
летать,
кружить,
бежать!

Н. Асеев

Вагон пригородной электрички, заполненный лыжниками, спешившими на гонки в Подрезково, был внутри несколько похож на гребную палубу галеры. Занявшие все сиденья спортсмены — парни в финских картузиках, девушки в вязаных шапочках — держали стойком связанные попарно лыжи. Казалось, что по обеим сторонам вагонного прохода расположились на скамьях десятки гребцов, которым только что скомандовали: «Суши весла!». И было еще что-то от виолончелей в легком и плавном изгибе тонкого полированного красно-коричневого дерева лыж, наподобие грифов вздымавшихся над плечами физкультурников.

Весело катила электричка по заснеженным подмосковным просторам, взметая тени сосен вперемешку со врывавшимися в вагонные стекла мелькающими полосами солнечных просветов. Радужные зайчики скользили по благородной и строгой снасти, способной сделать человека крылоногим. И в такт перестуку вагонных колес покачивалась распеваемая вполголоса песня лыжников:

Через леса сосновые,
Где дух вина хмельней,
Лыжни проложим новые
По снежной целине...

Я всегда любил эти поездки на состязания вместе с шумной ватагой лыжников, которые в такие часы целиком завладевали вагонами поезда. Казалось в эти дни, что электричка, теряя свою природную будничность, несется вдаль, как разогнанная тысячами тонких весел крутобокая ладья. А сегодня предстояли гонки на десять километров, которыми завершались зимние состязания, ежегодно проводимые под Москвой для розыгрыша традиционного хрустального кубка. Этим почетным трофеем последние

годы владело спортивное общество «Радуга». Тщетными были все старания его постоянного соперника «Маяка» вернуть себе этот принадлежавший ему некогда важнейший зимний приз. Друг мой Чудинов был тренером «Маяка». Он приложил немало усилий, чтобы питомцы его отвоевали обратно зимний кубок, но это ему не удавалось. Были среди выучеников Чудинова чемпионы и чемпионки, завоевывавшие первые места в весьма ответственных состязаниях, на лыжне, но по общей сумме очков, когда при розыгрыше кубка дело решалось результатом, показанным всеми гонщиками, то есть по командному зачету, «Маяк» оставался на втором месте. И даже непобедимая Алиса Бабурина, неизменно приходившая с результатом на две-три секунды лучшим, чем у всех ее соперниц, не настолько опережала их, чтобы победой своей поправить дело, вывести команду вперед и обеспечить «Маяку» желанный приз.

В Подрезкове, излюбленном месте московских лыжников, дул ровный и душистый, натягивавший едва уловимый запах прогретой солнцем хвои морозный ветер. Он рождал струнный звон в проводах, звонко хлопал цветными стягами спортивных обществ, легонько жег щеки. И все вокруг выглядело румяным, помолодевшим, полным игольчатого радужного блеска, который как бы роился в прозрачном воздухе над слепяще-белым снежным настом. Светло-голубым было небо над красноствольными соснами, густо-синими — тени на снегу, сочно-алыми — маленькие флажки, трепетавшие на веревке; они, как на охотничьем окладе, охватывали всю строго размеченную трассу гонки. И мы были в центре этого морозного, солнечного, вольно дышащего мира.

Гонка уже началась, и последние номера ушли со старта, когда я выбрался на один из снежных холмов, расположенных неподалеку от финиша. И тут я увидел Чудинова. Он был в своей любимой швейцарской куртке, утратившей со временем тот заграничный шик, который когда-то в ней так нравился нам, повидавшей виды, ставшей обжитой, весьма домашней. Но именно по этой памятной куртке я и узнал его еще издали, хотя, признаться, никак не ожидал видеть Чудинова тут после вчерашнего разговора. Он стоял на лыжах, слегка опираясь на палки, и с несколько случающим видом поглядывал то на секундомер, лежавший у него на ладони, то в сторону проносившихся к финишу лыжников. Я подъехал к нему. Он, услышав это, быстро обернулся, чуть-чуть виновато, как мне показалось, усмехаясь.

— Что? Удивляешься или торжествуешь? Не выдержал, мол, потянуло.

Я пожал плечами:

— Ну, если ты так читаешь чужие мысли, не стоит утруждать себя словами. Я могу и помолчать.

— Не злись, старик, — сказал Чудинов, — и, пожалуйста, без скоропалительных выводов. — Он упрямо мотнул подбородком и, коротко стукнув одной лыжей о другую, оббил снег. — Да, явился. Обещал Алисе. Не хотел, чтобы она имела оправдание — бросил, мол, в ответственную минуту. Мало того, скажу больше: я с ней вчера весь график дистанции еще раз прошел. Ну и что? Это ничего не меняет... Конечно, постарается выложить все. Но в том и беда, что ей больше нечего выкладывать.

На холм вскарабкался, отдуваясь и проваливаясь в глубоком снегу, не в меру расторопный мужчина, облаченный в роскошный лыжный костюм моднейшего покроя, со множеством карманов на самых неожиданных местах. Он так сверкал на солнце бесчисленными застежками-«молниями», что ему мог позавидовать сам Перун. Под мышками у него было по лыже. Это был начальник материальной базы спортивного общества «Маяк» Тюлькин. Отпыхиваясь и проклиная все на свете, поднялся он к нам и, упарившись, снял с головы шапку-финку с кожаным верхом и пуговичкой. Он был белобрыс, под волосами цвета пеньки кожа на висках розовела, как у дога.

— Здравствуй, товарищ Чудинов! Категорически приветствую!

— Здравствуй, Тюлькин, — не глядя отвечал Чудинов.

— Труженику пера, нашему специальному корреспонденту, привет крупным шрифтом! — бросил в мою сторону Тюлькин. — Ну как, прошла наша?

— Проследовала, — сдержанно отозвался тренер.

— Времечко? — осведомился Тюлькин.

— Прошлогоднее. — И Чудинов отвернулся, махнув рукой.

— А с нас хватит, — обрадовался Тюлькин. — Лишь бы первое местечко, и мы дома. Что тебе еще нужно?

Я приложил к глазам бинокль, наладил окуляры и взглянул в ту сторону, где в отдалении виднелись фанерные знаки финиша. Туда, к легкой арке, украшенной хвойными ветвями и флагами, уходила, всех обогнав, лыжница под номером «11» на белом квадрате, который четко выделялся на алом чемпионском свитере. Алиса Бабурина опять побеждала.

— Что мне нужно, спрашиваешь? — говорил в это время Чудинов у меня за спиной Тюлькину. — Кубок нужно было нашему «Маяку» вернуть — раз, чтобы время Алиса улучшила — два, а с такими результатами,— он ткнул пальцем в стекло секундомера, поднося его к самому носу Тюлькина, — с такими результатами

нам только срамиться на международной лыжне, а кубку опять зимовать у «Радуги».

— Ну что ты хочешь от Бабуриной, честное слово! — бормотал Тюлькин. — Все равно же время по лыжам в таблице рекордов не пишется. Пришла первой, и будьте добры. Я подхожу чисто материально. Лично ей медалька обеспечена, а за ней и это, — он потер пальцами, сложенными в щепоть, — и шайбочки посыплются.

Так Тюлькин называл деньги.

Чудинов только рукой махнул:

— Ну что с тобой толковать! Пусть приходит первая, для меня теперь это уже дело последнее. Три года одно и то же время на этой дистанции, и ни с места. Я, видно, уже не гожусь.

Тюлькин одним глазом заглянул в стекло секундомера, который продолжал держать перед ним Чудинов.

— Вполне свободно секундомер мог подвести, — начал он. — Ваше дело тренерское — деликатное, точная механика. Давай, товарищ Чудинов, я тебе подберу у себя на материальной базе новенький. Последняя модель, американская.

— А ну тебя к черту! Как-нибудь обойдусь без твоей материальной базы.

Тюлькин обиженно вздохнул и стал боком, то и дело проваливаясь выше коленей своими шикарными бурками в снег, осторожно спускаться с холма. Лыжи с палками он по-прежнему держал под мышками.

— А ты что же, такой специалист по спорту, а сам на лыжи не станешь? — крикнул ему Чудинов.

— Эх, друг милый, — донеслось снизу, — мне время дорого. И казенный инвентарь надо беречь как-никак. Ну, был бы еще парад какой, так я бы тоже — для учета массовости. А так, вон с горки сойду, там уж по ровному и покачу.

Тем временем на снежной равнине, залитой зимним солнцем, показалась быстро движущаяся фигурка лыжницы. Через бинокль я разглядел, что она идет под номером «15». Гонщица стремительно приближалась. Шаг у нее был размашистый, упругий.

Чудинов, уже не глядя на лыжню, подпрыгнул, опираясь на палки, сделал полный разворот и уже приготовился съехать с холма.

— Все, — сказал он, — я свое выполнил. И знай, ты меня видел на лыжне последний раз.

— Делай как знаешь, только имей в виду — поступаешь глупо. Ты смотри, какая красота! Хоть в последний раз оглянись!

Чудинов нехотя поглядел в ту сторону, куда я ему показал. По лыжне ходко шла гонщица, которую я только что заметил перед тем. Она была видна сейчас сбоку, но, обходя петлю трассы, разворачивалась лицом к нам. На белом фоне снега четко рисовалась в свободном и широком движении ее порывисто несшаяся крепкая фигура. Большеглазая, с лицом упрямой девочки-переростка, с лучистой эмблемой «Маяка» на рукаве, с мягкой волнистой прядкой, выбившейся из-под вязаной шапочки и заиндевевшей от мороза, с нежно-матовым румянцем на круто выведенных щеках, она словно бы и не шла, а скорее летела по-над белым настом. Вот она, словно не зная устали и головокружения, легко с поворота взяла крутой подъем и, энергично отталкиваясь палками, помчалась по крутогору в жемчужном снежном вихре, ею же рожденном. Я следил за нею через сильный двенадцатикратный бинокль, и, честное слово, мне показалось, что там, вдали, возникло в эту минуту живое олицетворение розовощекой, устойчивой русской зимы.

Я узнал лыжницу. Она мне запомнилась еще по прошлогодним состязаниям на Урале, куда я ездил от газеты. Да, я узнал ее, снискавшую кличку Хозяйки снежной горы, о которой уже ходила слава по Зауралью. Вот, значит, она теперь приехала в Москву, чтобы впервые помериться силами с нашими лучшими гонщицами. На секунду у меня снова всплыла последняя и робкая надежда.

— Видал? — спросил я Чудинова, протягивая ему бинокль.— Не на одной твоей Алисе свет клином сошелся. Ты только погляди, как идет!

Чудинов отвел рукой протянутый ему бинокль, но сам не сводил глаз с лыжни.

— Что же, хорошо идет, ходко... Ух ты, смотри, какой подъем берет! На седьмой километр пошла, а свеженькая, словно сейчас со старта. А в общем, мне до этого уже дела нет, — внезапно остывая, отрезал он.

Резко оттолкнувшись палками, Чудинов покатил вниз с холма. Я последовал за ним. Мы подъехали к группе зрителей, стоящих возле трассы. Тут был контрольный судья с секундомером. Увидев Чудинова, он поспешил к нему.

— Видал? Вот силушка! Подъем-то, подъем-то как взяла!

Один из болельщиков почтительно вмешался:

— Мне кажется, что данные есть, но техники маловато. Много времени на прямой потеряла. Куда ей до нашей Бабуриной!

Лыжница между тем с непостижимой быстротой вымахивала на крутой подъем вдали.

Я снова не выдержал:

— Нет, ты гляди, Степан, гляди, как идет! Будто на разминку вышла, а ведь это уже последняя треть дистанции. Эх, такой бы еще технику с хорошим тренером отработать! Я, конечно, не уговариваю, но на твоем месте, если б во мне оставалась хотя бы капля...

— Грубая, брат, работа, — остановил меня Чудинов, — зря стараешься, старик. — Он осторожно скосил глаза в сторону лыжни. — Да, идет, конечно, неплохо, — ворчливо согласился он, — то есть просто здорово идет! Задатки дай бог, но техника... — Он зевнул с подчеркнутым равнодушием. — От кого она, кстати, идет? — И он потянулся к моему биноклю.

Пока я снимал с шеи ремень бинокля, передавал его Степану, а тот налаживал по глазам себе стекла, лыжница, уже унесшаяся от нас на солидное расстояние, вышла на спуск. Мчась на большой скорости и, видно, пробуя спрямить немного кривую от флажка к флажку, она сделала рискованный разворот вокруг куста. Чтобы сохранить равновесие, гонщица слегка наклонилась в сторону и задела за куст. Я видел, как ветерок подхватил снег, облетевший с потревоженных сучьев.

— Так, — сказал Чудинов, отрываясь через секунду от окуляров бинокля, — номер пятнадцать. Ну-ка, погляди по списку... У тебя с собой? Сейчас узнаем, что за птица.

В списке под номером «15», как я уже видел раньше, значилось: «Наталья Скуратова. «Маяк». Зимогорск». Но сейчас меня вдруг словно осенило. Я в один миг прикинул, что может получиться, если... И я уверенно сообщил:

— Это Авдошина... Зинаида Авдошина, город Вологда.

— Ага... Вологда, — негромко, про себя, заметил Чудинов.

— Сама судьба,— поспешил я, ведя свои сложные расчеты. — По-моему, выбор теперь ясен. Ты же как раз решал, куда ехать: либо в Вологду, либо в Зимогорск. Перст судьбы указует на Вологду.

— Да. Вологда, говоришь? — повторил задумчиво Чудинов. — Судьба, говоришь? Нет, старик. Вопрос решен, выбор сделан — твердо еду в Зимогорск, от греха подальше.

— Ну и шут с тобой, поезжай! От себя не уедешь! — крикнул я ему вдогонку.

Когда, спускаясь с холма, я в последний раз глянул на трассу гонки, там произошла какая-то заминка. Я видел, как контрольный судья что-то кричал в рупор лыжнице, показывая ей, очевидно, что она срезала дистанцию и ушла за флажок. Кричали где-то зрители. И лыжница, застопорив на полном ходу,

взметая целое облачко снега, растерянно оглядываясь, торопливо возвращалась обратно вверх по крутому снежному склону. По-видимому, она сбилась с трассы по неопытности или слишком увлекшись скоростью на повороте.

У финиша, где азартно толклись зрители, болельщики, лыжники и пробивались вперед фоторепортеры, я услышал голос диктора, несшийся из репродуктора на столбе:

— К финишу подходит под номером одиннадцатым заслуженный мастер спорта Алиса Бабурина. Спортивное общество «Маяк». Сегодня Бабурина в третий раз выигрывает личное первенство. Правда, время, показанное Бабуриной, не выводит пока еще «Маяк» на первое место по командному зачету. Зимний кубок, по-видимому, опять остается у «Радуги».

Пока еще толпа не заслонила от меня черты финиша, я увидел, как Алиса, миновав заветную линию под аркой, разом как бы сникла и, совершенно обессиленная, с разметавшейся челкой, прилипшей к мокрому лбу, почти падая, в полном изнеможении повисла на руках подбежавших к ней и успевших подхватить ее под мышки лыжников. Да, что говорить, Алиса Бабурина умела, по выражению лыжников, выкладываться до конца, все ставя на карту и отдавая к финишу сполна весь запас сил.

Уверенно прокладывая себе дорогу в толпе, спешил Тюлькин.

— Ну как, на мази? — подмигивая, спросил он, нагнав Алису.

— Где Чудинов? — спросила кратко, еще тяжело дыша, Алиса.

— Виноват, меня вторично интересует, как на этом составе мази себя лыжи чувствовали. На правильный состав я попал?

— Мазь отличная. Спасибо, Тюлькин, только запах какой-то мерзкий.

Тюлькин оскорбился:

— Кому запах, а для чутко понимающих, может быть, аромат. И я вам одеколону в мази подливать не обязан.

— Ты скажи лучше, где Чудинов? — устало переспросила Алиса.

Несмотря на видимое торжество, она была явно расстроена.

— С ним простись, забудь навеки. Так и заявил, — отрапортовал Тюлькин.

— Коля, я тебя серьезно спрашиваю. Он, должно быть, сам меня ищет.

— Номером ошиблись, — съязвил Тюлькин. — Он, возможно, теперь пятнадцатый ищет.

— Пятнадцатый? Кто это? — удивилась Бабурина. — Зачем?

— Утешать и перевоспитывать собирается. Собрался за ней, по слухам, в город Вологду. У контрольного судьи спроси. Потом, кажется, раздумал, перерешил, изменил направление. Следует в Зимогорск, на Урал.

— Ничего не понимаю! — Алиса растерянно поглядела на Тюлькина. — Можешь ответить толком?

— Где уж нам уж, мы по хозяйственной части, а тут — психология, — парировал Тюлькин, постукав себя по лбу. — Вот обратитесь к нашему специальному корреспонденту, а я двинулся. Привет крупным шрифтом!

— Что он болтает? — обратилась Алиса ко мне.

— Да глупости. Ерунда все. Одно только верно: что Чудинов уезжает в Зимогорск. Решил окончательно.

— Но он видал, как я сегодня шла?

— Видал, по секундомеру прикинул.

— Ну что, недоволен опять?

Тон у нее сейчас был виноватый, и мне ее даже стало немного жаль.

— Дело ведь не только в вас, Бабурина. Ему вообще стало казаться, что он уже дал спорту все, что мог. А тут вы еще в комитете на собрании, скажу вам честно, не очень-то тактично выступили. Пытались свалить на него все. Жаловались, что резок очень. А ведь вы знаете сами прекрасно, кто виноват и почему вы засиделись на старых показателях.

— Он одержимый! — быстро и зло проговорила Алиса. — Он способен загнать человека на тренировках. Чего ему еще надо? Я опять сегодня пришла первой, а ему все мало. Уперся в свой проклятый секундомер!

— Да ведь секундомер-то показал, что вы не вышли из тридцати девяти, как обещали.

— Ну, уложилась почти в сорок. Тоже неплохо. Другие еще хуже. Не могу я ради его тренерского честолюбия превратиться в машину какую-то, от всего отказаться. Просто надоело! Нет, правда. Кар, вы должны меня понять. Я так больше не могу. Из-за каждой рюмки случайной — драма; за покером лишний часок ночью посидишь — утром выговор, распеканция; папироску заметил — у-у! Мировой скандал... Он меня прямо истерзал этим режимом. Говорят, что я люблю легкую добычу. Ну неправда, сами видели — выкладываюсь вся, без остатка. Все на карту! Когда финиш проскочу, так уже не могу на ногах держаться, «последняя из-не-моге», как сам Чудинов шутит. Когда я на лыжне иду к финишу, для меня нет ничего больше в жизни, ну, а уж

в жизни-то, извините, у меня не только одна лыжня, могу себе позволить и другие радости. Понятно вам это?

— Но, по мнению Чудинова, накопить-то вам в себе того, что требуется выложить, надо гораздо больше. Вы идете без запаса, только на пределе, держась на технике и на самолюбии. А спорт, как я понимаю,— это прежде всего здоровье, сила. Вы же все растрачиваете впустую, не соблюдая режима, и не тренируетесь, в расчете на счастье, на везение ваше.

— Ну ладно,— прервала меня Алиса. Она уже пришла в себя и, подняв свой остренький подбородочек, передернула плечами под накинутой изящной шубкой.— Хватит. Мне все это, как говорится, в грамзаписи слышать уже не так интересно. Извините, я все это слышала из первоисточника и, если захочу, услышу еще десять раз.

— Нет, Алиса, в том-то и дело, что больше уже не услышите.

Неподалеку от грелки-раздевалки лыжной станции я нагнал двух девушек, которые медленно брели, вскинув на плечи связанные лыжи. На девушках были одинаковые лыжные костюмы с лучистыми эмблемами «Маяка» на рукавах. У обеих были понурые спины побежденных. У одной был номер «7», а у другой, более рослой,— «15». Я узнал в рослой лыжнице Наталью Скуратову, а под номером «7» в стартовом списке значилась Мария Богданова, землячка Скуратовой, лыжница из того же зимогорского «Маяка».

Девушки медленно шли прямо по снегу, не разбирая дороги и негромко переговариваясь. Я слегка задержал шаг. Маленькая Маша Богданова причитала своей уральской скороговорочкой:

— Опозорились мы, Наталья, с тобой на всю Москву. Коё смех, коё плач.. Она всхлипнула.

Спутница недовольно повела высоким плечом, поправляя лежащие на нем лыжи.

— Брось, Маша! Москва-то, однако, слезам не вери-ит.— Голос у нее был глубокий, грудной, а говор тоже уральский, притокивающий, быстрый и с неожиданными вопросительными интонациями там, где привычнее было бы слышать утверждение: «Москва-то слезам не вери-ит?».

— Да, тебе хорошо,— сказала подруга.— Ты хоть с дистанции сбилась, какое-никакое оправдание есть, и пришла во второй десятке, а я...— Она горько рукой махнула.

— А ты какая?

— Двадцать девятая.

— Ну ничего, Машуха, за тобой еще кто-то тридцатый остался.

— Ты уж всегда утешишь! Интересно знать, что бы ты тридцатой сказала?

— Я бы сказала: «Ну вот, хорошо, для ровного счета и вы»,

Обе невесело и коротко рассмеялись.

— Ох, оплошали мы с тобой, Наташа! — убивалась маленькая лыжница.— Как же теперь в Зимогорске покажемся? Засмеют.

— Ну и пусть, если кому смешно покажется.— Скуратова сердито тряхнула прядкой, вылезшей из-под шапочки. — А я предупреждаю, однако: больше меня ни на какие соревнования калачом не сманишь. Все. Я с этим покончила, понятно-о?

Ух, как накатисто, по-уральски прозвучало у нее это последнее «о»! Маленькая вскинула на нее испуганные глаза:

— Ты что, Наталья? А как же зимний праздник? Гонки-то на руднике! Ты же у нас в городе первое место держишь. Команду подвести хочешь, да?

— Хватит с меня! — И Скуратова перебросила лыжи на другое плечо.— Я с лыжни сошла навсегда. Решила — и конец. Кажется, знаешь мой характер?

Маленькая закивала совершенно сокрушенно:

— Знаю. Характер ваш, скуратовский, самый окаянный. Лешманы!

И они скрылись за дверью раздевалки.

Глава III

ЗИМОГОРЦЫ — СТАРЫЕ И МАЛЫЕ

Удивительно быстро разрастался Зимогорск! Еще перед войной не было и города такого на карте. Только на детальных десятиверстках помечен был старый зимогорский рудник, где промышляли старатели. Но оказалось, что зимогорская руда наделена ценнейшими качествами. И когда в великом переселении промышленности на восток, сюда, за Уральский хребет, в первые годы войны перебирались большие южные заводы, очень кстати и в самую пору пришлась зимогорская руда. Правда, для того чтобы годна она была в дело и утолила нужды перекочевавших сюда предприятий, требовалось обогащать ее — из горы поступала она не той кондиции, которая требовалась промышленности. И выросла возле рудника на склоне той же горы, только пониже, и в сроки, сперва даже ощеломившие местных несколько медли-

тельных, к таким темпам не привычных жителей, большая обогатительная фабрика. Там руда отсортировывалась, подвергалась концентрации, в отсадку, а все лишнее, ненужное шло в отвал. А вокруг фабрики стал стремительно расти, раскидываясь по крутым взгорьям, пробиваясь сквозь лес, новый город.

Мне не раз приходилось бывать в Зимогорске. Сперва жизнь тут была нагой, как схема, которая давала лишь самые первичные очертания возникавшему городу. Улицы размечались в густом сосновом бору, который подступал к самому руднику. Часто они назывались уже улицами, но это были еще просеки, так же как поляны в лесу несколько преждевременно именовались площадями. И зачинавшаяся в городе жизнь вся была наружу... Везде были видны каркасы будущих зданий, еще не обросшие кирпичной кладкой, или деревянные остовы, пока еще не зашитые тесом; трубы водопровода шли по открытым траншеям, воду разбирали прямо на улицах у колонок. Тут же, на улицах, дымились временные очаги, сушилось стираное белье перед легкими бараками или землянками. Казалась вывернутой прямо на улицу и вся торговля — магазинов еще не было, торговали с открытых лотков или в палатках. Даже лампочки, которыми теперь освещался строившийся город, были лишены колпаков и горели прямо на столбах каким-то зябким, голым, неуютным светом. Дома отстояли далеко друг от друга. Между ними напирала густая зелень не желавшего отступать леса. Город только начинал врастать в него.

Но когда я попал в Зимогорск всего лишь через год, жизнь здесь уже прочно обосновалась, все вокруг стремительно обстраивалось, крылось, огораживалось, вбиралось внутрь. Товары лежали уже не на лотках, а за витринами магазинов, вода вошла в дома, трубы скрылись под землей, земля оделась дощатыми или кирпичными тротуарами. Лампочки на уличных столбах горели уже в колпаках, а белье сушилось на балконах или во дворах, которые сомкнули дома в один уличный порядок и превратили всегда проходивший возле рудника большой тракт в обстроенную с обеих сторон городскую магистраль.

Но упрямая и своенравная природа Северного Урала не смирялась. С гор, гонимые сибирским ветром, сыпучие, как дюны, двигались зимами снежные сугробы. Они наваливались на окраины городка, вторгались в улицы, подступали к самому центру, где уже сияли по вечерам на площади Ленина огни кинотеатра «Руда» и достраивалась гостиница «Новый Урал». Так свирепы и снегообильны бывали порой метели, заметавшие городок до крыш, что приходилось прокапывать иной раз дорогу возле го-

родских учреждений, отбивать с лопатами в руках наступление снегов на город. И, может быть, потому, что такой снежной стояла тут всегда зима, город еще в бытность рудничным поселком славился во всей округе своими лыжниками, охотниками и скороходами. Из-за них и прослыл новый город Зимогорск во всей округе гнездом покорителей снегов, неутомимых гонщиков на дальние дистанции.

Чаще и чаще стали появляться на Уктусских горах за Свердловском в дни всеуральских зимних спортивных праздников коренастые и рослые зимогорцы, которым иной раз уступали лыжню именитые скороходы белой тропы. Однако еще ни один алый свитер всесоюзного чемпиона не был привезен в Зимогорск его лыжниками. Чего-то не хватало для окончательного утверждения спортивной славы Зимогорска его выносливым гонщикам и гонщицам. Это не мешало уральцам считать Зимогорск городом больших надежд, а самим зимогорцам гордиться уже немалыми победами своих лыжников на областных соревнованиях. И в дни народных праздников в колоннах зимогорских демонстрантов мимо дощатых трибун на площади Уральских партизан несли почетные спортивные трофеи, вымпелы, кубки, ларцы, завоеванные зимогорцами на снежной дорожке.

Знаменит тут был особо клуб «Маяк», созданный еще при зимогорских рудниках. Добрые две трети местных призов хранились в этом клубе в стеклянном шкафу, под спортивным знаменем, на голубом фоне которого была изображена стройная алая башня, мечущая снопы золотых лучей в обе стороны. На заманчивый свет «Маяка» слетались лучшие лыжники из всей округи. Горы, окружающие Зимогорск, были необыкновенно удобны для проведения сложных лыжных кроссов и соревнований слаломистов, ветром проносящихся меж красных флажков по каверзно размеченной молниеобразной трассе. Тут же, на замерзшем горном озере, встречались зимой конькобежцы и хоккеисты.

И давно уже мечтали зимогорцы, что спортивная слава их города разнесется по всей стране, что москвичи и ленинградцы, вологодцы, горьковчане уступят не один алый свитер всесоюзного чемпиона зимогорским лыжникам. И кто знает, может быть, наступит когда-нибудь давно загаданный день, когда мощные производственные успехи зимогорцев, передовиков рудника и обогатительной фабрики, спортивные победы зимогорских лыжников и прочие заслуги местных жителей будут наконец всеми признаны и именно здесь, в Зимогорске, станут проводить большую зимнюю спартакиаду — розыгрыш традиционного хрустального «Кубка Зимы».

С ревнивой надеждой ждали и сейчас в Зимогорске результатов лыжных гонок под Москвой. В своих пылких ожиданиях зимогорские болельщики рассчитывали прежде всего на отличные результаты общей любимицы, местной чемпионки по лыжам Наташи Скуратовой. Рослая, на первый взгляд даже чуточку тяжеловатая, женственно застенчивая в жизни, воспитательница из лесного детского дома-интерната становилась неузнаваемой, едва выходила на дистанцию. Тут ей не было равной во всей округе, и она поистине превращалась в полновластную Хозяйку снежной горы, как прозвали ее с легкой руки одного из восхищенных и красноречивых болельщиков. Конечно, знали в Зимогорске, что есть в Москве «шибко ходкие» гонщицы. Особенно много говорили о далекой, но от этого не ставшей менее опасной москвичке Алисе Бабуриной. Имя ее то и дело появлялось в центральной спортивной печати. Однако местные любители спорта были убеждены, что, встреться Скуратова с Бабуриной на лыжне,— не ударит лицом в снег хозяйка белых уральских круч.

(Начиная с этого момента повествование Карычева ведется двояким образом: то как непосредственное свидетельство очевидца, каким он сам являлся, то так, будто он восстанавливает в воображении все происходившее по сведениям, которые ему удалось раздобыть. Когда я указал автору на это, он упрямо твердил, что все описанное им построенно на фактах, что он ничего не придумывал... А если он описывает то, чему не был свидетелем, то, значит, он обо всем этом узнал от участников событий, тщательно и кропотливо, день за днем, установив те происшествия, о которых говорит. И, в конце концов, я решил, как уже сказано выше, оставить повествование таким, каким вел его сам Карычев в своей рукописи. Ведь автора надо осуждать или оправдывать по законам, которые он сам для себя устанавливает в данном произведении. — *Л. К.*).

В день возвращения из Москвы команды зимогорских лыжников Никита Евграфович Скуратов, в прошлом рудничный старатель, заядлый таежный охотник, бригадир горняков, багермейстер, а ныне воспитатель юных ремесленников при руднике, с нетерпением спешил домой. Оббив на пороге крыльца снег с чесанок, он вошел в бревенчатый, крепко, на старый уральский лад, срубленный дом, подаренный ему за многие заслуги городом.

Жена, аккуратная, миниатюрная, сама такая же вся прибранная, как горница, на стенах которой висели почетные грамоты Никиты Евграфовича, сына Савелия — рудничного техника и спортивные дипломы Наташи, расставляла тарелки на столе, застланном праздничной скатертью.

— Здорово, мать! — пробасил Никита Евграфович своим рокочущим низким голосом, не очень подходящим к его небольшой, коренастой фигуре; такая октава была бы под стать и великану. Он повесил полушубок и вошел в горницу. За столом уже сидел сын Савелий. Он недавно вернулся с действительной службы в армии и еще не спорол петли для погон с гимнастерки.

Вазочка с вареньем, свежие шанежки, миска с мочеными яблоками посреди стола — все говорило о том, что в доме ждут гостью.

Но дочери не было.

— А Наташка где? Самолет-то московский давно пришел. Я видел, физкультурники с аэропорта ворочались с музыкой.

Савелий отложил в сторону газету, которую читал:

— Музыке-то играть нечего, отец. Оплошали там, говорят, наши.

— Быть того не должно! Москва, конечно, город центральный, однако против наших на лыжах сроду не выстоит. Не свычны они.

— Да будет тебе, старый! — вмешалась мать.— Выстоят, не выстоят! Вот приедет Наташенька, тогда и узнаешь, как они там управились, в Москве. Как раз к свежим шанежкам поспеет.

Савелий, принимаясь снова за газету, иронически усмехнулся:

— Только она к твоим шанежкам и спешит. Нашла чем утешить. Там им, верно, банкеты в Москве задавали, «Метрополь», «Националь», соус метрдотель, как нам, когда на слет ездили. А ты — шанежки!

Кто-то сбил снег у крыльца и постучался в дверь. Мать кинулась к порогу:

— Наташенька! Ну вот, хорошо, слава тебе господи!..

Но в дверях показался молодой парень в черной ушанке и форменной шинели, которая, видно, досталась ему после ремесленного училища и сейчас была уже порядком тесна.

— Добрый вечер, Никита Евграфович! И Антонине Капитоновне уважение мое! Здоров, Савелий!

— Заходите, заходите,— пригласила мать, подвигая гостю табурет.

— С чем пожаловал? — поинтересовался Скуратов, оглядывая вошедшего.

— Я к Наташе вашей, дядя Никита, из редакции я.

— Погодь, паря,— остановил его Никита Евграфович.— Это каким же таким манером, однако, из редакции? Ты же на рудни-

ке у меня в ремесленном учился, на багермейстера пойти мне обещался.

Паренек смущенно комкал шапку. Он весь зарделся — от шеи до подстриженных по-спортивному висков, над которыми смешно торчал в разные стороны боксерский хохолок.

— Да я на руднике и работаю, Никита Евграфович. Только я в литературный кружок записался, стал собственным корреспондентом в редакции, в «Зимогорском рабочем». Вот, пожалуйста, удостоверение.

Он встал с табуретки, пододвинутой к нему Савелием, порылся в кармане, вытащил небольшую картонную книжечку, а потом, еще более смущаясь, вытянул из нагрудного внутреннего кармана вчетверо сложенную газету.

— А вот в газете заметка моя, можете посмотреть.

Скуратов взял газету, расправил ее твердыми, негнущимися пальцами, отставил подальше от глаз, на всю длину руки, слегка избычился, читая:

— «Дорогу молодым!» Фельетон До-Ре-Ми». Так-то, однако, написано: «До-Ре-Ми». А тебе разве так фамилия?

— Да нет,— заспешил, уже окончательно свариваясь от смущения, паренек.— Я Ремизкин, Донат Ремизкин, вот и получается: До-Ре-Ми.

— Псевдóним,— понимающе протянул, упирая на «о», Савелий.— Понятное дело. Это как в Москве. Кукрыниксы есть, тоже по началу фамилий пишутся. Так втроем сроду и работают. В «Крокодиле» пробирают кого надо с песочком по международной политике.

— Так трое! — усомнился Скуратов.— А ты управляешься один-то за троих? Ишь ты, До-Ре-Ми! Ну, садись, До-Ре-Ми. Чего утвердился-то стоя? Сядь, говорю! Мать, угости шанежками-то. Ну, стало быть, однако, ты что же про Наталью-то нашу писать собрался?

Ремизкин встрепенулся, вскочил было, но снова сел:

— Да, во-первых, беседу хотел взять, какие впечатления о Москве и какие будут насчет гонки на рудниках ее прогнозы.

— Так ведь не приехала, однако, Наташенька,— сказала мать.

Ремизкин недоверчиво уставился на нее:

— Как же, я ее в аэропорту издали видел, только она — сразу в автобус — и разговаривать не стала.

Все растерянно переглянулись.

— Выходит дело, вместо прогноза получается заноза,— протянул Скуратов.

С еще большим нетерпением ждали в этот день Наташу Скуратову на другой окраине Зимогорска, примыкающей к густому сосновому бору. Два ярких шарообразных молочно-белых электрических фонаря освещали крыльцо хорошо срубленного бревенчатого двухэтажного здания с вывеской «Зимогорская школа-интернат».

Нелегко было вернуться сюда после того, что произошло в Москве... Небось, ждут не дождутся, когда приедет тетя Наташа, и уже заранее предвкушают, как будут, передавая из ладошки в ладошку, не дыша, рассматривать золотую медаль, как будут любоваться снимком хрустального кубка. Как же сказать, как объяснить им, особенно Сергунку Орлову, так убежденному в ее непобедимости, что не оправдала их надежд тетя Наташа, оплошала в Москве и возвращается ни с чем, раз навсегда закаявшись пытать свое счастье на большой лыжне. А как нахваливали, как уговаривали никого не бояться! Где, мол, тонконогим москвичкам, модницам-накаблучницам угнаться за Хозяйкой снежной горы! Чуть было не поверила, дура! Вот тебе и московские «Фу-ты ну-ты, ножки гнуты, каблук рюмочкой!». Ну, теперь все, раз и навсегда!

Наташа решительно поднялась на заснеженные деревянные ступеньки крыльца, поставила чемодан, огляделась, вздохнула, на секунду задумалась и энергично дернула рукоятку звонка.

Тотчас же из-за дверей послышался знакомый хрипловатый и низкий голосок:

— Кто там?

— Открой, Сергунок, это я,— шепнула Наташа, почти приложив губы к дверной щели.

И дверь тотчас же распахнулась. Накоротко стриженный, круглолобый, тугощекий крепыш вылетел из нее и бросился на шею Наташе. Он был тяжелехонек. Наташа невольно пригнулась, когда мальчуган повис на ней. А за Сергунком вывалились прямо на мороз, купаясь в облаках пара, ребятишки — мальчата и девчурки, одетые в синие матроски. «Ишь ты, даже в праздничное вырядились ради меня!» — успела заметить Наташа.

Обнимая по очереди ребят и одного за другим вталкивая их обратно в дверь, откуда валил паром теплый воздух, Наташа сердито приговаривала:

— Что вы! Что вы на мороз выскочили?! Живо, живо марш в дом! Простудиться захотели? Сергунок, кому говорю?!

А вокруг нее все прыгало, скакало, повизгивало, все лезло обниматься, тыкалось в щеки, губы, подбородок, совалось под руки, искало немедленного прикосновения.

— Тетя Наташа прие-ха-ла! Тетечка Наташечка вернулась!..

А Сергунок, уцепившись за рукав Наташи и протискиваясь с нею вместе боком в дверь, чтобы как-нибудь не отпустить ее от себя, заглядывал в лицо и все спрашивал:

— Тетя Наташа, а теть Наташа, ты кубок привезла? Он у тебя где?.. В чемодане? А где медаль? Покажи...

И вместе с другими мальчишками он тащил чемодан из рук Наташи, спотыкаясь, путаясь у нее в ногах и всем мешая.

— Тетя Наташа, а теть Наташа! А я тоже все время тренировался и новый поворот выучил прямо на ходу, вот так — смотри!

Отпустив Наташу, продолжая одной рукой держаться за чемодан, он попытался сделать прыжок с поворотом в воздухе и шлепнулся на пол под общий хохот ребят. Встал, легонько сопя, деловито отряхнулся, успел ткнуть локтем под бок кого-то из насмешников, пробурчал басом:

— Чего, однако, гогочете-то? Разок на разок не сходится.

— А ты и в прошлый раз на дворе носом тюкнулся, еще прямо в сугроб даже,— ехидно заметила одна из девочек.

— Ну, а в следующий раз выйдет, обожди!

— Тетя Наташа,— спросила девочка, которая только что поддразнивала Сергунка,— тетя Наташа, вы в Москве всех перегнали?

Сразу стало совсем тихо. Наташа видела, с какой верой и азартным предвкушением смотрят на нее ребячьи глаза.

Она отвечала негромко, но спокойно:

— Нет, Катенька, всех перегнала Алиса Бабурина, чемпионка Советского Союза.

Ребята деликатно промолчали. Физиономии у них были расстроенные. Они напряженно вглядывались в лицо воспитательницы.

— И вас она перегнала? — очевидно еще не веря, пыталась уточнить Катя.

— Да, и меня.

— На чуть-чуть? На вот столечко? — еще надеясь на что-то, спросила Катя.

— Да нет, порядочно.

Все опять немножко помолчали. Сергунок с тремя другими мальчиками все еще держал на весу Наташин чемодан. Теперь они осторожно и неслышно поставили его на пол. Внезапно Сергунок мотнул стриженой головой.

— Ну и что же, разок на разок не сходится. А в другой раз, однако, вы всех перегоните. Да, тетя Наташа?

— Нет, ребятки,— медленно, очень медленно, чтобы самой

вслушаться в каждое слово, сказала Наташа,— я больше никогда на гонки не пойду. С вами вот ходить на лыжах буду, а на гонки — нет.

А с лестницы спускалась дородная, прямая Таисия Валерьяновна, заведующая интернатом.

— А я слышу, дверь хлопнула, шум такой, а потом вдруг тихо так. Что такое, думаю. А это ты, Наташенька. Здравствуй! Соскучились по тебе. Верно, ребята? Ну, что молчите? Не рады, что ли? Только и слышно было: когда да когда тетя Наташа приедет? А приехала — радости не вижу.— Она не спеша подошла к Наташе, расцеловала ее в обе щеки.— Ну, как там, в столице, отличилась, рассказывай.

Наташа молчала.

— Да что вы все словно чудные какие-то? — Таисия Валерьяновна внимательно заглянула в лицо Наташе, а потом ребятам.

Но все молчали.

Глава IV

ИНЖЕНЕР ЧУДИНОВ ПРИБЫЛ В ВАШЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

Так почти одновременно оставили спорт, как говорится — сошли с лыжни, подававшая такие большие надежды и слывшая у себя в городе непобедимой Наташа Скуратова и некогда знаменитый лыжник, бывший чемпион страны, а затем известный тренер Степан Чудинов. Тщетно было отговаривать его, по крайней мере сейчас. Он поступил так, как решил. Я лишь постарался еще больше утвердить его в сделанном им выборе. Конечно, Зимогорск, а не Вологда. Именно Зимогорск — глухое, почти таежное место, где на лыжах, как я уверил моего друга, ходят только охотники, а о настоящем спорте вообще еще ничего пока не слышно.

Я понимал, что обманываю друга, который, зная, как много мне приходилось таскаться по стране благодаря моей профессии разъездного корреспондента, полностью доверился моим географическим познаниям. Но, признаться, совесть не очень терзала меня. Я поступал так в интересах отечественного спорта и самого Чудинова, ибо считал решение его сойти с лыжни временной блажью. Меня несколько обнадеживало то хорошо всем нам знакомое выражение сдержанного восторга и нетерпения, которое промелькнуло на деланно-бесстрастном лице Степана, когда он на гонках в Москве глянул в бинокль в сто-

рону уходившей Скуратовой. Ведь должны же они были встретиться там, в Зимогорске, и, по моим расчетам, довольно скоро... Ну, а дальше видно будет. А там за семь бед — один ответ...

Я принял от моего друга на временное хранение его коллекцию зажигалок и всяких других огнедобывающих игрушек и проводил его в Зимогорск, обещая в скором времени наведаться туда во время одной из ближайших корреспондентских своих поездок, чтобы поглядеть, как идет там строительство... Пожелал Чудинову удачи на новой, вернее — на старой, стезе, куда тот теперь полностью вернулся как инженер-строитель и архитектор.

— Я всегда знал, что ты мне настоящий друг! — сказал на прощание растроганный Степан.

— Можешь быть уверен,— отвечал я.

Но боюсь, что некоторые сомнения в точности моих сообщений зашевелились в душе моего друга тотчас же по его прибытии в Зимогорск.

Узнав, что гостиница «Новый Урал» находится неподалеку от вокзала, Чудинов пошел туда пешком. Настроение у него было отличное. Раненая нога в последние дни совсем не ныла, чемодан казался легким, и Чудинов, полный ощущения заново начинающейся для него жизни, насвистывая, просторно шагал по дощатым, очищенным от снега тротуарам Зимогорска. День был погожий, яркое зимнее солнце заливало холодным и слепящим светом заснеженный городок. Из-за домов, ладно срубленных из мощных стволов, глядели высокие ели, за которыми круто вздымались горы. Казалось, что тайга и горы обступают городок со всех сторон. За зубчатой стеной бора полого уходил склон большой горы, изрезанной ущельями и оврагами, над которыми нависали карнизы снеговых наносов. Между стволами ближних елей и высоких мачтовых сосен видны были фабричные трубы. И над городом пели гудки. Далеким шмелем жужжал один, звонко трубил другой, откуда-то из-за леса доносился тоненький гудок третьего,— видимо, кончалась смена.

Чудинов шел, с веселым любопытством читая названия улиц, выведенные на аккуратных дощечках. Все говорило о том, что городок совсем молод и очень гордится тем, что уже может называться городом. Но выдавали его недавнее прошлое, когда он был лишь всего-навсего лесным поселком при руднике, те же самые таблички на углах и перекрестках улиц. Многие из них еще не успели переименоваться в улицы и продолжали назы-

ваться по-прежнему, по-лесному: Большая просека, Дровяная поляна, Сибирский тракт, Глиняная горка... Наблюдательный глаз Чудинова в расположении и названии улиц читал историю городка и уже угадывал, в каком направлении пошел он строиться. Вот здесь, очевидно, город зачинался у рудничной горы, и называлось тут еще многое по старинке. Вот улица Большая Кутузка, а есть, должно быть, еще и Малая, Острожный переулок. Шоссе колодников. Тут, видно, проходил когда-то этап и звенели кандалы... Казенная улица, Шалыгановка. Здесь, должно быть, немало было пропито последних грошей... Болотная, Погорелая, Оползенный переулок, Приказчикова дача. Ну и, конечно, были тут улицы Барачная, Больничная, Кладбищенская. А вот здесь, видно, город стал пробиваться сквозь тайгу и горы. Лесной взвоз, Пустая улица,— верно, была когда-то раскорчевана и не сразу застроилась. А вот пошла уже и культура: Водопроводная, Школьная, Электрическая, Библиотечный переулок и, конечно, широкая площадь Ленина. Туда выходили старая, недавно еще переставшая быть просекой, а теперь уже улица Емельяна Пугачева и проезд Джордано Бруно. То были неповторимые следы первых памятных лет Октября. А вот это уже совсем недавнее строительство: Кирпичный проезд, Эвакоградская,— видно, селились тут эвакуированные вместе с заводами. И тут же шли улицы Киевлянская и Москвичева, и вели они к большому скверу Победы, от которого начинался вид на Новорудничный проспект.

Так открывалась перед Чудиновым молодая и своеобразная история городка.

Навстречу пронеслась по обочине улицы группа ремесленников в черных шинелях. Они катили на лыжах парами. Их сопровождал, тоже на широких охотничьих лыжах, пожилой воспитатель в светлых чесанках и меховом треухе. Обгоняя приезжего, скользил вдоль дощатого настила солидный служащий. У него были короткие лыжи, а на груди он повесил при помощи особой лямки портфель, чтобы не мешал работать палками на ходу.

Румяная молодуха, должно быть домовитая хозяйка, легко пересекла на лыжах путь Чудинову. За спиной ее погогатывал гусь, голова которого торчала из-под клапана вещевого мешка.

Чудинов уже с некоторой настороженностью отметил про себя это обилие лыжников на улицах городка, который по его собственному выбору должен был стать отныне местом новой деятельности и убежищем от прежних увлечений. Налетевший порыв ветра сорвал с крутой крыши дома маленький вихрь сне-

га, твердые снежинки и ледяшки застучали в афишу, наклеенную на огромном щите. Все более мрачнея и уже охваченный недобрыми подозрениями, Чудинов прочел:

«Скоро традиционная ежегодная гонка лыжных городских команд на дистанции: Зимогорск — Рудник — Аэропорт.

Участвуют команды: «Маяк», «Радуга», «Руда» (Обогатительная фабрика)».

И тут, как впоследствии признался мне сам Чудинов, он уже окончательно засомневался в тех сведениях, которые я ему сообщил относительно Зимогорска.

Поставив чемодан на снег, он еще раз взглянул на афишу и стал скрести затылок под пыжиковой шапкой, сдвинув ее наперед до самых бровей, что обычно не предвещало ничего хорошего.

«Да-а-а... Приехал,— подумал он и выругался.— Кажется, тут кое-что слышали о спорте. Эх, было б мне Вологду выбрать!»

И, решительно подхватив чемодан, он двинулся дальше. В конце концов, он совсем не обязан раскрываться перед местными спортсменами, с которыми не собирался иметь дела, что сам в прошлом имел кое-какое отношение к лыжам! Да никто его и не тянет за язык. А думать, что кто-нибудь из местных слышал его имя, не приходится: слишком много времени прошло с той поры, когда фамилия Чудинова гремела над всесоюзной и европейской лыжней. А как тренер... Впрочем, кто же помнит фамилии тренеров!

Он подошел к большому двухэтажному зданию, часть которого была еще в лесах. На лесах, окружавших вход, висело временное полотнище с надписью: «Гостиница «Новый Урал». Огромная вертящаяся дверь, вероятно, сенсационная новинка для этих мест и гордость строителей, приняла в свои стеклянные секторы приезжего и, мягко пахтая воздух, внесла Чудинова в холл.

Гостиница, по-видимому, уже обживалась, хотя еще не была полностью достроена. В просторном холле-вестибюле носились запахи стройки, аромат хвои, терпкий душок свежей краски и линкруста, но уже натягивало из ресторана жилым кухонным духом, и лестница, ведшая на второй этаж, была застелена ковром, а возле стойки портье стояло чучело вздыбленного медведя, над которым простирала лапчатые листья пальма в кадке. Навстречу Чудинову из глубины холла выплыла женщина исполинского роста и могучего сложения. Она была на полголовы выше Чудинова.

— Вам, гражданин, кого?

Чудинов ответил, что прибыл в Зимогорск на работу из Москвы и, как ему сказали, должен временно, до предоставления квартиры, остановиться в гостинице. Он предъявил свое удостоверение и, с удовольствием прислушиваясь к собственным словам, повторил, что он инженер-строитель. Ему уже хотелось как можно скорее покончить со всеми формальностями, связанными с переездом, и взяться за дело, которому он теперь посвятит уже без всяких помех все свое время.

— Сейчас, обождите чуток,— сказала женщина,— я только немного тут приберусь. Уж эти мне тяжелоатлеты! Съехались на первенство района, а нет чтобы за собой снаряды убрать. Понакидают везде!

С устрашающим проворством она принялась хватать огромные литые гири и тяжеловесные штанги, толстые стальные блины, лежащие на полу. Их только сейчас разглядел Чудинов, войдя со света в полумрак холла. С изумлением следил он за богатырскими движениями этой поляницы, которая без натуги швыряла или откатывала снаряды в угол. Потом она вернулась к конторке.

— Теперь порядок! — произнесла она, слегка отдуваясь.— Ну, милости просим. Я тут комендантом работаю. Олимпиада Гавриловна меня зовут, но большей частью тетя Липа. Будем знакомы.— Она протянула свою могучую длань, которую с известной осторожностью пожал Чудинов.— Вы давайте ваш багажик, документики, пожалуйста, оставьте, а я вам сейчас комнатку открою. Только извините, на двоих будет. Гостиница еще не вполне вся открытая, пока у нас на манер общежития, временно, конечно. Ну, а покуда что будете один жить, только в случае переполнения вторую коечку заселим. Вы присаживайтесь. Можете вон там газетку почитать. Если желаете с дороги побриться, у нас парикмахер очень прекрасный из Мариуполя. Как эвакуировался в сорок первом, так и остался. Культурный такой, будет вам о чем с ним поговорить. Все, кто к нам бриться ходят, очень уважают. Дрыжик его фамилия, Адриан Онисимович.

Легко вскинув на плечо увесистый чемодан Чудинова, прежде чем тот успел что-либо сказать, она унеслась вверх по лестнице. Документы, выложенные Чудиновым на стойку, едва не улетели за ней — такое возмущение воздуха произвела она своими мощными движениями.

Через несколько минут Чудинов уже сидел в парикмахерской в кресле перед большим зеркалом, в котором через про-

сторное окно за переплетом легких лесов отражались сугробы, ели на улице, редкие прохожие. Парикмахер Дрыжик, величественно-медлительный, с печатью интеллектуальной грусти на лбу, маленькими усиками и несколько старомодным пенсне, сдвинутым к кончику носа и позволяющим смотреть поверх стекол, работал над физиономией приезжего. В движениях брадобрея сквозило, несмотря на старательную деликатность жестов, некое искусно прикрываемое на миг пренебрежение: и не таких, мол, брить приходилось.. Иногда, отложив в сторону бритву, он заглядывал в зеркало, склоняясь к нему, осторожно трогал кончиком мизинца прыщик на собственном подбородке и при этом продолжал вести неспешный, полный достоинства разговор, обращенный не к Чудинову, а преимущественно к отражению клиента в зеркале.

— Не горячо? — вопрошал он, продолжая мылить лицо Чудинова.— Надолго к нам? — Он посмотрел в зеркало и дождался, пока отражение Чудинова кивнуло ему.— Душевно рад. Полюбите город. Будьте уверены. Я когда сюда эвакуировался в сорок первом, тут фактически только поселок был у рудника, а теперь — глядите! А руда у нас какая! — Он достал с полки, где стояли различные банки и флаконы, несколько маленьких образцов руды. — Вам, конечно, известно, какую роль она в войне сыграла? Да и теперь...— Он снизил голос, почти перейдя на шепот: — Это, конечно, не подлежит оглашению, но мы тут свои. А уж лыжники у нас — самородки буквально! Лыжами интересуетесь?

Чудинов решительно замотал головой, так что даже шматок белой пены слетел у него со щеки на халат парикмахера. Дрыжик озадаченно посмотрел на его отражение, даже голову приблизил к зеркалу, а потом, обернувшись, впервые внимательно вгляделся в лицо Чудинова, как бы не веря.

— Лыжами не интересуетесь? Интересный случай... Ну, знаете, это, будьте уверены, у нас заинтересуетесь. У нас к этому делу тут все пристрастные.— Он бросил помазок, принялся точить бритву о ремень, продолжая через плечо беседовать с отражением Чудинова в зеркале.— Я, если позволите так выразиться, тоже немного отношу себя к этой отрасли, в смысле спорта. Спрашивается, почему? — Намыленный Чудинов молчал, но парикмахер сделал вид, что слышит ответ.— Да, да, вот именно: почему? На это есть свой определенный ответ. В нашей стране должны быть люди, которые могучи душой и, так сказать, если позволите выразиться, телом. Ведь будет безусловно такое у нас общее развитие, что все станут могучие. Через чего?

Через спорт, через науку и тому подобное. А вот в смысле наружности? Что же получается, я вас спрашиваю? Кто красоты от природы не имеет, тот, выходит, всегда будет отстающим в таком смысле? А вот тут уж являемся мы. Кто мы, спрашивается? Да, вот именно, кто?.. Работники гигиены и красоты. Возможно, я ошибаюсь, но у меня сильно вокруг этого мысль крутится... Что это у вас здесь? Порез, шрам? Напрасно так относитесь. Я одному, тоже, между прочим, инвалиду,— Дрыжик понимающе глянул под кресло на ногу клиента,— тоже, я говорю, инвалиду, абсолютно его физиономию восстановил.— Он продолжал орудовать бритвой. — Беспокойства не ощущаете? Браться допускаете для упора? — Он осторожно взял Чудинова за кончик носа.— Человек вы молодой сравнительно. Если не ошибаюсь, холостой? Тем более надо к себе снаружи внимательно относиться. Могу дать крем, дает сглаживание. Вы не подумайте, что это какое-либо такое я вам предлагаю, якобы в смысле: наше — вам, ваше — нам. Я это исключительно безвозмездно, лишь ради научного интереса, даже за посуду не беру. Я тут заодно всем спортсменам нашим мази особые для лыж составляю. Секретные, по особому рецепту, таких нигде не найдешь.

Он снова намылил густой пеной физиономию Чудинова. В это время с улицы донеслись детские голоса, тоненько и старательно выводившие какую-то песенку. Чудинов увидел через окно, отражавшееся в зеркале, шедших парами ребятишек. Они были одеты все как один в оранжевые тулупчики и башлычки из верблюжьей шерсти. Это делало их похожими на маленьких гномиков. Старательно, с перевалочкой двигались ребята на маленьких лыжах. «А вот и Белоснежка с гномиками спустилась с гор», — подумал Чудинов, увидев сопровождавшую ребят стройную лыжницу. Что-то неуловимо знакомое было в ее фигуре.

Но Дрыжик проследил взгляд клиента, еще раз беспокойно присмотрелся к нему и решительно схватил со стола пульверизатор.

— Освежить? — И, не дожидаясь ответа, он обдал лицо Чудинова распыленной струей одеколона.

Тщетно тот пытался сказать что-то, жмурился, мотал головой, надувая щеки и плотно сжимая губы,— одеколон уже попал ему в рот.

— Попрошу минутку не открывать глаза! — донесся до него голос парикмахера.

Звякнула какая-то склянка на полке, и Чудинов почувство-

вал, что остался один. Лицо щипало. Когда постепенно жжение утихло, Чудинов с опаской приоткрыл один глаз, потом второй. В зеркало было видно, как за окном парикмахер, выскочив на улицу, подбежал к лыжнице, сопровождавшей ребят, и настойчиво совал ей в руки какую-то банку. Девушка отмахивалась. Она стояла спиной к окну, и лица ее сейчас не было видно. Но опять что-то неясно напоминающее о недавнем проступило в резком жесте, которым девушка отвела руку Дрыжика и двинулась с места.

Однако тут все окно загородила тетя Липа, ворвавшись в парикмахерскую.

— Простите, Олимпиада... тетя Липа,— начал Чудинов,— а где этот самый ваш мастер красоты и гигиены?

Но тут тетя Липа уже сама усмотрела через окно парикмахера, который продолжал виться возле уходившей лыжницы.

— Изверг он! Что он со мной делает! В одном халате... А здоровье у самого гриппозное!..

Она на минуту исчезла из парикмахерской и тут же снова вторглась обратно, почти неся на руках тщедушного Дрыжика.

Парикмахер барахтался, дотягиваясь носками до пола.

— Состояние моего здоровья вас не касается, Олимпиада Гавриловна! — шипел он.— Меня тоже прошу не касаться, тем более публично.

Тетя Липа бережно поставила его на пол.

— Культурную вы, кажется, должность занимаете, Адриан Онисимович, а в натуре у вас тонкости вот ни на столько! Ну и болейте себе на здоровье! — И, махнув рукой, она рванулась из парикмахерской, двинув на ходу стул, который отлетел от нее далеко в сторону и еще скользил некоторое время по паркету, вертясь.

— Супруга? — деликатно осведомился Чудинов.

Парикмахер махнул на него салфеткой

— Так просто, пристрастная почитательница. Веснушки я ей вывел, с того и пошло. А крема на нее, вы знаете, сколько требуется? — В сердцах он сдернул с Чудинова простыню.— Процедура вся. Крему не прихватите?

— Благодарю покорно, не требуется.— Чудинов, поглаживая выбритую физиономию, посмотрелся в зеркало.— Ну, теперь могу явиться пред грозные очи начальства. Управление строительства напротив?

Он вышел, слегка прихрамывая на больную ногу, которая после прогулки с вокзала вдруг стала слегка ныть. Парикмахер внимательно поглядел ему вслед.

— Да, ему не то что на лыжах — при здешнем профиле местности и пешком затруднительно.— Он взял со стола банку, бережно обтер ее салфеткой и поставил на полку, полюбовавшись сбоку и снизу то одним, то другим глазом этикеткой, где было четко выведено: «Состав А. О. Дрыжика».

Глава V

БЕЛЫ СНЕГИ, КРАСНА ДЕВИЦА

Белы снеги выпадали,
Охотники выезжали,
Красну девку испужали,
Ты, девица, стой, стой!
Красавица, с нами песню пой, пой!

Из старой народной песни

Прошла неделя, другая после возвращения из Москвы зимогорских лыжниц.

Наташа вела с прогулки своих питомцев в интернат. Так они гуляли каждый день после занятий, катались на лыжах с гор; ребята ходили наперегонки друг с другом, но никто не напоминал Наташе о происшедшем в столице. Словно сговорились все. Она ценила это деликатное молчание. И вообще, то ли очень уж ожгло самолюбие местных болельщиков поражение их чемпионки в Москве и они сами не любили возвращаться к этому разговору, то ли решено было дать Наташе немного одуматься и не бередить ее напоминаниями, только и в «Маяке» после двух-трех попыток вытащить Наташу на тренировку к ней больше не приставали. Отец, Никита Евграфович, упрямо твердил, что виною всему московские судьи: сбили, мол, девку с трассы, придрались к пустякам, а тем временем чемпионка-то и опередила по времени... Он и сам пытался было уломать упрямую дочку, заставить ее отказаться от нелепого решения сойти с лыжни, где на нее возлагали столько надежд, хотя, может быть, верно, даже чуток и перехвалили раньше срока. Но характер у Наташи был не мягче, чем у него самого,— скуратовский! И в конце концов отец отступился. «Придет время, одумается девка, сама вернется, потянет,— говорил он Савелию,— а переупрямить ее и мне не под силу. Вся в мать пошла».

Наташу редко в чем-нибудь неволили дома. Она была любимицей в семье. Братья Савелий и погибший на войне в строю уральских гвардейцев Еремей были намного старше ее. В семье уже и не ждали больше детей, и рождение дочки приняли как

негаданную радость в доме. Однако очень не баловали: не заведено было у Скуратовых, чтобы попустительствовать всяким глупостям. Наташа с малых лет была приучена к порядку, твердо знала свои права и обязанности, не очень злоупотребляла первыми и не отвиливала от последних. Мать похваливала ее за исполнительность, а что касается отца, то он уж совсем души не чаял в младшенькой... Чуть она подросла, отец, как мать ни сопротивлялась этому, стал брать Наташу на охоту, научил ходить на лыжах, простых и камысах, подклеенных шкурой, очень удобных для походов в горы: на спусках они отлично скользили по шерсти, а на подъеме не осаживались назад против волоса. А отец пошучивал, что и характер у дочки на манер камысов: против шерсти назад не сдвинешь, и, выходит, дело все в том, чтобы колею свою знала: где с горки, а где и круто, да назад ни-ни.

Восьми лет Наташа легко обгоняла на лыжах не только всех своих сверстниц, но и старших подруг. Да и из мальчишек мало кто мог угнаться за ней на лыжне. Вообще, росла она девочкой сильной, не изнеженной, вся в крепкую скуратовскую породу — немножно своевольная, упрямая, но к капризам совсем уж не склонная. В школе с ней считались одинаково и девчонки и мальчишки. Обидчиков она не миловала, тем более что брат Савелий втихомолку показал ей несколько приемов бокса. Но больше всего ребята ценили в ней твердость слова и справедливость. Ее неизменно выбирали старостой класса, председателем совета отряда. Она была признанным коноводом в лыжных вылазках, пионерских походах и всяких других затеях, когда можно было хоть на время избавиться от докучливой опеки взрослых. «Атаман-девка у вас растет,— говорили соседи Скуратовым,— далеко о ней слышно будет».— И-и, мы за славой не гонимся, бесславья бы не знать»,— скромничала в таких случаях мать.

Наташа и сама никогда не задумывалась о том, что люди называют славой, и принимала уважение ребят и взрослых как сам собой сложившийся порядок. Но зимой 1941 года в ней впервые заговорило самолюбие. Его задели понаехавшие из Москвы ребята. То были дети рабочих и инженеров одного небольшого столичного завода, эвакуированного в Зимогорск. Наташе сразу они показались зазнавалами и всезнайками, самоуверенными и чересчур болтливыми. Люди, к которым с малых лет привыкла Наташа, никогда так много не говорили. А эти новички из столицы, едва освоившись на новом месте, стали трещать как сороки, заводить свои порядки в классе, не очень-то считаясь с признанным авторитетом старосты и председателя совета

отряда. Особенно дерзко, казалось Наташе, вела себя Нонна Ступальская, дочка инженера, высокая и очень прямо державшаяся девочка, которую посадили как раз впереди Наташи. Все в ней раздражало Наташу: и как та вертела на уроке тонкой шеей, над которой уж слишком мудро, по мнению Наташи, какими-то вензелями были уложены косы, и как, обернувшись, смотрела она на Наташу из-под круглых, высоко поднятых бровей слегка прищуренными глазами, и как охорашивалась перед тем, как выйти к доске, когда ее вызывали, и как охотно рассказывала она на переменах о своих московских знакомых, среди которых чуть ли не каждый был знаменитым киноактером либо известным футболистом. И самое обидное было в том, что ее все с интересом слушали, и постепенно эта долговязая болтунья стала чуть ли не первым человеком в классе. Она и гостинцы для раненых в госпитале собирала, и на сборах выступала, и на рояле аккомпанировала, и сводки Совинформбюро в классе вывешивала. На Наташу она смотрела свысока, быть может, потому, что и в самом деле была на полголовы выше.

Наташа ревниво приглядывалась к ней и другим эвакуированным ребятам. Ей было обидно, что новички слишком уж много рассказывают про свою Москву, чересчур уж хвастают разными столичными достопримечательностями, но зимогорских красот не видят, не понимают и иной раз неуважительно говорят о городе, который вырос вместе с ней среди гор и лесов, отстроился и так похорошел за короткое время. А эти приехали на все готовенькое и еще недовольны, что тут нет метро, планетария, только два кино и слишком холодный ветер. Подумаешь, неженки какие, дует на них!..

Но когда стало известно, что новички из Москвы вызвались участвовать в традиционных, ежегодно проводимых в Зимогорске лыжных гонках между городом и рудниками и решили соревноваться с зимогорскими местными школьниками, Наташа поняла, что пришла пора проучить зазнаек. И где им было угнаться за природными уральскими скороходами! И эта длинная бледная тянучка Нонна тоже записалась. Ну, пусть пеняет на себя.

Говорили, что Нонна Ступальская считалась у себя в московской школе одной из лучших лыжниц своего класса. Может быть... Но сильной и привычной к морозному уральскому ветру Наташе Скуратовой не стоило большого труда обогнать тоненькую москвичку и бросить ее далеко за спиной еще чуть ли не на самых первых порах гонки. Напрасно та напрягала все силы, чтобы хоть немножко удержаться за Наташей. Все попытки ее

были безнадежны и выглядели жалкими потугами по сравнению с тем уверенным шагом, которым победно вымахивала Наташа под восторженные овации зимогорцев. Торжество Наташи было столь же полным, как поражение москвички. Может быть, в тот день Наташа и отведала впервые хмельной сладости победы и славы.

Но когда Наташа, румяная, торжествующая, возвращалась с гонок домой, у дома, где были расселены эвакуированные, она чуть не натолкнулась на побежденную. Нонна сидела прямо на снегу, отбросив в сторону лыжи, и тихонько плакала, уткнувшись в колени. А рядом стоял ее братишка, шестилетний Семик, тоже тощенький и бледный. Он старался одной рукой приподнять за подбородок голову сестры, а другой все совал и совал ей надкусанную горбушку черного хлеба, смазанную повидлом.

Услышав шаги Наташи, он вскинул на нее сердитые глаза, а узнав, потупился, спрятал руку с хлебом за спину.

— Зачем пришла? — спросил он тихо.— Уйди... Это ты ее нарочно так перегнала, назло... нарочно... Уйди... А то она не станет есть. Она мне утром свою порцию отдала. А я не знал совсем, что сегодня на лыжах...

Он помолчал.

— Тебе хорошо. У вас, мама говорит, от огорода картошка осталась. А у нас питание очень плохое,— сказал он совсем повзрослому,— потому что мама больная, не работает и она карточку иждивенческую получает. А ты уж рада... Обогнала... Уйди!

Наташа, постояв немного над ними, не зная, что надо сказать, как помочь, тихо отошла, чувствуя себя в чем-то очень виноватой.

На другой день она дождалась у дома эвакуированных, когда выйдет гулять Семик, и, краснея, хмурясь, ткнула ему в рукавичку еще теплую шанежку, которую дала ей перед уходом в школу мать.

Никто не мог понять, почему на другой день она решительно отказалась участвовать в лыжных состязаниях с соседской школой, а когда кончились уроки, дождалась у подъезда Нонну Ступальскую, сама подошла к ней и предложила идти домой вместе.

В ту зиму она часто ходила на лыжах с Нонной, но ни в одной гонке, как ее ни упрашивали, не участвовала...

Она вспомнила обо всем этом сейчас, когда возвращалась с ребятами в интернат, потому что встретилась с группой знакомых лыжников.

Они шли с тренировки, неся лыжи на плечах.

Маленькая Маша Богданова кинулась навстречу подруге.

— Наташка! Вот хорошо! А я к тебе собралась. Здравствуй, между прочим.— Они поцеловались.— А мы тебя с утра искали.

Наташа выпрямилась:

— Заранее говорю — нет.

— Что — нет? Ты выслушай сначала.

— Уже сто раз слышала. Сказала «нет» — и все.

— Ну хорошо,— уговаривала Маша,— на тренировки не ходи, это твое дело пока, там видно будет, но хоть в гонках участвуй. Ты что же, хочешь, чтобы мы знамя переходящее отдали?

Подошли другие девушки и лыжники, обступили Наташу:

— В самом деле, Скуратова!

— Брось, Наташа, упрямиться!

Розоволицый и очень курносый парень, физкульторганизатор, которого, вероятно, за то, что он отпускал кудрявую бородку, все в Зимогорске звали «дядя Федя», тенорком своим добавил:

— Не кругло у нас с тобой получается, Скуратова, не кругло!

Наташа посмотрела на него так, что он даже закашлял.

— А я не по циркулю живу, чтобы все кругло было. Это ты, дядя Федя, по циркулю да по линеечке все заранее распланировал, во все колокола брякал, я тебе и поверила, а однако-то вышло, что мне до московских еще семь верст пешком, да все лесом. Эх ты, теоретик!

— Позволь, позволь, Скуратова,— заторопился дядя Федя,— это уже ни к чему твоя такая косоплетка, совсем уж некстати. Я и сейчас ответственно скажу, что данные у тебя определенно есть, только техника немного отстает, и если тебе подзаняться...

Но Наташа перебила его:

— Дядя Федя, и вы, ребята, девушки, я ведь вам уже двадцать раз сказала, что с лыжни я сошла и лыжню мою ветром занесло. Так и знайте.

— Дело твое, Скуратова, только не одобряю.— Дядя Федя вздохнул:— Не с лыжни ты сошла, а к нам дорожку забыть хочешь. Пошли, ребята!

И лыжники ушли. Только Маша Богданова задержалась несколько, посмотрела еще раз на подругу:

— И упряма же ты, Наталья!..— Внезапно она о чем-то вспомнила:— Ой, чуть не забыла! У нас в бюро новый начальник из Москвы, инженер-архитектор. Интересный такой, симпа-

тичный. Молодой еще... сравнительно, конечно... Только чудной такой и чуток хромый, почти незаметно. Мы его тоже на вылазку звали, а он говорит: «Куда уж мне, да и вообще,— говорит,— не интересуюсь».

Между тем в чертежно-конструкторском бюро строительства, так называемом «Уралпроекте», Чудинов, облаченный в безукоризненно белый халат, по-хозяйски расхаживал между наклонными столами, на которых были разложены чертежи, свитки ватмана и кальки. Он уже начал свыкаться с новым местом, дело шло на лад, у него установились добрые отношения с коллективом «Уралпроекта», народ тут работал все больше молодой. Новый инженер сумел так интересно рассказать о том, как будет строиться дальше Зимогорск, во что он превратится через несколько лет, он так смело развивал перспективы строительства на ближайшие годы, что сумел всех увлечь... Теперь даже самые скучные, рабочие чертежи каких-нибудь «пищеблоков», «санузлов» казались людям в конструкторском бюро «Уралпроекта» деталями большого, по-новому осмысленного и действительно прекрасного дела, в котором почетно и радостно принимать участие.

Кроме того, новый начальник бюро предложил застеклить и развесить прямо на улицах, на стенах еще кое-где сохранившихся, но предназначенных на слом жилых бараков, чертежи с проектами жилых домов, административных зданий, школ, которые должны были возникнуть на теперешних задворках.

— Понимаете, друзья, — говорил Чудинов, — пускай люди ходят и заглядывают в эти проекты, как в окна, через которые им открывается вид на их завтрашнюю улицу. Будто бараки уже просвечивают насквозь и не загораживают нам будущего!

И действительно, возле проектов, вывешенных на Барачной улице, почти всегда толпился народ. Приятно было людям заглянуть в свой завтрашний день.

Сейчас в бюро все были погружены в работу. А чистота и белизна вокруг по требованию нового начальника были такие, что могли соперничать с безукоризненно ослепительной белизной снежных просторов, расстилавшихся за большими окнами чертежного бюро. Вот туда, через эти просторы, к горам скоро будут проложены широкие и красивые проспекты городка, которые сейчас вычерчивались на ватмане, приколотом к доскам. Только один стол с чертежом все еще пустовал. Чудинов посмотрел на часы:

— Опять Богданова после перерыва запаздывает. Уже третий раз на этой неделе. В конце концов, мне это начинает...

Он хотел пройти к своему столу, но в это время услышал позади себя голос Маши Богдановой. Красная, только что с мороза, она уже сидела на своем месте перед чертежом.

— Степан Михайлович, у нас же тренировки перед гонками. Меня всегда отпускали. Я потом свое отработаю.

— Когда это — потом? Вот мы чертежи в управление задерживаем, до сих пор расчеты перекрытия клуба не сданы, а вы там гоняете где-то на лыжах, а потом начнется гонка здесь. И видите, что у вас тут в прошлый раз получилось? Куда это годится! Он сердито ткнул пальцем в один из углов чертежа, и бедная Маша стала еще более красной. А молоденькая чертежница язвительно четким шепотом, который всегда бывает слышен как раз именно тому, кому его слышать и не нужно было бы, поделилась украдкой с соседом:

— Ведь еще не старый, а такой сухарь!

На что сосед, долговязый, очкастый и необычайно волосатый, отвечал, загребая всей пятерней свисшую на лоб прядь к затылку:

— Из зависти. Обидно, что сам не может.

Да, что делать! Как это ни грустно, Чудинов знал, что он уже прослыл в Зимогорске гонителем лыж, ненавистником спорта. Ах, чудаки, если бы они только знали!..

И вот наступил день традиционных для Зимогорска, из года в год неукоснительно проводимых массовых лыжных гонок по маршруту Зимогорск — Рудник — Аэропорт. На это, ставшее тут по-настоящему народным состязание съезжались лыжники со всей округи. Трасса гонки пролегала сперва по узкой просеке через бор, примыкавший к городу, затем поднималась по крутогорью, петляла среди холмов и уходила в широкую, сильно пересеченную равнину, которая вела к полю аэропорта.

Все в городе с нетерпением ждали этого дня. Вероятно, единственным человеком, который не проявлял никакого интереса к гонкам, был Чудинов. Безразличие его возмущало молодых сотрудников конструкторского бюро «Уралпроекта». Он не участвовал в спорах, тотчас возникавших, как только речь заходила о предстоящих гонках,— а об этом только и говорили в эти дни в Зимогорске. Его, видно, очень мало трогало, что чемпионка Наташа Скуратова решительно отказалась выйти на старт... Впрочем, чего было ждать от такого преждевременно и непостижимо зачерствевшего сухаря?

Но если Чудинову не было никакого дела до предстоящих

гонок, то был в городе человек, чья маленькая душа совершенно истерзалась ожиданием гонок, в которых по причинам, ему решительно непонятным, отказалась участвовать тетя Наташа. То был Сергунок. Он места себе на находил все эти дни. Ему казалось, что без тети Наташи гонки вообще не могут состояться. Их непременно отменят. Сергунок был как раз в том возрасте, когда авторитет учительницы — первой в жизни — непререкаем. Он испытывал священный восторг перед ее познаниями. Та, что задает уроки, знает все правила грамматики и арифметики, все буквы и цифры, может сложить мигом любое число и так же быстро вычесть одно из другого, та, что помнит наизусть столько стихов и песенок и к тому же лучше всех в городе ходит на лыжах, несомненно является самой важной фигурой в жизни! Сергунок считал Наташу самой красивой на свете, самой умной среди всех; выше ее, храбрее и главнее не было вокруг никого. Дальше уже шел разве только сам товарищ Ворошилов!

И вдруг такое... Сергунок уже достаточно горько пережил известие, что нашлись в Москве такие, что обошли тетю Наташу, и теперь, когда можно было, забыв про московские неприятности, снова восстановить доброе имя тети Наташи, показать всем, что́ она такое на лыжах, сама тетя Наташа вдруг не захотела... В день гонок, нарушая зарок молчания, который дали друг другу ребята в интернате, Сергунок неуверенно подошел к своей учительнице:

— Тетя Наташа, а ты бы, однако, один разок только, последний, сегодня... А то у нашего «Маяка» знамя без тебя отнимут. Жалко же!

— А ты задачки к завтрашнему дню все решил? — спросила вдруг неумолимая Наташа.

Это был, конечно, запрещенный прием. Так кого угодно можно смутить. Сергунок надулся и мрачно покачал круглой стриженой головой. А тетя Наташа безжалостно продолжала:

— Нет? Ну, вот ты их и решай. А я буду решать сама то, что мне полагается, и уж ты мне ответа не подсказывай. Понятно-о?

Сергунок отошел нахмуренный и смущенный, но через мгновение снова вернулся:

— А поглядеть без тебя нам можно, как пойдут? Хоть немножко?

И Сергунок неуверенно заглянул в лицо учительнице: не примет ли она это за измену ей?

Но Наташа равнодушно повела плечом:

— Гляди себе на здоровье.

День был воскресный, но еще неделю назад в конструктор-

ском бюро решили работать до конца месяца без выходных: подпирали сроки строительства. Однако, когда Чудинов пришел сегодня в бюро, там не оказалось ни души. Под центральной люстрой висела на специально пристроенной рейке все объясняющая афиша:

«Все на лыжи! Сегодня гонки Зимогорск — Рудник — Аэропорт».

Чудинов поскреб затылок, даже плюнул в сердцах. На минуту ему стало смешно. Кто, как не он, всю свою жизнь пылко, неутомимо и деятельно пропагандировал этот самый призыв: «Все на лыжи!». Ну вот, добился своего. Все на лыжах, а он тут один с незаконченными чертежами, которые нужно гнать к сроку.

За большим окном со сверкающим муаром морозной наледи на стекле гремели марши. Проплывали на уровне второго этажа за подоконником звезды на древках спортивных знамен. Команды шли на старт. Чудинов огляделся, убедился, что никого нет в бюро, подошел к окну и, стоя за портьерой, осторожно, но критически посмотрел сверху на лыжников.

«Э! Техника! — отметил он по неисправимой тренерской привычке.— Кто же так ногу выносит? Идут как по песку. Руками, руками энергичнее, ну! — Он спохватился.— Впрочем, мне-то какое дело?.. А хорошо бы сейчас... Товарищ Чудинов, призываю к порядку, отставить! — скомандовал он сам себе, как это он любил делать, и пошел к своему столу, тихонько ругаясь по дороге.— Занесла же меня нелегкая! Это просто какой-то район сплошной лыжни. Ну, Карычев, ну, старик, погоди у меня! Приедешь ты сюда, я тебя носом повожу по снегу этому, девственному, лыжниками не тронутому!» — Он расправил свертывающийся в рулон плотный ватман, прикрепил его к доске, взял логарифмическую линейку, двинул шкалу. Как похожа была гладкая белая линейка с выпуклой продольной движущейся реечкой на лыжный след по снегу!.. Чудинов, уже не в шутку сам на себя рассердившийся, ударил кулаком по столу, потряс головой.

— Может быть, хватит на сегодня? — спросил он громко у самого себя и погрузился в работу.

Между тем на окраине городка уже давали старт лыжным командам, участвовавшим в гонках. Трасса проходила неподалеку от возвышенности, где стоял дом интерната. Вешки, воткнутые в снег, отмечали направление дистанции. Один за другим

проносились мимо лыжники, а на холме группа ребятишек из интерната следила за проходившими внизу под ними гонщиками.

— Ничего идут наши, ходко,— заметил Сергунок со знанием дела, нетерпеливо переминаясь с лыжи на лыжу.

— А вон тетя Маша как пошла вымахивать! — восхитилась Катя.

Громким, подбадривающим визгом приветствовали ребята Машу Богданову, которая пронеслась под косогором, энергично действуя палками.

— Тетя Маша!.. Тетя Маша!..— долго неслось вслед лыжнице.

А потом вдруг все стихло. Сейчас ребятам стало особенно обидно, что подруга тети Наташи, которую та сама всегда обгоняла, уже промчалась, а тетя Наташа не захотела даже смотреть на гонки. Нет, Сергунку все это стало совсем уж невтерпеж.

Сергунок презрительно посмотрел на ребят:

— А хотите, однако, я с горки разлечусь и ее догоню? — И он постукал о снежный наст лыжами.

Катя косилась на него из-под башлычка укоризненно:

— Ох, и шибко горазд ты хвастать, Сергунька! Не догонишь, однако. Спорим давай?

— Она кругом пойдет, балочкой, а я знаю, как прямо можно. Хочешь, на спор?

— А тетя Наташа тебе велела? Помнишь, как в прошлый раз увязался? Тебе мало попало?

— А вы тете Наташе не говорите, ладно?.. Я ведь только провожу немножко, до рудника, и обратно ходу.

И, энергично действуя палками, умело развивая хороший ход, маленький лыжник все быстрее и быстрее заскользил с холма, оставив на вершине его оторопевших от неожиданности ребят. Слегка растопырив ноги и присев, он обогнул кусты и через минуту потерялся за сугробами в снежной долине.

Чудинов продолжал работать за своим столом в бюро. Несколько раз он поглядывал на маленький репродуктор радиосети, но стойко отворачивался. В конце концов, не выдержав и ругательски себя ругая, он как бы невзначай вороватo включил громкоговоритель.

«...щаем последние сведения с дистанции лыжной гонки»,— приглушенно донеслось из репродуктора.

Чудинов невольно прислушался.

«...команда «Маяка», ослабленная отсутствием своей сильнейшей гонщицы, несколько поотстала. В команде «Радуга» тем не менее...»

Чудинов решительно выключил репродуктор.

Метель, как это часто бывает на севере Урала, ринулась на город неожиданно. Вдруг зазвенели, струясь между прошлогодними замерзшими былинками, торчавшими из-под сугробов, змейками вьющиеся вихри поземки. Вокруг кустов стало как бы начесывать белую кудель наносов. Сразу наволокло откуда-то клочковатую облачную муть, закрывшую все небо, и без того короткий зимний день стал угрожающе меркнуть. Тревожно и зловеще заныли провода, ветер засвистел в пролетах мачт высоковольтных передач, шедших из города на рудники. Защелкал, как кнут в воздухе, оторвавшийся с одного конца от стартового столба транспарант, и ветер прогнал по улицам первый, круто завившийся белый кубарь метели.

Не прошло и десяти минут, как все вокруг смешалось в холодном кипении взметенного снега, и все звуки утонули в нарастающем посвисте бурана.

Тепло и уютно было в этот час в чистенькой столовой интерната.

Ребята кончали вечерний чай.

Наташа была в своей комнате. Она проверяла тетрадки. В глазах у нее рябило от толстых и тоненьких, старательно выведенных по косым линеечкам кружочков, палочек, хвостиков, но привычный слух продолжал улавливать все, что происходило внизу, в столовой.

Наташу не беспокоил ребячий гам, она даже любила его. Он казался ей естественным и необходимым, как постоянный шум леса за окнами интерната. Наташа по-настоящему любила ребят, это было у нее с детства. Она еще школьницей любила возиться с малышами и потому считалась отличной вожатой младших классов. А тот, кто любит по-настоящему детей, не ради забавы или нетрудного, преходящего умиления ими, понимает, что детям нужен шум, что постоянная тишина для них стеснительна. Наташа любила ребят, не принимала их мелкие провинности за неисправимую испорченность, маленькие уловки — за коварство, невольное ослушание — за своенравие. Она была строга с детьми, но умела всегда сказать всю правду, как порой ни трудна она была, и сама добивалась правдивого признания от любого неугомонного враля. Она твердо верила в чуткое и трепетное благородство взыскательной ребячьей души.

Сейчас внизу, в столовой, было почему-то слишком уж тихо. А Наташа знала, что тревожиться надо не тогда, когда в комнате, где много ребят, царит отчаянный шум, а именно в тех случаях, когда там возникает внезапная и противоестественная

тишина. Тогда надо немедленно бежать туда, ибо, значит, там что-то случилось...

Наташа быстро спустилась в столовую, но там все было в порядке. Некоторые ребята уже вставали из-за стола.

— Спасибо, тетя Наташа. Можно встать?

Наташа привычно оглядела стол, проверяя, все ли доедено, не припрятаны ли корочки под тарелками, как это делали некоторые баловники. И вдруг она заметила, что среди пустых приборов и порожних стаканов стоит один полный молока, перед тарелкой, на которой лежит несъеденный кусок пирога и конфета «Мишка на севере».

— Ребята, кто это молока не пил? — спросила она.

Дети молчали. Катя по школьной привычке подняла руку, хотела что-то сказать, но вдруг полные губы ее жалко вытянулись, скривились и она громко заплакала.

И тут словно по команде заревели все, кто был в столовой. Ребята ревели громко, хором, с ужасом глядя сквозь слезы на Наташу. И она поняла, что произошло что-то страшное, вызванное нарушением каких-то запретов.

Через минуту Наташа стремительно набирала в кабинете заведующей номер телефона городского комитета физкультуры.

— Комитет? Это кто? Скуратова говорит, из интерната. У нас мальчик пропал, за лыжниками увязался. Что? Возвращают из-за погоды всех? А мальчика нет с ними? Не знаете? Орлов Сережа...

А по долине, где проходила трасса гонок, уже мчалось несколько аэросаней, высланных из рудника. Они неслись навстречу передовым лыжникам. Пропеллер ревел в вихрящихся облаках снега. Сани летели сквозь снежную бурю, словно сами порожденные метелью. Пурга уже заметала вешки, отмечавшие дистанцию, алые флажки волочились в ветре по выросшим сугробам. С каждой минутой муть сгущалась над равниной все более и более. Казалось, что она готова сейчас схватиться и затвердеть, как гипс.

Когда аэросани встречали кого-нибудь из гонщиков, мотор стихал, и тогда было слышно, как через рупор с борта кричат:

— Кончай! Кончай гонку! Пурга идет!.. Отменяется все! Давай к автобусам, здесь, у рудника!

Через полчаса к гостинице, где был назначен сбор, стали подъезжать автобусы. Из них вылезали с лыжами участники гонки. Они вбегали в вестибюль, терли застывшие руки и щеки, прыгали на месте, обогреваясь.

— Спасибо еще, что аэросани с рудника навстречу выслали,— возбужденно проговорила Маша Богданова, дуя на свои маленькие красные руки,— а то бы досталось нам! Ну и метет!

Дядя Федя проверял вернувшихся по списку.

— Товарищи, давайте-ка проверим — никто не отстал? Аболин! Тут? Так. Акулиничев имеется? Богданова? Вижу, тут. Бегичев? Гаранин...

Метель била снегом в стекла. Порой удары ветра со снегом сотрясали, казалось, все здание гостиницы. Дядя Федя продолжал выкликать:

— Сафронова... Селищев... Так. Скура... Ах да, не участвовала.

Он уже вычеркнул карандашом имя Наташи из списка, как вдруг из-за спин окруживших его лыжников раздался голос:

— Я здесь... Только сейчас не в этом же дело!..

— Верно, поздновато спохватилась, Наташенька,— острила Маша Богданова.

— Ребята, я хочу вам сказать... как вы можете?.. Раз такое случилось...— Низкий грудной голос Наташи, обычно такой спокойный, заметно осел в дрожи

— Да что уж тут сейчас говорить,— усмехнулся дядя Федя.

— Да вы слушаете? Я к вам, как к людям, а вы...— начала было Наташа, но махнула рукой и резко повернулась.

В это время, легко раскидывая всех, к дяде Феде приблизилась Олимпиада Гавриловна, вышедшая из соседней комнаты. Она была взволнована.

— Слышали? Из комитета звонили — мальчик заблудился из интерната. Увязался за вами и пропал.

Все оглянулись на то место, где только что стояла Наташа, но было уже поздно. В резко двинувшихся стеклах вертящейся входной двери мелькнула ее фигура. Вот она показалась за окном, освещенная качающимся, мутным от снегового кипения светом фонаря, и исчезла в темноте. Только медленно вращалась еще тяжелая входная дверь со стеклянными переборками.

Все кинулись вдогонку, но застряли в вертушке, задержались, а когда выскочили на улицу, там уже никого не было. Напрасно кричали в темноту:

— Погоди, Скуратова! Вернись, ведь мы же не знали!

— Вот ей-богу! Не кругло как все вышло...— приговаривал торопливо дядя Федя.

Маша Богданова схватилась за щеку:

— Ой, ребята, нехорошо как получилось! Она к нам за подмогой, а мы ей смешки. Ведь пропадет одна. Она на лыжах

кинулась, вон след. А задувает-то как, темень какая! Что делать будем? Я считаю, всем надо идти.

Кто-то еще пробовал кричать в беснующуюся мутную тьму:

— Наташа-а-а! Скуратова-а-а! Стой!..

Ветер возвращал им эти крики вместе с горстями колючего снега.

— Аболин,— распоряжался дядя Федя,— звони на рудник и в аэропорт — пускай навстречу высылают искать и по радио пусть объявят.

Не прошло и десяти минут, как от гостиницы стали один за другим уноситься в ревущую тьму лыжники с зажженными факелами. Вскоре ветер донес прерывистый гудок с рудников, заголосила сирена обогатительной фабрики. Гудки то утихали, то снова взвывали, сливаясь с ревом пурги. Тревожные голоса их давали направление тем, кто вышел на поиски пропавшего.

В парикмахерской гостиницы «Новый Урал» тетя Липа на всякий случай сунула боты Адриана Онисимовича в шкаф, заперла дверцу на два оборота, спрятала ключ в карман и стала в дверях, скрестив богатырские руки на груди, как неумолимый и бдительный страж. Тут ее и застал бедный парикмахер.

— Если вы полагаете, что это меня остановит, то глубоко ошибаетесь,— произнес он, оглядев Олимпиаду Гавриловну снизу вверх, для чего ему пришлось высоко и гордо закинуть голову.

Затем он молча обвязал шею толстым шарфом, поднял бобриковый воротник пальто и, повернувшись решительно, зашагал к дверям, где стояли у косяка лыжи.

— Ну что вы с собой и со мной делаете только! В такой мороз и без ботиков! — В отчаянии тетя Липа распахнула шкаф и брякнула к ногам Дрыжика так и подскочившие боты на резиновой подошве, сверху суконные, системы «прощай, молодость», как их называют спортсмены.

Адриан Онисимович быстро напялил боты, щелкнул застежками, захватил лыжи и выбежал вслед за спешившими спортсменами.

Глава VI
СНЕГ СТУЧИТ В СЕРДЦЕ

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга,
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага.

А. Блок

Увлекшийся работой Чудинов некоторое время не обращал внимания на то, что происходит за окнами бюро. Он только спустил шторы, когда стало посвистывать в щелях окон и задувать в комнату холодными струйками ветра. Работа шла хорошо. Чудинов уже предвкушал, как назавтра он сперва распечет слегка своих чертежников (очень уж усердствовать не стоило, он все-таки помнил, что такое для истого болельщика день больших состязаний), а потом покажет, как он разработал новое задание.

Но тут что-то заставило его прислушаться. Сквозь все нараставший гром и посвист метели, шаставшей снегом снаружи по стенам здания, просквозил какой-то тревожный, ноющий звук. «Ого, метель-то разыгралась серьезная»,— подумал Чудинов, вслушиваясь в нестройный, стонущий на разные тона звук, который рвался снаружи. Воющий рев метели как бы подчинялся этому странному звуку, становился то громче, то слабее, почти замирал и вдруг опять усиливался, словно повинуясь какому-то неровному и тяжелому биению. И вдруг Чудинов понял, что это гудят на заводах и ветер то доносит гудки, то заглушает их гулом бурана. Потом ему показалось, что откуда-то пробился далекий частый набат. Чудинов подошел к окну, но разглядеть ничего не мог. Метущаяся мутная мгла, в которой расплылись светлые блики вокруг фонарей, кишела за окнами. Чудинов включил репродуктор.

«...сбор лыжных поисковых партий у гостиницы «Новый Урал», — раздалось в комнате.— Они прочешут весь район рудника и аэропорта, где, по-видимому, находится заблудившийся ребенок».

Диктор кончил читать сообщение, и наступила пауза. Чудинов ждал: может быть, повторят. И действительно, после щелчка в репродукторе послышалось:

«Внимание, говорит Зимогорский радиоузел. Повторяем наше сообщение: в районе рудника и аэропорта пургой застигнут ребенок из интерната. На спасение заблудившегося мальчика

вышли лыжники из города. В аэропорту организована лыжная поисковая партия. Приглашаются добровольцы-лыжники. Сбор лыжных поисковых партий у гостиницы «Новый Урал».

Чудинов выпрямился. На секунду ему показалось, что колющая легкая боль резнула у него сквозь колено, но она тотчас же прошла. Да и не до этого было сейчас. Думать было некогда. Он устремился к дверям.

У гостиницы ветер рвал пламя факелов, которые держали лыжники.

— Есть лыжи свободные? — спросил сбежавший с подъезда Чудинов, который уже успел побывать у себя в номере, чтобы переодеться в свою неизменную лыжную клетчатую куртку.

Маша Богданова, услышав его голос, одним толчком подъехала поближе, вгляделась, не веря своим глазам, но все же в летучем, мельтешащем свете факелов узнала начальника.

— Степан Михайлович, вы? Вам же трудно.. Вы же...

Чудинов резко оборвал ее:

— Завтра поговорим, трудно или легко. Где лыжи взять?

— А вам, товарищ, когда-нибудь приходилось иметь дело с этой снастью? — осторожненько спросил дядя Федя, уже наслышанный о том, как относится к спорту новый начальник конструкторского бюро.

Чудинов отвечал быстро, нетерпеливо:

— Приходилось, изредка.

— Ну и как,— поинтересовался дядя Федя, — получалось? У нас тут местность очень пересеченная.

— Карту! — коротко потребовал Чудинов.

Дядя Федя, иронически пожав плечами, поднес к факелу планшетку с картой:

— Смотрите, чтобы вас потом самого искать не пришлось.

— Как-нибудь сам найдусь. Ну-ка... лыжню! — крикнул он властным и звучным голосом. Все невольно попятились, отступая. И он унесся в метельную темь, сразу с места уверенно взяв сильный ход.

— Смотри, какой прыткий! — удивился дядя Федя.— А стойка какая, видали? Ой, братцы, это он, кажется, все темнил...

Жутко было сейчас человеку в поле. Наташа упрямо пробивалась сквозь бушующую стену пурги. Столбы крутящегося снега налетали с маху, рушились на нее, грозя свалить с ног, слепя и на мгновение лишая дыхания. Но девушка упрямо шла вперед, низко пригнувшись, иногда примечая торчащую вешку,

минутами теряя направление, вслушиваясь в гудки. Она то проваливалась в сугроб, то снова вскарабкивалась на крутогор.

Наташа была опытной лыжницей. Она даже не помнила, когда в первый раз стала на лыжи. Вероятно, почти тогда же, когда самостоятельно стала на ноги. Она привыкла к далеким лыжным переходам. Бывало так, что неделями ей ежедневно приходилось и в школу-то ходить на лыжах. Лыжи для нее были не только спортом, но и привычным способом передвижения. Прежде она никогда и не думала о том, что лыжня станет для нее тропой, где ее ждала сперва слава, а потом позор. Несколько лет назад во время комсомольской лыжной вылазки на нее обратил внимание заезжий инструктор физкультуры, уговорил ее выступить на областных соревнованиях. С того дня и началось. Но теперь с этим было покончено. Лыжи для нее стали снова только привычным средством для любимых прогулок.

Не раз случалось Наташе быть застигнутой в поле метелью. Но такого, как сегодня, ей еще не выпадало. Она уже жалела, что не дождалась других лыжников, которые, конечно, теперь уже вышли тоже на поиски Сергунка.

Ничего не видно было вокруг в этом кромешном мутно-белом аду. Свирепое кишение взбесившегося снега, казалось, заполняло вес мир, и тщетно было взывать, сложив ладони рупором, проталкивая крик в этом яростно клокочущем ледяном воздухе:

— Сергуно-о-к! Се-ре-жа... Орло-ов!..

Но снова и снова звала она мальчика.

Внезапно она замолкла, тяжело дыша, прислушиваясь. Откуда-то, казалось, издалека, а может быть, и совсем рядом, сквозь белую круговерть донесся со стороны почти неразличимый слабенький голос: «Ау-у!». Наташа, с места развернувшись, бросилась туда, откуда послышался ей ответ. Облака снега, ринувшиеся навстречу, на мгновение ослепили ее. Она зажмурилась, оборачиваясь, чтобы передохнуть, и не видела, что лыжи ее уже скользят по снежному карнизу — настругу, свисающему с края оврага. Она только почувствовала вдруг, что все под ней куда-то оседает вниз, безудержно увлекая за собой, и вместе с небольшой лавиной стремглав обрушилась на дно овражка. Он был не очень глубок, но крут. Наташа сильно ушибла руку при падении. С трудом выбралась она из-под снега и только тут с ужасом убедилась, что одна лыжа у нее сломана, а без лыж в такую погоду и километра не пройдешь. Наташе показалось, что, словно почувствовав всю ее беспомощность, пурга с новым неистовством задула навстречу. Несмотря на боль в руке, На-

таша кое-как выбралась из овражка и позвала Сережу. Ей снова послышалось тихое «ау». Почти по самый пояс утопая в снегу, она кинулась на зов, выкарабкалась из сугроба. Впереди затемнел полузанесенный куст. Что-то шевелилось под ним.

Через минуту Наташа уже поднимала за плечи полузамерзшего, совсем ослабевшего мальчика. Она пыталась поставить Сергунка на ноги, но мальчуган так ослаб и застыл, что снова валился на снег. У него хватило только сил, еле шевеля губами, произнести:

— Тетя Наташа, ты иди, а я лучше тут полежу, отдохну чуток.

Наташа грела ему своим дыханием руки, терла варежками щеки, теребила, отряхивала.

— Сергунок, милый... ты, маленький, никак не сможешь идти?

Он вяло отводил ее руки, твердил виновато:

— Я ног не чую. Ты иди, тетя Наташа, я уже теперь не боюсь, раз ты меня сыскала. Ох, я рад до чего, что нашелся! Ты только не серчай, что я заблудился... Нечаянно. Я больше никогда сроду не стану...

Их обоих заносило снегом. Нельзя было оставаться тут на самом ветру. Надо было найти хоть какое-нибудь укрытие. Наташа, отвернувшись от ветра, как бы упираясь в него спиной, связала лыжи Сергунка своим шарфом, соорудила что-то вроде салазок, уложила на них мальчугана и попыталась волочить самодельные санки за собой. А метель задувала все неистовее, сплошной поток плотного, как будто уже в воздухе слежавшегося снега хлестал навстречу. Буран закручивал эти хлещущие струи вокруг. И Наташе, ослабевшей, терявшей последние силы, казалось порой, что она попала в какие-то огромные, бешено вертящиеся двери и безнадежно крутится, крутится в них и никак не может угодить в выход.

Она то и дело падала на колени, проваливаясь уже выше пояса, с трудом поднималась снова.

Потом один раз у нее уже не хватило сил подняться...

Лыжники с электрическими фонариками в руках и с факелами, которые, словно огненные квачи, размазывали тускло светящиеся пятна в темном ревущем пространстве, шли со стороны городка и аэропорта, прочесывая навстречу друг другу весь район, примыкавший к трассе недавних гонок. Они рассыпались по снежной равнине, взвихренной бураном, обходя ее двумя

широкими цепями, которые должны были сойтись, как две скобки. Зарево факелов улетучивалось в облаках несущегося снега.

Лучи электрических фонариков беспомощно задыхались в мути. Совсем в стороне от уже занесенной гоночной лыжни луч одного из фонариков вдруг остановился на обломанной ветке куста, упавшей на снег, по-видимому, недавно, так как метель еще не успела занести ее полностью. Рядом свет фонаря обнаружил ямки на месте свежих, но уже полузанесенных следов. Некоторое время круглое световое пятно от луча фонарика металось вокруг. В конусе луча, лихорадочно ощупывавшего сугроб, кишели яркие высвеченные снежинки. Потом луч уставился на ветку куста, на которой колотился на ветру зацепившийся за колючку помпон — кисточка от детского башлычка. Свет фонарика рванулся дальше по еле заметным следам, почти уже сравнявшимся с сыпучей поверхностью сугроба. Секунду-другую он петлял по сторонам и вот вздрогнул, остановился, набредя на полузанесенные детские лыжи. Еще быстрее стал шарить вокруг в этом темном, словно дымящемся пространстве луч фонарика, пока в конусе света не появились очертания двух прильнувших друг к другу и совершенно белых, будто загипсованных фигур. Полузамерзшая Наташа, прикрыв собой от ветра Сергунка, прикорнула на руках с ним за сугробом. Девушку и мальчика уже почти занесло снегом. Оба были недвижны, в забытьи. Только свиристел ветер в сучьях кустарника да шумела яростная поземка.

Наташу вывело из беспамятства ощущение чего-то обжигающего во рту. Она судорожно закашлялась, отталкивая руку, которая вливала ей почти насильно в рот коньяк из фляжки. Ослепленная лучом фонарика, направленного ей прямо в лицо, она ничего не видела вокруг, но сквозь тугой поток ветра и снега, несшийся из тьмы, до слуха ее пробились обращенные к ней слова:

— Подняться в состоянии? Мальчика возьму сам. Обопритесь на меня. Тут рядом шалаш. Я вешку поставил.

— Постойте... Это кто? — еле справляясь с окоченевшими губами, пыталась спросить Наташа.

Голос из пурги и темноты отвечал быстро и кратко:

— Потом, потом... Молчите, дышите в шарф.

Наташа почувствовала, как теплый вязаный шарф, закинутый за ее шею, ложится на лицо, прикрывая его от ветра. На мгновение она увидела в свете фонарика рукав клетчатой куртки. Блеснула на обшлаге выпуклая пуговица в форме ма-

ленького футбольного мяча. Кто-то подхватил Сергунка на руки и, оставаясь не видимым в темноте, помог подняться Наташе. Прикрывая обоих плечом, повел сквозь толщу рвущегося навстречу ветра к полуразрушенному охотничьему шалашу. Наташа и Сергунок были уже упрятаны в это шаткое, заваленное снаружи снегом убежище, когда зловещее мутное пространство над равниной начали пронизывать уже совсем рядом лучи прожекторов и отсветы факелов. Вскоре до лыжников, участвовавших в поисках, донесся глухой, тонущий в реве пурги голос:

— Эге-гей! Сюда все! Обнаружил!

И замигал, вспыхивая и потухая, фонарик. На этот зов и прерывистые вспышки фонарика к шалашу со всех сторон понеслись из тьмы факелы. Прожекторы аэросаней, бродившие вокруг, скрестились на ветхом, занесенном сугробами сооруженьице. Ослепительный свет, пробившись сквозь роившиеся клубы снега, залил внутренность шалашика. Окончательно пришедшая в себя Наташа счищала снег с Сергунка, который, полуочнувшись, припал к ее лицу. Ближе всех к спасенным оказались Маша Богданова, расторопный дядя Федя и вездесущий Ремизкин. В слепящем ореоле лучей, бивших им в спину с аэросаней, как показалось сперва Наташе, дымящихся, они ворвались в шалашик. Им пришлось брать неожиданное препятствие, нечто вроде снежного порога, наметенного у входа бураном. Но когда увесистый дядя Федя, замешкавшись, наступил на этот снеговой накат, раздался приглушенный стон:

— Ой, ногу... с ноги сойдите!.. И так отморозил.

И в невыносимом для глаз сиянии прожекторов из-под смерзшейся соломы, укрытой снегом, задом к лучам, посылаемым прожекторами, выполз совершенно окоченевший Дрыжик.

Наташа глазам своим не верила. Как трагикомически кончался кошмар этого вечера!

— Это вы нас сюда? А я уж думала, конец... Спасибо...

Между тем порывы ветра заметно слабели. Перестал валить снег.

Маша Богданова прижималась к холодным щекам подруги, обнимала ее, тормошила Сергунка.

— Ух, чертушки вы наши! Было из-за вас делов! Наташенька, неужели это он тебя? — зашептала она в ухо подруге. — Смотри, пожалуйста, как повезло человеку! Недаром он твой вздыхатель. Смотри-ка! Нашел и укрыл. Ну, дела... Ай, Адриан Онисимович, вы же герой, однако!

Продрогший, ослепленный лучами прожекторов, жмурясь, отряхиваясь, еще сам не соображая, как все это случилось,

Дрыжик бормотал, вертя в руках карманный электрический фонарик.

— Ах, оставьте, прошу. Не знаю, право.. Возможно, бессознательно... Не отдаю еще отчета. Не окончательно еще память восстановилась.

Донат Ремизкин, в полном раже оттирая других лыжников, лез к Наташе.

— Все-таки нельзя ли точнее? Кто вас обнаружил первым? Вы сами сюда добрались или кто вас?..— Он уже вытаскивал из куртки свой замусоленный блокнотик.— Кто? Мы портрет дадим на первой полосе. Ведь это же какой материал для газеты, соображаете?

Кто-то постучал ему легонько кулаком в плечо. Ремизкин обернулся. За ним стоял на лыжах инженер Чудинов. Он глаз не сводил с лица Наташи, ярко освещенной теперь прожекторами.

— Простите,— негромко в самое ухо Ремизкину проговорил Чудинов,— я не так давно в Зимогорске, не всех знаю. Это ведь Авдошина?

— Какая такая Авдошина? — поразился Ремизкин.— Это же наша чемпионка, хозяйка снегов, как говорится, Скуратова. Вы что, не признали? Ей-богу, честное даю слово, даже удивительно!

Чудинов открыл рот, а потом захлопнул его. Стал быстро выбираться из группы лыжников.

«Определенно она. Конечно, она. Час от часу не легче. Но почему Скуратова?»

Но Ремизкин, найдя подходящий объект для излияния и видя в Чудинове приезжего, еще мало разбирающегося во всех местных делах человека, уже настиг его:

— Как считаете, товарищ, надо в Москву сообщить? Такое происшествие в нашем районе! Это же называется именно — незаметный герой. Заголовок дадим: «Благородный поступок»... Нет, лучше: «Отвага и скромность». Правда, здорово? Это звучит. Ей-богу, честное даю слово.

Чудинов пожал плечами:

— Нормально. Не все ли равно, кто первый обнаружил? Не на соревнованиях. Важно, что столько народу бросилось на поиски, это здорово. А вообще-то, спасены — и ладно.

— Ну знаете, товарищ! — горячился Ремизкин.— Говорить теперь, конечно, легко, а вы бы вот попробовали сами.

— Я пробовал,— сказал Чудинов и еще раз шагнул вперед, внимательно вгляделся из темноты в лицо Наташи, которая уже

совсем оправилась, раскраснелась, стояла в накинутой кем-то стеганой куртке и укутывала в теплый шарф Сергунка.

— Она и есть,— проговорил Чудинов, отъезжая в сторону, чтобы выйти из луча прожектора — Скуратова. Вот поди ж ты! А в Москве сказали: Авдошина из Вологды. Ничего не понимаю!..

Ремизкин уже наседал на еще не совсем очухавшегося Дрыжика, что-то черкал в своем блокноте.

— Так все-таки как же это получилось-то? Неужели не помните?

— Да ведь, собственно...— бормотал, растерянно оглядываясь, парикмахер.— Тут, в общем, довольно просто получается. Следую я таким направлением... Замечаю возвышение, вижу шалашик, а меня заносит. Ну и... Разрешите в другой раз, чересчур окоченел.

И вдруг стало совсем темно. Аэросани выключили прожекторы. Интервью оборвалось. Все окутала кромешная, непроницаемая тьма.

Глава VII
РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Была уже глубокая ночь, когда Чудинов добрался до гостиницы. Раненая нога все время напоминала о себе,— видно, порядком он натрудил и разбередил ее. Неожиданное открытие совершенно сбило с толку. Спасенная девушка оказалась Скуратовой, а в Москве ее называли Авдошиной. Но, несомненно, это тогда была именно она, сердитая красотка!.. Ему запомнилось это характерное лицо, на которое он успел тогда близко глянуть через двенадцатикратный полевой бинокль. Круто выведенные щеки, чуточку вздернутый нос, серые глаза с выражением ребячливого своенравия и женственная, застенчиво-упрямая складка по детски выпяченных губ.

И надо же было случиться сегодня этому бурану! Теперь глупо уже будет у себя в бюро изображать ненавистника спорта или во всяком случае равнодушного к лыжам человека. Должно быть, они уже заметили его хватку и стиль, если хоть немножко разбираются в этом деле. А ко всему еще это странное открытие: не Авдошина, а Скуратова. Не Вологда, а Зимогорск. Уж не нарочно ли это все Евгений подстроил тогда в Москве?..

Чудинов специально задержался, чтобы не попадаться на глаза возвращающимся лыжникам. Еще таилась смешная и нелепая надежда, что, может быть, он остался незамеченным в

общей сутолоке. Стараясь не шуметь он осторожно поставил в вестибюле лыжи, которые ему были даны дядей Федей. Но уже спешила к нему бессонная Олимпиада Гавриловна.

— И вы ходили? У вас же нога... Прямо все с ума посходили с этим! Наш-то Адриан Онисимович — и тот! Что это, верно говорят, будто он-то и разыскал? Сказывали, их там в шалашике вместе и обнаружили, куда он их приволок. А ведь скромник-то какой, не признается по сей момент полностью. Намекает, а таится. «Не помню»,— говорит. Вот благородной души человек! Из-за какой-то девчонки так здоровьем рисковал. Да что здоровьем — можно сказать, жизнью! — Она было отошла, направляясь к своей конторке, потом вдруг спохватилась: — Ой, товарищ Чудинов, забыла совсем предупредить вас. Там я к вам на вторую коечку командировочного одного поместила, временно. Уж извините — переполнение.

Свет в номере был погашен, но сквозь окно проникали отблески уличного фонаря. Пурга давно уже утихла, снежная муть осела. Фонарь за окном струил ровный и мягкий свет, и можно было различить все предметы в комнате.

Осторожно, чтобы не разбудить нового жильца, Чудинов раздевался в темноте, вешал одежду не в шкаф, а на спинку стула. Потом он ушел в ванную. Слышно было, как он там легонько ухает под душем и затем, покрякивая, обтирается полотенцем. Потом он вернулся в комнату, прошел к своей кровати, но споткнулся о стул и с грохотом уронил его на пол.

— Ох, простите, нашумел! — сказал он смущенно.

И услышал в ответ:

— Ничего, пожалуйста. Да зажги свет, хватит тебе в жмурки играть!

Вспыхнул свет. Чудинов, неволько приоткрыв рот в изумлении, с каким-то даже явным недоверем разглядывал нового постояльца. Он даже похлопал глазами, зажмурил их на миг и снова уставился, видимо не очень доверяя тому, что видит.

— Ты?..

— Как видишь, я.

И это был действительно я. Как я и предупреждал Чудинова, у меня нашлись дела в районе Зимогорска. Редакция получила ряд сигналов о задержке темпов строительства на самом руднике, и по дороге из Свердловска я по распоряжению редакции заехал в Зимогорск.

Самолет наш садился на зимогорский аэродром уже во время

начавшейся метели. Из-за снежной бури, разыгравшейся едва мы приземлились, я весь вечер не мог добраться из аэропорта до города и решил заночевать в комнате ожидания. Мне дали чистую койку, и, усталый, я тотчас же заснул. Уже за полночь, когда буран стих, попутные аэросани по моей просьбе захватили меня в город и доставили в гостиницу. По дороге я услышал историю о том, как были найдены и спасены заблудившиеся. Все говорили о каком-то парикмахере.

Олимпиада Гавриловна, когда я явился к ней в гостиницу, предложила мне на выбор койки в двух комнатах. Услышав, что в номере Чудинова есть свободная, я, конечно, попросился к нему.

— Вот это да! — изумлялся Чудинов, присаживаясь против меня на своей кровати.— Ну и вечер неожиданностей! Ну что же, здравствуй, Евгений, очень рад. Только предупреждаю, у нас сейчас будет с тобой серьезный, крупный разговор.

— Погоди, погоди, отложим большие разговоры до утра. Я устал чертовски, еле добрался сюда от аэропорта. Пурга все дороги замела. Но ты, как здесь, в общем, говорят, развил бурную деятельность?

Чудинов неожиданно перенес свое ладное, сильное тело на край моей кровати и слегка наклонился надо мной.

— Ох, Евгений, ты мне зубы не заговаривай! Это ты, старик, меня нарочно сюда запятил.

— Благодарю покорно! Теперь уже я виноват! Ты же твердо решил уехать из Москвы, при чем тут я!

— Вот-вот. Как это ты тогда мне расписывал? Таежная глушь, медвежий угол, волчьи тропы... никакого представления о спорте! Шут ты этакий, чтобы тебя!.. Да тут просто дыхнуть нельзя от этих лыжников! Вообще, по-моему, тут пешком никто не ходит. Как из пеленок стал на ноги, так и пошел вымахивать до старости. Любой дед тебя тут на лыжах обставит. «Никакого представления о спорте!» Ведь знал же! Чего рожу воротишь?

— Что ты на меня накинулся? Ты же сам решил бесповоротно выбрать Зимогорск.

— А-а! Ты еще издеваться? Да? Может быть, еще про Авдошину скажешь?

— Авдошина тут при чем? Она живет себе в Вологде, тренируется. Недавно на областных состязаниях показала недурные результаты.

— Слушай, старик, ты, может быть, кончишь дурака валять? Ты что, меня совсем идиотом считаешь? Я ведь с тобой серьезно говорю. Я тебя тоже хочу спросить: при чем тут Авдошина?

В Москве тогда, на гонках, ты мне кого показал? Скуратову, местную чемпионку?

— Ну, это просто, значит, путаница какая-то с номерами. Мы вместе с тобой установили по списку, что это Авдошина. Просто перепутали. Ну, поздно сейчас об этом говорить. Значит, судьба такая, Степан!

— Я вот возьму сейчас эту судьбу за шиворот и вышвырну к чертовой бабушке из своей комнаты! Что ты тогда скажешь?

Я на всякий случай отодвинулся подальше к стенке.

— Скажу, что и у судьбы бывают свои превратности. Ты лучше мне скажи, тебе что же, удалось до сих пор таиться?

Чудинов тяжело вздохнул:

— Да, пока держался. Боюсь только, что сегодня все кончилось. Очень глупо вышло. Ты слышал, верно? Пурга, понимаешь, ребенок один заблудился и девушка, воспитательница из интерната местного. Вот эта самая твоя Скуратова. Ну я слышу — гибнут. Знаешь, тут уж не до принципов, люди же. И пошел. Пришлось стать на лыжи. Они и глаза выпучили. Я тут у них гонителем спорта прослыл.

— Так, так,— протянул я, поглядывая на своего смущенного друга.— Ну, и каков результат поисков? Говорят, нашли? Благополучно спасли?

— Обнаружили,— нехотя отвечал Чудинов.— Обоих... Да уж и не так это сложно было. Район ограниченный, ориентиры хорошие. Прочесывали густо, кто-то же должен был наскочить.

Я еще раз внимательно поглядел ему в лицо и слегка приподнялся на подушке, опираясь на локти.

— Ага! Несложно, значит? Так. Ну, и кто же все-таки первый обнаружил в такую пургу, или, как ты выражаешься, «наскочил»?

Чудинов встал, зевая и потягиваясь:

— Да кто-то там из спасательной партии. Там набежало видимо-невидимо, чуть весь город на лыжи не поставили. Нога вот, понимаешь, опять заныла, беда. Что ты так на меня смотришь?

Я пристально разглядывал его.

Он немножко изменился за то время, что я его не видел. Пожалуй, даже чуточку отяжелел без привычных тренировок, но все же выглядел он у меня молодцом. Стройный, собранный, спокойный.

— Ну, чего уставился, спрашиваю! — недовольно повторил он.

— Да так, вспомнил кое-что из недавнего прошлого. Карельский перешеек, например...

Чудинов резко повернулся ко мне:

— Слушай, Евгений, позабыл уговор? Еще слово — ночуй где хочешь. Ты вот лучше скажи мне по совести другое, уважаемый специальный корреспондент, черт бы тебя разодрал! Ты мне объясни все-таки, каким же это образом у нас с тобой Клавдия Авдошина оказалась Натальей Скуратовой и пребывает, вопреки твоим авторитетным сведениям, не в Вологде, а именно здесь? Что это за странная путаница с номерами, а? Твоя работа?

Так... Пришел час ответа. Я старательно взбил подушку, устраиваясь на ночь.

— Ну что ты, Степан, на самом деле! Как я могу сам менять номера, перебрасывать лыжниц из города в город да еще переименовывать их! Ты считаешь меня слишком всемогущим. Это не в моей власти. И вообще, я устал с дороги. Спокойной ночи.

— А-а, сразу в сон потянуло? — Он несколько раз сунул меня головой в подушку.— Это ты, старик, не ее, а меня, дурака, из города в город перебросил. Я тебе это припомню когда-нибудь!

— Ну что ж, приятно, когда друзья помнят добро.

— Добро? Думаешь, что обошел меня?

— Ничего не думаю и ничего уже не слышу. Я сплю. Сплю и вижу чудный сон: снежная равнина, и ты тренируешь Наталью Скуратову. Она тебе улыба...

Тут Чудинов ударил меня по голове подушкой с его кровати и стал легонько ею душить. В общем, я чувствовал, что гроза миновала.

Я действительно очень устал с дороги и быстро заснул.

Проснулся оттого, что Чудинов опять слегка зацепил стул, стоявший между нашими кроватями. Я видел, как Степан подошел к стулу, осторожно, стараясь не зашуметь, снял со спинки клетчатую спортивную куртку с круглыми пуговицами, имеющими форму футбольного мяча с выпуклыми дольками.

Он взял куртку, осмотрел ее и стал накручивать на палец оборванную нитку, которая свисала там, где, как я заметил, недоставало сейчас одной пуговицы.

Я слышал, как он ворчал про себя:

— Эх, незадача! Сколько лет держалась — и на тебе! Не найдешь теперь тут такую.— Он сел на корточки, заглянул под обе кровати.— Да нет, конечно, не здесь обронил. Видно, посеял там. Ах ты, досада!

Он скосил глаза в мою сторону.

Но я тотчас же зажмурился, делая вид, что крепко сплю.

Глава VIII

МЕТКА НА ШАРФЕ

В то утро редакцию газеты «Зимогорский рабочий» одолевали телефонные звонки. Когда я, следуя традициям приезжих корреспондентов, зашел сюда, чтобы нанести обычный визит вежливости редактору, во всех еще пустовавших комнатах и на всех столах трезвонили телефоны. Аппараты, казалось, подпрыгивали от нетерпения и готовы были сорваться с проводов. Редактор, пожилой человек в теплой, толстой, словно из войлока, куртке, с десятком авторучек и целым спектром цветных карандашей и линеечек-строкомеров, торчавших из нагрудных карманов, топая огромными валенками, с ожесточением хватался одной рукой за трубку звонившего у него на столе аппарата, а другой вынимал вату из уха.

— Да, слушаю! — Он закивал мне, указывая глазами на стул, приглашая присесть.— Да. Редакция. Хворобей у телефона.— Тут он чихнул раскатисто и надсадно, с каким-то жестоким наслаждением.— Благодарю вас. Что? Кто спас? Ах, в этом вопрос!.. А кого спас? — Он переложил трубку в другую руку, воткнул вату в ухо, которым слушал, высвободил затычку из второго.— Весь город звонит, товарищи дорогие!.. Кто спас, кого спас? — Он опять сокрушительно и со стоном чихнул два раза.— Самому спасу от вас нет! Мешаете работать! Марта Мартыновна,— крикнул он, повернувшись к дверям,— переключите, бога ради прошу, на себя аппарат!

Он бросил трубку на рычажок, аппарат сейчас же принялся звонить снова. Редактор снял трубку и положил ее на стол. Потом вынул вату из одного уха и запихал ее в трубку. Трубка приглушенно курлыкала на столе. Пользуясь этой паузой, я представился.

— Милости просим, очень приятно,— радушно сказал Хворобей,— поглядите. У нас тут строительство развернулось на полный ход. Этот новый инженер из Москвы очень толково жмет. По бытовому строительству большие перспективы. А тут лезут со всякой ерундовиной: кто спас, кого спас!

В кабинет ворвался Донат Ремизкин:

— Здравствуйте, товарищ Хворобей. Вчера уже поздно было, а у меня такой материал есть, прямо ахните!

— Ох! — устало передохнул редактор.

— Вот именно, что не ох, а ах,— не унимался Ремизкин.— У меня уже есть строк двести. Называется «Люди спасены» и

подзаголовок — «Отвага и скромность». Слышали? Во время вчерашнего бурана человек спас....

— Да кого спас? — спросил редактор.

Но Ремизкин, видимо готовя заранее им задуманный эффект, подлетел к двери и широко распахнул ее.

В дверях показалась Наташа Скуратова. Она была немного бледнее обычного, и глаза ее были пригашены затаенной усталостью. Видно, немало пережила она вчера. Но все же я опять невольно залюбовался ею.

— Вот ее спас! — воскликнул Ремизкин.— И ее воспитанника Сережу Орлова из первой группы.

Наташа в некотором смятении оглядела всех нас.

— Товарищи, погодите, я ведь как раз пришла сказать..

Но редактор энергичным жестом остановил ее:

— Тихо. Прошу,— он показал ей на свободный стул.— Так. Сели. По порядку. Вас спасали?

Наташа кивнула головой.

— Так. Значит, с этим ясно. Теперь: кто спас?

Тут опять вмешался Ремизкин:

— Разрешите? Я уже все обеспечил. Он здесь, чтобы без задержки было, прямо в номер... Адриан Онисимович, войдите, вас просят! — крикнул он в другую дверь, и оттуда появился Дрыжик.

Парикмахер был явно не в своей тарелке. Он вошел в нерешительности, прижимая к себе треух и как бы растирая им грудь.

— Вот он! — торжественно возгласил Ремизкин.— Товарищ Дрыжик. Я с утра все уточнил, расследовал и вчера лично был на месте совершения... тьфу, извиняюсь, то есть на месте происшествия. Товарищ сам не помнит от переживаний, что как раз он сам-то и спас. А улики... то есть данные, все налицо.

Хворобей, надев очки, строго смотрел на Дрыжика:

— Товарищ, только короче. Номер стоит, газету задерживаем. Не отрицаете, спасали?

Дрыжик, только было присевший, снова вскочил, растирая грудь шапкой, которую он комкал в руке:

— Видите ли, я, конечно, спасал... то есть у меня было такое определенное намерение, и, значит, когда я увидел... смотрю это...

Наташа не выдержала:

— Товарищ редактор, и вы, Адриан Онисимович... Это все так, только я хочу одно сказать...

— Только быстрее! — Редактор с размаху и с треском поло-

жил толстый карандаш на стол.— Короче. У нас набор задерживается. Срочный материал с обогатительной фабрики, и вот товарищ из Москвы прибыл, специальный корреспондент.

Ремизкин посмотрел на меня с восторженным уважением. Наташа тоже удостоила меня любопытствующим взором. Хворобей продолжал:

— Короче. Сокращайтесь. Неужели не можете разобраться до сих пор? Вы спасали?

— Затрудняюсь уточнить,— бубнил растерянный, но честный Дрыжик.— Был отчасти без полного ясного сознания. Иду, значит, замечаю — шалашик.

— Ну, ясно же все. Скромность! — пояснил Ремизкин на ухо редактору.

Редактор опять хлопнул карандашом по бумаге:

— Психологически понятно. Материал в полосу! Быстро фото, клише в номер. Четыре квадрата.

— Товарищ редактор,— уже решительно начала Наташа,— я бы все-таки хотела сперва уточнить. Конечно, спасибо вам за внимание...

Но Хворобей уже не слушал ее:

— Некогда, дорогая, некогда. Все ясно. Номер стоит. Благодарить будете потом его! — Он ткнул пальцем в Дрыжика.

И дальше все произошло почти мгновенно. Ошарашенного Дрыжика посадили посреди комнаты в редакторское кресло, отодвинутое от стола. Ремизкин установил аппарат на треногу. Наташе, оторопевшей в такой спешке, он сунул в руку большую электролампу для подсвечивания. Сам Ремизкин почему-то, секунду подумав, влез на стул, собираясь снимать героя именно в таком ракурсе. Штатив аппарата он установил на столе. Войдя в привычный раж, он командовал:

— Нет, стоп... Дайте лапку! Товарищ Хворобей, попрошу подержать. Вы, Наташа, сюда! Я вас вместе — спасителя и спасенную. Предупреждаю, будет выдержка. Внимание! Наташа, прошу вас, молчите. После все скажете. Начали! Раз... два...

Дрыжик скромно, но в горделивой позе человека, которому слава не так уж нужна, застыл, поедая очами аппарат.

— Товарищи! — не сдавалась Наташа, но Хворобей и Ремизкин замахали на нее руками.— Однако, в конце концов, спасали-то меня! Я не спорю, Адриан Онисимович действительно был там под соломой...

— На... — сквозь зубы, стараясь не шевелить губами, поднял голос Дрыжик, продолжая сидеть неподвижно и подчиняясь фотовыдержке.— На... На соломе.

— Ну вот, все испортили! Придется сначала,— разогорчился Ремизкин.

— Ну, хорошо,— продолжала Наташа,— был обнаружен, скажем, в соломе. Пускай так. А вот потом я обнаружила у себя на шее этот шарф. Это не мой, и здесь, глядите, какая-то метка вышитая. Часть уже стерлась, нитки повыдергались, а разобрать кое-что можно.

Я невольно вздрогнул, когда Наташа развернула этот весьма мне знакомый шарф. Все склонились над ним. На толстом, шерстяном, крутой, плотной вязки кашне можно было прочесть буквы, оставшиеся от когда-то вышитой метки:

С. Чу

— Разве это ваш шарф, Адриан Онисимович? — в упор спросила парикмахера Наташа.

Ремизкин секунду-другую вглядывался в метку, потом вдруг хватил себя ладонью в лоб так, что даже сам отшатнулся, взъерошил волосы и обвел нас всех взором, который, вероятно, был у Менделеева, когда тот составил периодическую таблицу элементов, или у принца в сказке о Сандрильоне, когда потерянная туфелька пришлась как раз впору Золушке.

— Стоп, граждане! Понял, ей-богу, честное даю слово, все ясно! Как фамилия этого нового инженера, который тоже спасать ходил, а раньше прикидывался, что на лыжах ни бум-бум? Чудинов? А звать как? Степан? Теперь что получается? Видите, тут точка стерлась, еле видна... И что же мы имеем? «С. Чудинов». Только конец метки вытерся. Вот это да! Бегу в «Уралпроект». От меня не утаишься!

Уже не глядя на Дрыжика, он резко повернулся и задел аппарат, который с грохотом упал на осветительную лампу, остававшуюся еще в руке у Хворобея. Лампа с оглушительным треском лопнула, свет погас.

— Все вдребезги,— резюмировал Дрыжик.

В конструкторском бюро все уже были на своих местах, когда появился Чудинов. Его встретили неожиданно бурными аплодисментами. Маша Богданова, волнуясь, вышла вперед, на сере-

дину комнаты. Из-за плеча ее восторженно смотрели молоденькая чертежница и волосатый чертежник, которые так недавно сердились на Чудинова.

— Уважаемый Степан Михайлович! Нам все известно...

Чудинов уже знал, что так будет. Он слегка опустил голову и исподлобья посмотрел на Машу:

— Что вам известно?

— Все, все,— заторопилась Маша.— И то, что вы были знаменитый чемпион,— это уже отрицать теперь не станете. Вон дядя Федя даже журнал достал за 1939 год.

Она посмотрела вверх через плечо назад, а волосатый чертежник осторожно раскрыл над ее головой страницу спортивного журнала, на которой был изображен в разных видах заслуженный мастер спорта Степан Чудинов, чемпион Советского Союза по лыжам за 1939 год.

— Степан Михайлович! А тренировать вы нас теперь станете? — Маша весело и заискивающе заглянула снизу в глаза начальнику.— Уж не будете ругаться?

Чудинов неловко хмыкнул и отвернулся.

— И какой вы хороший, смелый, что Наташу Скуратову спасли с Сережкой и даже сперва никому не открылись. Все на парикмахера подумали.

Чудинов резко обернулся и открыл рот, чтобы что-то сказать, но все заговорили разом, не давая ему возразить.

— Да, да, бросьте, хитрый какой! Опять таится! А нам из редакции звонили. Шарф обнаружили ваш с меткой. Все буквы ваши на месте.

— Да какой шарф? Никаких шарфов давно не ношу! — твердил обескураженный Чудинов.— И вообще, с чего вы взяли? Ну, насчет тридцать девятого года я не спорю. Было такое дело. А уж это оставьте, пожалуйста!

— Довольно скрытничать! — кричали ему все.— Всё знаем, теперь уж поздно прятаться. Сейчас Ремизкин придет из редакции. В газете ваш портрет будет.

— Портрет? Этого еще только не хватало! Да что вы, товарищи! С ума вы сошли, что ли? — взмолился Чудинов. — Ну, хватит, за работу, живо! Я сейчас дам новые расчеты...

Он уже повернулся, чтобы выйти в соседний кабинет, но в дверях наткнулся на Ремизкина. Тот надвигался на Чудинова, не сводя с инженера глаз и объектива фотоаппарата.

— Вы это, дорогой товарищ, что так нацеливаетесь?

— Товарищ Чудинов,— взволнованно, но настойчиво объявил Ремизкин,— сейчас уже бесполезно отрицать. Вот вещественное

доказательство — шарф с вашей меткой, видите? «С. Чудинов».— Он потряс над головой шарфом.

— Положим, я этого тут не вижу,— сказал Чудинов, но с явным смятением посмотрел на шарф.

— А вы взгляните мысленно! Вот, если тут продолжить, как раз и получится, что С. Чудинов.

— Странно,— растерянно проговорил Чудинов,— был у меня похожий шарф, но только я его еще в году эдак сорок шестом уронил с яхты на Ладоге и утопил нечаянно. А это просто случайное совпадение. Да вообще, с чего вы взяли? Чепуха какая!

— Да как же,— набросился на него Ремизкин.— Ведь все же буквы совпадают. Погодите, я вас только сниму.

— Послушайте, приятель,— уже совсем сердито сказал Чудинов.— Беседа закончена. Ясно?

— Так ведь буквы же! — не сдавался Ремизкин.

— Не приставайте, а то я вас на такую букву пошлю...— уже грубо сказал Чудинов, отвел рукой попавшегося ему на дороге волосатого чертежника и быстро вышел из комнаты.

Ремизкин устремился было за ним, но в это время позвонил телефон. Маша подошла:

— Из редакции? Кого? Тут Ремизкин. Донат, вернись, из редакции тебя.

Запыхавшийся Ремизкин кинулся к телефону, схватил трубку.

— Не дают оперативно работать! Ну, что такое? Как? Кто? Тот, кто спас? Сам пришел?..

Все смотрели на него в полном смятении.

А в это время в редакции «Зимогорского рабочего» перед Хворобеем сидел, развалясь, небритый, запухший детина в стеганом ватнике.

— Погодите, Ремизкин,— говорил в телефон редактор,— погодите у телефона.— Он повернулся к собеседнику: — Так вы утверждаете, что вы именно обнаружили заблудившихся?

Тот откашлялся и, немного поерзав, расположился удобнее в кресле.

— Вполне свободная вещь, спросите милицию. Обнаружили меня в той же местности, как я был не в себе, чересчур окоченевши. Конечно, я вам все это в точности объяснить не берусь, как я будучи, говорю, сильно окоченевши и, конечно, как шел заступать в аэропорт, то принял немного... К тому же учтите, я по состоянию здоровья зарегистрирован как лунатик, могу вам справку из амбулатории. Вот сон вижу, что сплю вроде.. А сам хожу и после не имею памяти, где ходил. Лунатизм. Вам это

понятно? Это вы обратите внимание... Теперь, значит, дело как было...

— Понятно, понятно. Ремизкин! — закричал в трубку Хворобей.— Имейте терпение, сейчас я все выясню.

— Да что выяснять-то? — продолжал посетитель.— В газету объявление я не требую. Дайте справочку на руки, что не мог заступить вовремя по причине спасения погибающих. Печать приложите — и все. Мне лишние разговоры эти ни к чему. А то меня через все это с работы сымают, под прогул подводят. Я же разве виноват, что на меня напал лунатизм?

Ремизкин что-то верещал в трубку. Хворобей закивал головой:

— Сейчас спрошу. — Он перегнулся через стол, насколько позволил ему провод.— Быстро: шарф теряли? Теряли, спрашиваю?

— А как же,— не смутился посетитель,— свободная вещь. Как меня обнаружили, я хвать-похвать — нет на мне ничего, ни, конечно, денег, ни вот этого самого... шарфа...

Трубка опять заверещала, и редактор, поднося ее к самому рту, закричал:

— Да сейчас, сейчас! Не порите горячку! Выясню... Как, товарищ, ваша фамилия?

— Фамилие мое будет Сычугин. Так запомните или написать вам?

— Фамилия Сычугин! — закричал редактор в телефон.

И услышал, как Ремизкин там, у другого конца провода, охнул:

— Как? Сычу... Граждане, отставить! Еще один спаситель нашелся! Буква в букву...

Глава IX
ПО СЛЕДАМ НЕИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице...

С. Маршак

Тщетно бедный Ремизкин пытался разобраться во всей этой путанице с буквами. Появление Сычугина совсем сбило его с толку. Вот, кажется, и буквы все сошлись, а сомнительно было, чтоб этот лунатический выпивоха спас Наташу и Сергунка. Чу-

динов же и слышать не желал обо всей этой истории. Сунувшегося было еще раз к нему Ремизкина он довольно уже бесцеремонно выставил за дверь бюро и просил больше с этими глупостями к нему не являться. Бедный Ремизкин, которого разбирало не только любопытство, но еще мучило то, что он не оправдал доверия редактора, поймал раз меня и просил, как более опытного, старшего товарища, посоветовать, что делать, как быть.

— Ведь это же, конечно, Чудинов? — говорил Ремизкин, просительно смотря на меня.— Ну, вы ему друг, скажите, чтобы признался. Если не хочет, мы портрета давать не будем. Можно даже без фамилии. Напишем только одну букву: «инженер Ч.». Ну что ему, жалко? Всего одна буква, не все и догадаются.

Но как я мог помочь Ремизкину? Я слишком хорошо знал характер Степана и на этот раз вполне понимал его. Хотя я в душе и был доволен, что случай свел Степана с Наташей, и готов был про себя благословлять пургу, пронесшуюся над Зимогорском, я понимал все же, как злят Чудинова все эти разговоры о шарфе, буквах и прочих неотвратимо сходившихся мелочах. Да, все улики, как говорится, были налицо. Но не такой человек был мой Степан, чтобы можно было его легко припереть к стенке, если он этого сам решительно не хотел.

Ремизкин рассказал мне, что он пытался расспросить о подробностях Наташу, но девушка заявила, что ей трудно восстановить в памяти детали этого недоброго вечера. У нее все словно снегом замело в сознании. Ей, видно, были тоже неприятны расспросы Ремизкина. Они напоминали самолюбивой девушке о том, что она фактически потерпела еще одно поражение на лыжне, хотя это была не гонка, а поиски заблудившегося. Все же она показала себя не с лучшей стороны, эта бывшая Хозяйка снежной горы. Куда уж там! И лыжу сломала, и справиться сама потом не смогла. Спасибо нашелся какой-то добрый человек, что выволок ее из беды, спас от погибели. И, видно, деликатный, чуткий человек. Спас и скрылся в темноте. Не лезет с напоминаниями, не ждет, чтобы спасибо сказали. А другой бы явился да начал красоваться... Честно-то говоря, Наташу иногда тоже разбирало любопытство. Ей очень хотелось узнать, кто же был тот таинственный спаситель, который разыскал ее в такой лютой пурге, донес на себе Сергунка, согрел ее своим шарфом. Но не такой был у Наташи Скуратовой характер, чтобы она, со своей стороны, стала помогать розыскам неведомого спасителя. Не хочет открываться — и не надо.

С отчаяния Ремизкин решил даже обратиться в уголовный розыск. Он сделал это по своей собственной инициативе. И вся

редакция была заметно удивлена, когда вдруг в кабинете Хворобея появился худощавый смуглый человек с маленькими черными усиками, в круглой шапке-кубанке. На поводке он вел огромную овчарку. Собачища легла поперек редакторского кабинета и стала подозрительно смотреть на самого Хворобея, который почувствовал себя при этом как-то очень неуверенно и только шепотом спросил у пришедшего:

— Намордники им не полагаются?

На что пришедший отвечал:

— В частной жизни водим в намордниках, а при вызове сымаем.

Выслушав рассказ о происшествии, товарищ из угрозыска стал весьма сосредоточенным и даже печальным.

— Сыск — благородное дело,— сказал товарищ из угрозыска.— Но только в данном вопросе мы вам не поможем. На подобные случаи у нас даже и собаки не натасканы. Не в этом направлении тренировка идет. Это уж, извините, не наша сфера деятельности, так сказать. Вот если бы, скажем, убийство было, или хищение чего-либо, или, скажем, растратили бы средства какие, тут по распискам или по ходу движения суммы мы бы следствие и повели. А так трудно. Да и закону такого нет, чтобы следствие вести на человека, который героизм проявил и не желает открываться. Ведь ни под какую статью не подведешь.

— Это верно, — сокрушался Ремизкин, но все-таки настоял на том, чтобы ищейке дали понюхать шарф. Но это вещественное доказательство так захватали за последние дни все кому не лень, что собака и носом не повела. Только отвернулась брезгливо. Не произвели также никакого впечатления на овчарку и буквы на метке.

— Нет, ей-богу, честное даю слово, даже обидно! — жаловался мне потом Ремизкин.— Столько всего понаписано про то, как злодеев, всяких преступников разыскивать,— целая, говорят, литература есть; мне в библиотеке справку дали, так столько там книг, что за всю жизнь не прочтешь, однако,— а как сыскать если кто геройство совершил и не открылся,— ни звука. Просто даже обидно! Значит, если по кровавому следу,— счастливого вам пути! Или, как пишут, разматывать клубок преступлений — сделайте одолжение, мотайте! А если чинно, благородно надо хорошего человека выявить, если он такой скрытный, чересчур совесть имеет и больно уж скромный и тому подобное,— так никто ничего толком не посоветует. Вот я бы такое учреждение велел организовать, чтобы они пусть всякие неизвестные хорошие дела разбирали и всему народу сообщали.

Потом однажды Ремизкин примчался ко мне с новостью, которая, признаться, даже и меня привела уже в некоторое замешательство. Дело в том, что неугомонный репортер-любитель продолжал свои розыски. Хотя Ремизкину было ясно, что не кто иной, как Чудинов, вызволил тогда из беды Наташу и Сергунка, ему самому хотелось исключить все, что могло бы в наималейшей степени поколебать это убеждение. Он отправился в свободное время к начальнику аэропорта и там выяснил, что тот памятный вечер из-за пурги на зимогорском аэродроме до самого утра задержалось несколько транзитных самолетов. Пятеро пассажиров с них вызвались, оказывается, добровольно участвовать в действиях поисковой партии, которая вышла навстречу лыжникам, вышедшим из города. И вот в списке пассажиров какого-то транзитного самолета Ремизкин усмотрел одного по фамилии — как бы вы думали, какой?.. Русочуб!

— Вы только смотрите,— напирал на меня возбужденный Ремизкин,— опять же сходится. Видите! «С», а тут «Чу». И начальник аэропорта говорит: «Помнится, что ходил такой на поиски — такой плечистый, здоровый». Улетел утром во Владивосток, понимаете? Тут опять-таки возможно сделать предположение, а? Честное даю слово, ей-богу! Как, по-вашему? Я решил с Москвой связаться. Запрошу службу перевозок. Начальник сказал, что, когда билет берут, адрес записывают. Значит, есть зацепка, верно ведь? Товарищ Карычев, вот вы, человек опытный...

Он и мне порядком уже надоел за эти дни. Пускай списывается с этим самым Русочубом, но пора уже было поубавить пылу и ражу этому следопыту, а то Чудинов мой, чего доброго, от всей этой истории, так хорошо начавшейся, совсем уже взбеленится.

— Занимались бы вы, Ремизкин, своим делом,— посоветовал я ему.— Ну что вы носитесь как дурень с писаной торбой, когда, в общем, и так все ясно для каждого? Кончили бы всю эту волынку. Ну подумаешь, спас. Что тут особенного для лыжника?

Ремизкин смотрел на меня во все глаза.

— Да, да,— продолжал я.— Не надо из мухи слона делать. Ну что вы хотите тут сенсацию раздуть? Осложняете только отношения, которые могли бы прекрасно сложиться, ко всеобщему удовольствию... И вообще, знаете, Ремизкин, что на этот счет сказал композитор Гуно, вот тот самый, что «Фауста» сочинил?

— «Фауста» по радио передавали. А вот насчет того, что сказал,— не слышал.

— Так вот, запомните. Гуно сказал: «Добро не делает шума, а шум не делает добра». Вот, друг мой дорогой...

— Ну...— сказал Ремизкин.— Ну, товарищ Карычев, от ко-

го-кого, а от вас не ожидал! Такой, можно сказать, боевой журналист, сколько я ваших корреспонденций читал, и вдруг...

— Что — вдруг?

— Извините, только вы не чувствуете настоящей героики, вот что я вам скажу!

И больше ко мне уже не приставал.

А назавтра я узнал, что Чудинова пригласил к себе председатель местного исполкома товарищ Ворохтин, вернувшийся из отпуска и командировки в Москву.

Каждый, кто впервые попадал к Ворохтину, глядя на него, прежде всего думал: «Ох! И как же ты, дорогой, изо всего вырос!» И правда, ощущение было такое, что все тесно этому великану. Коротки стали ему собиравшиеся гармошкой у неохватных плеч рукава синего пиджака, пуговицы которого, казалось, вот-вот отскочат от напора могучего и огромного, с трудом втиснутого в костюм тела председателя. Слишком узким выглядел воротник полосатой сорочки, кончики которого торчали в разные стороны под нажимом мощной шеи. Слишком туго, казалось, был повязан галстук, хотя узел его и так был уже где-то на груди, на уровне депутатского значка. И тесноватым выглядел кабинет, слишком маленьким по сравнению с фигурой хозяина был стол, а сам Ворохтин словно не вмещался в своем широком кресле, готовом вот-вот раздаться во все стороны. И даже весь город Зимогорск показался Чудинову слишком маленьким, не по росту так вымахавшему председателю исполкома.

Он радушно приветствовал инженера, обеими руками крепко, но бережно стиснул руку его, подтащил к себе, взял за плечи, всадил в кожаное кресло, которое подтолкнул к гостю носком сапога, и сам тоже втиснулся в другое, стоящее напротив. Гололобый, румяный, бритоголовый, он посмотрел внимательно на Чудинова и вдруг подмигнул ему одним глазом.

— Вы — вон, оказывается, кто такой! Ну, думаю, инженер, говорят, толковый специалист, немного круто поворачивает, зато быстро порядок навел в конструкторском бюро. Это мы приветствуем. И хорошее дело придумали с этими витринами-проектами. Пусть народ сквозь бараки завтрашнюю нашу красу видит. За это спасибо. Жаловались только на вас, что характером туговаты и молодежь на тренировки лыжные не пускаете. Это, конечно, вы неправильно. Ну, да сейчас об этом разговор, вероятно, уже запоздал. Оказывается, сами-то вы вон кто такой! Ишь ты, прихоронился-то как хитро! — И он развернул перед Чудиновым

уже знакомый ему журнал, на обложке которого красовался чемпион 1939 года.— Узнаете? Отказываться не будете? Так в чем же дело, товарищ Чудинов? Одно другому не мешает. Но ведь город-то наш на всю округу лыжниками славится. Именно гнездо покорителей снегов. Да наш «Маяк», откровенно сказать, «Радуге» этой может двадцать очков вперед дать, если захочет.

— Но пока что на двадцать пять очков позади оказался,— возразил, пряча улыбку, Чудинов.

— Чистая случайность,— разгорелся Ворохтин.— Абсолютно уверен, что случайность. И потом, непривычная обстановка. К тому же, учтите, снег у вас другой, а у наших мази для лыж охотничьи, фамильные, из рода в род идут, свои секреты. Однако там, видно, не подошли. Это бывает. Как говорится, не попали на мазь. И потом, извините меня, прямо скажу: судьи, я знаю, придрались к нашим. На дистанции запутали. Ведь вы сами знаете, от судьи тоже много зависит, как ни говори. Вы тоже, москвичи, хитры. Знаю я вас!

Он погрозил огромным, с огурец, пальцем Чудинову и опять подмигнул ему.

— Ни при чем тут судьи,— возразил Чудинов.— Просто техники у ваших не хватает. Например, вот эта ваша местная звезда Авдо... тьфу!.. Скуратова Наталья. Такие данные! Дал бог силушки, а поглядите, как ходит. И рубит, и колет, и в полон берет, а сама у себя крадет скорость. Да,— продолжал он, как бы внезапно осадив себя,— никто не спорит, данные есть, только мало этого.

— Вот именно,— подхватил Ворохтин.— Я сам, признаться, бешеный этого дела болельщик. Кое-что кумекаю. Ну, и вижу — отсутствует техника. Вот к чему и разговор, товарищ Чудинов. Взялись бы вы, а? Ведь это же просто повезло нам, чтобы такое светило, как вы,— и вдруг на нашем горизонте взошло.— Он перегнулся вперед, громадными своими ладонями схватил Чудинова за колени, целиком покрыв их, и. легонько постукивая одно о другое, продолжал:— Нет, честное слово... Как вас по отчеству? Степан Михайлович? Так слушай, друг Степан Михайлович,— сказал он, внезапно и доверчиво переходя на «ты»,— ведь здорово же будет, шут нас с тобой обоих возьми, если, скажем, сяду вот так вечером к приемнику, поверну ручку,— он легко, не вставая, достал саженной рукой до приемника в углу, щелкнул рукояткой,— и оттуда услышу: «Первое место и звание чемпиона Советского Союза завоевала Наталья Скуратова, клуб «Маяк», город Зимогорск». Слушай, дорогой ты мой Михалыч, милый, я же серьезно говорю. Ну кто тебя там обидел, от спорта

отшиб? Плюнь ты на это дело! Да мы тебя, брат, почетным гражданином Зимогорска сделаем. Квартиру пожизненно от исполкома! Ей богу, правду говорю. Натренируешь?

Между тем в приемнике, который машинально включил Ворохтин, прогрелись лампы, и из-за экранчика диффузора раздалось:

«Начинаем передачу для детей дошкольного возраста. «Угадайка»... Здравствуйте, дорогие ребята».

Ворохтин с сердцем выключил приемник, смущенно поглядев на инженера. Оба невольно расхохотались.

— Вот то-то и оно-то,— сказал Ворохтин.— Небось, думаете, что для меня подходящее: в детство, мол, впадает председатель. Но что делать, товарищ Чудинов,— он широко развел руками, чуть не весь кабинет перегородив собою,— болею. Каюсь, болею!

— Я подумаю,— сказал Чудинов.— Честно-то говоря, я, когда сюда ехал, твердо считал, что с этого рода деятельностью у меня, как говорится, завязано. Навсегда. Но, признаться, разбередили вы меня. Это, вероятно, журнал вам Маша Багданова притащила? Ну, так и знал! Не вылезь я тогда в эту пургу проклятую...

Ворохтин, поглаживая мослатый бритый подбородок, опять подмигнул:

— Слышали, слышали кое-что.

— Что слышали? — насторожился Чудинов.

— Ничего! — спохватился Ворохтин, вспомнив, очевидно, наставления приходивших к нему вместе с Машей Богдановой физкультурников. — Ровным счетом ничего. То есть слышал только, как вы ночью тогда махнули не задумываясь... Ну, а насчет всего иного мы тоже лишних слов зря не говорим, шуму не любим. Да и то, как говорится, не пойман — не вор, не награжден — так не герой. Так, что ли? Эхе-хе-хе!

Глава X

ОЧНИСЬ, БЕЛОСНЕЖКА!

В тот же день стало известно, что инженер пришел в клуб «Маяка» и долго молча, придирчиво выбирал себе лыжи. При этом он успел сделать несколько огорчительных замечаний работникам клуба, упрекнул их, что они неправильно хранят лыжи, и даже сам показал, как следует укреплять их в стойке, и вообще произвел неприятное впечатление: придира, зазнавака,

все ему не то и не так. Выбрав более или менее подходящие лыжи и в душе ругнув себя за то, что оставил в Москве свои собственные, испытанные, Чудинов после работы сделал первую разминку.

Когда он вышел на снежную равнину, постепенно переходившую в холмы, на вершинах которых стеной стоял сосновый бор, мышцы его разгорелись, приобрели прежнюю эластичность и словно налились знакомой уверенной силой.

И Чудинов пошел!.. Он постепенно увеличивал ход, почти не учащая шага, лишь удлиняя его в скольжении, разгоняя скорость. Приятно было ощущать, как с каждым мгновением возрастал послушный накат лыж, скользивших с легким звоном по чуточку примерзшему насту, который хрустко подавался тоненькими, ломкими пластинами. Утром еще Чудинову казалось, что он отяжелел, утратил легкость дыхания, устойчивую, стремительную манеру свою, которая так восхищала когда-то зрителей. Чудинов знал, что полное удовлетворение на разминке наступает тогда, когда скорость, уже накопленная, как бы становится твоим состоянием и словно сама передается всем движениям, удлиняя их приобретенным разгоном.

И вот все это возвращалось к нему сейчас. Белое пространство покорно стелилось под выносимые поочередно вперед острые концы лыж. Чудинов чувствовал себя снова вернувшимся в покорный ему удел морозного ветра и властного движения к далекой, но несомненной цели.

Взлетев с разгона на крутой холм, он остановился и, опираясь на палки, посмотрел вдаль. Там появилась группа маленьких лыжников в башлычках. Их возглавляла мягко шедшая вдогон рослая лыжница. Чудинов знал, что они сегодня будут тут. Он для этого и пришел сюда, чтобы посмотреть еще раз на Скуратову, и, может быть, наконец поговорить, если придется. Он видел, как девушка взмахнула рукой, слегка приседая, и ребята, выстроившись шеренгой, старательно отталкиваясь палками, заскользили по склону горы. Чувствовалось даже издали, что все они держатся на ногах легко и уверенно. Настоящие природные маленькие хозяева белых гор... Гномики-снеговички!

А когда ребята съехали, Скуратова слегка пригнулась, сделала легкий пологий рывок и, мигом скатив с холма, описала безукоризненный полукруг, обхватив им всю группу своих питомцев. Опытный глаз Чудинова тут же отметил несколько ошибок в технике шага, излишний развал движений на ровном месте. Но нельзя было не восхититься той смелой свободой скользящего шага, с которой Наташа промчалась по довольно

крутому спуску. Чудинов расправил плечи. На короткое время пригнувшись, по привычке провел рукой по левому колену, как бы прислушиваясь к нему, потом, оттолкнувшись обеими палками, сделал первый шаг, и через минуту он уже несся по крутогору туда, вниз, где чернели на белом фоне фигурки гномиков и Белоснежки на лыжах.

Неожиданно перед лыжником оказалось что-то вроде естественного трамплина — снежный нанос, круто обрывавшийся. Сворачивать было поздно. Чудинов слегка присел, прыгнул, сохраняя равновесие, врезался лыжами в покатый сугроб, пересек его на большой скорости, оставляя глубоко взрытую колею, но за сугробом оказался почти заметенный снегом небольшой пенек. Правая лыжа концом своим пришлась прямо в него, и Чудинов полетел кубарем под откос, зарываясь головой в сугроб. На счастье, снег был еще не слежавшимся, рыхлым.

Когда Чудинов, тихонько чертыхаясь про себя, выкарабкивался, к нему уже со всех сторон подкатывали маленькие лыжники. Слегка опередив их, к месту происшествия подъехала Скуратова. Чудинов поднялся отряхиваясь. Снег залепил ему уши, нос, глаза. Снег забился в рукава, за воротник. Наверное, все это было очень смешно, потому что ребята смотрели и прыскали в плечо друг другу, отворачиваясь. Скуратова тоже с трудом сдерживала улыбку. Чудинов посмотрел на всех, обтерся платком и вдруг тоже начал хохотать во все горло.

— Здо́рово я?..

Круглоголовый коренастый мальчуган, посмелее других, подобрался ближе.

— Дядя, вы, верно, плаваете хорошо, однако? — басом проговорил он.— Вы когда ныряли в снег, так руки вперед, сразу вот так...

— Сергунок! — остановила его Скуратова. Она строго посмотрела на своего воспитанника и обернулась к Чудинову: — Вы не ушиблись, товарищ?

— Да нет. Снег мягкий. Это пенек тут подвел.

Чудинов ногами разгреб снег, показывая на торчавший из сугроба пенек, который был виновником его позора.

— Да, у нас тут надо под ноги смотреть, когда на лыжах ходишь,— сказала Наташа.— Вы, видно, приезжий?

— Да, недавно из Москвы,— отвечал все еще не оправившийся от конфуза Чудинов, вслушиваясь в ее грудной уральский говорок с мелодичными вопросительными интонациями.

— А-а,— протянула Скуратова,— оно-то и видно. К укатанной дорожке привыкли?

Сергунок стоял задрав нос и поглядывая снизу на Чудинова.

— Дядя, а вы попросите тетю Наташу, она вас научит, как по-нашему ходить. Правда, тетя Наташа?

— Ну, хватит тебе! — строго сказала Наташа.— Встань в ряд обратно.

Чудинов легонько пожал плечами, нахмурился.

— По-моему, тете Наташе самой надо еще многому поучиться.

— Уж не у вас ли? — спросила она свысока.

— Что ж, кое-чему и я могу научить. Давайте познакомимся, коли так вышло.— Он поклонился: — Чудинов.

Наташа вскинула на него свои обширные серые глаза и зарделась вся так, что через мгновение у нее пылали не только щеки, но и виски, и лоб, и уши.

— Чудинов? Это что же, вы тот инженер, который, говорят, нас с Сергунком тогда... Мне в редакции говорили, только не совсем фамилию точно сказали, мне послышалось Чубинов. Это вы мне шарф тогда свой повязали? Это вы и есть?

— Опять начинается! — чуть не закричал Чудинов.— Никаких шарфов я не повязывал. Вообще, я их не ношу уже лет десять... Это все ерунда, путаница. И не думал я вас спасать. То есть я, правда, принимал участие, как все, но не посчастливилось, извините. Уж кому-нибудь другому спасибо скажите.

— Странно-о! — протянула Наташа, не сводя с него глаз.— И фамилия у вас громкая. Я только сейчас вспомнила. Ведь был, кажется, такой до войны чемпион Чудинов?

Чудинов медленно опустил голову, потом посмотрел куда-то в сторону, вдаль.

— Да. Был такой чемпион. Верно. Был.

— Но ведь, по-моему, его не то убили, не то он ногу потерял.. вы что ему, родственник или однофамилец?

— Знаете, как ответил один человек, когда гости спросили, что это за юноша изображен на портрете? Не знаете? Он сказал: «Это сын моего отца, но мне не брат».

— А кто же это был на портрете? Не понимаю,— призналась Наташа.

— Это был сам хозяин в молодости,— негромко пояснил Чудинов.— Ну, до свидания, Наташа Скуратова. Не буду вам мешать заниматься.

— А откуда вы знаете, что я Скуратова?— не без лукавства поинтересовалась Наташа.

— Ну, кто же тут этого не знает? — беспечно отвечал Чуди-

нов и, сделав поворот, ходко покатил с холма вниз на лыжах, едва заметно оседая на левую ногу.

Некоторое время Наташа смотрела ему вслед, затем, как будто перешагнув через что-то, устремилась за Чудиновым и быстро нагнала его:

— Извините меня... Я не знала, что это вы сами...

Чудинов остановился, покосился на нее через плечо.

— А я тоже не знал, что именно в этих местах проживает такая лыжница. Я вас еще в Москве видел.

— Ой, не вспоминайте лучше!

— Почему? — с внезапным порывом, совершенно его преобразившим, заговорил он вдруг, вплотную подойдя к ней.— Слушайте, Скуратова, наделила вас природа щедро, не поскупилась. А вы думаете так и прожить на всем готовеньком, от роду отпущенном? Техники у вас ни на грош. Если бы я только не бросил это дело, то я бы из вас такую лыжницу сделал!

— А я ведь тоже навсегда с лыжни сошла, так что не трудитесь.

— И не собираюсь. Я это дело сам решительно оставил.

— Ну, вот и хорошо,— сказала Наташа, сердито подтянув кончики бровей к вискам,— по крайней мере, нечего спорить.

Чудинов молчал, невольно залюбовавшись ею. Очень ему нравилась эта упрямая, сердитая, большеглазая...

В Наташе была та цветущая чистота, которая столь свойственна девушкам, работающим в детских садах или яслях, чистота безукоризненная, какая-то невозможно отмытая, победительная. Но в ней не было глянцево-молочной тугощекости, чуточку снулой сытости, которая иногда появляется у таких девушек. Нет, она выглядела тренированной, ее девическая свежесть была силой и энергией, и во всем сказывался характер твердый и своенравный. Сердясь на самого себя, Чудинов вдруг решительно сказал:

— Слушайте, Скуратова... а вы хотели бы победить Алису Бабурину, чемпионку?

— Да, победишь ее! — Наташа покачала головой.— И вообще, я же вам сказала.

Глядя ей прямо в глаза, со странной убежденностью он медленно проговорил:

— Скуратова, если вы по-настоящему захотите, вы победите ее в следующем же сезоне. Это я вам говорю, заслуженный мастер спорта Чудинов, в конце концов, если уж на то пошло.— Он окончательно рассердился на себя.— Словом, если серьезно желаете заниматься, ладно! Буду вас тренировать, бог с вами...

— Я вас об этом, кажется, не прошу,— обиделась Наташа.
— А я это не для вас делаю, извольте знать.
— А для кого же? Для Алисы Бабуриной?
Чудинов даже отвернулся от нее:
— Сказал бы я вам, Скуратова? Э, да что там! Хочу я, Наташа, последний раз попробовать. Может, мне все-таки удастся воспитать для нашей страны действительно классную лыжницу, чтобы на мировую лыжню ее вывести, чтобы всем этим норвежкам, финкам, австрийкам она спину показала на лыжне. Вот ради чего я с вами тут разговор веду.
Наташа стояла опустив голову. Очень тихо сказала она:
— Ничего из меня не выйдет.
— А я говорю вам — выйдет. Довольно тут вам вокруг да около дома крутиться, царевну-затворницу изображать с вашими гномиками.
— Это что еще за гномики? Вы знаете, что для меня эти ребята?
— Да вы меня не поняли. Сказка такая есть. Помните, про Белоснежку и гномиков? Ушла она к ним от злой мачехи в горы, а потом соблазнили ее румяным яблочком, откусила чуточку, застряло у нее в горле и...
Наташа задумчиво продолжала:
— После этого заснула, и ее в хрустальный гроб положили.
— Правильно. Но до каких пор? Пока не явился прекрасный королевич, не разбудил, не вернул ее снова к жизни!
Наташа усмехнулась:
— Не пойму что-то. Это вы кто же будете — королевич или та злая фея с яблочком румяным, на которое Белоснежка соблазнилась?
— Королевич! — убежденно и весело сказал Чудинов.— Я именно тот самый королевич, а яблочком ядовитым вас Бабурина угостила. И теперь, должно быть, справляется она у зеркала, все ли она так же по-прежнему всех краше и сильнее на свете. А вы что же? Застряла обида в горле — решили задремать, придумали себе хрустальный гроб? Конечно! Я явился — и все вдребезги! Впереди жизнь, снег столбом, лыжня, флаги на ветру, а вы — спать. И уж если хрусталь, то не гробик, а кубок! На это я согласен. Ну, Белоснежка, перед вами прекрасный королевич, смиренно ждущий ответа. Освобождаетесь вы от сонных чар или будете дальше дремать?
— Кто вас звал сюда? — едва слышно проговорила Наташа и отвернулась.— Опять вы мне душу разбередили! Уйдите лучше. Я вас прошу, уйдите.

— Есть уйти! — прокричал торжествующе Чудинов и уже начал скользить вниз, но затормозил круто, стал боком, глядя вверх на холм, где стояла Наташа.— А насчет души — предупреждаю. Я ее из вас сперва вытрясу, потом новую вдохну. До свидания. Завтра в это время прошу сюда. Жду. Ясно? Начнем.

Глава XI

НАЧАЛИ!

И они начали. Наташа не спала всю ночь перед первой тренировкой. Разговор с Чудиновым вконец лишил ее покоя, к которому, как ей казалось, она уже начала привыкать. Но было что-то так уверенно к себе зовущее и в то же время бережно-уважительное, так много обещавшее в том, как говорил с ней и смотрел ей прямо в лицо этот высокий инженер, и во взгляде его требовательных прячущих добрую усмешку и, видно, много повидавших глаз, что Наташе неодолимо захотелось попробовать. Может быть, все-таки выйдет что-нибудь?.. К утру она твердо решила, что ничего из нее все равно не получится. Она заснула наконец, вся измаявшись, но в твердой уверенности, что ни за что не пойдет к Чудинову. Но в назначенный час она была на холме, где ее уже ждал Чудинов. Он был в лыжном картузике и в своей любимой клетчатой толстой куртке с выпуклыми пуговицами в виде футбольного мяча.

— Ну что же,— сказал Чудинов, поглядев на часы,— минута в минуту. Люблю аккуратность. Тем более времени у меня в обрез. Итак, значит, давайте попробуем...

Дня через два, возвращаясь с рудника, я увидел их в стороне от дороги, соскочил с машины и, увязая в снегу по колени, поднялся к ним. Оба выглядели усталыми и, как мне показалось, рассерженными.

В одной руке у Чудинова был неизменный секундомер, в другой — рупор-мегафон. Он, видимо, только что поднялся на холм, от него чуть пар не валил.

— Ну-ка,— командовал Чудинов,— проделайте это еще раз.

Наташа, поправив движением плеча прядь волос, прилипших к влажному лбу, помчалась по косогору.

— Резче, резче повороты, колено больше вперед! — закричал Чудинов, хватая рупор со снега и притоптывая лыжами.

Тут он увидел меня.— Здравствуй, здравствуй, ты сейчас не мешай...— И снова закричал в рупор: — Опять не ту лыжу загружаете! Ведь может, а упрямится. Я же отлично вижу,— пожаловался он мне.

— Ты бы все-таки, Степан, не сразу так уж. Ведь характерто у нее, должно быть, уральский. Да и у тебя тоже не конфета.

— Ну, ты только не учи меня, пожалуйста! Хватит у меня и без тебя ассистентов! Вон на пенечке сидит.

Только тут я заметил, что за холмом невдалеке сидит в своем тулупчике укутанный в башлык Сергунок. Глаза его так и блестели под капюшончиком. Он даже подпрыгивал на пеньке, когда Чудинов делал замечания Наташе. Но вот она снова поднялась на холм, подошла к тренеру.

— Плохо,— сказал с ласковой настойчивостью Чудинов.— Понимаете. Наташа, плохо. И время я засекал на километр — тоже слабо. На прямой опять теряете скорость. Забываете о работе голеностопного сустава, укорачиваете почему-то шаг, мельчите. Я же вам показал. Ну-ка, приготовьтесь.— Он посмотрел на секундомер.— Давайте-ка еще прикинем, вон где у нас елка стоит отдельная, отмеченная.

Наташа стояла неподвижно, тяжело дыша.

— Зря вы меня мучаете, Степан Михайлович. По-моему, уже могли убедиться. Все равно из меня ничего не выйдет.

— То есть как это — не выйдет?— мгновенно разъярился Чудинов. — Если вы так настроены заранее, то, конечно, из вас ни черта...— он покосился на меня и сдвинул шапку с затылка на лоб,— виноват, ничего не выйдет! Сильнее посылайте ногу вперед, загружайте всем весом лыжи с маху. Ну-ка, дайте мне сюда ваши палки. Попробуйте без них, как на коньках.

Наташа послушно начала упражнение.

— Резче, резче, расслабленнее, а шаг свободнее.

Наташа, вдруг резко повернув, подошла к Чудинову, почти вырвала у него из рук свои палки. На глазах, на длинных, загнутых вверх ресницах у нее блестели слезы обиды.

— Степан Михайлович, я сказала, у нас с вами не получится. Я на лыжи стала, как только ходить начала. Меня отец учил, а его — дед. И всем этим фокусам я по-вашему переучиваться не стану.

— Ну, будя, будя упрямиться,— попробовал урезонить ее Чудинов.

— Нет, Степан Михайлович, я же понимаю. Вы считаете, что, мол, есть у вас какие-то права на то, чтобы так вот со мной... Но я ведь вас тогда на помощь не звала...

— Опять начинается эта морока. Тьфу!— возмутился Чудинов.

— И тренировать вас не просила. Явились вы незваный, негаданный, непрошеный... Есть вот люди попутные, есть встречные, а вы, Степан Михайлович, человек поперечный. Только меня вы не собьете!—И, круто развернувшись, она заскользила прочь.

— И поворот опять сделали не чисто!— крикнул ей вдогонку Чудинов.— Время теряете, надо резче.

Но Наташа уже мчалась по белой равнине к городу.

— Эй, Наташа!— Чудинов схватил мегафон и припал к нему.— Скуратова! Вы что это, на самом деле? Ну, хватит уральский характер мне показывать! Обиделась, что ли?— отставив в сторону мегафон, виновато спросил он у меня.

— Да уж, знаешь, нашла коса на камень.

Чудинов зашагал к Сергунку:

— А ты чего смотрел? Ты же ее больше меня знаешь. Догнал бы...

Сергунок, не спеша встав с пенька, потоптался валенками в снегу, поглядел в сторону уносившейся лыжницы и сказал хрипловато, но уверенно:

— Она теперь, однако, к вам, дядя, больше сроду не придет учиться. Уж она как рассерчает, так это уж хуже нет. Ко-онец.

— Ну-ну, не стращай.— Чудинов легонько ткнул его подушечкой указательного пальца в кончик носа. Потом опять схватил рупор: — Скуратова, на место! Наташа, будет вам! Эх!— Он с размаху поставил мегафон в снег, положил руку на башлык Сергунка.— Ну что мы с тобой теперь делать будем?

Но Сергунок как будто уже не слышал его. Я видел, как мальчик внимательно вглядывался в пуговицы на куртке тренера. Чудинов нервно накручивал на палец оборванную нитку, которая все еще висела на месте отсутствующей пуговицы. Не сводя глаз с куртки, Сергунок быстро полез к себе в карман, задрав полу тулупчика. Он торопливо выгребал на подставленную ладонь другой руки всякую всячину, хранившуюся по мальчишьему обыкновению на дне его карманов. Вот появились две продырявленные ракушки на веревочке, гнутый гвоздь, шурупчик с фарфоровым изолятором, металлический шарикоподшипник, билет пригородной электрички, косточка домино, цветные стеклышки, косо срезанная пробка, дощечка с намотанной на нее суровой ниткой, черенок от столового ножа, скомканная в шарик серебряная бумага от конфеты... И наконец из кармана была извлечена большая пуговица в форме маленького футбольного мяча с выпуклыми дольками. Мальчишка глянул на пуговицу,

потом еще раз сличил ее с теми, что были на куртке Чудинова.

— Дядя, это, значит, правда вы?— обмирая от восторга, проговорил Сергунок.

Тот рассеянно скользнул по нему взглядом и отвернулся, следя за унесшейся Наташей. Он не вслушался в вопрос...

— Ну конечно. Кто же еще?

— Это, значит, правда вы тогда нас с тетей Наташей в шалашик укрыли? Теперь уже не скроетесь.— Он показал на ладони пуговицу и сейчас же, отдернув руку, спрятал ее за спину.

Чудинов ахнул:

— А ну живо отдай пуговицу! Где ты ее взял? Нехорошо!

— А вы признайтесь, тогда я отдам вашу пуговицу.

— Не в чем мне признаваться, а пуговица действительно моя. Отдай, а то, видишь, хожу как! Вид неаккуратный. Слышишь, давай живенько! Евгений,— обратился он ко мне,— ты, кажется, умеешь с малолетними. Скажи ему в конце концов...

Я с трудом сдерживал смех. Очень уж смешным, растерянным и беззащитным выглядел сейчас мой приятель.

— Твоя пуговица, ты и доставай ее,— сказал я.— Буду я еще в ваши дела лезть.

— А я теперь все отгадал!— продолжал довольный Сергунок. — Я тогда за вас уцепился... А потом, как оклемался, в сознание обратно стал, гляжу, а она у меня зажатая. А сейчас увидел на вас такие, сразу и угадал. Смелый вы какой, однако. Спасибо вам, а то бы мы так и не нашлись вовсе и померзли бы в поле. Другие-то боком, стороной прошли.

— Да перестань ты фантазировать!— накинулся на него Чудинов.— Давай лучше пуговицу, не будь свиненком, в самом деле! Если тебя кто-то спас, так ты уж не безобразничай.

— Когда признаетесь, тогда и отдам,— невозмутимо отвечал Сергунок.

Чудинов шагнул было к Сергунку, но мальчишка мигом сорвался с места и стремглав понесся вниз с холма.

— Ну, вот видишь, как это все дурацки складывается?— вконец расстроился Чудинов.— Теперь будет этой пуговицей щеголять. И так от разговоров тошно, а тут она еще закапризничала, обиделась. Ну вас тут всех к лешему, в самом деле! Вот брошу — и все. Ты слышал, она уже чуть было не корила меня, будто я какие-то на нее права имею. Припуталась еще эта история на мою голову! Может быть, ты поговоришь как-нибудь с ней, а, Евгений? Ты же у меня красноречивый, лирик, не мне чета.

Я действительно решил поговорить, правда не с Наташей, а с ее упрямым питомцем. Дело принимало ненужный оборот и

могло сейчас только вызвать раздражение у Наташи и Степана.

Наутро я подошел к интернату. Ребята играли во дворе за палисадом, прокапывали ход через наметенные за ночь сугробы. В некотором отдалении от других детей стоял Сергунок. Он что-то кричал в трубку, свернутую из старой газеты, а Катюша ездила перед ним взад и вперед на маленьких лыжах. Я не сразу понял, что это была за игра.

— Руки с ногами соображать надо!— кричал Сергунок.

— Я и так их соображаю,— на ходу звонко отвечала Катюшка и вдруг совершенно другим голосом, тихо спрашивала: — Погоди, я не играю. Как это — соображать?

— Ну, чтобы заодно вместе, разом махались,— так же тихо и совсем другим тоном пояснил Сергунок, но тут же кричал в газетную трубку свою: — Коленкой, однако, не вылягивайся!

Катя деланно громко:

— Я и не вылягиваюсь совсем...— И опять тихо: — А ты мне должен на «вы» говорить.— И снова, громко: —А если вы будете меня все переучивать по-своему, так я не стану вас больше слушать вовсе. Сам носом в снег тыкнулся, а учит!

— Это когда я тыкнулся?— возмутился Сергунок.

— Ну, я это ему говорю как будто. Помнишь, как он кувыркнулся?— И они снова возвращались в игру.— Никто вас не заставлял учить!

— А вы, однако, ваш характер покиньте!

— А вы не кричите на мой характер. У вас еще у самого хужее и грубже. Мне даже довольно очень совестно, что вы на меня так выражаетесь. И еще неизвестно, что вы лично спасли! Докажите!

— И докажу,— сказал вдруг Сергунок и полез в карман.

Тут я решил, что самая пора вмешаться.

— Эй ты, спасенный,— начал я, подойдя вплотную к палисаду.— Во-первых, здравствуй, приятель. Иди-ка сюда.

— Здравствуйте, я вас знаю. Вы тоже из Москвы, редактор.

— Правильно, почти так. Иди-ка ко мне.— Я обнял его у калитки и вывел на улицу.— Слушай, друг милый, что это ты пуговицей какой-то хвастаешь? Почему дяде Степану не отдал? Ходит из-за тебя человек расстегнутый.

— А чего он не признается, что спасал!

Он насупился и высвободил свое плечо из-под моей руки.

— Погоди, не об этом сейчас речь Как тебя зовут? Сергун?

— Сергун. Сергей я.

— Ну вот, Сергей, можно с тобой поговорить по-взрослому, как мужчина с мужчиной?

— Это как два товарища промеж собой?

— Вот-вот, именно.

Я взял его под руку, и мы с ним степенно прогуливались вдоль палисада, ведя спокойный, солидный мужской разговор.

— Понимаешь, дружок, нечего шуметь. Ну, спасли тебя, скажи спасибо. Все уж про то забыли, а ты тут булгу поднимаешь, тетю Наташу только зря волнуешь. Они начали заниматься с дядей Степаном, а тут ты со своей пуговицей. Он не признается, вот у них ничего и не получится. Она ведь гордая, тетя Наташа, думает: «Ах, он считает, верно, надо поблагодарить его, я ему обязана, что спасал», и всякое такое. Знаешь, она... как тебе сказать... они все, тетеньки, такие...— Я тоже был не мастер разговаривать с ребятами, а этот круглолобый чертенок вообще-то был не из болтливых. Хмыкал, отмалчивался или отвечал односложно своим хрипловатым баском.— Верно, ведь все тетеньки такие?— повторил я.

— Понятно, женщины,— подтвердил Сергунок.

— Молодец, умница! Все понимаешь.

Поощренный похвалой, Сергунок решил развить мою мысль:

— Она еще возьмет да и сообразит: «Надо, мол, однако, пожениться на нем» — и уедет.

— Слушай, Сергей... Кх...— Я закашлялся.— Ты поначалу так умненько все и хорошо говорил, а теперь уж болтаешь пустое. Но одно запомни: я вот скоро уеду в Москву обратно, а ты тут про все цыц, молчок. Пусть тетя Наташа хорошо-хорошо потренируется с дядей Степаном, пока в будущем году на спартакиаде всех не победит. А потом мы вместе с тобой все докажем и пуговицу эту предъявим. Ты про нее, я надеюсь, тете Наташе ничего еще пока не говорил? Правильно! А то отняла бы непременно. Ну, потерпи немножко еще, я тебя как человека прошу.

— По-товарищески? — переспросил Сергунок.

— Вот именно, как товарищ товарища.

Сергунок задумался:

— А если я потерплю, не скажу, вы меня на тот год возьмете с тетей Наташей на спартакиаду?

— Далеко глядишь. Ну, обещаю.

— И билет дадите?

— Договорились, — заверил я его.

На окраине Зимогорска, где сквозь заснеженные ели видны были корпуса обогатительной фабрики и металлические фермы эстакады, по которой подвозили руду, Чудинов тренировал группу местных лыжниц общества «Маяк».

Неудобно было уже теперь отказываться. Получилось бы, что из-за какого-то личного пристрастия Скуратову он взялся тренировать, а других не желает...

Наташа на тренировки больше не приходила. Чудинов мрачнел, но не желал сам сделать первый шаг. Зато Маша Богданова стала с первой же тренировки радовать Чудинова незаурядными успехами. Да и среди подруг ее оказалось немало способных спортсменок.

— Здравствуйте, Степан Михайлович, — приветствовал тренера дядя Федя, явившийся взглянуть на занятия. — Ну, как дела, подвигаются? Ворохтин сегодня звонил, интересовался. Сказал я ему, что все хорошо, только Скуратова опять на дыбы встала. Он сказал, если надо — повлияет.

— Нет уж, — испугался Чудинов, — обойдемся как-нибудь без вмешательства высоких властей. Так дело не пойдет. Подождем — сама явится. Девка неглупая, сообразит.

— Ну, а остальные как? Характер-то не у всех скуратовский.

— Материал благодатный. Хвастаться не буду, но через годик, думаю, мы с вами на спартакиаде выпустим таких лыжниц, что другим жмуриться придется. Наши их снежком накормят на лыжне. Вот поглядите сами. Ну-ка, девушки, еще раз сделаем прикидочку на прямой. Вы, Маша, немножко на спусках посмелее, делайте разгон крупнее! Веселей, девушки, глядеть у меня! Устали? Ничего, держитесь. Мы с вами еще всем Скуратовым да Бабуриным сто очков вперед дадим, уверяю вас.

Маленькая Маша Богданова тряхнула заиндевевшими кудряшками:

— Ой, Степан Михайлович, однако, Наташу не обойдешь. Ведь у нее природный-то ход какой!

— «Ход, ход»! — мрачно передразнил Чудинов. — Разве я сам не знаю. При ее данных да подходящий бы характер! Эх, да что говорить! Хоть бы вы на нее, что ли, повлияли, подруга ведь.

— Да, повлияй на нее! У них вся семья такая. Как упрутся — с места не стронешь.

— Ничего, стронем.

Маша вздохнула:

— А вот из меня уж чемпионки никогда не выйдет, верно?

— Как вам сказать. Вы, Маша, делаете просто отличные...

— Пожалуйста, не утешайте, — перебила его Маша. — Не выйдет. А все-таки я буду ходить на лыжах, буду ходить, буду!

И, рванувшись вперед, старательно и весело выполняя короткими ножками шаги, которым научил теперь местных лыжниц

новый тренер, Маша Богданова помчалась по лыжне, и только ветер, несший легкую струистую поземку, растрепал заиндевевшие завитушки волос над ее маленькими розовыми ушами.

За день до моего отъезда из Зимогорска я, закончив все дела в редакции и на руднике, вернулся еще засветло в гостиницу.

Чудинов лежал в нашем номере на постели лицом к стене. Быстрые зимние сумерки наплывали в окно, но Чудинов не зажигал огня.

— Ты что тут, Степан, сумерничаешь? — спросил я, присаживаясь на свою кровать против Чудинова. — Не в настроении? Что, на строительстве что-нибудь? Там тобой не нахвалятся, настоящий, брат ты мой, авторитет у местных приобрел! А ты, если есть какое-нибудь затруднение, скажи, пока не поздно. Может, помочь через центральную печать? Пользуйся, пока я не уехал.

Чудинов приподнял голову с подушки, посмотрел на меня, поморщился, словно попробовал что-то кислое, и снова ткнулся в подушку виском.

— Да нет, тут печатью твоей не поможешь. Ты сам во всем виноват, старик. Да, да, накрутил вот, заставил меня выбрать этот чертов Зимогорск, хотя великолепно знал, какие тут лыжники, подсунул вместо мифической Авдошиной вполне реальную Скуратову. Ну признайся, сам, небось, нашептал ей, что я ее с мальчишкой спасал, и тому подобное...

— Ей-богу, Степан, уж тут вот я ни сном ни духом. Но ты же понимаешь, не у всякого спасенного такой покладистый характер, как у ме... Ладно, ладно, молчу! — поспешил я, так как Чудинов, не отрывая головы от подушки, поднял руку, завел ее себе за плечо и потряс несколько раз передо мной сжатым кулаком.

— Знаем мы вас, молчальников, — промычал он в подушку.— А она задрала нос, упрямится, срывает теперь всю тренировку. Шут меня дернул опять за это дело взяться! Кажется, решил бросить, так нет!

— Ой, Степан, — протянул я с подозрением, — что-то ты больно уж переживаешь крепко. Ты часом не того?.. А?

— Ну вот, спасибо! Новое экстренное сообщение нашего специального корреспондента! — Степан даже на постели присел.— Ты, по-моему, старик, знаешь мое правило: вышел тренировать на снег, сам — лед.

— Ох, господа присяжные, кажется, лед тронулся. Как бы ты, Степан, подтаивать не начал.

Чудинов, перегнувшись, одним рывком сгреб меня на груди за лацканы пиджака и сердито потряс одной рукой.

— Чего взъярился? — спросил я. — Девушка действительно стоящая. — Я почувствовал, что рука Чудинова медленно высвобождает меня. — Такое что-то в ней есть настоящее...

Сам не зная почему, я вздохнул, и Чудинов тоже почти одновременно со мной глубоко перевел дух, но сделал вид, что кряхтит, и закашлялся.

— Вот видишь, — сказал я, — в одно дышим, как говорится, душа в душу. Все понимаю, брат. Да, туги твои дела, Степан, я вижу. Но ничего, сдюжишь как-нибудь, я в тебя верю.

— Ты бы с ней, может быть, перед отъездом поговорил, что ли? — неуверенно и просительно начал Чудинов. — Намекнул бы, что, мол, нельзя зарывать талант в землю или в снег, как хочешь. Что тебя учить, ты же причастен к изящной словесности.

— Вот-вот... Такая уж у меня миссия... — не выдержал я. — Мне уже не раз доставалась роль Сирано де Бержерака *. Мои красивые, великолепно сложенные друзья-герои изнемогают от нежных чувств, а я, как говорится, мордой не выйдя и фигурой должной не обладая, строчу за них любовные послания, намекаю, объясняюсь в их пользу, составляю речи для публичных выступлений. Иногда даже за них и статейки пишу. А им остается только подписать и прославиться.

— Да ты чего это взбеленился? — Чудинов был несколько изумлен. — Такая уж у вас, литераторов, планида, как говорится: освещать, растолковывать, а где надо — кое-что и приукрасить или умные мысли свои изложить от имени авторитетного лица. Но что-то ты больно растревожился? Уж не сам ли того?..

Он перескочил со своей постели на мою, сел рядом и, одной рукой обхватив меня за плечи, крепко обнял:

— Не злись, старик, я же пошутил. Ты же знаешь, я литературу и печать вполне уважаю, и именно за то, что такие вот, как ты, сами с макушкой в жизнь лезут. Беспокойное вы племя, журналисты. Я это в вас и ценю. Но иногда вы обязаны бороться с немотой жизни и помочь ей заявить во всеуслышание о том, для чего другой слов не найдет.

— Степан, — сказал я уже серьезно, — кажется, мы с тобой не первый год друг друга знаем. Что же тут крутить?.. Конечно,

---

* Сирано де Бержерак — гасконский поэт XVIII века, герой известной одноименной пьесы французского поэта-драматурга Эдмонда Ростана, в которой воспеты блестящий ум, храбрость и самоотверженное рыцарское благородство, скрывавшиеся за уродливой внешностью Сирано.

попал ты сюда не без моего участия. Хоть бей, хоть прощай — врать не стану. Постараюсь тебе и тут помочь. Но только говорить с ней — это уж избавь. Хватит мне одного твоего характера... А что, правда, если мы ее через газету местную? Я этого Ремизкина организую тебе. Поставим вопрос о настоящей спортивной учебе, о зазнайстве, о неумении пробиваться сквозь трудности и поражения, а?

— Этого еще только недоставало! — Чудинов отмахнулся.— И так сплетни тут какие-то идут. Еще мальчишка этот пуговицу мою нашел где-то. Тычет ее всем, твердит, что у меня оторвал в ту ночь.

— О-о! Забыл совсем! — остановил его я. — Можешь обещать мне, что ни с мальчишкой, ни с Наташей ты на эту тему говорить больше не будешь, ни опровергать, ни доказывать — ни слова?

— Что за вопрос!

— Ну так бери. — Я протянул ему руку, раскрыл ладонь. На ней сверкала выпуклая пуговица в форме футбольного мяча с рельефными дольками. — На, пришивай, а то у тебя, вижу, не только пуговица, но и душа не на месте.

— Неужели отнял? — поразился Чудинов.

— Зачем? Договорились миром. Очень толковый парнишка.

Глава XII

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Я покинул Зимогорск, предварительно обо всем договорившись с Ремизкиным, и он проделал то, что было задумано, уже без меня.

Дня через три после моего отъезда Чудинов, придя на работу, заметил, что все как-то странно поглядывают на него.

— Крепко, однако, вы Наталью, — сообщила ему Маша Богданова. — Вы, конечно, правы, только уж очень обидно ей будет. Больно уж вы ее проработали.

— Где проработал? — изумился Чудинов, почувствовав что-то недоброе.

— Как где? В газете.

Чудинов посмотрел на свой стол и увидел, что там уже лежит свежий номер газеты «Зимогорский рабочий» с жирно отчеркнутой красным карандашом статьей. «Наши лыжники». Под ней стояла подпись: «До-Ре-Ми».

Стараясь внешне казаться невозмутимым, Чудинов прочел:

«В беседе с нашим сотрудником тренер общества «Маяк», за-

служенный мастер спорта инженер «Уралпроекта» товарищ Чудинов С. М. заявил: «Что касается неоднократной в прошлом чемпионки города Натальи Скуратовой, то она при всех своих способностях не имеет сейчас, естественно, больших шансов на победу, так как пренебрегает новой техникой двухшажного попеременного хода, принятого всеми лучшими лыжниками мира, не отрабатывает стиля, придерживается многих устаревших...».

У Чудинова даже лоб вспотел. Это, конечно, все Евгений перед отъездом организовал. Как по нотам: до, ре, ми... Ну, подвел! Теперь и вовсе не подступишься.

В городе все судили и рядили о статье До-Ре-Ми. У Дрыжика в парикмахерской только и говорили об этом. Многие считали, что приезжий инженер прав: побили зимогорских лыжниц в Москве. Другие самолюбиво негодовали, возмущались, объясняли все столичным высокомерием и капризами москвича. Особенно задет был за живое старик Скуратов. Ему неудобно было при всех, на людях, внимательно читать статью в газете, расклеенной на ограде рудника близ проходной. Он сделал вид, что все это вообще его мало интересует. Но, вернувшись с работы, тотчас же заставил Савелия прочесть ему статью еще раз вслух.

В горнице было жарко натоплено. На столе, как паровоз, пуская парок, клохтал самовар. Савелий читал со смыслом и выражением:

— «Что касается неоднократной в прошлом чемпионки города...»

— Ишь ты, — придирался старик Скуратов, — «в прошлом»! А нынешний день, мол, уже никуда.

— «...Натальи Скуратовой, — продолжал Савелий, — то она при всех своих способностях не имеет, естественно...».

— «Естественно»! — негодовал Никита Евграфович. — Уже все решил, «естественно»! Естествоиспытатель, однако, какой нашелся!

— «...Так как не отрабатывает стиля, придерживается многих устаревших, принятых без критического освоения...»

— Стоп, погодь! — не выдержал Скуратов. — Это кто же ее переучивать собирается?

— Да вот инженер из Москвы переучивает. Из стройконторы начальник.

— Гляди ты, какой скорый! Рыкало-зыкало! Пускай сперва по нашим крутогорам походит да воздуху нашего хлебнет. Это ему не московская дорожка — снег по щиколотку! Нет, однако, я завтра прямо в редакцию пойду. Я этому больно прыткому-то там пропишу! И не маши на меня, мать! Раз сказано — пойду.

(Кто-то осторожно постучал в дверь.) Это кто там толчется? Заходи!

Слегка примерзшая дверь, отдираясь, скрипнула и впустила незнакомого, запорошенного снегом высокого человека.

— Разрешите?— Пришедший снял пыжиковую шапку и коротко поклонился.— Добрый вечер!

— Заходи, коли добрый,— сумрачно отозвался Скуратов.

— Я со строительства инженер, Чудинов моя фамилия,— представился вошедший.

Никита Евграфович выпрямился и вышел из-за стола.

Чудинов, уже наслышавшийся о строгом укладе семьи Скуратовых и о трудном фамильном характере их, почему-то представлял себе, что его встретят тут великаны под стать Ворохтину. С известной опаской шел он сюда, готовый к тому, что примут его сурово и нелюбезно. Он почувствовал даже какое-то облегчение, когда Никита Евграфович, показавшийся ему, сидя за столом, очень рослым, встав, сделался как-то сразу меньше ростом. Старик-то, вопреки всем предположениям Чудинова, был хоть и крепок, но очень приземист. Широкие плечи его не очень вязались с маленькими, короткими ногами, обутыми в уральские валенки-чесанки.

Скуратов оглядел вошедшего, провел двумя пальцами по коротко стриженным усам, кашлянул:

— Кхе... Это, стало быть, однако, вы Наталью нашу расписали, толком не разобравшись в деле?

— Я вот именно, Никита Евграфович...— начал было Чудинов, проклиная уже себя за то, что решил пойти сюда.

—«Никита Евграфович, Никита Евграфович»! —негодующе повторил старик.— Не годится так, однако, с лета, с ходу, да и бултых в воду! Мы тут спокон веку по-своему на лыжи поставлены. Это понять надо. Да ладно, не маши на меня, мать, я тебе не комар какой, не отмахнешься! Без тебя знаю. Верно, вы раздевайтесь. Садитесь, коли уж пришли. Савелий, подай пиджак.

Сын подал ему из-за перегородки пиджак, к лацкану которого были привинчены ордена: старый, без колодки, орден Боевого Красного Знамени — памятка о партизанских делах времен гражданской войны и новый, на ленточке,— Трудового.

— Вот мне бы очень хотелось поговорить с вами,— попытался опять завести разговор Чудинов.

— Говорить-то нам уже с вами сегодня после времени. Надо бы раньше... Ну да садитесь. Мать, налей, я говорю. Вы сперва чайку, а потом уж и разговор будет. Так оно по-нашему.

Некоторое время все сосредоточенно пили горячий чай. Ста-

рик прихлебывал не спеша с блюдечка, легонько посапывал, дул под усы, словно обсушивая их.

Едва Чудинов успевал опрокинуть одну чашку, как сейчас же ему наливали свеженькую. Он пытался возражать, но никто даже его и не спрашивал. Лишь только он отставлял допитую чашку, собираясь начать разговор, ради которого пришел, перед ним, словно по волшебству, появлялась новая, полная, жарко дымящаяся. Наконец, отдуваясь, он со всей решительностью обеими руками отодвинул пустую чашку.

— Еще чашечку,— предложил Скуратов.

— Нет, куда уж... Я и так четыре выпил.

— Ну, мы не считали,— сухо пояснил Скуратов.— Налей, мать.— Он пододвинул Чудинову чашку дымящегося чая, налитую в самый край.— И мне-ка еще одну, дай бог, однако, не последнюю.

Еще несколько минут все молча потягивали губами горячий чай с блюдечка. Чудинов поспешно отставил пустую чашку, с трудом переводя дух. Скуратов тотчас же взял чашку гостя и передал хозяйке.

— Я, уж извините, счета не веду. Охота пришла — пью. На-ка, еще чашечку.

Тут Чудинов уже прямо-таки в отчаянии замотал головой, собираясь откровенно взмолиться, но Скуратов и глядеть на него не стал.

— Э-э, однако, сдает Москва. Раньше, бывало, приедет московский гость — целый самовар опрокинет в себя да новый просит раздуть. Нет уж, вы допивайте, допивайте, а то, как говорится, паук потопчет. Я о чем говорю, Степан... простите, как по батюшке-то?

— Степан Михайлович,— подсказал Савелий.

— Вы вот, Степан Михайлович, в святцы-то не глянувши, да в колокол бряк. А у Натальи нрав крутой, характером-то она вся в мать пошла.— Он, как бы украдкой, двинул мохнатой бровью в сторону маленькой, тихонько попивавшей чай матери.

Та только рукой опять махнула:

— И-и, старый!.. Нашел в кого!

Чудинов воспользовался паузой:

— Вы мне позвольте один пример, Никита Евграфович, близкий вам?.. Вот ваш город обязан своей славой руде. Но оказалось, чтобы в промышленность ее пустить по-настоящему, нужно руду эту обогатить, концентрацию дать, а иные примеси — вон, в отвал. И построили у вас обогатительную фабрику. И теперь вашей зимогорской руде цены нет.

— Это, конечно, вы верно,— согласился Скуратов,— только не пойму, к чему, однако?

— А к тому,— продолжал Чудинов,— что у вас тут действительно богатейшее месторождение спортивных талантов. И если вот пройти им, так сказать, обогатительную тренировку, так они прославят...

Скуратов пощипал себя за усы:

— Хитро, однако, вы дело сметили. Слыхал, Савелий? Вот она, Москва-то, как растолмачила — руда, мол, есть природная, да требует обогащения. Ах ты, елки-малина! Только самому бы поглядеть, какая такая у тебя обогатительная хитрость имеется. Секрет знаешь?

— Охотно покажу, что умею. Ведь эти все секреты я и предлагаю Наташе, а она упрямится. Я бы ее, знаете, как прославил...

— Ты это погоди,— охладил его Скуратов.— Мы за славой в сугонь не бежим. У нас вон человек Наташку от погибели спас и то не сказывается, в тайности прихоронился. Это вот по-нашему. Видать сразу, что человек трезвону не любит.

Чудинов поморщился и забарабанил пальцами по столу:

— Гм!.. Это совсем другое дело. Ведь тут по-иному вопрос стоит. Наташа может прославить весь наш советский спорт. У нас слава человека становится славой семьи, коллектива, иногда и всей страны. Вот я и считаю поэтому, что газета, в общем, поступила правильно, напечатав беседу со мной.

Скуратов опять покорябал ногтем под усами.

— Обошел ты меня кругом, товарищ Чудинов, твердый ты, хитер. Только есть у нас, однако, и свои секреты и своя хитрословинка. Вот возьмем наши мази. Это тоже особа статья, из рода в род идут. Тут надо тайность знать. Поближе сойдемся если — одолжу.— Он поднялся.— Ну, однако, пошли.. Спробуем, какая такая у тебя обогатительная хитрость имеется.

Мать всплеснула руками:

— Куда же это вы? И чаю как следовает не пили! А ты-то, старый, ну куда тебе на лыжах, да еще против них? Молодые они,— она мотнула головой в сторону Чудинова,— ну где уж тебе! Вот ведь характер анафемский! Заело чертушку! Доктор тебе давеча насчет сердца чего говорил?

Скуратов уже надевал ушанку.

— Я, мать, для этого дела у доктора свидетельства не брал и не гуди.— Он подтолкнул локтем Чудинова.— Видал, характер? Вон в кого Наташка-то. Савелий, сымай из сеней лыжи, мазь давай. Наващивать будем.

Наташа была очень раздосадована статьей в «Зимогорском рабочем». Она даже всплакнула тихонько у себя в комнате. Потом, когда обида и гнев несколько поутихли, стала раздумывать.

Кто знает! Возможно, и прав этот приезжий инженер-тренер. Может быть, зря она на него так разобиделась, когда дело не пошло на самых первых порах? Только уж очень непривычны были его манеры, вся повадка и его неожиданный строй слов, на которые сперва хотелось обидеться, а потом, вдруг поняв их до конца, радостно отозваться... Странный был он человек, этот Чудинов. Таких Наташе еще не приходилось встречать. Она пыталась убедить тебя, что инженер нанес ей смертельное оскорбление, которое нельзя уже простить, но с каждой минутой ей было все труднее и труднее убедить себя в этом. И тогда она начала досадовать уже на себя.

Приведя ребят с очередной прогулки и уже собираясь закрыть входную дверь, Наташа услышала, как кто-то ее окликнул, и высунулась на улицу. К крыльцу лихо подкатила на лыжах Маша Богданова.

— Погоди, Наташа. Ну-ка, погляди-ка! — И она, описав несколько роскошных петель возле стоявшей на крыльце Наташи, помчалась по дороге, сделав разворот, взвихривший снежок, и снова прошла перед Наташей в какой-то новой и свободной манере.— Видала, Наташка? — крикнула Маша.— Красиво получается? А знаешь, почему? Потому что работа рук согласована с ногами и посыл от толчка получается длинный, свободный.

Она выпалила все это как хорошо затверженный урок. Чувствовалось, что она на хорошем счету у своего учителя.

Наташа ревниво присматривалась к ее движениям.

— Переучилась уже?

— А почему же хорошему не поучиться? — бросила с ходу Маша, мастерски повернулась, подкатила к Наташе и положила ей руку на плечо.— Если бы мы в Москве с тобой так ходили! Наташка, дурная ты, да если бы у меня был твой талант, данные вот эти физические, как Чудинов говорит, так я бы только и делала, что с ним тренировалась. Знаешь, какой он симпатичный?

— А-а! — понимающе протянула Наташа.— То-то ты так стараешься!

— Ну, и очень глупо! — возмутилась Маша.— Уж если об этом говорить, так известно, по ком он вздыхает. Кстати, он не меня тогда из пурги спасал, кажется.

— Ну, это еще далеко не известно, он ли. Вон Ремизкин даже сомневается. А если он, так нечего ему таиться. Может быть,

дожидается, что я лично ему спасибо скажу? Не дождется, коли сам не скажет. Дело темное.

— Кому темное, а мне ясное. Я ведь тоже, Наташка, кое-что вижу.

— Нечего видеть, чего нет! — Наташа покраснела.— Я вот пока вижу, что он тебя в газете хвалит и чуть ли мне в пример не ставит. Прощай, Маша! — Она рассерженно и быстро поднялась на крыльцо.

Маша крикнула ей вдогонку:

— Так, значит, я скажу Чудинову, что ты придешь на занятия? Не прикидывайся глухой, по затылку вижу, слышала. Вон уши-то загорелись!

Наташа громко хлопнула дверью.

Между тем Чудинов закончил показ своих «обогатительных секретов» старику Скуратову и Савелию. Вот тренер вылетел из-за крутого склона, сделал головокружительный поворот на месте. За ним спустя некоторое время появились отец и сын Скуратовы. У обоих волосы под шапками взмокли. Никита Евграфович с трудом отдышался.

— Ну и ходкий ты! — восхитился он.— Это я такого не видывал сроду. Нет, Савелий, ты с ним не равняйся. Это тебе не по носу табак, молод еще, брат. Ах ты, елки-малина! Как стоячего обошел! Как же ты попеременно-то этим манером разгон такой получаешь? Их ты, силен! Запарил ты меня, как на верхней полке. Это, выходит, правда Наташка дура, что перенять не хочет, это я ей вмозгую...

Возвращаясь после разговора с Наташей, Маша Багданова увидела шедшего навстречу Чудинова.

— Здравствуйте, Степан Михайлович! Я вижу, вас все-таки в эти края тянет,— она повела глазами в сторону, где находился интернат.

Чудинов раскланялся и ничего не ответил. Вид у него был очень решительный. Шагал он сосредоточенно и быстро. Маша, развернувшись на лыжах, нагнала его и пошла рядом.

— Я вам хочу что сказать, Степан Михайлович... Наташка хочет завтра на тренировку прийти, да стесняется, ждет, что позовете.

Чудинов остановился:

— А вы откуда знаете? Она вам сама сказала?

— Ну да, скажет она, ждите! Но я уж ее знаю и отлично вижу. Пришла бы, да стесняется, особенно после газеты. А я гово-

рю: «Чего стесняешься? Знаешь, какой Степан Михайлович хороший человек, сразу все поймет».— Она огляделась и потом, став на цыпочки, сколько позволяли крепления лыж, дотянулась ему до уха.— Сказать вам по секрету? Она из-за вас страдает.

— Ага! Обиделась, что я прав был да еще в газете пробрал.

Маша взглянула на него раздосадованно — вот, в самом деле, непонятливый какой!

— Да я не в этом смысле. Она из-за вас переживает. Понятно вам это?

— Выдумали все. Она после газеты, наверно, и слышать обо мне не хочет.

— Как вам не стыдно только! Такая девушка страдает, а вы! Да вы знаете, какая у нас Наташа?.. Ведь это только у нее с виду такой характер, а вообще-то она...

— Девушка она чудесная,— охотно согласился Чудинов.— Из такой девушки можно мировую чемпионку сделать. Чудесная девушка... — повторил он задумчиво.

— Ага! Ну, славу богу, рассмотрел все-таки,— немножко успокоилась Маша.— А то мне просто было обидно за вас обоих. Как журавль с цаплей, ей-богу!

Глава XIII

«БОЛЕРО» И «ШЕСТЕРА»

Чудинов остановился возле интерната и прислушался. Сверху из-за двойных стекол глухо доносились ребячьи голоса, не очень спевшиеся. Слышались приглушенные двойными рамами аккорды рояля. Чудинов знал: в этот час Наташа ведет занятия по хоровому пению со своими питомцами. Он легонько позвонил. Дверь открыла ему Таисия Валерьяновна. Она была в пальто и платке,— видно, куда-то собралась уходить и столкнулась в подъезде с тренером. Чудинов объяснил, что ему нужна на минутку Наташа.

— Поднимитесь,— разрешила заведующая.— Дорогу знаете?.. Они там, в большой комнате, музицируют.

Чудинов неслышно поднялся по лестнице и, никем не замеченный, стал в дверях комнаты, где шли занятия. Тоненькими, старательными голосами ребята пели:

Дверь ни одна не скрипит,
Мышка за печкою спит,
Кто-то вздохнул за стеной,
Что нам за дело, родной...

Внезапно выделился хрипловатый басок Сергунка. Он явно соврал. Наташа остановилась.

— Сергунок, Сергунок! Уши у тебя есть? — Она постучала одним пальцем по клавишу, давая нужную ноту. — Слышишь? «Что нам за дело, родной...» Вот как надо.

Востроносенькая Катя тотчас же подняла руку:

— Я знаю, тетя Наташа, у него ухи такие: в одно влетает, а в другое вылетает. Это ему Таисия Валерьяновна так сказала.

— А ты не ябедничай,— остановила ее Наташа и передразнила: — «Ухи»! «Уши» надо говорить. Ну, давайте еще раз.— Она повернулась к пианино, проиграла мелодию вступления и запела вместе с ребятишками.

Грудной, просторный голос ее повел сразу за собой хор, как ведет наполненный парус лодку с гребцами. Но тут сфальшивила Катя.

— Ну, а у тебя где сейчас уши были? — спросила Наташа.

— А у меня всегда голос со слушом... с ухо́м... с у́шами не не сходится,— затараторила, оправдываясь, Катюша.

— А вот ты слушай, как тут поется.— Наташа стала наигрывать мелодию без аккомпанемента.

И тут раздался от дверей голос Чудинова:

— Эх, не совсем это так поется. Можно мне?

Растерявшаяся от этого внезапного и, как ей казалось, совершенно невозможного появления, Наташа возмущенно вскинула голову.

А Чудинов уже как ни в чем не бывало подходил к ребятам.

— Здравствуйте,— хмуровато, но бодрясь, приветствовал он.— Можно мне, Наташа, показать? Я эту песню хорошо знаю и очень люблю.

— Уже и сюда пришли меня переучивать? — шепотом спросила Наташа.

Но тренер не принимал разговора в полутонах. Он громогласно отвечал:

— Нет, что вы! Я тут не специалист. Но вот, может быть, у нас с вами в четыре руки получится.— Он подтащил табуретку к пианино, без всяких усилий сдвинул немного в сторону стул с Наташей и подсел к ней вплотную слева.— Начали!

И, невольно подчиняясь его напористой энергии, Наташа заиграла мелодию, а он стал бравурно аккомпанировать ей, ведя свою партию и подмигивая ребятам.

Те запели, весело глядя на обоих, следя за размашистыми движениями его головы, которой он как бы дирижировал, приговаривая:

— Хорошо!.. «Мышка за печкою...» Давай, давай, дружно Вот это другой разговор! Вот и спелись.— Он с размаху взял оглушительный аккорд, сопровождаемый странным дребезгом внутри пианино.

—Уй-юй! Здорово как! — восхитился Сергунок.— Даже задрынчало!

Чудинов встал и сконфуженно заглянул под приподнятую крышку пианино, вытер лоб платком.

— Струна. Ничего, я завтра поищу настройщика. А песня, между прочим, хоть и мелодичная, но по смыслу того... «Кто-то вздохнул за стеной, что нам за дело, родной...» Ничего себе воспитание! Лишь бы нам хорошо, мол, было. А там, за стеной, стони, помирай, нам дела нет.

— Что же, по-вашему, я должна с ними «Марш ударников» разучивать обязательно? — тихо спросила Наташа.

Он помолчал в затруднении, вытер платком вспотевшую шею.

— Да нет, это я так. Мне нужно вас на одно слово, Наташа. Выйдем в коридор на минутку.

— Тетя Наташа,— закричала им вслед Катюша,— ты же обещала сказку нам дочесть!

— Дочитать,— машинально, чтобы скрыть все больше охватывавшее ее волнение, поправила Наташа.

— Ну, дочитать... про Белоснежку, как она у гномиков в пещере жила.

Катюша, конечно, не могла понять, почему Наташа покраснела так, словно ее поймали на чем-то запретном, а у Чудинова торжествующе блеснуло из-под нахмуренных бровей.

— Ну, что вы мне собираетесь сказать? — спросила Наташа, нехотя выйдя с Чудиновым в коридор.

— То, что уже не раз говорил вам: что вы дрянная девчонка с отвратительным характером, но при ваших данных...

— Я все это уже в газете читала,— спокойно сказала Наташа.— Очень шумите, Степан Михайлович. Мы этого тут не любим, однако.

Она испытующе поглядела на Чудинова. Тот смущенно и трудно высморкался, уткнув нос в платок. И на уголке платка Наташа на мгновение увидела метку «С. Ч.».

— Откровенно говоря, ничегошеньки я с вами не понимаю,— заговорила она, потеряв вдруг всякую уверенность.— То вы мне одним кажетесь, то совсем другим. Что-то запуталась я с вами.

— Наташа, может быть, хватит нам в эти самые ваши уральские разрывушки играть, а? Руку!

Он протянул ей свою широкую и уверенную руку.

— От вас, видимо, никуда не денешься,— невольно уступая, отвечала Наташа.

— И не будем спорить. Видите, я пришел первый. Пришел первый, чтобы вы на лыжне не остались последней! Сам пришел, деваться вам некуда. Сдаетесь? Ну?

— Сдаюсь.

Теперь они тренировались ежедневно. Чудинов был неутомим. Постепенно его заразительная, веселая энергия стала передаваться и Наташе. После всевозможных упражнений и отработки отдельных элементов лыжного хода они в конце занятий делали прикидку с секундомером. И Наташа порой была готова возненавидеть эту маленькую, но дьявольски торопливую стрелочку, которая опережала ее и достигала клювиком положенной черты прежде, чем Наташины лыжи пересекали условную линию финиша между двумя елочками.

— Вы меня совершенно загоняли! — жаловалась она к концу тренировки, покорно опускаясь на пенек, и, освободив усталые ноги от креплений, втыкала лыжи в снег.— Скажите хоть что-нибудь.

Чудинов, сам уже взмокший и как будто довольный, сразу начал объяснять:

— Слушайте, Наташа! Когда вы подходите к финишу, вы не скупитесь, выкладывайте все. Я же вам сказал: сделаем сегодня последнюю прикидку. Что же вы скаредничаете? Бережетесь? Оставляете слишком большой запас в себе. Сил-то у вас достаточно, а вот злости мало, хорошей спортивной злости. А без этого не победишь противника. Вы меня извините, но иногда прямо взял бы вас за шиворот и потряс как следует, леший бы меня взял!

— Ну вот, вы опять уже ругаться начали,— устало и виновато возражала Наташа.

Чудинов в таких случаях смущался, но продолжал бушевать:

— Я же сказал «меня». Меня чтобы леший взял!

— Ну, и на этом спасибо.

— Не за что! — Он внезапно распалялся.— Леший бы нас обоих взял, в конце концов! На меня злиться — это вы умеете, а вот где надо характер ваш зауральский, норов этот ваш чалдонский в быстроту перевести — тут стоп дело. Ничего из вас не выйдет, пока не разозлитесь хорошенько.— С затаенной хитрецой он поглядывал на Наташу.— Вот, например, когда я тренировал Бабурину...

Наташа вскакивала:

— Опять Бабурина? Хватит с меня этой Бабуриной! Только и слышу... Пожалуйста, командуйте, я готова.

— На сегодня хватит,— подзуживал Чудинов.

— Нет, не хватит. Я хочу тренироваться. Слышите? Командуйте! Так они тренировались день за днем, день за днем.

Однажды, после вечерней тренировки, Чудинов вынул из кармана два билета.

— На концерт сегодня пойдем. Вы свободны? Пятую Чайковского играют. И «Болеро» Равеля. Сильнейшая вещь! И вам полезно будет послушать.

...Они сидели в большом зале рудничного клуба. Оркестр, приехавший из Свердловска, играл «Болеро».

Удивительной и непривычной была для слуха Наташи эта музыка. Собственно, музыки в первых тактах не было. Неподвижно сидели все музыканты на эстраде. Почти недвижим был и сам дирижер — только чуть-чуть подрагивала мерно в его руке, прижатой к талии, палочка да возле него, в самой середке молчавшего оркестра, едва слышно что-то поцокивало однообразно, сухо, настойчиво, в одном и том же, лишь слегка, двухоборотно, смещающемся, попеременно проступающем ритме. И вот постепенно, как бы приближаясь, это упорно повторяющееся звучание становилось все громче, громче, явственней, решительней, и на него отзывался, подчиняясь тому же двойному, попеременно распоряжающемуся четкому ритму, один инструмент за другим. И он, этот ритм, облекся в робкую сперва мелодию, которая бежала по оркестру от флейты к скрипкам, от скрипок — к виолончелям, от виолончелей — к фаготам, как бежит по магниевому шнуру огонь, зажигающий свечу за свечой на елке. Все неодолимее, все могущественнее становился этот властный попеременный ритм, настойчивый, немного придыхающий, неодолимо, такт за тактом вовлекающий в свое движение все силы оркестра. И мелодия, послушная ему, с каждым тактом насыщалась все новыми и новыми оттенками. Вот она уже завладела всеми инструментами, и то, что было недавно еще едва слышным, цокающим стуком барабанчика, теперь стало жадным, лихорадочным и набатным зовом широко раззвучавшейся темы. Она пробивалась от одной группы инструментов к другой, все более разрастаясь, открываясь во всей своей повелительной мощи. Ритм несколько убыстрился, а мелодия все повторялась и повторялась. Она гремела уже оглушительно, почти истошно. Казалось, сейчас она изнурит и музыкантов и не хватит больше сил слушать ее, требовательную, всеисчерпывающую, прошедшую через все инструменты,

сыгранную и так, и эдак, и еще совсем по-новому, и потом опять, еще раз по-другому... И когда, казалось, звучание уже достигло предела, истощив все свои возможности, и, торжествующе владея всем залом, подчинило себе безоговорочно биение всех сердец, в музыке произошел какой-то короткий внезапный сдвиг — и в скользящей лавине звучаний, вовлекшей все инструменты оркестра, все оборвалось и смолкло...

Наташу совершенно полонил этот изнурительный двойной, попеременно повторяющийся странный ритм и как будто однообразное, но могучее движение музыки. Зал аплодировал, а она сидела неподвижно, прерывисто дыша, вся еще во власти только что оборвавшихся звучаний.

— «Болеро»,— тихо пояснил ей Чудинов.— Фанатический танец, особая магия ритма. Но хотите смейтесь, хотите верьте, есть в нем что-то похожее на наш двухшажный попеременный ход, честное слово. Вы заметили? Тут тоже попеременно повторяется одна и та же музыкальная фигура, а потом берется разгон и включаются все силы, используются все возможности... полная отдача! Кажется, уж нечего больше выкладывать, а оказывается, можно еще вот и так... и под конец еще один, почти исступленный рывок, бурный спурт * и финиш... Люблю я эту штуку!

Потом играли Пятую симфонию Чайковского. Наташа вообще любила музыку, а сегодня благородные звуки симфонии, лившиеся с эстрады, волновали ее с какой-то не совсем ей даже понятной и новой силой. Все вокруг было музыкой — и новые надежды, которыми она теперь жила, и завтрашний день, обещавший опять встречу на снежных холмах, и сегодняшний вечер, и этот сидевший рядом, недавно еще совсем ей неизвестный, а теперь уже очень нужный, то грубоватый, то ласковый, неукротимый человек. Чудинов тоже отдался весь во власть слышимого и едва заметно качался, как бы повинуясь величавому ритму симфонии. А Наташа, сама того не замечая, в сладостном оцепенении припала к его локтю, стиснув его руками. Спохватившись, Чудинов, слегка отодвигаясь, шепотом сказал:

— Чувствуете, какая здесь звучит воля к победе? Слышите, как свершается это? Как человек побеждает? Преодолевает все в великом напряжении. Слышите? Еще и еще. Победа близка!

— А я что-то совсем другое представила,— зашептала кротко, но еще не сдаваясь, Наташа. — Будто вечер и чуть-чуть поземка... И вот идут по равнине двое, рядом, близко так. И впереди у них что-то хорошее, светлое, и они идут туда... все рядом...

---

* Спурт — стремительный рывок спортсмена у финиша.

Чудинов как бы задохнулся слегка, но нашел силы пошутить:

— Гм!.. Рядом уже не годится. Вы должны быть впереди. Помните, что вы должны быть впереди.

— Но, чтобы быть впереди,— на другой день говорил Чудинов на тренировке,— надо напрячь все силы, собрать всю волю, и так день за днем...

И шел день за днем, и каждый день они встречались. Сперва под ноги им стелилась белая пороша, потом подмерзший звонкий наст, потом лыжня потемнела, а под лыжами иногда проступала вода в колее.

А затем уже не снег, а мокрые дорожки стлались под ноги Наташи и тренера. И оба они, обутые в легкие беговые туфли с шипами, делали пробежку среди еще голых весенних деревьев. А после была гаревая, залитая ранним утренним солнцем дорожка пустого стадиона, где тоже надо было тренироваться. А иногда ноги упирались в дощатое дно лодки и в руках, привыкших к легким лыжным палкам, были довольно тяжелые длинные весла, сверкавшие в лучах солнца над водой озера при каждом взмахе.

Когда интернат переехал в загородный дачный лагерь, Чудинов примерно через день стал наезжать туда в электричке после работы. И опять начались в лесу пробежки, разминки, игры в мяч. Ребята бурно радовались приезду Чудинова. Они уже привыкли к нему и даже прощали, что он на два-три часа отнимал у них тетю Наташу. А инженер безотказно перекидывался с ними мячиком, придумывал какие-то новые, необыкновенные игры в следопытов, охотников, вырезал в лесу биты для городков, сочинял какие-то невозможные фигуры вроде высотного дома, лимонадной будки, метро, которых никогда прежде до него в городках и не было.

Потом снова задули холодные сибирские ветры и облетели с деревьев рыжие листья, янтарные — с берез и словно из красного сафьяна вырезанные — с кленов. Но и они пригодились Чудинову. Он научил Наташу ходить на лыжах по золотой влажной осыпи листьев, уверяя, что они дают прекрасную лыжню, отличное скольжение. А Наташа не сразу узнала свой родной город, когда вернулась вместе с ребятами в интернат после трехмесячного лагерного житья. Город так отстроился за лето, что многое из виденного прежде Наташей на проектах Чудинова, которыми он

нет-нет, да легонько хвастался перед своей ученицей, перешло теперь уже с бумаги на улицу, стало прочно срубленными или красиво выложенными из камня стенами новых жилых домов, пролегло совсем новой улицей к лесу, распахнулось красиво застроенной площадью, которой еще не было весной. И Наташе было приятно знать, что город хорошеет оттого, что в этом очень нужном деле неутомимо действует человек, который и ее саму взялся обогатить душой, возвеличить и прославить, как он обещал это ей и городу.

Ее все больше тянуло к этому человеку, в котором многое было несколько непривычным и в то же время влекущим: и манера держаться, и неожиданные обороты мыслей, и грубоватая искренность речи. Чувствовалось, что он сильный человек. Но сила обычно не волновала Наташу. Она привыкла жить среди сильных людей — горняков, охотников. Старик отец и сейчас еще мог трижды перекреститься гирей-двухпудовиком. А когда-то он слыл на руднике одним из первых силачей, несмотря на свой малый рост. Трудно было удивить Наташу силой. Но у Чудинова сила была его волей, его строго нацеленным движением к смело и твердо намеченному будущему, к которому он упрямо шел, ведя за собой и Наташу.

Хорошим был человеком Чудинов, только иногда уж слишком деловым, чрезмерно устремленным лишь к одной точке и ничего, кроме нее, до обиды не видящим казался он Наташе.

Пришла ранняя зима. Двинулись сугробы на улицы городка. Опять замельками за деревьями подступившего к Зимогорску бора фигуры лыжников и лыжниц.

Однажды вечером, когда Чудинов занимался после работы у себя в номере, к нему, едва постучав, ворвался Донат Ремизкин. Чудинов привык уже к подобного рода вторжениям. Энтузиаст-репортер всегда сообщал в таких случаях что-нибудь сверхпланово сенсационное, как он говаривал.

— Ну, танцуйте! — закричал, торжествуя, Ремизкин, размахивая еще мокрым оттиском только что сверстанной газетной полосы.— Я прямо из типографии. Танцуйте!

Тут только он заметил, что левая нога тренера укутана пледом и покоится на подушке, положенной на подставленный стул. Раненое колено с осени опять стало напоминать о себе.

— Ну ладно,— смутился Ремизкин,— я за вас станцую. «Шестёра! — объявил он и пошел приседать, выкаблучивать по паркету но́мера и выкидывать коленца, старательно выплясывая все фигуры знаменитого уральского танца, имеющего шесть заходов и потому названного «Шестёрой». — «Подгорна!» «Сербияноч-

ка!» — продолжал выкрикивать Ремизкин, притопывая, приседая и колесом носясь по номеру. — «Барыня!» «Холмогорочка!» «Зимогорочка!»

Отбив дробь и исполнив все шесть положенных фигур, он подскочил к Чудинову и, чуточку отдышавшись, стал торжественно читать то, что было оттиснуто на мокрой полоске:

— Ну, слушайте. «В ознаменование десятилетия города Зимогорска и достигнутых его трудящимися высоких успехов в добыче руды и строительстве, а также учитывая массовый размах спортивной работы в Зимогорске...» Слышите, Степан Михайлович? «Массовый размах». Здорово? «...Комитет по делам физкультуры и спорта решил провести зимнюю спартакиаду и розыгрыш кубка в городе Зимогорске».

Он опять взвился, отбил дробь, хотел было кинуться с раскрытыми объятиями на Чудинова, но покосился на его ногу, махнул рукой и побежал к двери, крича на ходу:

— Пойду сейчас нашим комсомольцам сообщу, всех ребят проинформирую. Ведь это же какое дело! Ей-богу, честное даю слово! Дождались-таки, признали нас!

С этого дня пошли еще более интенсивные тренировки. Но тренировались и другие лыжницы в Зимогорске. Та же Маша Богданова, старательная, наделенная каким-то особым веселым рвением, делала все более заметные успехи. И на первых прикидках результаты получились совсем неожиданные. Время, которое показала Маша и другие ее подруги при замере по секундомеру на три километра, было не хуже, чем у Наташи.

— Зря вы со мной бьетесь,— говорила опять после этого Наташа,— сами видите. Еще хуже ходить стала, чем прежде. Совсем вы меня сбили.

— Нет, Наташенька,— успокаивал ее Чудинов.— Это другие стали ходить лучше. А вы сейчас, как говорится, шкурку меняете. Прежнюю сбросили, а новую еще не совсем нарастили. Это не всем сразу дается. И потом, я же пока вам давал прикидку на коротких отрезках. Тут ваша выносливость, заряд ваш великолепный, неисчерпаемый не успевают показать себя, поверьте мне, потому и результаты получаются примерно равные. А вот постепенно начнем увеличивать дистанцию, вы их всех бросите позади, оставите у себя за спиной. Мы еще кое-что с вами отработаем. У вас пока не сразу ладится после старта, засиживаетесь. Посыл лыжи у вас великолепный, но иногда вы еще коленом сами себе тормоз создаете. Словом, унывать абсолютно не с чего.— Он брал

секундомер.— Ну-ка, пошли! Времени до спартакиады осталось немного, теперь от меня пощады не ждите.

А она и не ждала. Она уже не хотела пощады.

Глава XIV

ЗЕРКАЛО ТУМАНИТСЯ

«Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?»
И ответило зеркало:
«Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горой,
У карлов семи за стеной,
В тысячу раз богаче красой».

Из старой сказки

Тем временем Алиса Бабурина тоже не дремала. Она теперь занималась с новым тренером. Это был некто Закрайский Всеволод Илларионович, человек с необычайно четкой дикцией, изъясняющийся всегда чрезвычайно звучно, многозначительно и без запинок.

— Следует отметить,— говорил он Алисе,— что ваша прежняя подготовка в известной степени складывалась без учета индивидуальных ваших особенностей и имманентных, вам одной присущих, качеств. Я не хочу порочить метод моего предшественника. Товарищ Чудинов был когда-то, несомненно, весьма примечательным, я бы даже сказал — выдающимся скороходом. Однако он слишком долго держался за то, что казалось ему непреложным, а по существу, опровергнуто международной спортивной практикой. Я имею в виду режим, которым он вас в известной степени подавлял. При наличии такой отточенной, я бы счел возможным даже сказать — изощренной техники, как у вас, Бабурина, совершенно излишни, на мой взгляд, подобного рода режимные ущемления, которым он вас постоянно подвергал. Ваша техника решает все.

Алиса нашла в нем очень удобного для себя тренера. А что касается расторопного Тюлькина, то тот просто был заворожен Закрайским, упивался его красноречием и был в восторге от эрудиции нового тренера.

— Вот, понимаешь, голова! — восхищался он при встрече со мной на Ленинских горах, где мы смотрели прыжки с трамплина неподалеку от университета.— Послушал бы, как выступает он на совещаниях! С багажом человек. Я имею в виду — культур-

ным. И главное, у меня с ним лично сразу вполне хорошие отношения наладились. Я ему для дочки норвежские лыжи схлопотал, неплохой свитерок для него лично организовал. Он умеет ценить, не то что этот Чудинов. Ему было все равно. Напялит свою допотопную кацавейку в клетку, довоенного уровня, выпуска 1939 года, и дует себе. А этот разбирается.

Однако на состязаниях под Кировом Алиса показала время еще хуже прошлогоднего и вообще оказалась в плохой форме, придя к финишу четвертой. В «Маяке» встревожились, заинтересовались системой нового тренера, убедились, что он совершенно не следит за режимом лыжницы, во всем идет на поводу у капризной чемпионки. Да и сама неблагодарная Алиса вскоре на одном из собраний лыжной секции сострила, что хотя Закрайский говорит весьма красно, но все у него шито белыми нитками. Словом, Закрайский был отставлен. С Алисой стал заниматься старый, опытный лыжник Иван Михайлович Коротков, который первым делом, не боясь уронить своего достоинства, списался со Степаном и попросил прислать график тренировок и поделиться некоторыми соображениями по части индивидуальных особенностей Алисы. Чудинов не заставил себя долго ждать, прислал Короткову подробное и точное описание необходимых, на его взгляд, тренировок, посочувствовал Короткову, зная наперед, что нелегко ему придется с капризной и набалованной чемпионкой. Алиса ничего не знала об этой переписке. Встретив меня на одном из хоккейных матчей, она спустилась ко мне из ложи и даже снизошла до личной беседы.

— А-а, Кар, приветствую! Ну, как ваш друг, нас покинувший, пишет что-нибудь? Я краем уха слышала, что он опять там тренерствует. Не вынесла душа поэта, так, что ли?

Я рассказал Алисе все, что знал о Чудинове по письмам, которые, впрочем, я в последнее время получал от Степана довольно редко.

— Да,— задумчиво сказала Алиса,— ведь спартакиада будет теперь как раз там. Ну, теперь я понимаю этот хитрый ход. Просто заранее отправился, чтобы подготовить мне в пику. Зачем было только придумывать такие сложные объяснения, выкрутасные мотивировки? Ну что ж, встретимся довольно скоро. Говорят, он там звезду какую-то разыскал. Неужели это та самая Скуратова, которую я в прошлом году так обошла в Подрезкове? Смешно! Ходит как снегоочиститель, размаху много, а вперед чуть. Ну что же, поглядим, лыжня-то и на Урале узкая, кому-то придется уступить.

Но Чудинов не собирался уступать. Я написал ему о своей

встрече с Алисой, рассчитывая еще больше подогреть рвение его новой строптивой воспитанницы, и получил ответ от Степана:

«Дорогой Евгений, спасибо, старик, что не забываешь. Писать мне некогда. Время горит. Что касается Алисы, то напомни ей сказку о Белоснежке. Очень ей хочется, чтобы зеркальце ответило на ее ревнивый вопрос: «Ты, царица, всех милее, всех румяней и белее». Ан зеркальце-то пока туманно. И я верю, что оно скоро лишит Алису покоя, ответив, что за горами, за долами есть кое-кто и румянее, и белее, и, во всяком случае, сильнее. Дорогой мой! Я верю в Наташу, и, что еще важнее, кажется, она поверила в меня».

Чудинов решил прибавить лишний час ежедневной тренировки. Но Наташа не всегда успевала управиться с делами по интернату, пройти с ребятами домашние задания. Энергичного тренера и это не остановило. Привыкший делать все сам, где это только возможно, не обременяя просьбами других, он отправился в интернат, чтобы обо всем договориться на месте.

Ребята сидели за партами, готовя уроки. Увидев вошедшего тренера, все радостно вскочили. Дети успели подружиться с Чудиновым за лето и радовались каждому его приходу. А сейчас, помимо всего, это был совершенно законный повод для того, чтобы отложить учебники и тетради в сторону. Но Чудинов поднял руку очень строго:

— Сидеть, сидеть у меня, вы, молекулы! Где тетя Наташа?

Сергунок, сев, поднял ладошку вверх.

— Можно мне ответить? — Он вскочил и отрапортовал: — Тетя Наташа сейчас придет наши домашние задания проверять. Она дежурная, пробует ужин. Будут оладьи с повидлом.

— А какое у вас задание?

— Задача очень трудная,— наперебой заговорили ребята.

— Никак не выходит ни у кого. Складываем, складываем,— пожаловалась Катюша,— и все не получается.

Чудинов сел за учительский стол:

— У вас задача не выходит, а у меня тренировка из-за вас срывается. Учиться надо как следует. А ну, давайте сюда вашу задачу. Тихо, не все сразу. Все остаются на местах, я сам подойду.

И он пересел на маленькую парту, потеснив обитающего там Сергунка.

— Ну, что же тут трудного-то? Эх ты, нагородил сад-палисад! Давай вместе решать. Очень просто. Значит, так. Смотри

сюда: десятки любят, чтобы их подписывали под десятками, а ты куда их запятил? Так. Ну, теперь давай складывать. Вот тут сбоку ставим прелестный крестик, именуемый плюсом, здесь подводим изумительной красоты черту. Раз... один у нас с тобой был в уме, мы это отметили вот тут. Теперь производим необходимое нам с тобой действие. Вот видишь, как просто! Небось, час бы без меня возился, а тетя Наташа сиди с вами тут. Ну-ка, давайте живо все задачки.

Ребята, вскакивая, замахали тетрадками.

— Дядя, и у меня не выходит.

— И у меня...

— Тихо! Чтобы у меня порядок был!

Пересаживаясь с парты на парту, Чудинов решал ребятам задачи. Малыши, как это всегда бывает в закрытых детских учреждениях, интернатах, детских домах, соскучившись по домашней ласке и сердечному, отеческому вниманию взрослого человека, прижимались к его плечу.

— Ну, вот что, ребята,— сказал Чудинов, когда все задачки были решены.— Давайте условимся. Вы тетю Наташу любите?

— Любим!— словно выдохнул класс.

— Ну, раз любите, так учитесь как следует.— Он наклонился над партами, заговорщически оглянулся:— Ну, хотя бы до спартакиады прошу. Вы хотите, чтобы тетя Наташа всех победила и чтобы хрустальный кубок...— Он шагнул к доске, схватил мелок и двумя-тремя штрихами мгновенно нанес очертания почетного приза.— Вот такая красивая чаша, вся из чистого хрусталя да еще с серебром вокруг. Хотите, чтобы нам достался? Хотите?

— Хотим!

— Еще бы не хотеть! Ну так вот, готовьте, чертенята, уроки скорее. Слышите, вы, молекулы? Занимайтесь как следует, чтобы тетя Наташа на вас меньше времени тратить могла, а вместо этого на тренировки бы ходила. Помогите мне.— Он добавил совсем тихо, доверительно склонившись к ребятам:— А если задачки будут трудные, вы ко мне в гостиницу Сергунка присылайте. Мы с ним старые приятели. Все задачки с ним я сам решать буду.

Ребята смотрели на него с неизъяснимым восхищением. Вот какой хороший дядька! И представить себе, что он учит тетю Наташу, которая и так все знает, всех умнее и главнее! А вот слушается и уважает его. Какой же это, наверно, знающий и важный человек!

И сразу даже не заметили, что Таисия Валерьяновна вошла в класс и стоит возле доски. А заметив, разом все вскочили. Чуди-

пов оглянулся и тоже несколько оторопел. Таисия Валерьяновна качала головой:

— Это еще откуда репетитор такой выискался? Чем это вы тут с ребятами занимаетесь, Чудинов?

Товарищи родные! Какая же, должно быть, была умная, знающая и важная Таисия Валерьяновна, если теперь уже сам Чудинов, тот, который учит тетю Наташу, учительницу, вытянулся и весь покраснел, совсем как школьник, застигнутый за какимто непозволительным занятием! Ребята были вконец потрясены.

— Таисия Валерьяновна,— сконфуженно заговорил Чудинов,— я просто хочу помочь Наташе. Ведь дело серьезное. На весь Союз спартакиада. Надо бы Наташу немного освободить.

Таисия Валерьяновна знаком пригласила его выйти из класса.

— А вы полагаете, что она действительно может многого достичь? — как всегда спокойно спросила Таисия Валерьяновна, когда они оказались в коридоре.

— Таисия Валерьяновна! — с внезапной страстностью рубанув ладонью воздух перед собой, сказал Чудинов.— Таисия Валерьяновна, она явление совершенно исключительное. Вы не представляете себе, что это за девушка! Драгоценный самородок! Вот вам рука моя! — Он непроизвольно схватил ее за руку.— Какая скрытая сила в каждом движении!

Таисия Валерьяновна, слегка прикусив губу, высвободила руку.

— Простите, я, кажется, вам больно сделал?

— Да, кажется, у вас тоже скрытая сила в движениях.— Она легонько потерла руку.— Но вы все-таки ребят нам, пожалуйста, не портьте, пускай уж задачи решают самостоятельно. А я постараюсь сделать все, чтобы Наташа была посвободнее.

Долго после его ухода смотрела Таисия Валерьяновна через окно вслед широко шагавшему по улице Чудинову, легонько трясла в воздухе рукой, покачивала головой, улыбаясь сама себе. Вошла Наташа.

— Тут что, говорят, Чудинов заходил? — как можно безразличнее спросила она.

— Да, по делу, ко мне. На минутку.

— Всегда только по делу и на минутку. Удивительный человек! Секундомер!

Таисия Валерьяновна внимательно поглядела на нее.

А проклятая нога от усиленных тренировок стала все чаще и чаще напоминать о себе. Иногда Чудинов уже с трудом доводил

занятия до конца. Но он был не из тех тренеров, которые довольствуются разработкой графика, ногациями, прикидкой по секундомеру и командами, передаваемыми через мегафон. Он всегда стремился быть на самой лыжне, рядом, без устали, невзирая на боль, отрабатывая все элементы хода, сам показывая все приемы... И вот однажды он уже не в состоянии был пойти на работу.

Положив обмотанную одеялом ногу на поставленный возле себя стул, он укрепил перед собой на другом стуле чертежную доску, прикрепил кнопками лист бумаги и весь ушел в работу. За этим занятием его и застал вежливо постучавшийся в дверь Сергунок.

— А, Сергунок, входи, входи,— приветствовал его Чудинов.— С чем пожаловал? Опять по ответу не сходится?

— Не сходится,— буркнул Сергунок, оглядывая комнату и пристально всматриваясь в повешенную на спинку стула клетчатую куртку.

Пуговица была пришита на том месте, где ее когда-то не было. Сергунок не в силах был отвести от нее глаз. Он уже было что-то хотел сказать, но, должно быть, вспомнил наш уговор, только громко булькнул горлом, будто глотая, и промолчал. Он лишь позволил себе спросить:

— А спартакиада теперь уже скоро будет?

— Скоро, скоро,— отвечал Чудинов.— Ну, давай задачу, что у тебя там не сходится? Гора с горой только не сходятся, а человек с человеком и задачка с ответом всегда могут сойтись.

Некоторое время они занимались задачкой. Когда в задачке все сошлось, Чудинов откинулся на спинку дивана. Он немного устал, должно быть, поднималась температура.

— А устные приготовил? — спросил он.— Смотри у меня!

— Я все выучил. И другие ребята тоже стараются,— заторопился Сергунок.

— Пусть стараются как следует, а то вот дня два у меня пропадут из-за ноги. Подвернул на тренировке, брат. Подводит она меня все время. Что делать!

— Вам на войне ее простреліьнули? — спросил Сергунок.

— На войне, брат.

— Из винтовки или автомата?

— Из автомата. Ну, хватит про это. Иди, Сергун, скажи тете Наташе — день, мол, завтра пропустим опять, а послезавтра чтобы была вовремя. Запомнил?

— Запомнил, — отвечал Сергунок, опять вглядываясь в пришитую на место пуговицу на клетчатой куртке, висевшей на спинке стула.

— Дядя, а вы, значит, уже пришили?

— Ты это насчет чего? — Чудинов проследил направление взгляда Сергунка и немного привстал. — Ты опять? Конечно, пришил, тогда же. Что же мне, на память о тебе расстегнутому ходить было, что ли?

— А где вы взяли, дядя?

— Ты же сам отдал.

— А я вам не отдавал, — сказал совершенно растерявшийся Сергунок.

— Это не важно, кому ты отдал, — сказал Чудинов. — Гораздо важнее, кому она принадлежит. Понятно? Ну, будь здоров, дружок, мне работать надо.

Сергунок помялся в дверях, опять глянул украдкой на пришитую к куртке Чудинова пуговицу. Его, видно, так и подмывало сказать что-то еще, но уговор оставался в силе, он вздохнул и замолчал.

Чудинов снова взялся за работу.

Нет, не скрою, не чертежами строительства города Зимогорска занимался он сегодня, не для «Уралпроекта» трудился он сейчас.

На шероховатом листе, приколотом к чертежной доске, возникал большой акварельный портрет Наташи. Когда-то инженер Чудинов недурно рисовал, да и в последние годы, когда выпадала свободная минута, делал наброски, развлекался несложными композициями.

Лыжница была изображена во весь рост мчащейся по снежному крутогору. Развевался шарф за спиной, ветер взвил выбившуюся из-под вязаной шапочки прядь...

— Товарищ Чудинов, — послышалось за дверью; кто-то постучал, легонько приоткрывая ее. — Насчет чаю не распорядиться вам? Трубы починили, вода пошла, кипятильник заработал. — Это была заботливая тетя Липа.

Чудинов порывисто убрал портрет за диван.

— Организуйте стаканчик, дорогая. — Он вернулся к работе, поставив доску с рисунком на стул. — А что, неплохо, — похвалил он сам себя, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, отодвигая и приближая к себе портрет. — Честное слово, недурно! Товарищ Чудинов, в чем дело? Помнить старое правило: с кем бы ни вышел на снег, сам — лед. Есть помнить старое правило, — проговорил он усмехаясь. — Но хороша, ничего не скажешь. Эх, Наташа, Наташа...

В дверь тихонько постучали.

— Давайте, давайте ваш чай! — крикнул Чудинов.

— А вы, оказывается, и художник? — раздался за его спиной знакомый грудной голос.

Застигнутый врасплох, он сперва схватил обеими руками портрет, потянул к себе, как бы пытаясь заслонить его, потом в ужасе оглянулся, попробовал встать и окончательно смешался:

— Вот не ожидал!

— Зашла проведать. Может, вам нужно что-нибудь?

Она глаз не спускала с портрета.

— Нет, спасибо... Вы садитесь, пожалуйста... Да, Наташенька, расклеился немного, опять с ногой. Решил на досуге побаловаться, помалевать! Тряхнул стариной.

— Вот никогда не думала, что вы так дивно рисуете! И меня... — Наташа похорошела от радостного смущения.

— М-да... — промямлил Чудинов. — Знаете, это мой обычный метод. Я всегда, когда тренирую кого-нибудь, рисую себе, чтобы, так сказать, нагляднее понять... определить все дефекты... Видите, не совсем правильный подколенный угол. Правда, тут это мне не совсем удалось схватить... Гм!.. Но, в общем, анатомия движений, она требует, понимаете...

— Понимаю, — сказала сухо Наташа, помолчала, потом тихо спросила: — А Алису Бабурину вы тоже рисовали?

Чудинов не знал, как быть.

— Нет... я ее не рисовал. — Он заметил, что Наташа не может удержать довольную улыбку, и поспешил добавить: — Да знаете, ведь у нас там, в Москве, просто: сказал, чтобы сняли кинограмму. А вот тут уж приходится самому... (О черт! Как он ненавидел сейчас себя и проклинал свои обязанности тренера и воспитателя! Как ему хотелось сказать другие слова. Но правило есть правило. Лед не должен был тронуться). Знаете, что я вам скажу, Наташа? Вы, в общем, чертовски славная девушка. Убеждаюсь с каждым днем все больше и больше.

— Да, это правда? — взволнованно сказала она. — Вы столько сделали для меня за это время. Степан Михайлович! Мне иногда кажется, будто я совсем другой стала. Действительно, будто Белоснежка очнулась, как в сказке той говорится.

Наступила пауза. Как будто что-то разделявшее их пало, и Чудинов приподнялся навстречу склонившейся к нему девушке. Впрочем, он тотчас же откинулся и заговорил своим обычным тренерским тоном, лишь голос у него внезапно сел как будто.

— Только вы, пожалуйста, не вздумайте зазнаваться. Рано еще, вам еще работать и работать. Но, вообще-то, вы у меня молодец, Наташа!

Несколько разочарованная, Наташа выпрямилась и отсела на другое кресло.

— Степан Михайлович, а вы всегда так? Для вас ваши ученики — это только машина для бега на лыжах, анатомия движений?

Он чуть было не возмутился.

— Наташа, да вы поймите, если бы я вам мог... — Он сделал резкое движение, но тотчас же схватился за колено. — Видите, совсем никуда я стал, а тоже еще, разговариваю. Ведь предстоят такие состязания, что нам надо с вами все решительно выкинуть из головы.

— Хорошо, — покорно согласилась Наташа, — выкину.

— Ну вот... — Чудинов, как бы успокаиваясь, откинулся на подушки. — А теперь дайте, пожалуйста, мне со стола вон тот лист. Поглядите на график дистанции. Я вот здесь уже наметил...

Глава XV

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ ДНЕЙ

Вместе с командами московских лыжников, конькобежцев и хоккеистов я прилетел в Зимогорск. Мне было поручено ежедневно слать корреспонденции со спартакиады и параллельно вести радиорепортаж прямо с места состязаний.

Едва стих рев моторов нашего самолета, мы услышали уханье барабанов, а потом понемногу отошедшие уши распознали звуки торжественного марша встречи. Трубы оркестра сияли золотом на белом фоне заснеженного аэродрома. Низкое зимнее солнце на безоблачном небе, длинные синеватые тени и полыхание пестрых знамен спортивных обществ, вышедших встречать нас, ярко расцвечивали морозный простор, в котором мы очутились, спустившись по лесенке из самолета. Я поискал глазами в толпе встречавших Чудинова, но, к моему удивлению, не нашел его, зато тотчас же увидел Никиту Евграфовича Скуратова, который, аккуратно ступая маленькими чесанками, в сопровождении Ворохтина, рядом с которым он казался совсем коротышкой, и других представителей городских властей приближался к нам.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — басил Ворохтин. — Рады гостям дорогим. Вот знакомьтесь: наш уважаемый депутат Никита Евграфович Скуратов, старожил, можно сказать, основоположник всего, что видите в местах наших, и сам лыжник, охотник наипервейший, и, между прочим, отец нашей знаменитой лыжницы.

— Ишь ты! — услышал я возле себя голос Тюлькина. — Чудинов-то недаром тут завяз, дорожку в высокие местные сферы прокладывает.

— Замолчи, Тюлькин! — негромко оборвала его Алиса. — Просто надоел ты мне! — Она потянула меня за рукав: — Вы не находите, что странно все-таки, почему нас Чудинов сам не встретил...

— Хо! — вмешался Тюлькин. — Все ясно. Должно быть, Скуратова не пустила. Видно, к рукам прибрала и держит — во!

К этому времени слухи об успехах Скуратовой уже дошли до московского «Маяка». Она отлично выступила на отборочных состязаниях общества в Свердловске. И хотя ей не пришлось там встретиться с Алисой, которая в это время участвовала в товарищеском состязании с приехавшими в Москву чешскими лыжницами, но все знали, что уральская гонщица вошла в состав сборной команды «Маяка», которая должна была защищать цвета своего общества на спартакиаде. Прилетевший с нами тренер Коротков, очень высокий, седой и жилистый, похожий на жокея в своем старомодном картузике, сказал, что, вероятно, Чудинову сейчас не до торжественной встречи: идут, по-видимому, последние напряженные тренировки.

— Странно все-таки, - - не унималась Бабурина: она была явно задета.

— Да нет, он действительно очень занят, — пояснил я, — и строительство и тренировки.

— Как говорится, ваше место занято, пройдите на свободное, — сострил Тюлькин.

— Ох, Тюлькин! — вздохнула Бабурина. — Вы не знаете, Карычев, почему я его еще терплю?

— Твердо не знаю, но, в общем, догадываюсь.

— А я и догадаться не могу, — сказала Алиса.

Сквозь толпу встречавших, где узнавали наших чемпионов и откуда неоднократно слышалось имя Бабуриной, мы прошли к автобусам.

Минут через двадцать наши автобусы уже катили по неузнаваемо отстроившимся и празднично принаряженным улицам Зимогорска. Я просто глазам своим не верил, глядя сквозь окна автобуса, на стеклах которых мы продышали в наморози прозрачные кружки. Как быстро все перешло со знакомых мне чертежей в жизнь! Я узнавал дома, построенные по тем проектам, которые мне еще в Москве показывал Чудинов. Вот новый клуб, кино. Замелькали на фоне леса, стеной окружавшего город, небольшие жилые коттеджи, типовые проекты которых в последние

годы разрабатывал Степан. Значит, все, что он задумал, понемножку осуществлялось. Что бы там ни принесла спартакиада, он уже недаром потратил здесь время. Но не скрою, что все-таки мне очень важно было, чтобы и там, на лыжне, его бы ждала удача.

Город казался мне многолюдным. Спортсмены, съехавшиеся из всех краев и городов страны, в комбинезонах, куртках, бриджах, национальных костюмах, с лыжами, чемоданчиками, коньками, хоккейными клюшками, запружали улицы маленького городка, над которыми ветер парусил яркие транспаранты. Улицы вдали переходили в просеки, которые убегали в окружающий город сосновый бор, уносились к подножию пологих гор или распахивали вдали просторный белый горизонт равнины.

Когда наш автобус подкатил к уже достроенной, давно сбросившей леса гостинице «Новый Урал», я, войдя в знакомый вестибюль через знаменитую вертящуюся дверь, сразу услышал из угла голос Чудинова. Он кричал в телефонную трубку:

— Аэропорт? Ну как, выяснили? Вот тебе раз!.. — Он бросил трубку, подошел к ожидавшим его в стороне Наташе и Сергунку: — Оказывается, не на том самолете прибыли, уже полчаса назад уехали в город. Сейчас тут будут. Дотренировались мы с вами. Ах, неладно вышло!

Стеклянная дверь вертелась без остановки. С чемоданами, лыжами, с хрустальным кубком, укутанным в семицветный стяг общества «Радуга», входили в вестибюль прибывшие со мной москвичи. Бабурина сейчас же бросилась к Чудинову:

— Смотрите, товарищи, вот он, уральский житель! Степан Михайлович, как я рада! Мы все по вас скучали так, особенно я.

— Здравствуй, Бабурина, здравствуй, Алиса, — говорил заметно взволнованный Чудинов. — Здравствуй, Евгений, дорогой! — Он крепко обнял меня. — Вот молодец, что приехал!

— А как же! Без меня такие дела не обходятся. Буду тебя в печати и по радио транслировать, на весь эфир.

Алиса не отходила от Чудинова.

— А я, честное слово, соскучилась по вас, Степан Михайлович. Товарищи, внимание! Можно от вашего имени, от лица всей нашей команды и от своего непосредственно поцеловать покинувшего нас, но все же любимого, уважаемого, несравненного Степана Михайловича?

Неожиданно обняв Чудинова, она припала к его щеке. Степан был несколько обескуражен, и я уловил, что он невольно покосился на Наташу, которая присматривалась ко всем издали.

Тюлькин шепнул:

— «И возвращается ветер на круги своя», как сказал Эвкалипт, то есть как бишь его? Эклептик?..

Коротков хлопнул его ладонью по лбу:

— Экклезиаст, голова твоя!..

— Ну, пускай себе будет ёлкизеаст, — не унывал Тюлькин. — Смысл тот же.

Чудинов подхватил под руку Алису, повел ее к Наташе.

— Вот, пожалуйста, знакомьтесь. Вам придется встретиться на лыжне.

Алиса элегантно протянула Наташе руку, чуть-чуть выгнув кисть ладонью вниз:

— Бабурина.

— Скуратова. — Наташа просто, коротко и решительно пожала ей руку.

Высунувшийся из-за Наташиной спины Сергунок тоже протянул свою широкую ладошку.

— И ты туда же! — сказал Чудинов. — Это небезызвестный наш Сергунок.

Тюлькин подтолкнул локтем Алису:

— Слышала? «Наш». Что я тебе говорил?

Присев как старые друзья чуточку в стороне от всех на диван, Алиса и Чудинов весело болтали.

— Это ваша новая звезда? — спросила Алиса, метнув взор в сторону Наташи.

— Да. И верю, что счастливая звезда.

Бабурина еще раз снисходительно оглядела издали Наташу.

— Симпатичная девушка и недурна.

— На дистанции ты сумеешь оценить и другие ее качества, — предупредил Чудинов.

А Сергунок отвел меня в сторону и сказал:

— Дядя, а у него пуговица пришитая на том месте. Вы же тогда говорили...

— Цыц! — пригрозил я ему. — Мы с тобой как условились? Забыл? Что, по-твоему, кончилась уже спартакиада?

— Значит, пока не кончится, все равно ни-ни?

— А то как же!

— А вы обещали мне пропуск дать, чтобы везде ходить.

— Получишь, получишь, — успокоил его я и нахлобучил ушанку с круглой его макушки на самый нос.

Наташа сидела на диване возле стойки тети Липы. К ней тотчас же подсел Тюлькин. Он привык с лакейским презрением относиться к так называемым простым людям. Что тут было церемониться с провинциалкой!

Тюлькин поблистал всеми своими «молниями» на костюме, бесцеремонно осмотрел Наташу и сел рядышком.

— Так это, значит, вас Чудинов гоняет? Так, так. Очень приятно лично познакомиться. Первым делом, конечно, он вам насчет подколенного угла теорию вкручивал? Понятно. Ох, уж он этой теорией всем нам в Москве — во! Тюлькин показал на горло.

— А зачем вы мне все это говорите? — удивилась Наташа.

— Я вижу, вы хорошая девушка, простая, хочу по дружбе. Бабурина чемпион, а сейчас она в такой форме, как никогда. Смешно думать, что ее можно обойти. Бред. Детский лепет. Вы Чудинова не знаете, хитрейший человек и изикил... тьфу... как это... иезуит лыжни. У него ведь в мыслях что? Вас с Алисой вот так — лбами столкнуть, а все для секундомера. Из вас дух вон, а ему кубок по общей сумме показателей. Плевать ему, кто первый, вы или Бабурина. Эх, я бы вам мог кое-что рассказать, да вон, глядите, как воркуют.

Наташа непроизвольно глянула в тот угол, где, увлеченные беседой, сидели Алиса и Степан. Чудинов, видимо по старой тренерской привычке, положил руку на плечо Алисе, а другой рукой показывал какие-то, должно быть, приемы, двигая ею возле самого колена Алисы. Заметив взгляд Наташи, он с несколько излишней поспешностью снял руку с плеча Алисы. Наташа встала и быстро вышла, так сильно толкнув вертящуюся дверь, что она еще долго крутилась за ней...

Чудинов вскочил.

— Наташа, куда вы?.. — Он подозрительно поглядел на Тюлькина. — Ты ей тут ничего не накрутил, а?

— Да что ты, Степан! — оправдывался Тюлькин. — Я ей просто рассказывал... кое-что про Москву, какая потеря для нас, что ты отбыл, покинул нас, она и расстроилась...

— Ох, Тюлькин! — Чудинов коротко шагнул, подошел вплотную и незаметно поднял кулак, прикрыв его своим плечом от посторонних взглядов. — Смотри ты у меня, как бы я тебе когда-нибудь не повредил твою материальную часть! — Он хотя и шутил, но в глазах у него проступило нечто заставившее Тюлькина пойти на попятную.

— Ну вас всех, ей-богу... Голова у меня прямо-таки от вас болит и пухнет.

Тетя Липа за своей стойкой услышала это и тотчас же посоветовала:

— А может быть, вам освежиться с дороги? Вот у нас парикмахер тут.

С нескрываемым восхищением Тюлькин воззрился на тетю Липу:

— Ух, черт, могучая же вы дамочка! В цирке не работали?

— Не приходилось. Уж вы скажете, в цирке, — застыдилась Олимпиада Гавриловна. — Я на Иртыше на грузовой пристани работала, начальником, да потом радикулит замучил от сырости. Спасибо Адриану Онисимовичу, парикмахеру нашему, мазь дал очень пользительную. Сперва веснушки свел, а потом для втирания. И как рукой сняло.

С Дрыжиком у Тюлькина завязалась совсем свойская, дружеская беседа. Намыливая пухлые щеки приезжего, парикмахер разоткровенничался:

— Мои кремы широко известны среди местного населения. На чистом коровьем масле изготовляю.

Тюлькин покровительственно кивнул, сколько позволяла простыня, подвязанная под горло.

— Шайбочки идут? — спросил он.

— Простите, не вник в вопрос?

— Монеты, говорю, много загребаешь?

Дрыжик обиделся:

— Вы меня дурно понимаете. Я чисто безвозмездно, для друзей, по знакомству. В целях науки, не больше. Снабжаю также мазями местных спортсменов. Тут довольно капризная погода, а это иногда может вредно отразиться. Вы, полагаю, слышали, что у нас тут, у местных, есть старые охотничьи секреты в смысле лыжных мазей. У нас снег особенный, на дню состояние три раза меняется.

Тюлькин разом насторожился. Он вытащил руки из-под простыни и пальцем провел по губам, чтобы снять мыло.

— Как же, слышал! Говорят, у вас тут мази — чудо прямо. Сами лыжи идут. Мечтаю достать для себя лично хоть грамм триста.

— Для себя лично желаете брать? — насторожился Дрыжик.

— Да, я сам любитель в выходной на лыжах походить. Со своей стороны, попрошу взять на память. — Он порылся под простыней в кармане, вытащил перочинный нож с большим набором лезвий, раскрыл все ножички. Нож стал походить на большого рака. Тюлькин протянул его парикмахеру.

— Вот, прошу принять в знак уважения и приятного знакомства. Вот тут написано «Коля». Это лично я. От меня — вам. Прошу.

Дрыжик внимательно осмотрел нож. Он ему понравился, но, вспомнив что-то, парикмахер подозрительно осмотрел своего клиента:

— А сами вы, извиняюсь, не из «Радуги» будете?

— Что, я? Да нет, какое там! Я по радиочасти специалист. Трансляцию вести буду с Карычевым. Слыхали про такого? Евгений Кар, известный, вот я с ним и прибыл, сопровождаю. А это для себя, так, на прогулочку в выходной для личных надобностей. Знаете сами, не подмажешь — не поедешь. Тонко замечено?

— Ну тогда можно будет вам сделать, — уступил Дрыжик, вертя в руках уж очень ему приглянувшийся ножик. — А лыжнику бы не дал. Я хоть сам в прошлом из Мариуполя, но болею целиком за местных. — Он густо намылил Тюлькина. — Говорят, чемпионка какая-то из Москвы приехала, известная. Курьез будет, когда ее наша Скуратова за собой бросит.

Тюлькин что-то замычал под мыльной маской, прикрывавшей половину его лица и обрекавшей на вынужденную немоту.

Дрыжик наклонился к нему:

— Беспокоит? Смешно думать! Скуратова — это же сила. Как она в Свердловске сейчас на отборочных прошла! Ее сам Чудинов тренировал, заслуженный мастер. Говорят, из-за нее и Москву бросил... Тут намедни клиент один приходил, тоже из лыжников местных, так смеялись мы с ним до слез буквально, когда насчет этой Бабуриной разговор зашел.

Тут Тюлькин не выдержал. Как говорится, в нем взыграло ретивое. Как-никак он был давним болельщиком Алисы. Он вскочил, разбрызгивая в ярости мыло, одна щека в пене, другая уже наполовину выбритая, отстранил от себя рукой бритву, с которой к нему наклонился Дрыжик.

— Над кем смеялись? Над Бабуриной? Да она чихать не захочет на твою Скуратову! Она заслуженная, как лауреат все равно. Ее Буденный вот так за руку благодарил при всей публике на стадионе. Маршал! А ты лезешь ко мне со своей Скуратовой, гигиена!

Дрыжик свернул салфетку, аккуратно уложил кисточку в чашку, сказал очень тихо и даже с печалью:

— Виноват, возможно, не дослышал. Вы на кого, если не ошибаюсь, чихать собрались, на Скуратову? Так я вас понял? Да?

Решительно схватив помазок, он с силой бросил его снова в чашку так, что на зеркало полетели лепешки мыла. Потом он отодвинул прибор подальше от края стола, дрожащими пальцами снял с Тюлькина простыню, скомкал ее и бросил на столик.

— Извините меня, но вам придется пройти через улицу напротив.

— Куда напротив? — возмутился Тюлькин, утирая салфеткой выбритую щеку и щупая другую, намыленную. — Да брось ты, в самом деле, добрей щеку! Куда же я такой, с одного боку бритый, пойду?

Дрыжик кротко, хотя в голосе его уже бушевал огонь, проговорил:

— При вашем однобоком рассуждении это будет вполне как раз. Пройдите напротив, там добреют, а я лично с вами заниматься не могу. — Он ожесточенно мыл руки под краном умывальника, потер щеточкой ногти и потом решительно стряхнул воду с пальцев.

Чувствуя, что произошло что-то не совсем ладное, и уже хорошо зная нелегкий характер своей воспитанницы, Чудинов отправился к ней в интернат. Дверь открыл Сергунок.

— Тетя Наташа у себя?

— А ее нет, — удивился Сергунок, — она еще не возвращалась. Она к своим домой собиралась.

Делать было нечего, пришлось идти к Скуратовым.

Еще на крыльце Чудинов почуял запах скипидара и какой-то гари. Навстречу ему из кухни вышел Никита Евграфович, который сейчас же поманил его за собой. Попросив Чудинова немного обождать, он вернулся к занятию, которое, по-видимому, было прервано приходом Степана. Никита Евграфович что-то варил на плите, переливал из одной жестянки в другую, нюхал, мешал щепочкой, священнодействовал. Едкий чад заполнял весь дом.

— А Наташи нет, — сообщил он, витая в облаках дыма. — Редко заглядывать стала, все с детишками там да с тобой на подготовке. Ну, как считаешь, шансы у нее есть?

— Шансов-то много, да упрямства еще больше, — пожаловался Чудинов.

— Это верно говоришь. Это уж она в нашу мать такая. Однако, как полагаешь, эта московская, Забубырина, что ли, не обставит Наталью нашу, не осрамит, как в прошлом годе в Москве?

— Надеюсь, нет.

— Хорошо! С тебя взыск будет. А я вот мазь ей нашу родовую, охотничью изготовил. Дело-то на крайний мороз поворачивает. Тут с мазью не ошибиться. Ну, а уж я в этих смыслах угадываю без промашки. Секрет нашего семейства. Я тебе вот доверяю. Хоть и не переучивался я сам на твой манер ходить, поздно

уж мне, а доверяю, однако. На вот, передашь сам Наталье... Три номера тут. Вот, где три креста поставлено на жестянке, это на крайний мороз. Если ударит, то как раз этот состав подойдет. Наталья сама знает, не впервой ей.

И Никита Евграфович вручил Чудинову три разноцветные банки с заветной фамильной мазью.

Глава XVI

ТАЙНЫ МАСОК И СЕКРЕТЫ МАЗИ

Вечером я увидел Чудинова в городском парке, который был превращен сегодня в огромный каток. Гирлянды цветных фонариков отражались в матовом зеркале льда. Город устраивал карнавал в честь открытия спартакиады. По ледовым, похожим на полоски станиоли дорожкам проносились пары конькобежцев, одетые в яркие маскарадные костюмы. Из рупоров гремела музыка.

На ледовой площадке, окруженной зрителями и залитой светом прожекторов, под общий хохот плясал, кружился огромный матерчатый жираф. Передние ноги его разъезжались на коньках и, хоть убей, не могли приноровиться к движениям задних конечностей, принадлежащих другому конькобежцу, также спрятанному под пятнистым чехлом, который изображал шкуру жирафа. Какой хохот и визг стояли тут! Поощряемый аплодисментами и веселыми пожеланиями, жираф встал неожиданно на дыбы, взвился почти вертикально и замахал в воздухе коньками на передних ногах. Тут он вдруг упал, весь перекрутился, а когда встал, задние ноги его поехали в одну сторону, а передние — в другую. То-то была потеха!

Пестрой поющей фалангой проносились по ледовым аллеям сцепившиеся за руки фигуристы на коньках. Кавалеры в средневековых костюмах, в развевающихся плащах катили перед собой на легких санках замаскированных дам. Чиркали коньки о лед, покачивались цветные фонарики в морозном искристом воздухе. Погружая всех то в красный, то в зеленый, то в золотисто-оранжевый свет, вертелись прожекторы, на которых меняли беспрерывно цветные заслонки.

Все кругом пело, неслось, сверкало, перекликалось, хохотало, толкалось, куролесило, и только мрачный, но решительный Чудинов, продираясь сквозь пеструю карнавальную толпу, одинокой и деловой фигурой своей нарушал, как ему самому казалось, всю панораму маскарадного веселья.

Я сидел на террасе грелки-ресторана с Алисой Бабуриной. Мы увидели Чудинова и подозвали его к себе.

— Скуратову не видели? — спросил он сразу.

— Найдется ваша Скуратова! — засмеялась Алиса. — Идемте к нам лучше. Хотите глинтвейну горяченького?

— Подожди, — сказал я, — кажется, она мне встречалась вон в той аллее, когда я сюда шел, и, по-моему, в расстроенных чувствах. Что, опять у вас разрывушки? Не время.

— Еще бы! — пробурчал Чудинов. — Ну и характер!

Алиса бросила на него хитренький, насмешливый взгляд.

— Она, должно быть, коварно скрылась под маской. Может быть, мне надеть на себя что-нибудь, чтобы вы, Степан Михайлович, обратили внимание на старую знакомую?

— А то хочешь, — предложил я, — могу вызвать через радиоузел по знакомству. «Внимание! Гражданку Скуратову Наталью срочно разыскивает ее тренер».

— Да нет уж, обойдусь без твоей трансляции! — сердито заметил Чудинов. — Так ты говоришь, в той аллее? — И он ушел в том направлении, куда я показал ему.

— Степан, — крикнул я ему вдогонку, — мне надо было бы сказать тебе два слова!.. Простите, Алиса, я на минуточку.

— Захватите горячего кофе в термос на обратном пути, и хватит вам там секретничать. Встретились дружки! — съехидничала Алиса.

Я нагнал остановившегося Чудинова.

— Ну что, у вас нелады?

— Не говори! — Чудинов махнул рукой. — Пожалуй, я действительно вел себя не совсем так, как надо...

— Да как тебе сказать... Если учесть характер твоей Скуратовой, так конечно... Но, вообще, сейчас не время рассуждать. Иди извинись, нечего уж тут.

— Да где я ее найду?

— Я же тебе сказал: по-моему, она в том направлении. Спеши! Ну, а я пошел за термосом.

Наташа сидела в одиночестве на одной из далеких аллей. Сюда доносились веселые взвизги, музыка, а Наташа все больше и больше погружалась в мрачное беспокойство и грусть. И правда, что может быть печальнее, чем сидеть одинокой в праздничный вечер и издали прислушиваться к чужому веселью!

Неожиданно Наташа увидела странную фигуру, которая не очень уверенно приближалась к ней по льду аллеи. Человек в черном плаще, в большой шляпе с перьями, скрыв лицо под черной полумаской и укрываясь бортом плаща, подошел к Наташе.

— Здравствуй и внемли! — проговорил он замогильным голосом.

— Это еще что за чучело? — не очень любезно спросила Наташа. — Вы кто такой?

Маска глухим, таинственным голосом возвестила:

— Тот, кто некогда спас тебя в пургу.

— Ах, вы тоже? Это, кажется, уже четвертый по счету. Сколько же вас — целая спасательная команда? Обратитесь к Ремизкину, редакция «Зимогорский рабочий».

— Спас тебя и твоего питомца, — упрямо вещала маска.

— Оставьте. Надоело. Я уже забыла давно про это.

— А я тебе напомню, — еще более глухо и настойчиво продолжала маска. — Я достал фляжку, я повязал шарф тебе, я сказал: «Мальчика возьму сам. Можете идти? Помощь близка». Я говорил так?

Наташа озадаченно прикинула взглядом — тот, кажется, был выше ростом. Она не знала, прогнать этого надоедливого незнакомца, рассердиться или превратить все дело в обычную карнавальную шутку.

— Я говорил так? — прохрипела маска.

— Да... говорил... то есть не вы, а тот, кто нашел нас тогда, говорил так.

— Я спасал тебя, чтобы ты принесла нашему городу славу, — уже совершенно потусторонним голосом, давясь, заверещала маска. — Помни, ты должна прийти первой, самой первой, только первой! Думай о славе родного города. Слава близка. Преодолей гордыню. Иди к своему учителю и внимай его советам.

Наташа вспыхнула:

— Слушайте, может быть, пора прекратить этот неостроумный маскарад? Хоть нос у вас и под маской, но суете вы его не в свое дело.

— Я повинуюсь тебе и уйду сейчас обратно во мрак тайны, — не отступала маска, — но ты запомни, что я сказал. Ты выиграешь, и тайна рассеется, все станет ясным. Не веришь? Вот взгляни: на шарфе, которым я укрыл тебя, была вот такая метка. — На короткий миг приоткрыв плащ, он показал серый шейный платок, на котором была вышита большая буква «С». Он тотчас запахнул плащ. — А теперь смотри, вон там... вглядись!

Наташа невольно обернулась, чтобы посмотреть, куда показывает маска. Никого не разглядев, она оглянулась... Но черный плащ уже прошуршал за заснеженным кустарником.

— Вот еще! Скажи, пожалуйста!.. Кто же это тут разглагольствовал? А впрочем...

Постояв в нерешительности и еще раз оглядевшись, она двинулась туда, откуда доносились звуки оркестра.

Как назло, у буфетной стойки, где наливали горячий кофе, была большая очередь, и меня порядком задержали здесь. Когда я с пирожными и термосом возвратился на террасу грелки-ресторана, я застал там Наташу, уже разговаривавшую с Бабуриной.

— А он вас только что искал, — объясняла Алиса, по-видимому, отвечая на вопрос Наташи о Чудинове.— Они только что с Карычевым... Ну, наконец-то! — закричала она, увидев меня. — Я совершенно закоченела! Давайте скорей кофе. Наташа, хотите чашечку? Вообще, давайте познакомимся как следует. Чудинов всегда меня учил, что надо хорошенько знать своего противника.

Наташа присела возле нашего столика, продолжая настороженно вглядываться в глубь аллей.

— Ну, вас-то я хорошо знаю, — сказала она. — Вы меня в прошлом году обошли в Москве, как во поле березоньку стоячую. Вспомнить стыдно. Да и от Чудинова только и слышу: Бабурина на прямой да Бабурина на подъеме...

Алиса улыбнулась, довольная:

— Значит, все мои секреты уже вам выдал. А может быть, и вы, товарищ Наташа, со мной поделитесь? Говорят, у вас тут местные мази какие-то есть секретные, чудодейственные.

Едва она произнесла это, как между деревьями, окружавшими террасу, появилась странная фигура в черном плаще, полумаске и широкой шляпе с пером. Наташа продолжала всматриваться в аллеи.

— Так как же насчет мазей-то этих, сверхсекретно таинственных? — спросила еще раз Алиса.

— В том секрета нет, могу поделиться, если хотите, — отвечала Наташа и заметила за деревом странную маску. Та или не та?

А человек в плаще в тот же миг сорвал с себя маску и шляпу и оказался всего-навсего Тюлькиным.

«Это не тот!» — решила Наташа.

— И я говорю! — жизнерадостно прокричал Тюлькин. — Правильно, товарищ Наташа, какие тут могут быть секреты? Все свои. Кубок нашенский будет, если выиграем. А мы никому не скажем. Тайна. Гроб. Могила Неизвестного солдата. Разве нет, товарищ Карычев?

— Ну, у меня рот на замке, — пообещал я. — Всегда молчу, Такая уж у меня сегодня профессия — радиокомментатор.

Наташа встала:

— Видно, Степан Михайлович уже ушел. Мне тоже пора. Всего вам лучшего!

Тюлькин последовал за ней, осторожненько нагнав в аллее.

— Так как же насчет мази?

— У меня при себе нет, — сказала Наташа. — Как получу, дам.

— Ладно. Заметано, — обрадовался Тюлькин.

Чудинов сидел на скамье в боковой аллее и рассеянно чертил прутиком на гладком снегу, по которому скользили светлые пятна качавшегося фонаря: «Скуратова». Услышав шаги и заметив подходившую Наташу, он спешно одной ногой сровнял надпись на снегу, но не успел стереть первую букву. Наташа заметила это, села молча на скамью возле Чудинова, взяла у него из рук прутик, притоптала снежок и рядом с буквой «С» вычертила «Ч».

Чудинов легонько хмыкнул. Оба помолчали. Наташа заговорила первая:

— Вы что, сердитесь на меня? Ну, не сердитесь, Степан Михайлович. Не права я, конечно. Наехало на меня... Было и прошло. Смешно в такое время... Завтра в восемь я на тренировке. Хорошо? Кончили злиться?

— Да я на вас и не думал злиться, — откровенно признался Чудинов. — Я сам вас искал. Обидно, что по таким пустякам, и вдруг...

— Ну хорошо, хорошо, — перебила его Наташа и совсем тихо добавила: — Неужели вы думаете, что я вас могла подвести в такие дни? Только я вам скажу правду, мне как-то очень грустно. Я сегодня поняла...

— Что вы такое там поняли? — начиная уже легонько закипать, спросил Чудинов.

— Я поняла: вы все это делаете для Бабуриной, чтобы доказать ей...

Чудинов вскочил, вырвал у нее почему-то из рук прутик и с ожесточением швырнул его в кусты.

— Слушайте, вы, Хозяйка снежной горы, уральский самородок, леший меня и всех вас тут кругом забери! Что вам далась Бабурина? Вы думате, одна Бабурина на свете?

— Это, кажется, вы так думаете.

— Я так не думаю и вам не советую, а рекомендую думать, что вам придется иметь дело с добрым десятком лыжниц, которые сейчас нисколько не хуже Бабуриной. Например, та же Авдошина из Вологды, вы видели ее в Свердловске, или Валаева кировская,

Нина Гвахария! А я только и слышу: «Бабурина, Бабурина!».

Наташа радостно смеялась:

— Ну, ругайте, ругайте еще!

Чудинов опустился на скамью, осторожно потянул Наташу за руку, заставляя присесть рядом.

— Попробуйте только не показать время лучше всех! — Он стал очень серьезным. — Только это нелегко будет, Наташенька, предупреждаю. Шансы у всех равные.

Наташа решительно замотала головой:

— Нет, у меня больше.

Чудинов никогда не видел еще ее такой.

— Это почему же вы так думаете?

— Потому, что за меня — вы, — произнесла она, глядя ему прямо в глаза, остановилась, словно у нее перехватило дыхание, и резко встала, глядя в другую сторону.

Чудинов посмотрел на нее с благодарностью, взял ее руку в вязаной варежке, легонько пожал.

— Наконец-то вошел в доверие у семьи Скуратовых! — пошутил он. — Вот, кстати, и отец меня просил передать вам фамильную. — Он стал вытаскивать из кармана баночки, врученные ему Никитой Евграфовичем.

С этого дня город жил только одним — спартакиадой. Спорт подчинил все своим законам и обычаям. Болельщики, едва закончив работу на руднике, обогатительной фабрике и в учреждениях, мчались на стадион. Уже была разыграна гонка для лыжников-мужчин на дистанции тридцать и пятьдесят километров, эстафета «четыре по десять». Хорошее время показали лыжницы «Маяка» на эстафете «три по пять». Наташа шла на втором этапе и обошла лыжницу «Радуги», чем выровняла положение своей команды, а Алиса Бабурина, шедшая на последнем этапе, вырвалась вперед и принесла победу «Маяку».

Оторвавшись далеко от других команд, впереди всех по числу завоеванных очков шли коллективы «Радуги и «Маяка». Теперь было уже ясно, что именно единоборство этих двух исконных соперников и решит судьбу зимнего кубка. Из-за неудачи гонщиков «Маяка» в мужской эстафете «Маяк» чуточку поотстал, и к последнему, решающему дню «Радуга» имела несколько очков форы, то есть опережала конкурентов. Все должна была решить теперь гонка лыжниц на десять километров. В канун финальной гонки в клубе обогатительной фабрики был устроен вечер встречи приезжих физкультурников с местными.

Наташа сидела вместе с Машей Богдановой в зале.

Один за другим на трибуну поднимались конькобежцы, лыжники, хоккеисты. В зале синели юпитеры, осветительные приборы. Шла киносъемка.

Выступали многие хорошо уже известные Наташе по газетам спортсмены. При объявлении их имен фоторепортеры вскакивали с мест, лезли на стулья, мальчишки-осветители хватались за юпитеры, нацеливали их на трибуну, и оратор в самом прямом смысле купался в лучах собственной славы и был ослеплен ею.

При объявлении других имен свет приборов разом бесцеремонно выключали, и выступавший, угасая, погружался во тьму неизвестности.

Когда председательствующий Ворохтин своим раскатистым басом объявил, что выступает чемпионка СССР Алиса Бабурина, все лучи юпитеров повернулись на трибуну. В зале зажурчал съемочный аппарат, и Наташа, спохватившись, должна была присоединить свои аплодисменты к общей овации. Может быть, впервые почувствовала она легкую и ревнивую зависть к славе этой изящной и немножко высокомерной москвички.

Но еще громче и дружнее аплодировал зал, когда Ворохтин дал слово Чудинову. Наташа могла сейчас еще раз убедиться, каким непреходящим уважением пользовался ее тренер среди спортсменов всей страны. Все вскочили аплодируя, все улыбались восторженно и почтительно, и Чудинов не сразу смог начать речь. Он стоял на трибуне, слегка щурясь под лучами прожекторов, которые безжалостно высвечивали и шрам, уходивший на виске под волосы, и сединки, кое-где уже проступившие. Маша Богданова аплодировала громче всех, так, что Наташе даже пришлось взять ее в конце концов за руку и усадить. Но Наташе и самой было несказанно радостно, что все так приветствуют человека, который сейчас ведет ее уверенно к самому трудному испытанию. С гордостью оглядывала она сидевших в зале других лыжниц, слыша, как Чудинов приветствовал приезжих — теперь уже от имени зимогорских физкультурников.

После торжественной части были танцы. Здесь Тюлькин тотчас же подкатился к Наташе:

— Разрешите вальс-бостон?

— Нет, я уже обещала Степану Михайловичу, — ответила Наташа, поискав глазами в толпе Чудинова.

Тот, услышав, пожал удивленно плечами, но, догадавшись, подошел и как заправский танцор обнял Наташу за талию, шепнув при этом:

— Слушайте, какой я танцор! Вы же знаете прекрасно!

— Ничего, ничего, — шепнула ему Наташа. — Лучше все-таки вы, чем этот Фитюлькин. Ужас как надоел!

— Из двух зол, вероятно, я не худшее, это правильно, — смиренно согласился тренер.

Они кружились среди танцующих, а Тюлькин ходил в некотором отдалении по кругу, терпеливо выжидая.

Физиономия его то и дело появлялась либо за колоннами, либо из-за плеч танцующих.

— А Тюлькин-то, смотрите, сопровождает нас, как луна в лесу, — заметил Чудинов. Потом он вдруг поглядел на часы, присвистнул: — Хватит, Наташенька, отправляйтесь домой. Завтра ведь такой день! Я вам дал нарочно передохнуть, но сейчас уже время.

— Ну, хоть еще один танец! — жалобно взмолилась Наташа.

Чудинов был неумолим:

— Довольно, вам пора спать. Вы что, забыли, какой день вас ждет завтра?

Наташа заупрямилась:

— А вы чем-нибудь еще интересуетесь в жизни, кроме лыж?

— В настоящее время ничем. Всем другим начну, может быть, интересоваться после спартакиады. Ну-ка, живенько, марш!

Он повел было ее под руку к выходу, но Наташа высвободилась и одна вышла из зала. Чудинов минуту следил за ней, потом мрачно вздохнул. К нему подошел Ворохтин:

— Что вздыхаешь, товарищ Чудинов?

— Да вот девушку опять обидел. Ей танцевать хочется, а я ее спать отправляю. Режим.

— А как считаешь — завтра?..

— Считать нам нечего, — ответил Чудинов, — за нас секундомер посчитает. — И он зашагал к выходу.

Вечер был чудесный, хотя мороз с каждой минутой становился крепче. Даже дышать было уже нелегко. Ледяной воздух тысячами мельчайших иголочек колол ноздри, как зельтерская.

Провожая Наташу, Чудинов поднялся с ней на холм, под которым начинался парк с дорожками, превращенными в каток.

Здесь они остановились. Залитая лунным светом снежная равнина простиралась внизу под холмом, уходила к бледно высвеченным склонам далеких гор. Над стеной из елей стояли в небе редкие облачка, отороченные серебряной каймой. Слева подрагивали в морозной тьме огни города, и казалось, что они, мерцая, похрустывают от мороза. Иногда ветер доносил снизу, из парка, музыку. Чудинов и Наташа стояли рядом, невольно отдаваясь покою морозной ночи, вслушиваясь в него.

— Вечер сегодня какой дивный! Правда? — мечтательно проговорила Наташа.

— Да, хорошо. Чертовски хорошо!

Чудинов расправил плечи, глубоко вдохнул нестерпимо ледяной воздух, потом осторожно коснулся локтя Наташи, приглашая идти дальше. Наташа попросила:

— Постоим еще немножко... Как музыка хорошо здесь слышна!

Оба прислушались. Далекий вальс то доплывал до них, то замирал.

— Тишина, — сказал Чудинов, — кругом тишина. И даль такая, словно сам плывешь со звездами из края в край вселенной.

Луна, высвободившись из проплывавшего облака, серебряным светом своим коснулась лица Наташи. Девушка была очень хороша в эту минуту. Чудинов откровенно залюбовался ею. Вот она медленно повернула к нему свое лицо, которое, казалось, само светилось в полумраке, потянулась навстречу ему, полная открытой доверчивой прелести, и Чудинов невольно подался навстречу, но сдержался и даже отпрянул слегка. Наташа смотрела на него чего-то ожидая.

— Волнуетесь? — спросил Чудинов.

— Нет. — Она тряхнула упрямо закинутой головой.

— Очень плохо. Надо волноваться.

— Ну волнуюсь, волнуюсь. Успокойтесь.

— А мне чего успокаиваться? Я не волнуюсь.

Наташа повела плечом.

— Ну да, конечно, вам все равно. Лишь бы кубок «Маяку» достался.

— «Волнуюсь, волнуюсь. Успокойтесь», — передразнил ее Чудинов.

Когда они подошли к интернату, какая-то темная фигура то расхаживала по крыльцу, то принималась подпрыгивать и яростно колотить себя руками крест-накрест по бокам и плечам, пританцовывая и крякая.

— Это еще что за ночной сторож?

Чудинов, отведя рукой Наташу себе за спину, шагнул к крыльцу.

— Это я, Степан Михайлович, — раздался знакомый голос. У говорившего, видно, зуб на зуб не попадал.

— Тюлькин! Коля, добрый вечер. Ты зачем здесь?

Бедный Тюлькин продолжал хлопать себя по плечам:

— Гулял, понимаешь, замерз немножко, дай, думаю, зайду погреюсь. Постучал, а там ребята перебулгачились, меня не пустили. Вот я и дожидаюсь.— Он энергично потер ладонями замерзшие уши. — Анафемская температура. А я, понимаешь, решил город посмотреть, побродить, помыслить в тиши ночной.

— О чем же это ты на старости лет решил мыслить? — усмехнулся Чудинов. — Непривычное для тебя занятие.

Тюлькин горестно вздохнул.

— Хорошо тебе шутить... Вот ходишь вдвоем, а я что? Один на всем белом свете, совершенно индивидуально. Мыкаюсь с этим инвентарем, а благодарности ни от кого. А все подай, все устрой. Коньки заточи, ботинки обеспечь, клюшки чтобы были, мазь чтобы была! За все я отвечаю. Да вот, кстати, товарищ Наташенька, вторично хочу вас просить насчет мази, как обещались. Слышал я опять в народе, что у вас тут для лыж мазь особая какая-то: только навощи ею лыжи — сами побегут. Я к чему это настаиваю: думал, обойдусь, а тут со всех сторон слышу, будто снег у вас какой-то ненормальный, так что к нему мазь не угодишь — особая, специальная нужна.

— Ну, насчет снега не знаю, — возразила Наташа, — а мази у нас, правда, знаменитые есть.

— Знаменитые, да, между прочим, никому не известные, — вздохнул Тюлькин. — Народ их у вас в секрете держит. Ужас, до чего публика у вас тут скрытная! Мне вот рассказывали давеча, что вас тут лично вместе с мальчонкой один человек во время бурана от полного обмораживания спас, так скрылся, чудак, и до сих пор все темно и непонятно. Глупая голова. Да о нем бы в газетах написали, вполне бы и орденок мог схватить, а он... И неужели, между прочим, так до сих пор и неизвестно кто...

Чудинов решительно перебил его:

— Хватит тебе философствовать! Говори, что надо, а то я Наташу спать отправлю.

Тюлькин заторопился:

— Товарищ Наташа сама знает, в чем дело. Извините меня за нахальство, конечно, я же опять насчет этой мази. Обещались же. Я вас чистосердечно прошу. Ведь должность моя такая: за лыжи отвечай, за мазь отвечай. А где я ее, спрашивается, достану, раз секрет?

Чудинов испытующе-выжидательно смотрел на Наташу.

— Для Бабуриной стараетесь? — Наташа понимающе покачала головой.— Ну что ж, пожалуйста, охотно поделюсь. Мне отец сам изготовил. Он дело это никому не доверяет. Сам стряпает. Заходите, только чтобы тихо. Поздно уже.

Все трое осторожно поднялись в комнату, где обычно проводились музыкальные занятия.

— Тихо, тихо, пожалуйста, — шепотом предупредила Наташа, — ребята спят. Сейчас я вам принесу, она у меня в чемоданчике.

Наташа на минуту вышла, вернулась со своим спортивным чемоданчиком, открыла его и поставила на стол перед Тюлькиным.

— Берите любую. Вон та, где три креста, — эта на большой мороз. Рекомендую. А у меня еще есть запасная. По-моему, как раз будет. Температура падает. Берите, берите.

Она пошла в переднюю, на ходу расстегивая шубку.

Чудинов помог ей раздеться, повесил шубку на вешалку.

Между тем Тюлькин жадными, быстролазными руками рылся в чемодане. Он увидел там три почти одинаковые баночки. Он пошевелил пальцами, осторожно прикоснулся к ним и собрался уже взять ту, на которой были синим карандашом нацарапаны три креста, но тут же заметил, что в углу чемодана, полуприкрытая шерстяным шарфиком, укромно задвинутая за зеркальце, стоит еще одна баночка. Тюлькин воровато оглянулся, осторожно достал баночку и прочел этикетку на ней: «Особая. Для резкого похолодания. Состав А. О. Дрыжика».

«А-а, гигиена чертова! Вот где твои секреты! Ох, хитры вы здесь все кругом, да не хитрее Тюлькина».

Он понюхал банку, покосился одним глазком в сторону передней, убедился, что Наташа и Чудинов еще там, и быстро спрятал в карман мазь Дрыжика.

— Спасибо вам, товарищ Наташа, — торжественно поблагодарил он вошедшую Наташу. — Советский спорт и общество «Маяк» вам этого не забудут. Мировая вы девушка. Скажу по совести, я бы за такой не то что в пургу — в огонь и в воду кинулся при моей натуре. Приятных снов.

— А тебе что же, самому натирать приходится? — посочувствовал Чудинов. — Ох, и барыня же она, твоя Алиса! Разбаловали вы ее без меня окончательно.

Тюлькин развел руками:

— Что делать — талант! Ну, я отбываю. Мороз-то, мороз на улице! На термометре один только шарик видать. Тридцать дваназавтра обещают, жуть!

Когда внизу хлопнула дверь, Чудинов крепко сжал в обеих ладонях руку Наташи!

— Молодец вы! Я просто гордился сейчас вами. Так великодушно отвалили ему мазь для соперницы. Вот это по-нашему!

— По-вашему?

— По-нашему с вами, — ласково сказал Чудинов.

Они должны были говорить шепотом, так как весь интернат уже спал. И хотя разговор шел о вещах самых простых и обыкновенных, Наташе от этого шепота казалось, что они делятся какими-то тайнами, известными одним лишь им. И это волновало их обоих.

— Вот хвалите сейчас, — шепнула Наташа, — а раньше сами говорили, что у меня мало спортивной злости.

— То другое дело. А вот сейчас прошу вас, наберитесь злости. Ну как, есть у вас злость? — Он внимательно посмотрел ей в самые глаза.

А Наташа весело сделала очень страшное лицо, хищно оскалила зубы, подтянула брови к вискам и даже зарычала, сверкнув на него глазами:

— У-у-у!..

— Хорошо, — тихо засмеялся Чудинов и зловещим, трагическим шепотом продолжал: — Бросьте Бабурину далеко позади, обойдите ее, откиньте, сметите с дороги. Нет, я, конечно, фигурально. Ну, Наташенька, покойной ночи. Набирайтесь злости!

Спал Зимогорск. И болельщики беспокойно ворочались с боку на бок, волнуясь за исход завтрашней гонки. Спала Алиса Бабурина. Еще раз проверив составленный им график гонки, почивал тренер Коротков. Но еще горел свет в нашем номере, где Чудинов ходил из угла в угол, круто поворачиваясь и что-то бормоча про себя.

Возвращаясь после телефонного разговора с Москвой к нам в номер, я услышал характерное пошаркивание в комнате, где обитал Тюлькин. Дверь была полуоткрыта, я заглянул в номер, заваленный всяким спортивным инвентарем. Тюлькин сидел за столом. На столе горела свеча. Тюлькин подогревал мазь над пламенем свечи и натирал лыжу, поставив ее одним концом на пол и зажимая между коленями. На подножке великолепной гоночной лыжи, узкой, сверкавшей цветным лаком, я увидел металлическую дощечку возле крепления. На ней было выгравировано: «Чемпиону СССР А. Бабуриной».

Увидев меня, Тюлькин собрался было что-то сказать, чихнул, едва не загасив свечу, высморкался и подмигнул мне:

— Ишь, зимогоры! Хотела мазь не ту подсунуть. Припрятала заветную. Только Тюлькина не проведешь!

Глава XVII
ЛЫЖНЮ! ЛЫЖНЮ!

Знаменитый приз сверкал всеми своими гранями, поставленный на маленький алый столик перед центральной трибуной. Возле него несли караул троекратные обладатели зимнего кубка спортсмены московского клуба «Радуга» со своими семицветными знаменами.

Как хорош был большой зимний стадион в день торжественного финала спартакиады!

Расположенный в естественном амфитеатре по склонам расходившихся воронкой гор, сверкая льдом хоккейного поля, весь в радужном блеске инея, стадион сам был похож на исполинскую хрустальную чашу.

Все, чем славится спортивная русская зима, было сегодня представлено здесь. На дощатых, освобожденных от снега скамьях сидели знаменитые лыжники, прыгуны с трамплина и конькобежцы, танцоры на льду и слаломисты из Карелии, из Боржоми, из Бакуриани, с Уктусских гор и с Кукисвумчорра *. Над рядами легким частоколом вздымались цветные лыжи, торчали рукоятки хоккейных клюшек. А вдали, на озере, куда открывался отличный вид с трибуны, скользили по льду, взмахивая на поворотах белым парусом, буера.

Воздух искрился. Все исторгало радостный блеск, все казалось хрустальным под лучами низкого зимнего солнца в этот погожий, крепко схваченный морозом уральский денек.

В центральной ложе рядом с Ворохтиным, приезжими товарищами из Всесоюзного комитета и корреспондентами я увидел неизменного Ремизкина, который в этот день выглядел еще более азартным и запарившимся, чем обычно. Он все время пересаживался с места на место, допытывался и лихорадочно записывал услышанное в блокнотик, припадая к нему чуть ли не носом, щелкая фотоаппаратом, и вообще проявлял самую неукротимую деятельность.

Чуточку ниже ложи целый ряд был занят ребятишками из интерната во главе с Таисией Валерьяновной. Башлычки все время двигались. Ребятам от нетерпения не сиделось на месте. Бедная Таисия Валерьяновна, то и дело приподнимаясь, возвращала на

---

* Боржоми и Бакуриани — излюбленные места горнолыжников на Кавказе. Уктусские горы на Урале — район, где обычно проводятся состязания лыжников. Кукисвумчорр — гора близ Хибин.

скамью тех, кто был особенно непоседлив, так и норовя перелезть поближе к снежной дорожке. Я узнал Катюшу, но Сергунка почему-то среди ребят не нашел.

Еще ниже, неподалеку от прохода, расположилась семья Скуратовых. Фамилия их была представлена тут целиком: отец, мать, сын Савелий. Не было только самой Наташи, которая уже давно отправилась к месту старта.

Тут же, по соседству, я увидел парикмахера Дрыжика и нашу гороподобную комендантшу тетю Липу.

Я занял свое место у микрофона в небольшой стеклянной будке. Она давала превосходный обзор. Видна была даже часть огромной снежной равнины, куда уходила трасса гонки, отмеченная маленькими треугольными красными флажками. Как обычно, трасса была кольцевой. Отрезок лыжни, на которой должны были происходить соревнования, пролегал между трибунами и конькобежной дорожкой. Здесь, перед центральной ложей, был старт и финиш кольцевой гонки.

Я поставил возле термос с горячим чаем, включил микрофон, и рупоры во всей округе возвестили моим голосом, уже как бы отделившимся от меня и живущим самостоятельно во всем этом обширном морозном пространстве, что начинается большая финальная гонка, которая, по-видимому, решит судьбу хрустального кубка. Теперь, когда все подсчеты были уже уточнены по результатам предварительных состязаний, оказалось, что «Радуга» шла впереди всего лишь на семь очков. На огромном щите, чуточку в стороне от трибун, возле семицветного флажка в графе «Радуги» стояла цифра «310». Лишь на одну графу ниже сверкала эмблема «Маяка» — алая башня, мечущая в обе стороны снопы золотых молниевидных стрел. У «Маяка» было триста три очка. Далее, на третьем месте, находился клуб «Призыв», имевший двести семьдесят очков, и ниже были помечены еще другие клубы, которые уже вряд ли могли претендовать на первое место и кубок.

Таким образом, сегодняшняя женская гонка на десять километров окончательно решала судьбу личного и командного первенств. Если бы гонку выиграли по сумме времени, перекрывающей по таблице подсчета разрыв в семь очков, лыжницы «Маяка», они бы завладели кубком, которого были лишены уже три года. В случае победы представительниц «Радуги» зимний кубок остался бы опять у них. Зачет велся командный, по общей сумме, и индивидуальный — для личного первенства. И все понимали, что речь идет не только о кубке, но и о том, кому быть чемпионкой Советского Союза.

Чудинов, спускаясь с трибун из центральной ложи, подмигнул мне через стекло моей кабины и помахал рукой. Я скрестил над головой сжатые кулаки, вывернутые ладонями вперед, и потряс ими в ответ. Степан кивнул. Это был наш условный старый знак, означающий пожелание победы.

Между тем лыжницы уже выстраивались на линии старта. Тридцать шесть лучших лыжниц страны. Гонщицы делали последнюю разминку. Кто приседал легонько на лыжах, кто подпрыгивал, перебирая ими на снегу, другие, не сгибая ног, резко склонялись вперед, доставая кончиками пальцев крепления. Зрители сразу увидели среди лыжниц своих любимых, шумно зааплодировали Наташе Скуратовой, Маше Богдановой.

Судья уже поднял в одной руке клетчатый флаг над головой, держа другой рукой его за уголок полотнища.

Алиса, как всегда, явилась на старт самой последней. Это была ее обычная манера. Она любила заставить зрителей немного поволноваться. Ее узнали на трибунах, зашумели, захлопали. Вот она, чемпионка Советского Союза, непобедимая, уверенная, прославленная!..

А Бабурина, сделав небольшую пробежку на лыжах, с беспокойством нагнулась и несколько раз одной ногой попробовала скольжение. Тюлькин был тут как тут.

— Ты с мазью не ошибся? — озабоченно спросила его Алиса.— Погоду учел? Мороз сильный. С Коротковым советовался?

— Будьте уверены, — последовал ответ, — согласовано. Местная секретная. Проверял. Специально для похолодания в здешних условиях. Можешь быть спокойна.

Старт давали раздельный, парами. Судья взмахнул флагом, и тотчас со старта, срываясь с места, унеслась по лыжне первая пара гонщиц. Вот ушла в паре с чемпионкой общества «Призыв» Ириной Валаевой Маша Богданова. Еще взмах флажка — и заскользила рядом с Авдошиной из Вологды известная гонщица «Радуги» Нина Гвахария из Бакуриани. На этот раз правила жеребьевки были несколько изменены. Жребий определял лишь стартовый номер, по которому пара выходит на старт, а распределение лыжниц по парам делали заранее по собственному выбору сами участники.

И конечно, было решено пустить в одной паре Наташу и Алису. Это еще было известно накануне и делало сегодняшнюю гонку особенно волнующей. Им пришлось стартовать в числе последних. Но вот наступила минута, когда по взмаху клетчатого флажка обе соперницы рванулись из-под стартовой арки вперед.

Под сплошной, все нараставший гул трибун прошли они прямую, вылетели на поворот и, идя почти вровень, канули за виражом, ведущим в снежные просторы.

Трасса, сложная, путаная, была проложена по горам и ложбинам. Она требовала огромной выносливости и специальной сноровки. Пролегая далеко по окрестностям Зимогорска, она образовывала десятикилометровое кольцо, которое замыкалось перед центральной ложей стадиона, где линия старта превращалась в черту финиша.

Всю эту неделю зимогорские и приезжие лыжницы, в том числе, конечно, и Алиса, не раз уже проходили по этой трассе, изучая ее особенности. Сейчас на всех этапах дистанции стояли контрольные судьи, следившие за соблюдением правил гонки, контролировавшие движение лыжниц по строго размеченной дистанции. Они сообщали по телефону на стадион, как проходит гонка. Сведения эти немедленно поступали ко мне, в мою стеклянную кабинку, и я мог вести почти беспрерывный рассказ о ходе состязаний.

Мне показалось, что Наташа несколько, как говорят, засиделась на старте. Алиса же сразу с места взяла большую скорость и вырвалась вперед. Уже перед поворотом расстояние между нею и поотставшей Наташей увеличилось заметно для глаза. Мне вообще показалось, что Наташа слишком медлительно развивает темп гонки. Она как будто и не спешила. Зрители с трибун понукали ее, топали ногами, кричали вслед, что-то советовали. Наташа шла неспешным, пологим и просторным шагом. По сравнению с ней все резче уходившая вперед Бабурина казалась куда более подвижной и энергичной.

Тюлькин, поднявшийся на трибуну, уселся неподалеку от моей кабины. Он ерзал от нетерпения, потирал руки, мотал головой и хихикал в предвкушении торжества, которое неминуемо ожидало его фаворитку. Вот он увидел шедшего по проходу Чудинова. Привстал, доверительно поманил его к себе:

— Ну, Степа, по-честному, за кого болеешь?

— За тебя.

— Я серьезно, — обиделся Тюлькин. — По старой привычке за Алису или по новой местной моде за Наташу?

— Больше всего за тебя душой болею, — сказал Чудинов. — Будет тебе сегодня баня, если Алиса проиграет.

Обе лыжницы уже исчезли из поля зрения. С трибун теперь мы могли их увидеть не скоро. Трасса уходила за холм. Оттуда мне вскоре сообщили, что обе лыжницы начали обходить гонщиц, вышедших до них. Бабурина уже обошла двух стартовавших пе-

ред ней. Скуратова тоже обошла шедших впереди, однако просвет между нею и соперницей не сокращался. Контроль сообщил мне по телефону с начала второго километра, что на равнине Бабурина даже увеличила просвет. Я сообщил об этом по радио.

— Видишь? — торжествовал Тюлькин. — Говорил тебе, что Алиса всех «привезет».

— Положим, это не ты, а Карычев сейчас сказал, — отвечал Чудинов.

— Он сказал официально, а я присоединяюсь в частном порядке и советую тебе, пока не поздно. Куда ты?

Чудинов сделал мне какой-то знак и стал быстро сбегать вниз с трибуны, крикнув на ходу Тюлькину:

— Я на дистанцию! Встречу на седьмом километре!

Мне было видно, как он подбежал к аэросаням, ждавшим его у ворот стадиона. На борту аэросаней была укреплена пара гоночных лыж. Чудинов что-то крикнул водителю, махнул рукой. Взревел мотор, разлетелись облака взметенного снега, и аэросани унеслись. Я увидел, как они промчались по склону холма, на котором были расположены трибуны, пересекли снежную ложбину и пропали за леском.

Контроль второго километра сообщил мне, что картина гонки несколько изменилась. Бабурина снизила темп. Она идет уже с предельным напряжением, и ее начинает настигать Скуратова. Судья сказал мне, что Алиса беспокойно оглядывается и то и дело смотрит себе под ноги. Я включил микрофон.

— Внимание! — сообщил я. — Со второго километра сообщили, что первой и здесь прошла Бабурина. Однако она начинает заметно снижать скорость. Видимо, темп оказался ей не под силу. Скуратова начинает дожимать чемпионку Союза.

Такой поднялся рев на трибунах, что я даже сам не слышал своих слов. Дрыжик ликовал:

— Сейчас она эту москвичку дожмет!

А Тюлькин, слыша это, подмигнул сам себе: «Думает, секрета я его не знаю. У Алисы мазь-то какая, спрашивается?».

Между тем на дистанции гонки разыгрывалась драма. Наташа была уже за спиной Алисы. Она шла своим широким, размашистым шагом, непринужденно, как бы без всяких усилий, и все настигала, настигала неумолимо, бесповоротно.

Тем временем Бабурина почувствовала, что лыжи у нее как будто не идут. На них стал налипать снег. Какое-то странное оцепенение начало находить на нее.

— Лыжню!.. — потребовала Наташа.

Алиса, судорожно оглядываясь, делала тщетные усилия, чтобы уйти вперед.

— Лыжню!.. — властно раздавалось уже над самым ухом ее, и Бабурина была вынуждена свернуть немного в сторону, уступая на ходу накатанную лыжню. Наташа обошла ее, даже не посмотрев в ту сторону.

Контроль кричал мне по телефону:

— У тридцать первого номера очень усталый вид. Показывает на лыжи, скольжения нет. Видно, мазь подвела в связи с похолоданием.

Я быстро выключил у себя микрофон, над которым загорелся зеленый сигнал. Затем, кое-что записав для себя, я снова нажал кнопку. Вспыхнул красный сигнал: «Включено», и я объявил по радио, что Скуратова настигла и обошла Бабурину.

Овации сотрясали трибуны.

— У Бабуриной, по-видимому, неполадки с мазью или креплением, — сообщил я.

Тут в радиорубку осторожно, бочком, вошел Тюлькин. Я тотчас выключил микрофон и предупредил вошедшего:

— Ты только тихо. Видишь, сигнал? Следи! Если красный — ни звука. Понял?

Тюлькин торопливо закивал и даже зажмурился. Минуту-другую я прислушивался к тому, что мне сообщали через мои наушники с дистанции. Затем я сделал знак Тюлькину и снова включил микрофон:

— С дистанции сообщают, что чемпионка теряет ход. Ее начинают обходить уже другие лыжницы... Слышал? — обратился я, выключив микрофон, к Тюлькину. — Алиса-то выходит из игры. Это ты ей лыжи мазал?

Тюлькин в сердцах стукнул кулаком по столу:

— Мне мазь эту сама Скуратова дала, видно, нарочно подсунула. Вот чалдоны, жулье, зимогоры проклятые! Обманули, выходит, а я-то думал, у них тут по-честному...

Он захлопнул рот, зажимая его обеими руками, и в ужасе показал мне глазами на микрофон. Над ним ярко горел красный сигнал: «Включено». Очевидно, от удара руки Тюлькина о стол микрофон сам включился. Я тотчас нажал на кнопку, вспыхнул зеленый свет, но было уже поздно. Нас слышали. Я увидел, что страшное волнение охватило трибуны. Люди вскакивали, потрясали кулаками в мою сторону. Старик Скуратов поднялся со своей скамьи.

— Не поверю! — донесся до меня его голос, когда я, выпроваживая Тюлькина, приоткрыл дверь своей кабины. — Убей ме-

ня, однако, не поверю, чтобы Наташа такое допустила. Понапрасну наговаривают.

Как узнал я потом, нас слышали не только на трибунах. Разговор мой с Тюлькиным прозвучал и в радионаушниках, которые надел на себя Чудинов в кабине аэросаней. Он разом схватил за плечо водителя:

— Давай сворачивай. Жми на третий километр... Давай полный газ... Прошу, гони, браток!

Водитель резко увеличил обороты мотора. Взревевшие сани набрали скорость. Стрелка спидометра перед глазами Чудинова, дрожа, дошла до восьмидесяти, потом, поерзав на месте, дотянулась до девяноста.

Водитель, перегнувшись к Чудинову, сквозь рев мотора крикнул ему в ухо:

— Там к дистанции не пройдем — перелесок!

— Стой! — приказал Чудинов.

Сани остановились, почти завертевшись на месте. Чудинов спрыгнул, сорвал с борта лыжи. Перед ним простиралась зеркальная гладь замерзшего озера. У берега парень в толстом стеганом комбинезоне возился возле буера.

— Эй, друг! — крикнул, подбегая к нему, Чудинов. — Как бы быстрее на ту сторону?

Через мгновение он лежал вместе с гонщиком-буеристом на стремглав несущейся ледовой яхте. Ветер, до предела напрягши паруса, рвал с мачты узкий вымпел; из-под огромных и широких, как меч, коньков, казалось, вылетали искры, звенящий шорох скольжения и гром ветра в ушах почти оглушали. И вот буер подлетел к берегу. Чудинов прыгнул на откос, помахал гонщику рукой, благодаря его за помощь, торопливо надел лыжи и пошел узкой просекой. Он спустился, разгоняя ход, с крутого холма, промчался между деревьями. Буерист смотрел ему вслед, покачивая от восторга головой: да, это был высокий класс горнолыжного хода.

Выскочив из лесочка, Чудинов промчался по косогору. И тут перед ним оказался небольшой овраг. Лыжник сделал крутой разворот, пронесся, как с трамплина, по воздуху, но, приземлившись, почувствовал острую боль в раненом колене. Он повалился в снег. Страшная ломота свела всю ногу. Все же он заставил себя встать и двинулся к трассе. Путь ему преградило полотно узкоколейки, которое шло от каменоломен к руднику. Пришлось перебираться осторожно через рельсы. До третьего километра дистанции оставалось еще порядочное расстояние. Боль в колене становилась почти невыносимой при каждом шаге.

Когда Чудинов, вскарабкавшись на полотно узкоколейки, уже собирался перешагнуть через рельсы, он услышал справа за леском пронзительный свисток. И прямо на него вылетел ярко раскрашенный красно-синий локомотивчик, быстро вытягивавший из-за перелеска хвост из четырех также ярко раскрашенных вагончиков. Поезд показался Чудинову неестественно маленьким. Крохотным был этот паровозик, старательно пыхтевший паром. Совсем игрушечным выглядели прытко катившие вагончики — зеленый, красный, желтый и голубой. Но казавшийся карликовым пестрый поезд мчался туда, куда как можно скорее надо было добраться Чудинову. Он замахал руками навстречу, сорвал с себя шапку, стал делать ею знаки, прося остановиться. Паровозик сперва несколько раз коротко свистнул, а потом, как бы обиженно, затормозил. Чудинов, превозмогая боль, бежал навстречу, стуча лыжами по шпалам, Вдруг ему показалось, что он слышит очень знакомый мальчишеский хрипловатый басок. Из окна будки машиниста высовывался Сергунок.

Тут только вспомнил Чудинов, что летом, как он слышал, под Зимогорском открылась детская железная дорога. Зимой она не работала. Но ради праздника ее, видно, пустили.

Подбежав к паровозику, он легко заглянул прямо в будку. Там хозяйничал паренек лет шестнадцати в большой фуражке железнодорожника и подпрыгивал, весь чумазый, от угольной пыли, видно выполнявший добровольно обязанности кочегара Сергунок. Чудинов торопливо попросил, чтобы его подвезли поближе к трассе, а там уж он доберется сам на лыжах.

Юный машинист был суров, вынужденная остановка нарушала ему весь график. Он покачал головой, но тут все решило вмешательство Сергунка.

— Давай, Семен... Пускай садится, подвезем, — упрашивал он машиниста. — Это же, знаешь, кто?.. — Он что-то шепнул на ухо машинисту, ткнувшись ему носом в щеку и оставив на ней след угля.

Юный машинист с уважением поглядел на Чудинова.

— Ладно, — разрешил он наконец. — Только с лыжами в вагон нельзя: краску поцарапают. Нам не велят. Вы залазьте тут, я подвезу куда надо.

Чудинов шагнул прямо с земли в низенькую будку локомотива, почувствовав себя великовозрастным второгодником, который втиснулся в маленькую парту. Локомотивчик посопел, шаркнул по снегу паром, дернулся и покатил.

Сергунок о чем-то расспрашивал Чудинова, но тот, высунувшись из будки, не слушая, смотрел в сторону приближавшейся

трассы. Там, где полотно узкоколейки, сделав полукруг, уходило в сторону стадиона, Чудинов попросил притормозить, соскочил на ходу, поблагодарил машиниста, встал на лыжи и понесся навстречу вылетевшим из-за деревьев лыжницам. Он еще издали узнал среди них Наташу.

Она шла широким, свободным шагом. Чудинову хорошо был виден издали номер «32» на ее груди. Уже не чувствуя в эту минуту боли, он помчался наперерез, сделал, поравнявшись с Наташей, маленький поворот и пошел рядом с ней. Девушка словно летела над лыжней, так широко и плавно уносил ее вперед каждый взмах руки, каждый толчок палки, сопровождавший широкий посыл лыжи. Она расцвела, заулыбалась, увидев тренера, ожидая ободряющих его слов, тронутая тем, что он встретил ее даже раньше, чем обещал, на трассе. Но Чудинов на полном ходу зло бросил ей:

— Что за притирку вы дали вчера Бабуриной?

Продолжая быстро скользить, не сбавляя хода, Наташа крикнула:

— Не притирку, а мазь отцовскую, при вас же.

А лыжи почему у нее не скользят?

— Это уже ваша забота, а не моя, — возмутилась Наташа, продолжая мчаться рядом.

Он должен быть напрягать силы, чтобы не отстать от нее.

— Одной мазью мазали.

— Одной?.. А весь стадион кричит и по радио я слышал, что Скуратова нарочно подсунула Бабуриной...

Наташа яростно застопорила, врезаясь в снег ребром лыжи, разом повернувшись поперек лыжни.

— Что-о? Подсунула?!

Чудинов тоже стал. Заговорил отрывисто:

— Если нет, я вам верю, перемажьте ей. Вот мой совет. — Он выхватил из кармана секундомер. — Что делать! К черту арифметику. Честь дороже. Наверстаете.

За ними все ближе и ближе прозвучало:

— Лыжню!.. Лыжню!..

Наташу обошли одна за другой две лыжницы «Радуги». Приближалась и Алиса. Наташа и Чудинов, не выдержав, побежали изо всех сил навстречу ей. Алиса шла, с трудом волоча лыжи, на которых уже налипло немало снегу. У нее были слезы на глазах, когда она увидела Наташу и Чудинова.

— Вот... Поверила Тюлькину, а мне нарочно...

Наташа почти кинулась на нее, сердито и торопливо стаскивая Алису с лыж.

— Болтаете зря. Перемазывайте быстро!

Алиса, уже ничего на понимая, испуганно и недоверчиво уставилась на нее.

— Где я буду перемазывать, чем?

— А вы не разговаривайте много, — распоряжалась Наташа. — У меня запасная с собой, по-нашему, по-охотничьему. Ну, быстро!

— Я уж и так из графика вышла, — чуть не всхлипывая, сказала Алиса.

— Сколько мы теряем? — спросила Наташа.

— Пятьдесят две, — сообщил, глядя на секундомер, Чудинов. — Не тратьте вы зря времени, управляйтесь живее.

— Ладно, — проговорила Наташа, уже выдернув из-под Алисы лыжи. — Берите ваши пятьдесят две, только живо. Вы не думайте, я вам уступать не собираюсь. О кубке забочусь, чтобы не проиграть из-за вас. Степан Михайлович, отойдите, прошу, а то скажут, правила нарушаем, вон контролер смотрит. — Она быстро поскоблила ногтем лыжу Бабуриной, понюхала. — Да они кремом каким-то у вас намазаны. Поняла все... Это Дрыжика крем. Он мне всучил. Тюлькин ваш перепутал или нарочно — думал, хитрю.

Она уже давно вытащила из-за пазухи ладанку, мгновенно отрезала ножичком брусок, чтобы не остыл на ветру, согрела дыханием, сунула полбрусочка в руки Алисы, и обе они принялись, словно наперегонки, перемазывать лыжи чемпионки.

— По-охотничьи, — торопливо пояснила Наташа, — как отец учил. Наши так всегда носят, теплую. Степан Михайлович, вы время-то засекли, время говорите. График весь полетел.

— Давайте, Наташенька, давайте! — торопил Чудинов. — Тридцать секунд... Тридцать пять... Алиса, торопись, кубок трещит... Сорок... Ну, быстрее, быстрее...

Их обходила одна из лыжниц «Маяка». Ничего не понимая, она оглядывалась и даже стала притормаживать.

— Не оглядывайся! — в один голос закричали Наташа и Чудинов.

Секундомер назойливо тикал, гоня мелкими толчками стрелку по кругу.

— Сорок пять... — считал Чудинов, — сорок семь... Копухи вы обе! Марш!

Смазка была закончена. Алиса ловким движением закрепила лыжи на ногах, попробовала скольжение и, словно птица, получившая волю, рванулась вперед, будто и позабыв про Наташу. Наташа возмущенно обернулась к Чудинову.

— И правильно! — крикнул тренер, толкая ее в плечо. — Каждая секунда на счету! Опять засиделась на старте. Марш!

Наташа заскользила по лыжне.

— Вперед! «Лессе алле!» — дайте хода, как на турнирах говорили.

— Не обойти мне ее теперь, — через плечо бросила Наташа.

— Обойдете! Уж теперь злости-то у вас хватит!

И Наташа унеслась вдогонку за Алисой. Чудинов сделал несколько шагов, чтобы взять разгон и последовать за ними, но вдруг боль, уже нестерпимая, такая, какой он несколько лет не испытывал, словно раскроила ему колено. Со стоном он ничком повалился в снег, вцепившись пальцами в сухожилие под коленом.

Глава XVIII

ФИНИШ

Обнявшись крепче двух друзей...

М. Ю. Лермонтов

Контролер с дистанции сообщил мне обо всем, что произошло на третьем километре. Он только ничего не сказал о Чудинове, так как тот упал уже за возвышенностью, скрывшей его от судьи. Я поспешил через микрофон известить всех зрителей, что Скуратова, самоотверженно задержавшись, помогла Бабуриной перемазать лыжи по местному охотничьему способу. Правда, это позволило Гвахарии и Валаевой из «Радуги» обойти обеих лыжниц «Маяка». Теперь у «Радуги» были все шансы отыграть почти уже потерянный кубок.

Трудно передать, что происходило на трибунах. Весь стадион кипел. Башлычки так и подпрыгивали над своими местами. Катюша, уткнувшись головой в колени Таисии Валерьяновны, колотилась о них клубочком, так что кисточка на нем отчаянно металась... Вскоре появился и запыхавшийся, весь в угле, Сергунок.

— Таисия Валерьяновна, тетя Тася, а зачем же она остановилась? Ведь ее теперь все перегонят? — сокрушались малыши.

Таисия Валерьяновна старалась приподнять за кончик башлыка голову Катюши, нагнувшись к ней. Успокаивала ребят:

— Что делать, ребятки, нужно было. Дело по совести идет. Вам этого еще не понять.

— Нет, понять! — твердил Сергунок. — Это она по чести сде-

лала. Нарочно так поступила, да? Ведь она еще догонит, да?

Никита Евграфович тер своей шапкой голову:

— Решила верно, по-нашему. Только бы еще московскую ей теперь обойти, а то это уж чистое расстройство.

— Нет, Бабурину не обойдешь, — усомнился Савелий. — Чемпионка же.

Мать и та качала головой:

— Эх, перемудрила Наташенька!

— А ты обожди! — прикрикнул на нее Скуратов. — Обожди гудеть-то!

Выбираясь с трибуны, посрамленный Тюлькин столкнулся в проходе с Дрыжиком. Парикмахер был заметно обеспокоен.

— А-а, гигиена, — зашипел зло Тюлькин, — мазь-перемазь! На́ тебе твой крем-брюле! Только людей путаешь, черт! — И он швырнул в сердцах наземь банку, выхваченную из кармана.

Дрыжик с достоинством отстранился:

— Я бы попросил, во-первых, вести себя культурно, а во-вторых, при чем тут мазь? Это же от обмораживания мой состав. Крем особый, для сохранения внешности на случай сильного мороза.

Тюлькин медленно разинул рот. У него не сразу восстановилось дыхание, словно под вздох ударили...

— И вообще попросил бы, — продолжал Дрыжик и извлек из кармана перочинный нож. Он открыл его и шагнул к Тюлькину.

Тот поспешно отступил:

— Но-но, легче, ты! В уме, что ли, тронулся?

— Если не ошибаюсь, ваш? — Парикмахер протянул Тюлькину забытый у него ножик. — Весь ржавый дали, штопор в первой же пробке увяз, так и остался. Нате, получите!

Он хотел швырнуть нож наземь, но нечаянно сдвинул лезвие, нож закрылся и, словно рак, ущемил палец парикмахера. Дрыжик запрыгал, тряся рукой. Нож отлетел в сторону.

Как они шли! Километр за километром приближались обе соперницы по огромному кольцу трассы к желанному финишу. Сообщение за сообщением получал я по телефону с этапов лыжни и тотчас передавал через микрофон всем зрителям на стадионе. И сообщения эти еще больше будоражили болельщиков, ибо уже к седьмому километру Алиса Бабурина и неуклонно шедшая вслед за ней Наташа Скуратова обошли других конкурентов, оставили их позади себя, выправили график, вошли в него, укладываясь пока что в великолепное время. Да, это была голо-

вокружительная гонка! Восьмой километр проходил через труднейший участок дистанции. Здесь требовались не только скорость и сила, но и искусное владение техникой горнолыжного хода, умение стремительно брать подъем, миновать препятствия, резко ломая лыжню. Здесь Наташа чувствовала себя хозяйкой. Там, где Алиса сбавляла ход, она шла на полной скорости. На подъемах, которые Бабуриной приходилось брать максимальным усилием, уральская гонщица вымахивала своим неизменным широким шагом. Она уже почти поравнялась с соперницей. Но последние полтора километра гонки проходили по равнине. Этот этап был весьма благоприятным для чемпионки. Алиса Бабурина недаром славилась своим ходом по ровной местности. На стадионе уже увидели показавшихся вдали гонщиц. Наташа шла вплотную за Бабуриной. Алиса не уступала. Она отчаянно работала руками, старалась вложить всю силу в каждый толчок палкой. Наташа неумолимо шла за ней по пятам своей упрямой, легкой, широкой поступью. Я хорошо их видел обеих в бинокль. Мне хотелось крикнуть навстречу:

«Ну, Наташенька, родная, покажите сейчас свой характер! Даром, что ли, вас Степан гонял! Ну, милая!..»

Я не имел права обнародовать свои симпатии. Я обязан был оставаться беспристрастным. Я рассказывал в микрофон, а голос мой, как неотступное эхо, возвращался ко мне со всех сторон из репродукторов:

— Бабурина начинает свой обычный бурный заключительный спурт. Она делает рывок, который не раз приносил ей победу. Но молодая зимогорская лыжница не отстает. Феноменальная выносливость и отличная техника!

Я хорошо видел в бинокль, что Наташа идет уже буквально на плечах у чемпионки. Я видел по движению ее губ, что она требует дать ей дорогу.

— Лыжню!..

Но Алиса не уступала. Опытная гонщица, она действовала сейчас очень хитро. Она не позволяла настичь ее совсем, как говорится, сесть на лыжи. Тогда надо было бы сворачивать, уступать, иначе это расценивалось бы как грубое нарушение правил и спортивной этики. Нет, она сохраняла разрыв, заставляла Наташу, если той угодно, обойти ее по целине и все время держала соперницу на некотором расстоянии за собой. Сделав свой внезапный, как всегда, излюбленный рывок, столько раз приносивший ей решающую победу, Алиса и на этот раз была уверена, что не ожидавшая этого тактического броска соперница окажется сразу далеко позади. А пока она будет пытаться

сама повторить такой же резкий настигающий бросок, чемпионка пересечет линию финиша.

Низкое зимнее солнце посылало уже по-вечернему косые лучи. Четкие тени лыжниц, скользившие по равнине, были длинны и синеваты. И тень упрямой зимогорской гонщицы неотступно неслась вслед за чемпионкой. Солнце светило в спину лыжницам. Тень Наташи, опережая ее, почти уже доходила до креплений лыж чемпионки, она подползала, упрямо настигая...

Когда Алиса сделала свой знаменитый рывок, Наташа на секунду растерялась. Она не ожидала, что у соперницы, которая казалась уже вымотавшейся, окажется еще столько сил. Надо отдать справедливость Бабуриной, шла она великолепно. Идя вплотную вслед за ней, Наташа невольно любовалась бурным темпом и самоотверженным рвением, которое проявляла чемпионка. Да, недаром предупреждал ее во время тренировок Чудинов. Бабурина была опытной гонщицей и умела отдать все свои силы, вложить всю себя, весь свой темперамент в одно — в скорость.

Пришлось теперь и Наташе выкладывать весь остаток сил. Я это видел хорошо по выражению ее лица, не опуская бинокля. Мне известно было по многим рассказам знакомых гонщиков состояние, в котором была сейчас Наташа. Только бы скорее наступил желанный покой, только бы скорее пришло это «потом». Наташа подгоняла, как ей казалось, время, понукала его, что есть силы выгребая палками в потоке мгновений, бурно несшихся навстречу ей. Но это было ее собственной скоростью, которую она сейчас уже плохо осознавала. Она уже видела себя там, за желанной чертой финиша, за синей тенью от арки на снегу. Она была там всем рвением, всей волей и неистовой жаждой раньше всех достичь финиша. Но ее ноги с лыжами, именно ноги с лыжами, были еще тут, и надо было подтащить их как можно скорее туда и пересечь ими черту, синюю тень на снегу...

На трибунах все встали. Башлычки визжали и подпрыгивали. Доносился отчаянный крик Сергунка. Он яростно топал ногами и подскакивал на месте...

— Еще, еще... Тетя Наташа, скорее!

— Ой, Наташенька, девонька, голубушка, уважь напоследок! — причитала мать уже во весь голос.

— Дочка-а! Не срами ты меня. Вытяни маленько. Поднапри, милая!..

Все стояли на трибунах. Громовые валы возгласов, просьб, понуканий и заклятий катились по стадиону. Сергунок вскочил,

стуча сжатыми кулачишками по плечам сидевшего впереди болельщика, но тот словно и не чувствовал...

Я видел, что Алиса делает невероятные усилия, чтобы удержать просвет между собой и Наташей. Алиса умела ходить на пределе, и сейчас все ее силы, и физические и душевные, были брошены на лыжню, в эти десятки метров, завершающие бег.

И вот тут под оглушающий рев трибун Наташа непостижимым образом, сильно согнувшись, сделала бросок. Она оттолкнулась и в мощном одновременном упоре обеих палок, почти летя по воздуху, на самых последних метрах поравнялась с чемпионкой, и они лыжа в лыжу, плечом к плечу пронеслись одновременно над чертой финиша.

Кажется, я обо всем этом сказал через микрофон. Я сам себя не слышал, такой рев стоял вокруг. Обе чемпионки (да, да, они обе теперь были чемпионками страны!) исчезли в толпе окруживших их фоторепортеров, кинооператоров, спортсменов. Сзади суетился, подпрыгивая, чтобы как-нибудь через головы стоявших впереди сфотографировать победительниц, Донат Ремизкин. Оркестр играл туш.

— Внимание! — сказал я в микрофон, выпив целый стакан боржома и вытерев платком взмокший лоб и шею под воротником (досталась и мне эта гонка!). — Внимание! — сказал я. — Итак, финальная лично-командная гонка на десять километров для сильнейших лыжниц окончилась победой двух основных претендентов на первенство: Алисы Бабуриной — общество «Маяк», Москва, и Натальи Скуратовой — «Маяк», Зимогорск. Они обе стали всесоюзными чемпионками, показав великолепное, до одной десятой доли секунды сошедшееся у обеих время. Тридцать восемь минут две секунды — превосходный результат. Неоднократная чемпионка страны Бабурина никогда еще не показывала такого времени. Ей пришлось напрячь все силы, мобилизовать всю свою изощренную технику, чтобы выдержать борьбу с молодой, но уже блестяще себя зарекомендовавшей уральской лыжницей Скуратовой, которая прошла всю дистанцию на большой скорости, показав незаурядную технику. На третьем месте оказалась Ирина Валаева, «Радуга», город Киров, четвертый результат по времени показала Мария Богданова, тоже молодая, но чрезвычайно выросшая лыжница зимогорского «Маяка». Таким образом, хрустальный зимний кубок спартакиады уже обеспечен теперь Маяку».

Прежде чем победительниц окружила толпа почитателей и корреспондентов, я все же успел заметить, как Алиса, одновременно с Наташей миновав линию финиша, зашаталась, почти

падая ничком... Она так устала, что ей невольно пришлось повиснуть на плече Наташи, иначе она бы не удержалась на ногах. Она была в полном изнеможении. Руки с палками висели ниже коленей, у нее не было сил разогнуться. А Наташа, пожирая ее взором, в котором сквозь пелену огромной усталости все еще просвечивал огонь неукротимого спортивного упорства, сама была не в силах оттолкнуть ее или отойти.

Они стояли с подламывающимися от усталости коленями, не имея возможности оторваться друг от друга, как это бывает с боксерами, попавшими на ринге во взаимный клинч. А вокруг цокали затворы фотоаппаратов, безжалостно били в глаза молниевые вспышки рефлекторов, и я уже представлял себе, как завтра в газете появятся снимки с короткими подтекстовками, объясняющими, что две чемпионки обнимают друг друга, поздравляя с победой... Потом осторожно, но настойчиво высвободившись из объятий Алисы, Наташа, как всегда, прямая и словно неспешная в движениях, прошла мимо аплодирующих трибун, широко и плавно скользя своим просторным, невозмутимым шагом.

— Королева, — сказал кто-то в толпе, любуясь ею.

— Хозяйка,— поправили сзади.— Белой стези хозяйка.

Но где же, где был Чудинов? Тщетно просматривал я ряды трибун и группы сидящих репортеров и спортсменов у финиша — нигде не было Степана. А ведь сейчас наступил тот момент, о котором он, вероятно, давно уже мечтал.

Да, пусть Наташа не обошла Бабурину, но она великодушно помогла ей в тяжелую минуту и пришла с ней вровень. Она не дала вырваться грозной чемпионке, она поделила с ней славу, победу и звание первой лыжницы страны. Вот они поднимаются вместе, только что бывшие непримиримыми соперницами на лыжне, а сейчас две сестры по славе, две чемпионки — Алиса Бабурина и Наталья Скуратова. Наталья Скуратова и Алиса Бабурина. Они поднимаются на вышку почета, на которой выведена цифра «1». И гремит музыка, и реет над ними, поднимаясь на мачте, голубое с алой башней, мечущей снопы золотых молниеподобных лучей, знамя «Маяка». Уже несут хрустальный кубок, выигранный теперь у «Радуги». И сам Ворохтин, возвышаясь над толпой, огромный, необычайно величественный сегодня, вручает сверкающий почетный приз Короткову, представителю «Маяка». Наступает последняя минута спартакиады. И радио возвещает на весь стадион, торжественно притихший: «Чемпионкам Советского Союза по лыжам Бабуриной и Скуратовой спустить флаг».

И снова вместе подходят они к высокой красной лакированной мачте и вместе берутся за веревку. Наташа запрокинула голову и глядит на медленно скользящий вниз алый флаг. А Алиса смотрит хмуро и сосредоточенно прямо перед собой, перебирая руками снасть. И теперь, когда все кончилось и официальная церемония позади, Алиса стремительно протягивает руку Наташе. Нет, не так торжественно-официально, как там, когда стояли на вышке почета, а порывисто и даже чуточку неуклюже. Она хочет что-то сказать, но у нее бессильно расползаются губы, и, отвернувшись, она внезапно отходит.

А Наташа в это время уже ищет глазами вокруг себя, смотрит на трибуну, на дорожку. К ней подбегают ребята, лезут под руки, прижимаются. Со всех сторон она окружена их башлычками. Подходят отец, мать, проталкивается сквозь толпу Савелий. А она все оглядывается беспокойно и уже рассеянно подставляет щеку матери...

— Товарищи, а где же Степан Михайлович?..

И через пять минут мы мчимся на аэросанях по равнине, где только что разыгрывалась гонка, въезжаем в тот перелесок, который не позволил Чудинову подоспеть на аэросанях к нужному пункту дистанции. Сейчас у нас есть возможность объехать мешавший крутогор с лесочком. Аэросани наши оставляют за собой искрящийся хвост снежной пыли, несутся вдоль лыжни.

Вот и третий километр.

Чудинов сидит на бугре, туго завязывая колено носовым платком. С контрольного пункта из-за холма радио доносит из репродуктора музыку, которую еще передают со стадиона. Значит, Чудинов уже слышал обо всем.

Водитель резко тормозит аэросани, останавливаясь у края овражка, мешающего подъехать прямо к лыжне. Я выскакиваю на ходу, за мной Наташа, прихватившая доверенный ей Коротковым хрустальный кубок. Вываливается через борт аэросаней, плюхаясь в снег, Сергунок, увязавшийся за нами. Он разом проваливается в глубокий сугроб. Наташа сует кубок в руки оторопевшему Сергунку, чтобы тот подержал пока приз, и бежит к Чудинову. Я обгоняю ее.

— Степан! Дорогой! Поздравляю!— кричу я еще издали.— Новая чемпионка пополам со старой и кубок дома!

Чудинов делает вид, что его сейчас занимает главным образом боль в ноге.

— Вот, понимаешь, растянулся не вовремя! Но дело сделано. Теперь уж можно и без меня.

Оттолкнув меня в сторону, так что я невольно сел в сугроб, прямо в снег перед Чудиновым бросается на колени Наташа. Я понимаю, что мне тут сейчас, собственно, делать нечего, встаю и отряхиваюсь. А Чудинов смотрит на опустившуюся подле него Наташу. Глаза у нее запавшие, усталые, но такие благодарные!

— Спасибо, Наташа,— просто говорит Чудинов и вдруг неожиданно, порывисто и неловко целует ей руку, которую она положила ему на плечо. И не отпускает, придерживает ее кисть своей щекой.

Оба они одновременно бросают взгляд в мою сторону. Но я отряхиваюсь. Мне снег попал за шиворот, мне сейчас не до них. Я им всячески доказываю это, старательно выгребая пальцем из-под воротника белые тающие комочки.

— А вы не сердитесь, что я так и не обошла?

— Наташа,— слышу я голос Чудинова за своей спиной и вычищаю снег из ботинок,— ведь фактически вы же победили. Вы ее выручили, это все понимают. А вы еще так будете ходить!

— Ну, все-таки время я могла показать лучшее.

— К черту время! К чертям секундомер! Меня сейчас это не интересует... Молодец вы. Спасибо!

— Это вам спасибо,— совсем тихо проговорила Наташа.— Я же знаю, Степан Михайлович, что без вас... Это же вы меня вытащили, вы вернули к жизни...

«Так,— подумал я,— сейчас начнется».

И действительно, Чудинов быстро сказал:

— Ей-богу же, это недоразумение, Наташа! Право же, это не я вас тогда...

Наташа досадливо перебила его:

— Да не о том я. Не понимаете?.. Вы же меня заставили снова поверить в себя, вернули на лыжню.

— Наташа,— еще тише проговорил Чудинов,— я вам давно хотел кое-что сказать, но решил уж после состязаний...

— Опять что-нибудь насчет подколенного угла или голеностопного сустава?— озорно спросила Наташа.

— Да ну их к лешему!— воскликнул Чудинов и покосился в мою сторону, а потом махнул рукой.— Нет, Наташа, хватит! Я...

Но тут водитель аэросаней внезапно включил мотор, прогревая, и мажорный неистовый рев его заглушил все, о чем говорил Наташе Чудинов. Обернувшись к ним, я видел только бесконечно счастливое лицо девушки.

Шел неслышный для меня разговор, только губы двигались. А глаза у обоих были неподвижны, устремленные друг на друга.

Водитель несколько поубавил газ. Я почувствовал, что кто-

то тянет меня за рукав. Это перебравшийся через сугроб Сергунок пытался обратить на себя мое внимание. Одной рукой в варежке и подбородком он, напыжившись и прижимая к животу, кое-как удерживал тяжелый, оправленный в серебро хрустальный кубок. На раскрытой, красной от мороза ладони другой его руки я увидел... большую коричневую пуговицу, имеющую форму футбольного мяча с выпуклыми дольками.

— Дядя Карычев, чеперь уже вшё можно шкажать? — настойчиво шептал Сергунок сквозь зубы, в которых торчала снятая варежка.

Я быстро прикрыл ладонью его растопыренную пятерню:

— Погоди минутку, Сергунок.

— Поддерживая Чудинова, Наташа вела его к аэросаням. Вот они оба уселись. Наташа виновато оглянулась на меня, потому что места в санях теперь для меня уже не оставалось. Я успокоительно помахал рукой. Загрохотали выхлопы, в размытый радужный круг слились лопасти бешено завертевшегося пропеллера. Нас с Сергунком запорошило алмазной пылью.

И они унеслись.

Я принял из рук Сергунка тяжелую хрустальную чашу в серебре. Им там обоим, на мчавшихся по снежной долине аэросанях, сейчас было уже не до приза...

А Сергунок все протягивал мне на ладони пуговицу.

— Ну чего же, дядя? Ведь теперь можно уже сказать... как мужчина мужчине. Вы же сами обещались... Я же уговор сдержал. Теперь уже все кончилось?

Я поглядел вслед серебряному вихрю, который уносился к белому горизонту, оглашая всю округу громом и сея осколки радуг.

— Нет, Сергунок, по-моему, сейчас только все и начинается.

(Конец рукописи Евгения Карычева.)

ЭПИЛОГ

Теперь вы знаете, о чем рассказывал в своей повести Евгений Карычев.

Я увез его рукопись в моем чемодане, поспешая на Белую олимпиаду в Италии. По дороге, в вагоне, я еще раз перечитал ее, и оставшиеся в ней неясности еще более раззадорили меня. Но я не сомневался, что предстоящая встреча с Карычевым рассеет все сомнения...

Вы еще, вероятно, помните, как проходили в Доломитовых Альпах зимние Олимпийские игры, и нет нужды еще раз подробно рассказывать здесь обо всем, что довелось нам увидеть на безукоризненной ледовой глади горного озера Мизурина, на зеркальном, залитом потоками электрического света поле олимпийского стадиона в Кортина д'Ампеццо, на знаменитом лыжном трамплине «Италия», на крутых склонах Доломитов, где флажки отмечали ворота гигантского слалома, и на лыжне международного Снежного стадиона. Но, как вы понимаете, у меня был свой особый интерес к тому, что разыгрывалось в те памятные дни на белых просторах альпийских заснеженных лугов, над которыми отвесной стеной уходили вверх, к ярко-синему небу, розовые громады Доломитов.

Я с нетерпением ждал событий, которые должны были составить содержание последней, еще не дописанной главы повести Евгения Карычева.

Как известно, эта зима в Западной Европе была на редкость снежной. Виноградники Италии и Прованса оказались погребенными под сугробами. Снежный буран гулял по Европе. Когда мы попали в Рим, Вечный город предстал пред нами таким, каким его никогда не видали и сами итальянцы. Толстый слой снега укутывал пальмы в садах Пинчо и Боргезе на древних холмах. Вьюга свистела в каменных пролетах Колизея и свивалась в метельную воронку, крутившуюся в старинном амфитеатре. Перед собором Святого Петра ватиканские монахи играли в снежки. Призрачные снежинки роились в сумраке Пантеона, проникнув через круглое отверстие в куполе, и таяли на старинных плитах, своей скоротечностью как бы подчеркивая невообразимую долготу веков, память о которых хранили эти стены. Замерзли венецианские каналы, и дворцы, лишенные отражения, словно осели по пояс в камень набережных. Свирепые белые вихри шатались по дорогам Европы, заметая их. Тысячи машин застревали в заносах, и в газетах, которые я читал по дороге, когда наш поезд часами простаивал на занесенных перегонах, острили, что Королева русских снегов явилась на Олимпийские игры, стеля за собой через всю Европу белый шлейф метели...

Королевой русских снегов звали теперь за границей Наталью Скуратову. Мне уже было известно, что после драматического эпизода на трассе в финальной гонке в Зимогорске, когда Скуратова поделила звание всесоюзной чемпионки с Бабуриной, Наташе пришлось защищать, как говорят физкультурники, спортивные цвета нашей Родины на международной лыж-

не. Она выступала в Норвегии, ездила в Финляндию и везде оказывалась первой. Имя Скуратовой уже за год до Белой олимпиады стало широко известно в Европе. В газетах ее называли Королевой русских снегов, Звездой белого горизонта, Царицей снежных полей, Хозяйкой зимних троп, Владычицей белых долин, Сводной сестрой уральских метелей, Приемной дочерью сибирских вьюг и Грозной подругой российских буранов.

Как только ее не называли в европейской спортивной печати, падкой на пышные обобщения!

Но нам было не до этих роскошных эпитетов. Застревая чуть ли не перед каждой станцией в заносах, мы проклинали увязавшуюся за нами пургу, по милости которой могли опоздать к самым интересным состязаниям. Чем ближе подъезжали мы к центру Белой олимпиады, тем сильнее ощущалось, с каким нетерпением ждут на большом Снежном стадионе у Кортина д'Ампеццо гонки лыжниц на десять километров. Во всех газетах, которые попадались нам по пути, видели мы портреты Скуратовой и крупные заголовки, возвещавшие, что Хозяйке снежных Уральских гор предстоит сейчас встретиться с сильнейшими гонщицами мировой лыжни — со знаменитой Марлен Доггерти из Канады, Терезой Гранберг из Австрийского Тироля, Эрной Микулинен — чемпионкой Финляндии и грозной победительницей норвежских снегов Ирмой Гунгред. Участвовала в этой гонке и Алиса Бабурина, целый год не выступавшая на лыжне после розыгрыша кубка в Зимогорске, но недавно снова начавшая тренироваться и показавшая на отборочных соревнованиях в Кирове хорошее время — менее 38 минут.

Пятьдесят лучших лыжниц всего света готовились оспаривать на лыжне, проложенной в Доломитовых Альпах, звание олимпийской чемпионки и лавровый венок чемпионки мира, так как Международная лыжная федерация объявила, что считает состязания на Белой олимпиаде одновременно и розыгрышем мирового первенства.

«Гунгред!.. Бабурина!.. Гранберг!.. Скуратова!.. Микулинен!..— кричали заголовки в газетах, которые расхватывались на станциях пассажирами, спешившими на Олимпиаду. — Микулинен!.. Гунгред!.. Скуратова!..»

Длинные и усыпляюще-валкие автобусы-пульманы знаменитой туристской фирмы «ЧИТ», на которые мы были пересажены у пограничной станции, мчали нас по альпийским дорогам в Кортина. За окном мелькали над пропастями рекламные щиты, на которых змеевидные девушки, приподняв юбки до подвязок,

демонстрировали преимущество нейлоновых чулок, шестилапый черный пес исторгал пламя из пасти, опившись бензином своей марки, а вездесущая диннерская фирма «Эссо» возвещала, что она готова обслужить автомобилистов и обеспечить их всем необходимым в любом уголке мира, на любом уровне высоты над морем...

Потом мы промчались под повисшими над шоссе пятью огромными цветными кольцами, сплетенными в известную эмблему Олимпиады. Гирлянды этих колец стали появляться все чаще и чаще. Уже чувствовалось, что мы близки к своей цели, что совсем уже недалеко до центра Белой олимпиады. И вот молодой бородатый альпинеро с длинным пером на зеленой шляпе поднял шлагбаум, мы влились в поток автомобилей, устремлявшихся к Кортина со всех дорог, сходящихся тут, и вскоре оказались в самом центре гигантского и веселого циклона, задувавшего в те дни среди Доломитовых Альп и вовлекшего в свою головокружительную воронку десятки тысяч людей, влюбленных в спорт.

Едва наши затекшие от долгого сидения ноги коснулись снега, мы почувствовали, что уже и сами втянуты в этот пестрый и бесшабашный вихрь.

Нестерпимая белизна альпийских снегов слепила глаза даже через дымчатые очки, которые пришлось немедленно надеть. На тесных, нарядных улочках Кортина, между старинной колокольней-кампанилой и желтыми, белыми, зелеными отелями шумела, бурлила, смеялась, запевала незнакомые нашему слуху песни, перекликалась на всех языках мира интернациональная толпа. С трудом пробирались в ней, сверкая цветным лаком на солнце, длинные лимузины, из окон которых брехали на прохожих подстриженные и даже словно как бы завитые собаки диковинных пород. В невообразимом смешении красок, где один цвет соперничал по силе с другим, развевались флаги наций, вымпелы, эмблемы спортивных команд, блестели на солнце витрины с сувенирами, многоцветные значки и гербы на прохожих, на машинах. Частоколом стояли воткнутые в сугробы щегольские лакированные лыжи всех оттенков радуги. Газетчики в ярко-красных куртках и жокейских картузиках неумолчно выкрикивали названия спортивных газет, сообщали последние новости. «Скуратова!.. Гунгред!.. Микулинен!..» — то и дело повторялось в этих выкриках. Пришепетывая шинами на плитах мостовой, с которой лучи альпийского солнца свели снег, катили автомобили. Веселый стоязыкий говор звучал на улицах. Плыл в вышине над городком и отдавался в ущельях неспеш-

ный, как бы чуждый всем закипавшим тут страстям звон колокола. И прямо над головой у нас отвесно уходили в синее, не по-зимнему яркое, густо-синее итальянское небо розовые кручи и скалы Доломитовых Альп.

Три цвета: слепящая белизна альпийских лугов, багрово-розовая стена Доломитов, вставшая над ними как окаменевшее зарево, и простирающаяся над всем этим неистовая синева южного неба — царили в этом удивительном крае. И весь он в миниатюре, но со всеми своими красками, тысячекратно повторялся, изображенный в нагрудных олимпийских значках, горевших на людях, окруживших нас у автобусов.

Все здесь были, как видно, заражены забавным поветрием — все весело обменивались нагрудными значками. И едва мы вышли из автобусов, как подбежавшие к нам юноши, девушки и далеко уже не молодые люди бесцеремонно принялись теребить нас за лацканы и отвороты и тут же жестами начали объяснять, что они готовы вступить с нами в меновые отношения. Дело пошло очень ходко. Видимо, советские значки были тут в цене. Мы едва успевали откалывать, отвинчивать, снимать с себя прикрепленные еще в Москве значки «Интуриста», эмблемы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, юбилейные жетоны Московского университета и даже новогодние елочные значки Центрального Дома работников искусств... А взамен на нас навинчивали маленькие металлические флажки, веночки, гербы, привезенные сюда из Новой Зеландии, Рейкьявика, Кейптауна и Ньюфаундленда...

Сильное, высоко стоящее над грядой Доломитов альпийское солнце ощутимо грело щеки, несмотря на мороз. Сладко было дышать прозрачным высокогорным воздухом; бодрящая, азартная атмосфера молодой дружбы и рыцарского соперничества сразу же охватила и нас.

Но надо было спешить. Факел со священным огнем опередил нас, и, пока мы пробивались сквозь заносы, огонь, доставленный на военном корабле из Греции в Италию, пронесенный через Рим, проплывший каналами Венеции, поднятый на перевалы альпийскими стрелкàми и спустившийся в торжественный день открытия спортивных игр в Кортина, промчался в руках лыжников по улицам городка, был подхвачен конькобежцем на ледовой дорожке Олимпийского стадиона и уже несколько дней днем и ночью горел в высокой плоской чаше светильника, высоко поднятой над стадионом.

Уже состоялись первые встречи хоккеистов, проведены были на склонах Тофаны состязания по гигантскому слалому, уже

передавалась из уст в уста весть о победе наших конькобежцев на дорожке озера Мизурина в горах, и на центральной площади Кортина появились первые алые флажки на Доске почета... Но гонки лыжниц еще не проводились, и все с нетерпением ждали встречи Королевы русских снегов со знаменитыми гонщицами Европы и Америки. И обступившие нас возле автобусов спортсмены, болельщики, все в ярких джемперах, узких лыжных цветных брюках, сейчас же ввязались в горячий спор с нами о результате предстоящей гонки. И опять зазвучали вокруг нас имена Гунгред, Скуратовой, Микулинен.

Мне необходимо было еще до гонки встретиться с Карычевым. Но группа туристов, с которой я прибыл в Италию, расположилась в нескольких десятках километров от центра Олимпиады, в горном поселке Доббиако, а спортивной делегации Советского Союза был предоставлен в качестве постоянной резиденции высокогорный отель «Тре Кроче», что в переводе на русский язык обозначает «Три Креста». И те, кто уже успел посмотреть выступления наших конькобежцев и хоккеистов в Кортина д'Ампеццо, сейчас же поделились с нами ставшей тут популярной остротой, что русские мчатся на гонках и ведут атаки ворот противника на высших кавалерийских скоростях — аллюр «три креста»... А я невольно вспомнил, что в повести Карычева старик Скуратов ставил три креста на особой, заветной фамильной мази, которой он оснастил дочку на финальных гонках спартакиады.

Кстати, как я узнал в тот же день, разговор о русских таинственных и колдовских мазях уже давно волновал олимпийских болельщиков. Здесь прослышали о драматической истории, которая случилась на прошлогодних гонках в Зимогорске. Едва мы прибыли на Олимпиаду, нам все уши прожужжали ею. В газетах, так и сяк переиначивая, не скупясь на краски, рассказывали об этом эпизоде в биографии обеих советских чемпионок. Промелькнули в печати сообщения, что в Европе и Америке изобретены какие-то новые удивительные мази, дающие неслыханное скольжение. Нам показывали даже рекламные проспекты, прославлявшие эти новинки. И все же разговоры о секретах уральских лыжников не затихали в Кортина. Какая-то правая, реакционная газетка сообщила даже, будто русские столь бдительно охраняют тайны своих мазей, что горные дороги, ведущие к отелю «Тре Кроче», патрулируются особыми отрядами коммунистов... Но мало кто верил этому вранью, и целые дни в отель, где жили советские спортсмены, наведывались лыжники и тренеры разных команд.

Я тоже побывал там в надежде встретиться с Карычевым, но, конечно, не застал его дома. Вообще, он был неуловим. Мне говорили в «Тре Кроче», что он отправился на Большой трамплин. Я искал его там, но оказывалось, что он перебрался уже на Снежный стадион. Попав туда, я узнавал, что Карычев помчался смотреть состязание по бобслею. Я спешил к ледяному желобу, где с грохотом пролетали санки, управляемые гонщиками в пробковых шлемах, но здесь мне сообщали, что Карычев сейчас уже на Олимпийском стадионе, на поле которого выступали наши хоккеисты.

Словом, я смог увидеть Карычева лишь в памятное утро десятикилометровой лыжной гонки.

О-о, это был действительно Большой День!

С самого раннего утра к Снежному стадиону уже спешили тысячи лыжников-любителей. Все они, молодые и старые, вне зависимости от пола, возраста, национальной принадлежности и мировоззрения, обгоняя друг друга, объятые единой страстью, катили к стадиону. Студенты, финансисты, киноактрисы, католики, республиканцы, правые и левые социалисты, ковбои из Оклахомы, норвежские моряки, австралийские овцеводы, международные ловеласы и старые девы — все решительно были облачены в узкие лыжные брючки, заправленные в толстые ботинки, и в пестрые куртки с легкими капюшонами. И все они скользили на красных, синих, желтых, полосатых лыжах вдоль трассы гонки. Многие располагались на разных этапах дистанции, чтобы наблюдать поближе борьбу на лыжне и не платить за вход на стадион, так как администрация в этот день загнула ошеломляющие цены на билеты...

Мы с трудом пробрались на нашем автобусе к стадиону. По дороге нас не раз надолго затирали густые колонны автомашин. Отливая цветным лаком, сверкая выпуклым плексигласом и хромированными частями, неслись к стадиону машины всех марок — на крыше у каждой было укреплено по нескольку пар лыж. И машины напоминали мне этим наши знаменитые минометы «катюши».

Катили переполненные автобусы, красные, желтые и ярко-зеленые. Сверху, на крышах, и сзади, на багажных решетках, сидели люди в спортивных куртках и, конечно, с лыжами в руках.

— Австрия едет! — объяснил мне один из наших спутников, тоже лыжник.

В толстых чулках, с зелеными перышками на шляпах скользили с гор прибывшие специально на сегодняшнее состязание

тирольцы. Мчались на «джипах» румяные плечистые парни в полупальто из белого пухлого драпа с красными гусарскими шнурами и бранденбурами на деревянных пуговицах-бирюльках, в алых шапках из искусственного нейлонового меха.

— Америка двинулась, — поспешил сообщить мне мой осведомленный сосед.

Размахивая полосатыми жезлами и клетчатыми флажками, с трудом регулируя клокочущий поток машин, пропуская через шоссе целые колонны лыжников, распоряжались на дорогах взмокшие, охрипшие альпинеро — альпийские стрелки. К началу гонки трибуны Снежного стадиона были плотно заняты зрителями. Нас провели на Центральную трибуну, очевидно предназначенную для почетных гостей. Слева и справа от нас протянулись скамьи с самыми дорогими местами. Здесь была совсем особая публика, обитатели фешенебельного отеля «Маримонте-Мажестик», румяные, вислощекие джентльмены, жевавшие длинные сигары, седоватые сухопарые дамы с клетчатыми пледами на коленях, в темных, цвета желчи, очках и длинноногие, коротко стриженные девушки, очень похожие на тех, что были изображены на дорожных щитах, прославляющих нейлоновые чулки. Они беспрерывно щелкали фотоаппаратами и жужжали маленькими кинокамерами. Дамы постарше в ожидании начала гонок подставляли солнцу, едва лишь оно проглядывало сквозь облака, свои желтые щеки и занимались вязаньем. Тонкие спицы посверкивали в их пальцах, но вязали дамы что-то до такой степени легкое, эфемерное и почти невидимое, что я невольно вспомнил о работе портных из знаменитой сказки Андерсена про голого короля.

Мужчины были заняты представительством: они церемонно раскланивались, причем делали это в самой разнообразной манере. Вот один толстяк, подвижной и общительный, пропуская даму, коротко при каждом поклоне приподнимал шляпу по нескольку раз, поблистав на солнце лысиной, будто просемафорив свой привет. Другой, тощий, очень высокий и такой тонконогий, словно он стоял на штативе, медленно отводил шляпу в сторону, держал ее в некотором отдалении, как бы считая при этом про себя, и быстро затем надевал ее на склоненную плешь, как делает фотограф-пушкарь, приоткрывая «с выдержкой» объектив старомодного аппарата. Третий, обнажив голову, кивал ею несколько раз, склонив набок, и затем вдевал ее с виска в шляпу, которую держал полями перпендикулярно к плечу...

Ниже, под центральными местами, и сзади над нами на верхних трибунах шумели, спорили, перекликались болельщики.

Уже знакомая триада «Гунгред... Микулинен... Скуратова...» слышалась оттуда.

Флаги тридцати двух наций, участвовавших в Белой олимпиаде, развевались над Снежным стадионом.

В ложах прессы наперебой стрекотали пищущие машинки, чуточку в стороне слышалось приглушенное бормотание радиокомментаторов, склонившихся над маленькими микрофонами. Комментаторы держали микрофон возле рта щепотью, и издали казалось, что они, что-то урча себе под нос, посасывают мороженое «эскимо»...

И тут я наконец увидел Карычева. Он тоже заметил меня, вскочил за барьером журналистской ложи, перегнулся через него, радостно помахал рукой, а потом показал на свое горло.

— О-о, наконец-то! — сипло крикнул он мне. — А я уж тебе звонил в Доббиако. Надо же нам с тобой потолковать в конце концов... Понимаешь...

Он совсем захрипел, мотая головой, прокашливаясь.

Я хотел что-то сказать ему, но он заторопился:

— Прости, после поговорим... Слышишь, какой у меня бас профундо? Сорвал, понимаешь, глотку: очень уж вчера болел за наших, когда они американцам в хоккей насажали.

Перескочив через барьер ложи, он быстро спустился туда, где под сенью тридцати двух флагов, бившихся в морозном ветре, уже делали последнюю разминку, пробовали на снегу лыжи выходившие на старт лыжницы.

Я видел, как Карычев подбежал к стройной плечистой девушке, у которой был номер «38». Заглянув в программку, я мог убедиться, что именно под этим номером и идет «Наталья Скуратова (СССР)».

Я попытался разглядеть ее через бинокль. Миловидное чистое лицо ее с упрямым, несколько припухшим ртом и ребячливо выпяченными губами дышало здоровьем и каким-то собранным, не показным и даже немного сердитым спокойствием. Огромные, словно настежь распахнутые серые глаза под длинными, загибающимися вверх ресницами, на которых оседали пушинки снега, были внимательны и излучали строгий, ровный свет. Не чувствовалось, по крайней мере издали, что она волнуется... Только кончики длинных бровей, слегка приподнятые у виска, нет-нет да подрагивали.

К ней подошел высокий, спортивной выправки человек в голубом полупальто с белыми буквами «СССР» на груди и пыжиковой шапке. Это была форма спортивной команды СССР. Он едва заметно прихрамывал, но двигался уверенно и четко.

Подойдя к Скуратовой, он что-то сказал ей, положив руку на плечо с той властной и целомудренной простотой, которая так характерна для отношений, обычно устанавливающихся у нас между прославленными спортсменками и их требовательными воспитателями-тренерами. Скуратова быстро обернулась к нему всем зардевшимся и как будто еще более похорошевшим лицом и словно обдала его блеском разом подобревших серых глаз. И я хорошо видел через свой сильный бинокль, как она незаметно, украдкой потерлась упрямым подбородком о его руку, лежавшую у нее на плече.

Я давно уже узнал в подошедшем Степана Чудинова, портреты которого встречал в спортивных журналах. Что-то сказав подошедшему Карычеву, покивав ему, Чудинов, быстро присев на корточки, осмотрел крепление на Наташиных лыжах, заставил ее проверить скольжение и отошел в сторону.

И началась гонка.

Старт давали раздельный, не парами, как тогда, на спартакиаде в Зимогорске, а для каждой лыжницы особо, с интервалами в полминуты. Взлетал над головой толстого голландца судьи клетчатый, в шахматных квадратах флаг, и очередная гонщица уносилась по трассе мимо трибун. И по мановению судейского флажка стадион каждый раз взрывался ревом, гулом, топотом. Нестройные хоровые приветствия еще долго сопровождали лыжницу, умчавшуюся вдаль. Это норвежцы, австрийцы, итальянцы, финны подбадривали своих лыжниц, бравших старт.

И вот в тридцать восьмой раз взлетел шахматный флажок, и гонку начала вышедшая на дистанцию Наталья Скуратова.

Ее появления давно ждали на трибунах. Тысячи голосов приветствовали знаменитую советскую гонщицу. Она шла, сосредоточенно набирая скорость, своим широким и сильным шагом. Я не специалист по лыжам, и сам бы Карычев смог написать об этом гораздо лучше, но и мне было видно, как послушно скользят эти узкие лыжи, как все быстрее и увереннее движется мимо трибун ладная фигура лыжницы. Она не убыстряла ритма своих движений, а тем не менее скорость нарастала заметно для глаз. Она как бы раскатывала себя. Это был классический двухшажный попеременный ход, которому научил ее Чудинов. Во весь размах шага скользили послушные ей лыжи. На всю длину руки отводимые назад палки давали мощный поступательный толчок.

— Какой ход! Какой ход! — шептали знатоки.

— Вперед! Вперед, Наташа!.. Давай, Скуратова!.. Пошла...

Пошла! Даешь!.. — доносилось с трибун, где голубели спортивные пальто и виднелись пыжиковые шапки нашей команды. — На-та-ша!.. На!.. Та!.. Ша!.. — скандировали болельщики.

А гонщица, то исчезая в низинах, то взлетая на крутизну белых холмов, уносилась все дальше и дальше от стадиона. Вскоре она потерялась в мутноватом пространстве, которое закрыла завеса медленно опускавшегося снега, редкого, но крупного.

Вообще, погода доставила и на этот раз немало волнений участникам гонки и зрителям.

Вчера было очень морозно. И, как мне рассказал впоследствии Карычев, Наташа, посоветовавшись с Чудиновым, остановилась на одной из мазей, изготовленных дома отцом. Наташа упрямо верила в чудодейственные возможности этих охотничьих фамильных составов. Но к утру погода резко изменилась. Тяжелый войлок низких туч, разматываясь, сползал с альпийских склонов. Потеплело. Воздух стал влажным, замутился. Поверхность снега оттаивала, слеживалась. Лыжи со вчерашней мазью проскальзывали, отдавали назад, лишались упора. Пришлось перед самой гонкой перемазывать. И тут еще пошел липкий снег.

Все это очень затрудняло гонку и вселяло тревогу в сердца болельщиков.

Дистанция гонки была проложена в виде десятикилометровой восьмерки таким образом, что после первых пяти километров, образующих начальный круг, она возвращала лыжниц снова к трибунам. И зрители могли в середине состязания наблюдать непосредственно своими глазами борьбу на лыжне, не довольствуясь только сообщениями по радио.

Кроме того, на исполинском щите, высотой в добрый пятиэтажный дом, все время передвигались на черном пространстве огромные белые номера гонщиц и цифры, показывающие результаты каждой лыжницы на пройденном этапе. Благодаря этому борьба в первой десятке гонщиц, то есть среди наиболее сильных, обошедших по времени других соперниц, разыгрывалась наглядно и на самом стадионе.

Волнение на трибунах нарастало с каждой минутой. Уже взяли старт последние номера. Уже одна четверть дистанции была пройдена основной группой лыжниц. Все смотрели на большой черный демонстрационный щит, где появились номера десяти лыжниц, показавших пока лучшее время.

Но номера «38», номера Скуратовой, не было среди них...

Наши болельщики были в смятении. Я видел, что Карычев выбежал из ложи и побежал туда, где сидели судьи.

Однако в этот момент произошло что-то непонятное. На щите, отодвигая вправо все другие номера, впереди, на первом месте, появился номер «38».

Стадион загудел тревожно и настороженно. Все переглядывались, ничего еще не понимая. Потом что-то звякнуло в радиорупорах. Все мгновенно замолкли, и в наступившей тишине радио трижды, на трех языках, от имени судей принесло зрителям извинение по поводу допущенной ошибки. Оказывается, с дистанции сообщили почему-то неправильно время, показанное на первой четверти гонки Натальей Скуратовой...*.

И тут же стадион взволнованно зарокотал, увидев приближающуюся теперь уже с другой стороны, мелькающую за соснами фигурку лыжницы с номером «38» на груди. Вот она вылетела на крутой склон, убыстряя и без того ураганный ход энергичными действиями рук и палок, стремглав скатилась на прямую, ведшую к трибунам.

Все ахнули, ибо Скуратова уже обошла не менее двенадцати своих предшественниц, стартовавших до нее. А среди них было немало прославленных международных гонщиц. Правда, тут же показалась у трибун маленькая коренастая фигурка Микулинен, которая стартовала под номером «36». Она тоже обошла многих своих предшественниц и, мчась в своей привычной низкой стойке, как бы настигала Скуратову.

Лыжницы проносились одна за другой мимо трибун, на которых не затихал чудовищный гомон, и устремлялись на второе пятикилометровое кольцо восьмерки. Прошла, значительно опередив других, бросив за собой многих шедших под меньшими номерами, Гунгред. Промчалась и Алиса Бабурина. Она шла с отличным временем. Ей удалось обойти уже семь своих предшественниц. Глядя на ее гибкую, нервную фигурку, уносившуюся вдаль, невольно любуясь ее стремительным ходом, я, признаться, подумал даже, что зря, пожалуй, придирался к ней Чудинов.

На стадионе затихло. Тикали лихорадочно секундомеры в руках у болельщиков и судей. Двигались стрелки на огромных демонстрационных часах. На Большом щите смещались белые скользящие цифры. Они уже показывали время, которое понадобилось лучшим десяти гонщицам для того, чтобы пройти первые пять километров.

Там теперь уверенно стоял в первом квадрате номер «38», и под ним белела цифра «17». Это был результат Скуратовой.

---

* Такая же странная «ошибка» была допущена информаторами на Олимпийских играх 1956 года по отношению к известной советский лыжнице — чемпионке мира Любови Козыревой.

За 17 минут прошла она половину дистанции. Самая грозная ее конкурентка, Микулинен, показывала 17 минут 25 секунд. Значит, были все основания надеяться, что Наташа будет победительницей. Ведь, в сущности, полдела было уже сделано. Половина дистанции пройдена, и Скуратова пока что имела лучший результат.

Но делать выводы было еще преждевременно... Внезапно на щите поползли вправо все цифры, уступая первый квадрат номеру «44». В чем дело? Что случилось?.. Это был номер Бабуриной. Да, оказывается, именно она, как теперь выяснилось, показала самое лучшее время на первой половине гонки — 16 минут 46 секунд. Стадион то гремел овациями, то замирал, стихая.

Мы так волновались все, что не заметили даже, как уже давно разошлись облака и небо над нами просквозило всей своей пронзительной южной итальянской синевой. Над белыми альпийскими склонами в воздухе, вернувшем свою прежнюю прозрачность, заалели рыжие отвесные пики Доломитов, залитые прорвавшимся солнцем. И все наполнилось вокруг праздничной пестротой красок, цветных костюмов, национальных флагов, рекламных щитов. Все как будто готовилось встретить победительницу во всем торжественном сиянии славы.

Но лыжницы, ведшие свою гонку в этом пестром, дышащем всеми надеждами мира пространстве, почувствовали, как ухудшается катастрофически скольжение лыж. Профанам это было невдомек. Но знатоки понимали, что погода может сейчас спутать все карты на лыжне.

Вот тогда Наташа Скуратова и сделала то, о чем потом долго еще писала вся международная спортивная печать. Она остановилась, чтобы заново перемазать лыжи по охотничьему способу, как ее учил отец, чью ладанку с запасной мазью она прятала на груди под курткой.

Когда весть об этом дошла по радио до трибун, поднялся неистовый шум. Стадион был потрясен. Решиться хотя бы на кратчайшую остановку во время такой гонки, когда по пятам настигают грозные конкурентки, могла лишь лыжница, очень уверенная в себе, владеющая еще огромным запасом сил.

Королева русских снегов сделала рискованный ход. Вот на демонстрационном щите номер ее — «38» — передвинулся на третье место, уступив первые два Бабуриной и Микулинен. Вот опять произошла передвижка на щите, и Скуратова оказалась уже лишь на четвертом месте... Вперед вышли Микулинен, Гунгред и немножко отставшая от них Бабурина.

Я разыскал глазами в ложе прессы Карычева. Он сидел

бледный, вцепившись одной рукой в барьер, вперив мрачные глаза вдаль, откуда должны были уже довольно скоро появиться лыжницы.

Стадион молчал. Напряженная тишина длилась, казалось, очень долго. Высились над нами равнодушные ко всему шафрановые громады Доломитов с острыми фиолетовыми тенями в расщелинах. И почти неподвижно висел над снежной долиной, где проходила трасса гонки, похожий на алого кузнечика вертолет наблюдателей. Потом он вдруг взвился резко и, жужжа, поплыл к флагам стадиона.

Радио на трех языках известило, что передовые гонщицы выходят на последний спуск.

Мимо трибун уже прошли несколько лыжниц, первыми начавшие сегодняшнюю гонку. Они были не в счет. По времени они уже не могли соперничать с группой претендовавших на первое место. Прошла минута, другая, и мы увидели вдали основных конкуренток. Впереди шла неоднократная чемпионка мира Микулинен, за ней, слегка поотстав, брала подъем Бабурина. Неподалеку от Алисы виднелась Гунгред. Лыжницы заметно сбавили темп. Тяжелый снег задерживал скольжение.

Скуратовой не было видно.

И сразу вдруг все вокруг нас задвигалось, заговорило, загудело. Там, вдали, появилась быстро двигавшаяся фигурка, которая приближалась к подъему. Внезапно переменив широкий скользящий шаг на короткий, пружинистый бег, она с поразительной легкостью одолела крутой подъем. Тотчас же у всех на глазах она стала настигать трех шедших впереди лыжниц, по-видимому уже утомленных тяжелым подъемом, который они взяли, тщетно пытаясь, как говорят, лыжники, накатиться.

А дальше начинался крутой спуск с поворотом, настолько крутой, что шедшие впереди гонщицы из осторожности сбавили ход и шли, как говорят лыжники, «плугом»: они приседали, для устойчивости слегка разводя задки лыж углом, чтобы сохранить равновесие и избежать опасного падения, вполне возможного на такой крутизне.

Теперь уже хорошо было видно через бинокль, как лыжница под номером «38» не только не сбавляет хода, но идет бесстрашно по этому крутому спуску, словно по равнине, на полной скорости. В головокружительном скольжении вылетев с поворота на последнюю прямую, она стала обходить Гунгред.

Вот она оказалась уже за спиной Бабуриной.

Только грозная Микулинен была еще впереди и казалась недосягаемой.

— Ура!.. Ура!.. Скура...това!.. — кричали вокруг нас со всеми интонациями, которые возможны в языках, коими изъясняется человечество:— Ура! Ура!.. Скура...това!..

Микулинен, напрягая все оставшиеся силы, одновременно отталкиваясь обеими палками, судорожно дыша полуоткрытым ртом, мчалась уже мимо трибун, когда на последних десятках метров ее настигла Скуратова и недалеко от линии финиша на пол-лыжи обошла.

Валясь от страшного утомления, но все еще прядая вперед, она почти упала на руки подоспевшего Чудинова, припав виском к его плечу. Он бережно отвел ее в сторону от лыжни, и она лишь через минуту, устало подняв голову, заглянула ему снизу в лицо.

В азарте мы и не учли, что Скуратовой, собственно, не нужен был этот последний рывок. Она же вышла на два номера позже Микулинен, и, значит, судьба гонки решилась уже за несколько минут до того, как лыжницы показались на дорожке у трибун. Но, должно быть, и Наташе было не до рассуждений у финиша...

В великолепное время, которого еще никто не показывал на лыжне в Италии, прошла десятикилометровую олимпийскую дистанцию Наташа Скуратова — 36 минут 10 секунд.

Я видел, как с трибун, перепрыгивая через ряды, мчался Карычев. Толпа окружила победительницу. Сотни вспышек фотоаппаратов замигали вокруг Наташи. И я сам уже не мог пробиться туда.

А вечером на Центральном олимпийском стадионе, деревянные, полированные под цвет карельской березы трибуны которого были заполнены интернациональной публикой, восемь герольдов в шляпах с перьями, в цветных камзолах, в зеленых плащах на алой подкладке поднялись на возвышение и протрубили в свои трубы. Началась так называемая «церемония официала протоколяра».

Лучи прожекторов скрестились на пьедестале почета, за которым в высоко поднятой плоской чаше светильника пылал уже одиннадцать дней не угасавший священный олимпийский огонь. На высокой мачте взвилось алое знамя. Ветер величаво стекал с его складок, в которых трепетала пятиконечная звезда над скрещенными изображениями молота и серпа. Зрители на трибунах встали, обнажая головы, услышав загремевшие над стадионом мерные аккорды Государственного гимна СССР. Поднявшийся на возвышение перед светильником президент Олимпийского комитета под овации многих тысяч самых азартных представителей благородного всесветного племени болельщиков

вручил Наталье Скуратовой — СССР — Большую золотую медаль олимпийской чемпионки, которая покоилась в изящном футляре с бархатной подкладкой. И снова весь стадион, сливая в дружном восторге свои чувства, стал скандировать ставшее с сегодняшнего утра модным в Кортина:

— Ура!.. Ура!.. Скура...това!

В тот же вечер в отеле «Тре Кроче» на Наташу был надет лавровый венок чемпионки мира, и прибывшие в отель представители Международной лыжной федерации торжественно объявили, что Натали Скуратова ныне провозглашена Белой королевой на весь ближайший год.

— Хороша Наташа, а главное — наша! — пошутил кто-то из спортсменов, заполнявших в этот торжественный момент зал отеля «Тре Кроче».

Здесь, наконец, я смог поговорить с Карычевым, который увел меня к себе в номер, как только закончился церемониал.

— Ну, вот и все! Теперь можно кончать повесть.— И Карычев сладко потянулся.

— Послушай,— сказал я, разворачивая рукопись перед ее автором.— Все это, понимаешь, довольно занятно. Но ты многое не договорил, есть какие-то непростительные умолчания. Например, вся эта история со спасением. Ведь читателю интересно же знать, как там дальше происходило. Узнала ли Наташа, кто ее спас, в конце концов?

— Так ведь не это же главное в повести,— возразил Карычев.— Это я просто так рассказал, как в жизни произошло.

— Однако ты об этом все-таки пишешь в повести.

— Я пишу все, как было. Я ведь журналист, а не писатель. А вообще, если это мешает, можно всю ту историю выкинуть, повесть ведь совсем не про это... Мне казалось, что характер Чудинова дан довольно ясно. Будет он тебе признаваться!

— Да,— согласился я,— характер Чудинова мне ясен, и уж он, во всяком случае, не станет присваивать чужие подвиги себе.

— То есть? — насторожился Карычев.

— Ну, вот что,— не выдержал я.— Вот что, дорогой мой друг, хочешь, я тебе помогу закончить повесть и скажу, как это было в жизни?

— Ну, валяй, валяй... интересно! — подзадоривал меня Карычев.

— Так вот,— продолжал я.— Это, милый мой, ты тогда их во время бурана вытащил.

Карычев посмотрел на меня ошарашенно.

— Поздравляю!..— буркнул он.— Блестящее открытие! Новый Шерлок Холмс. Интересно, как это ты додумался?

— Да, да. Не финти, пожалуйста. Ты в тот вечер прилетел в Зимогорск, застрял из-за бурана на аэродроме, верно? И конечно, услышав, что стряслась такая история с девушкой и ребенком, ты немедленно полез туда в самую пургу. Я ведь, дорогой мой, тоже знаю немного твой характер... Так, значит, пошел на поиски, и тебе посчастливилось первому набрести на них. Понятно? Затем, когда ты узнал, что в поисках участвовал Чудинов, ты, всю жизнь мучавшийся тем, что обязан ему своим спасением на Карельском перешейке, решил не открываться тоже. Скромность Чудинова тебе давно не давала спокойно спать. И кроме того, тебе ведь очень хотелось свести поближе своего друга с Наташей, а тут такая романтическая почва для сближения!.. И действовал, конечно, ты чрезвычайно благородно, тем более что, честно говоря, Наташа тебе ведь тоже самому нравилась. Верно?

— Психолог! — угрюмо проворчал Карычев.

Я безжалостно продолжал:

— Ну что, дальше идти или хватит?

— Валяй, валяй, погляжу, куда тебя занесет,— усмехнулся Карычев.

— Так вот... Ты вернулся в номер гостиницы раньше задержавшегося Чудинова.

— Ну, допустим,— вызывающе бросил мне Карычев. — А куртка? А пуговица?

— Ну, это уже пустяки. Не стоит большого труда догадаться. Увидев твою куртку на стуле в номере, Чудинов, конечно, принял ее за свою. (Ведь я же помню, что в самом начале твоей повести ты говорил о снимке, где вы оба изображены в одинаковых заграничных куртках.) А когда Чудинов заснул, ты ночью подменил куртку, а для вящей убедительности сам оторвал у Чудинова пуговицу. Кстати, именно эту пуговицу ты после и вернул хозяину. Потому у Сергунка и оказалась после гонки та твоя пуговица, что досталась ему во время бурана. Она-то и заставила, в конце концов, заподозрить тебя. И таинственная маска на карнавале — это, конечно, тоже ты. Уж это, откровенно говоря, грубая работа. Ну что, припер?

Карычев невозмутимо и иронически слушал меня, а потом сказал:

— Все это было бы убедительно, но... Но про одно обстоятельство ты забыл. И сейчас я одним махом разрушу все твое здание из догадок, построенное на зыбучем песке. Ты забыл про

шарф. Откуда у меня мог оказаться шарф с меткой «С. Чу...» И так далее?

Тут наступила минута, когда я несколько растерялся и, признаюсь, смолк в замешательстве. Я совсем забыл про этот шарф и метку. Ах ты, черт, действительно! . Впрочем, погоди, погоди... Внезапная догадка только сейчас осенила меня.

— Ну-ка, дай карандаш. Какая там была метка?

— А вот какая! — Карычев торжествовал и, не отдавая карандаша, сам отчетливо и крупно вывел прописью: «С. Чу...».

— Все! — воскликнул я.— Вот теперь ты окончательно приперт. У вас у обоих эти шарфы откуда были? Из Швейцарии? Метка-то не русская, черт бы тебя подрал! Зря темнишь. Давай карандаш.

И я, поставив «а» после «с», четко вывел на протянутом мне Карычевым листке буквами латинской прописи:

Carytschev

— Это и читается «Карычев» и никакой там не «С. Чудинов». Ну? Что скажешь?

Карычев поднял обе руки вверх, как бы сдаваясь:

— Ничего не скажу.

— Так какого же черта ты накрутил все это?

— Не о том же речь. Речь идет о воспитании спортсменки и...

— Ну, знаешь, скажу я тебе...

— Знаю, знаю, — перебил меня Карычев. — Ты тоже скажешь вроде Ремизкина, что я не чувствую подлинной героики и тому подобное. Пойдем лучше вниз, я утром обещал Наташе и Степану познакомить тебя с ними. Они только что получили поздравительную телеграмму от всех ребят интерната. Только прошу тебя, уж им-то хоть ни слова.

Я пожал плечами:

— Зачем говорить людям то, что они великолепно знают и без меня? Они мне сами обо всем рассказали еще сегодня днем.

— Сами?.. А я-то...

Карычев схватился за голову и тяжело сел на диван.

Когда мы спускались по лестнице, я увидел на балконе Чудинова и Наташу. Они стояли, вдыхая сладостный высокогорный воздух, любуясь бездонным покоем окружавшей нас звездной альпийской ночи.

Они молчали. И чувствовалось, что после шумного сегодняшнего дня, принесшего обоим столько волнений и славы, им очень важно было вот так тихо постоять рядом и помолчать.

Помолчим и мы...

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИГРАЛИ НАШИ В ИЗМИРЕ...

Когда молодые любители футбола спрашивают меня, старого болельщика, какой матч из всех виденных мною запомнился больше других, я не задумываясь отвечаю: матч в Измире, последний матч нашей сборной во время ее второго турне по Турции в 1935 году. Прошло уже более тридцати лет, а я до сих пор помню острое и тяжкое волнение, которое всем нам пришлось пережить в последние минуты этой игры. Когда на большой доске измирского стадиона, на которой вывешиваются цифры забитых мячей, сейчас же вслед за свистком нашего судьи Щелчкова взлетела тройка и счет стал 3 : 1 в пользу турок, а огромные рекламные часы фирмы «Омега» показали, что до конца матча остается всего лишь десять

минут, всем стало ясно, что на этот раз наши проиграли: 3 : 1 в пользу противника, десять минут до конца — как тут ни играй, дело гиблое.

Поездка наших спортсменов в Турцию должна увенчаться совершенно неожиданным поражением.

Поездка вообще была не из легких. Ко второму визиту советских мастеров кожаного мяча футболисты Турции постарались подготовиться как можно лучше. Уже с первой игры в Стамбуле мы поняли, что добиться успеха можно лишь выступая во всех матчах в полную силу. Турки отобрали небольшую группу хорошо подготовленных стамбульских футболистов, которая неизменно составляла основное ядро всех игравших с нами команд. К этой группе, менявшей лишь футболки, прибавляли двух-трех игроков из других команд или из других городов. Но фактически и в Стамбуле, и в Анкаре, и в Измире наши футболисты встречались на новом поле со «старыми знакомыми». Помню, как мы все удивились, увидев во время стоянки поезда, везшего нас из Анкары в Измир, что из последнего вагона выходят и дружелюбно приветствуют нас игроки стамбульских и анкарских команд, уже игравшие против нас в составе и сборной Стамбула, и сборной Народных домов Стамбула, и сборной Турции, и сборной Народных домов Турции...

— Едете посмотреть матчи в Измире? — наивно спросили мы.

— Зачем смотреть?! Играть едем, — не смущаясь отвечали они.

Наша команда ехала в Измир порядком утомленная. За плечами были две победы и две ничьи. Первый матч в Стамбуле был выигран нашей командой, второй кончился вничью. Третья встреча — в столице Турции Анкаре — была уже почти выиграна, но.... три штрафных одиннадцатиметровых удара, три пенальти, сделали свое дело, и игра кончилась опять вничью. Зато следующую, четвертую, игру — мятч с национальной сборной Турции — наши выиграли. Выиграла наша команда также и первую игру в Измире. Но ребята наши порядком устали. Каменистые, лишенные травяного покрова стадионы Турции затрудняли игру; многие из наших футболистов уже имели травмы. Очень трудной оказалась игра в Анкаре. Во время матча против первой сборной Турции, который наша команда выиграла с убедительным счетом, игру пришлось прервать из-за песчаного вихря, буквально самума, обрушившегося внезапно на поле и закрывшего все, что происходило на нем, непроглядной желтой завесой. Турецкий судья замечал резкость только с нашей стороны и назначил, как я уже сказал, подряд три одиннадцатиметровых удара в ворота сбор-

ной СССР. Наш вратарь Шорец, честь ему и слава, пропустил только третий мяч, а два ухитрился взять...

А вот теперь в заключительном матче мы уже безнадежно проигрывали.

Еще несколько минут назад все казалось поправимым. Наше нападение, ринувшись на ворота турок, атаковало их, и крученый каверзный мяч влетел в сетку, которую с таким искусством защищал голенастый подвижной Междет. Но турки запротестовали: они махали руками, что-то пытались втолковать Щелчкову, требовали переводчика. Тяжелая, почти похоронная тишина сменила в эти минуты яростные возгласы, приветствия и советы, непрерывно раздававшиеся с самого начала игры. Едва мяч вошел в турецкие ворота, трибуны стихли. Слышны были только крики турецких игроков, что-то втолковывавших переводчику. Футболисты Турции доказывали, что мяч был вбит неправильно, что гол засчитать нельзя: был будто бы офсайд. Тут снова вступила в игру публика. Догадавшись о притязании своих игроков, тысячи измирцев затопали, засвистели, закрутили над головами оглушительные трещотки, взывая к справедливости.

И вот теперь мы проигрывали уже безнадежно в последнем завершавшем поездку матче со сборной Измира... Так, по крайней мере, она именовалась, хотя на поле измирского стадиона мы среди противников снова увидели человек восемь наших старых стамбульских и анкарских знакомых, к которым подмешали «для местного колорита» трех измирцев. Надежд на отыгрыш почти уже не было. Оставалось восемь минут. Ясно было, что вечером, покидая Измир, мы погрузим в наш официальный поезд эти три окончательных, бесповоротных, неотыгранных гола. Эка обида!..

Невольно перебирали мы в памяти все, что довелось нам увидеть во время путешествия по Турции. Мы проехали по всей стране. Из Стамбула, с вокзала на Анатолийской стороне, по берегу Мраморного моря, а потом по каменистому плоскогорью в Анкару. А из Анкары после матча с высоты около двух километров через десятки тоннелей спустились к Эгейскому морю в обаятельный город Измир.

И везде, на всем протяжении нашего пути, нас сопровождало гостеприимство страны и встречало приветливое радушие народа. В городах, через которые мы прошли, прекращались занятия в учреждениях и школах, тысячи людей стекались к вокзалу приветствовать советских спортсменов. Наш специальный поезд из четырех международных спальных вагонов был перегружен цветами, изюмом, рахат-лукумом. Охотники приносили нам дичь.

Кустари дарили мундштуки, трубки и бусы из морской пенки. Каждая станция встречала нас звуками «Интернационала».

Еще до этого, едва мы ступили с трапа парохода «Чичерин» на Галатскую пристань Стамбула, вместе с огромнейшими ворохами живых цветов каждый из нас получил красочно изданное расписание на все дни нашего пребывания в стране. Там все было размечено по минутам: и музеи, и театры, и мечети, и бесконечные банкеты, и рауты, и, естественно, состязания. Наши радушные хозяева сделали все возможное, чтобы мы могли как следует осмотреть страну. И все свободное время, остававшееся от матчей и официальных встреч, мы посвятили осмотру трех городов: Стамбула (включая поездку на Принцевы острова в Мраморном море), Анкары и Измира.

И я не могу отказаться от удовольствия вспомнить об этом... Стамбул — город трех исторических наименований: некогда Царьград, затем Константинополь, город двух морей, двух материков, географический феномен, вмещающий в своей городской черте землю двух частей света — Азии и Европы, город, рассеченный пополам, в самом центре его, большой морской дорогой.

Пестрые паруса полощутся у моста через Золотой Рог, почти касаясь полосатых матерчатых навесов у витрин магазинов. Сотни корабельных труб всех объемов и цветов дымят под балконами многоэтажных домов, стоящих как будто в самой воде. Из-за крыш новых зданий современного стиля тянутся к голубому небу минареты старинных мечетей. Дома лезут друг на друга, здания карабкаются по склону холмов, словно опираясь на плечи впереди стоящих и стараясь через их крыши взглянуть на удивительный, неповторимый по своей ослепительной красоте Босфор.

Город в те годы был построен путано и противоречиво. И блестящая фешенебельная улица Пера, полная парижского шика, дорогих немецких магазинов, пробилась сквозь тесные переулки, которые окружали ее своими каменными кривотолками, как окружают сплетни завистниц красавицу выскочку. И, едва свернув за угол сверкающего магазина, мы разом попадали в душный, узкий и крутой проулок. Белье болталось на веревках, протянутых с балкона на балкон. Медлительные ослики карабкались по каменным ступеням. Круто взметнувшись, лезли вверх в разные стороны узенькие улочки, то карабкаясь под самое небо, то вдруг понуро сникая вниз. И иной раз казалось, что вот сейчас за следующим углом так и съедешь по тротуару прямо в какую-то бездну, ждущую тебя за перекрестком.

Но вдруг снова раздавались в ширину громоздившиеся друг

за другом здания и всем простором, всей лазурью своей обдавал нас ландшафт Золотого Рога.

Стамбул, витиеватый, путаный, похож на старый арабский знак, на буквы древнеарабской азбуки, от которой отказывалась в те годы молодая Турция, Турция Ата-тюрка.

Зато Анкара — столица сегодняшней Турции — прямолинейна, строга. Город словно вписан в новую историю страны латинским шрифтом. В ту пору, о которой идет речь, город был еще местами намечен пунктиром. Дома еще не сошлись плечом друг к другу. Из центра кое-где можно было оглядеть горизонты окрестностей. Новая турецкая столица еще представляла в то время собой строгое сочетание великолепных шоссе, обстроенных по обочинам новенькими домами. И мы находили в Анкаре уголки, чем-то напоминавшие нам новые районы Магнитогорска. Прямолинейные и строгие, выдержанные в новом архитектурном вкусе, пересеченные зеленью молодых, только что насаженных аллей. Весь строящийся, весь в будущем, с еще не законченными стадионами, с бульварами, давшими первую зелень, этот город показался нам в Турции наиболее близким и понятным. В городе было мало старожилов, но зато нас окружали на каждом шагу новоселы.

Если Анкара начертана латинским шрифтом, то Измир в те годы напоминал еще страницы старой, дорогой, разодранной рукописи, бережно и тщательно восстанавливаемой. Город, пострадавший от жестокой бомбардировки во время борьбы с греками, восстанавливался по каменным слогам. Еще зияли кварталы, снесенные снарядами. Но улицы равнялись уже по новым зданиям. Пустыри застраивались. Разрастались новые бульвары, и один из них носил имя почетного гражданина города Измира, имя Маршала Советского Союза Ворошилова. И вообще, во всех трех городах, где мы были подолгу во время нашей поездки по Турции, мы видели на людях, на вещах, на событиях добрые отсветы установившейся в те годы советско-турецкой дружбы. Мы встречали советских инженеров, работавших на постройке гигантского текстильного комбината в Кайсери, и наших московских текстильщиц, приехавших в Турцию, чтобы передать молодым турецким работницам производственный опыт. Мы с гордостью различали на радиаторах автобусов в Анкаре марку московского автозавода. Порой просто поражала осведомленность наших радушных хозяев в советских делах. Нам, например, называли новое здание на московских улицах, указывали точный его адрес. У нас подробно расспрашивали об оттенках мрамора на станциях московского метро.

...Тем не менее проигрывать до смерти не хотелось!

А мы проигрывали.

Что же произошло на этот раз с нашей командой?

Мне довелось видеть сотни футбольных матчей дома и за рубежом. Приходилось видеть не раз, как у сильной команды, явно превосходящей противника, игра почему-то не получалась. «Не заладилась»,— оправдываются в таких случаях футболисты. Но видел я также, как ранний и без труда добытый успех деморализовывал команду, она начинала играть хуже, неосмотрительней и порой даже проигрывала.

Так примерно складывался и последний матч в Измире. Когда был забит первый гол в турецкие ворота — а это случилось довольно скоро после начала,— и я, и сидевшие со мной рядом на скамье наши запасные игроки решили, что «дело сделано». К сожалению, эта самоуспокоенность объяла и наших товарищей на поле. Успех не окрылил их, выложивших немало сил в предыдущих играх, а, наоборот, в какой-то мере, если так можно выразиться, приземлил их игровой порыв...

На турецких же футболистов, которым до смерти хотелось хоть раз выиграть у советской команды, забитый гол подействовал как удар хлыста. Они лавиной атаковали наши ворота и... словом, что говорить! Вскоре, к восторгу зрителей, счет сравнялся. А незадолго до конца первого тайма турки уже имели перевес в один мяч — 2 : 1 в их пользу.

Положение было крайне острым. Забитый, но не засчитанный Щелчковым мяч сквитал бы счет. А при ровном счете наши безусловно легко бы выиграли во втором тайме.

Но Щелчков мяч не засчитал.

Ребята наши, привыкшие уважать авторитет судьи, хмуро подчинились. Одиннадцать тяжелых вздохов были исторгнуты из одиннадцати грудных клеток, обтянутых майками. И турки пробили в нашу сторону штрафной удар от своих ворот.

Футболисты наши после перерыва вышли на поле совсем не в том настроении, в каком хотелось бы нам видеть их. Правда, сразу же после свистка, возвестившего о начале второго тайма, они бросились в атаку, но она тотчас же захлебнулась, остановленная решительной игрой весьма взбодрившихся турецких защитников. Сказалось переутомление наших ребят, дали знать себя полученные травмы. Игра не шла. «Не заладилась»...

И вот, когда до конца игры оставалось минут восемь, нам вбили третий гол...

Не берусь описать то, что произошло на стадионе. Тысячи людей вскочили обнимаясь, ликуя, подпрыгивая. Вверх летели

шляпы, береты, платки. Никто уже не садился на свое место. Люди кричали до хрипоты, до слез. Рядом с нами целовались друг с другом взасос два толстощеких почтенных турка. Девушки от восторга щипали своих соседок. Те визжали. Мальчишки ходили колесом по всем проходам, уже не обращая внимания на полицейских. Вокруг нас все ходуном ходило, как при землетрясении.

Оглушенные и подавленные, сидели мы на скамье запасных. И снова, во второй раз за этот матч, но уже совсем с другим настроением повторяли:

— Все. Дело сделано...

Да, нам предстояло покинуть гостеприимный Измир, увезя вместе с подарками поражение, грустной концовкой завершив победную поездку.

Вокруг нас все продолжало неистовствовать.

В эти трагические минуты пожилой тренер нашей сборной Козлов подошел к скамье, где мы сидели, и остановился перед известным советским форвардом Василием Павловым. Павлов не участвовал в матче, так как у него была повреждена накануне нога. Увидев Козлова, Павлов поднялся со скамьи.

— Вася, — сказал ему негромко Козлов, — надо! Можешь?

— Надо — значит могу!

— Иди...

Козлов легонько обнял Павлова, потом коснулся ладонью его плеча и чуточку подтолкнул, как бы благословляя и напутствуя.

И Павлов вышел на поле.

На трибунах настороженно загудели. Зрители знали, что с Павловым шутить не следует. Тревожное ворчание прокатилось по трибунам и внезапно стихло.

Наступила горестная тишина. Слышались только всхлипывания каких-то нервных турецких болельщиц, уткнувших голову друг другу в плечо, да неистовые аплодисменты с нашей одинокой скамьи.

Да, товарищи, да!!! Павлов, едва выйдя на поле и получив мяч, неудержимо рванулся сквозь растерявшихся турецких защитников, прорвал их строй и с ходу забил гол!

В тишине на щите советской команды появилась цифра «2».

Но все равно проигрыш был неизбежен: 3 : 2. Ведь оставались считанные минуты до последнего свистка.

Однако терять надежду не хотелось. Вскочив, мы что есть силы, во весь голос старались воодушевить наших. «Ну, дорогие! Давай еще! Еще немножко! Еще голик!»

Взбодренный успехом, Павлов, забыв о боли в ноге, продол-

жал рваться вперед. Его энергия и стремительность преобразили команду. Мы боялись еще верить глазам своим, но видели: наши нападают, нападают!

Оставалось не больше трех минут до конца игры.

Счет был еще в пользу турок.

Но господствовали на поле уже наши.

Необходим был гол. Еще один гол! Хотя бы ничья! И тогда мы могли бы уехать на Родину, имея на счету три выигрыша и ни одного поражения....

И вот Павлов прорвался опять. Он прорезал линию турецкой защиты. Он вышел с мячом на штрафную.

Вот он уже близок к воротам!

И тут турецкий защитник снес Павлова самым грубым и недозволенным образом.

Свисток.

И Щелчков назначил в ворота турок одиннадцатиметровый.

Если то, что творилось на стадионе, когда нам забили третий гол, напоминало землетрясение, то теперь мне показалось, будто мы находимся уже в центре какого-то космического катаклизма... Турецкие болельщики топали ногами, изрыгали сложные проклятия на голову Щелчкова и клялись, что никакого нарушения правил не было, что оглушенный зверским ударом Павлов, продолжавший оставаться распростертым на земле, лег сам. Они хотели убедить нас, Щелчкова, весь мир в том, что Павлов просто прилег отдохнуть на каменистую землю.

— Нэправильный руководства! — кричал по-русски кто-то за нашей спиной.— Нэправильни!

Турецкие футболисты окружили Щелчкова и, поддерживаемые всем стадионом, требовали отмены ужасного решения судьи. Но Щелчков, энергично мотая головой, пробирался сквозь напиравших на него измирских футболистов и, неся мяч в руках, шаг за шагом приближался к роковой отметке.

Тогда, что-то прокричав, простирая руки к небу, взывая, видимо, уже к аллаху, турецкие футболисты в полном составе покинули поле.

Это был уже такой неслыханный скадал, что губернатор Измира покинул центральную ложу, стремглав сбежал с трибуны и кинулся навстречу своим футболистам. Он остановил их уже в проходе, и после долгих уговоров ему удалось вернуть турецкую команду на поле. Стадион, не стихавший ни на секунду, теперь растерянно умолк.

Мяч был положен на одиннадцатиметровую отметку.

Игроки обеих команд заняли места, как положено, за чертой, по полукругу.

Но тут турецкий вратарь демонстративно покинул ворота. Наши футболисты отказались бить одиннадцатиметровый, пока вратарь не займет своего места.

Опять бедный губернатор скатился с трибуны. Снова стал грохотать, кричать, вопить, трещать стадион, теперь уже требуя от своего вратаря выполнения его долга. Минуты три шли споры. Наконец измирский вратарь стал у ворот.

Бил Леута. Он считался нашим лучшим «пенальтистом». Можно представить себе, что испытывал Станислав, от удара которого теперь уже полностью зависел исход матча!..

Леута не промахивался. В зловещей тишине, объявшей стадион, раздались хлопки с нашей скамьи. А на щите появился желанный ничейный счет — 3 : 3.

До конца оставалось минуты две, не больше. Измирские футболисты, словно одержимые, бросились в атаку. Наши игроки уже с трудом сдерживали этот доподлинно сатанинский напор.

Вдруг последовал сильный удар в наши ворота. Шорец выскочил, перехватил мяч и упал. На него набежали трое турецких футболистов и стали вышибать бутсами мяч из-под лежавшего советского вратаря. Напрасно Щелчков свистел. Уже ничего не слышавшие, по-видимому потерявшие вконец контроль над собой, турецкие футболисты продолжали пинать Шореца ногами. Наши ребята пытались защитить своего вратаря, оттирали плечами измирских нападающих. Но тут один из турецких игроков нанес болезненный удар Шорецу...

Тот откатился в сторону, мяч приоткрылся, и турецкие футболисты с ликующим гиканьем вогнали его в незащищенные ворота.

На трибунах все вскочили, сотрясая воздух трещотками, а на щите — вот это было самое удивительное и непостижимое — на щите тотчас появились цифры 4 3.

И снова мчался из своей ложи, уже перепрыгивая через ступеньки, взмокший губернатор Измира. И снова вокруг Щелчкова, возмущенно мотавшего головой и не дававшего мяч на центр, толпились турецкие футболисты, напирая на него, тесня и невольно водя по полю из стороны в сторону.

Прошло не меньше пяти минут, пока со щита медленно и неохотно уползла противозаконная четверка в окошке измирской команды и снова утвердилась справедливая цифра «3».

3 : 3. Ничья!

На том игра и кончилась.

Теперь вы понимаете, почему я так хорошо запомнил эту игру в Измире?!

1935 г.

ПОЛЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ФУТБОЛИСТА

Говорят, что во время матча шел дождь... Не знаю. Мы его не заметили. Нам было не до того. У нас сохло во рту от волнения. А если мы и заприметили сырость, то только на глазах у двух юных соседок по трибуне, явно болевших за ЦДКА. Это мы обнаружили в тот трагический момент матча, когда произошла неслыханная катастрофа у ворот ЦДКА...

Дело было в том, что самим ходом футбольного первенства СССР было уже предопределено, что именно последний матч календаря того года, встреча ЦДКА с «Динамо», решит исход турнира сильнейших команд за звание чемпиона. Много памятных матчей видели мы на стадионе «Динамо» в Москве. Были игры международные, проводились здесь полные высокого драматизма игры на Кубок Советского Союза, но никогда еще дело не складывалось так драматично, никогда не бывало, чтобы именно в последнем матче сходились в решающей игре два исконных соперника, разделенные дистанцией всего лишь в одно очко. Это придавало встрече «кубковый» стиль, то есть требовало от обеих команд максимальной собранности, не знающей предела решимости, умения мобилизовать и мгновенно проявить все волевые и физические ресурсы, которыми располагают игроки. Правда, в отличие от «кубковых» игр в данном случае одну из команд вполне устраивала ничья. Владея лишним очком, динамовцы не нуждались в непременном выигрыше, они выходили победителями из ничьей...

Но динамовцы в то же время отлично понимали, что отсиживаться в защите — смерти подобно. Знаменитые нападающие тогдашней команды ЦДКА, уже выиграв (как и в своем знаменитом спурте за год до этого) одиннадцать матчей подряд, едва почуяв, что их воротам не угрожает опасность, бросили бы все наличие сил, всю команду в сокрушительную атаку. И тогда уже не сдобровать...

И динамовцы с первых минут игры стали угрожать воротам своих противников.

Говорят, был дождь... Его не замечали не только на трибунах, но и на поле. Дождливая погода всегда грозит замешать в игру злую волю случая. Но обе команды блистательно справлялись со всеми каверзами, которые подстраивают футболистам скользкий и набухший мяч, размокший грунт, напитавшаяся водой трава. Игра 24 сентября еще раз показала, как поднялся технический класс наших лучших команд. Только игроки, в совершенстве обладающие всеми секретами мастерства, безукоризненно владеющие спортивной техникой, могли бы вести игру в таком головокружительном темпе, с такой ошеломляющей точностью, с такой нерушимой взаимосвязью всех звеньев команды. Да, это была, друзья, подлинная «борьба гигантов» советского футбола!

Я не собираюсь здесь давать протокол всего этого исключительного по своему интересу матча, в котором с обеих сторон было проявлено высокое искусство. Известно, что на третьей минуте игры Всеволод Бобров вбил головой в ворота «Динамо» первый мяч, потом сквитанный Константином Бесковым. А затем Валентин Николаев оглушительным по силе ударом зачеркнул ничейный счет, устраивавший динамовцев, и ЦДКА повел 2 : 1.

Но вот что случилось дальше... Во второй половине, когда золотые медали чемпионов СССР уже, казалось, своим почетным блеском озаряли игру армейцев, у ворот их произошла катастрофа. Душа защиты ЦДКА вездесущей, рьяно играющий, всюду поспевающий Иван Кочетков, пытаясь отразить удар динамовца Савдунина, забил мяч в собственные ворота...

Я видел через мощный бинокль лицо Кочеткова в эту горькую для него и для всей команды минуту. Ошеломленный, он схватился за голову, постоял с секунду, уставившись на мяч, влетевший от его ноги в сетку ворот; потом руки его тяжело опустились, он повернулся и медленно пошел к середине поля, на свое место... Динамовцы уступали ему дорогу, а партнеры отворачивались. Никто не сказал ему ни слова. Упреки тут были уже ни к чему. И даже самые пылкие болельщики «Динамо», для которых эта «драма у ворот» была праздником, смотрели на Кочеткова глазами, полными доброго участия.

Я не говорил с Кочетковым после игры, но хорошо представляю себе, что пережил этот игрок в те минуты, когда неудачный удар лишал, казалось, его команду надежды на звание чемпиона, знамени чемпиона, медали чемпиона....

Золото медалей, казалось уже завоеванных, превращалось теперь в серебро на глазах у десятков тысяч зрителей, ибо команда, занявшая второе место в турнирной таблице, получает

уже, как всем известно, не золотую медаль, а серебряный жетон.

Труднейшие матчи, которых так много было в минувшем сезоне, усилия целого года, игры, победа в которых досталась армейцам после упорной борьбы,— все шло прахом по его вине, из-за проклятой «срезки» мяча за какие-нибудь полчаса до свистка судьи Саара, которым он должен был возвестить конец футбольного первенства СССР. Было от чего здесь опустить руки...

Но в футболе дело решают не только физическая выносливость, виртуозное владение мячом, техническое совершенство игры.

Иногда важнее тут общий дух команды, цепкость в борьбе за победу, волевое упорство всех и каждого.

Иногда решают дело нервы.

Если бы то оцепенение, которое наступило в команде ЦДКА после «драмы у ворот», продолжалось еще хотя бы две-три минуты, динамовцы разгромили бы опешивших армейцев. Они и пытались сделать это. Но тут проявилось одно из самых замечательных качеств, присущих команде «лейтенантов», как ее до сих пор называют любители футбола, уже два года подряд уносившей с поля почетное знамя чемпиона Союза, — несокрушимый боевой дух, умение биться за победу даже в проигрышном положении. А ничейный результат, как мы уже сказали, был для ЦДКА равен проигрышу...

И вот Кочетков оправился. Он нашел в себе силы, чтобы преодолеть тяжесть непоправимого, казалось, случая. Он бросился в игру. И так заразительна была эта решимость, так горело в нем яростное желание во что бы то ни стало спасти свою команду от фактического поражения, вырвать победу у противника, что уже через минуту-другую армейцы снова, как говорят спортсмены, вернули свою форму. Правда, и динамовцы, отлично игравшие, не собирались упускать добытое. Их защита и особенно прыгучий и хваткий Хомич ликвидировали все атаки армейцев. Но команда ЦДКА не сбавляла напора. Этому во многом способствовал тот же Кочетков. Он появлялся во всех опасных районах поля, отбивал атаки у своих ворот, а уже через минуту появлялся непрошеным гостем у ворот противника, превращаясь в нападающего.

Ударил гонг. Для надежд оставалось пять минут. Все, казалось, было кончено... И тут Кочетков, переживший, вероятно, за эти полчаса столько, сколько иному спортсмену хватит на целую жизнь, точно перевел мяч влево, к воротам «Динамо»; его мгновенно принял Вячеслав Соловьев, а выскочивший на нужное

место Всеволод Бобров покончил со всеми муками Кочеткова, со всеми тревогами болельщиков ЦДКА и упованиями поклонников «Динамо». Овации продолжались до той самой минуты, когда судья Саар дал свисток об окончании матча при счете 3:2 в пользу ЦДКА.

Тысячи зрителей устремились к игрокам, вышедшим заслуженными победителями из трудного состязания. Троекратные чемпионы Советского Союза по футболу оказались на руках у болельщиков.

И мы увидели над восторженной толпой темное от усталости, растерянно-счастливое лицо Кочеткова.

СУЖДЕНИЕ О СУДЬЕ

Когда перед большим футбольным матчем, в последнюю предначальную минуту, от угла зеленого поля к центру его направляется веско и торжественно шагающий человек с мячом, покоящимся в его руке, а с ним — двое с опущенными вниз клетчатыми флагами, в памяти моей всякий раз неотвратимо возникает старая школьная шутка-перевертень: «Я иду с мечем судия...».

Премудрость этой равнобедренной фразы заключалась в том, что в таком начертании она читается слева направо совершенно так же, как справа налево...

Правда, футбольный судья выходит на поле не с «мечем», а с мячом. Но, во-первых, разница эта скрадывается при произношении, а во-вторых, все поведение хорошего судьи, все его действия, поступки и решения во время игры должны быть «равнобедренны», то есть беспристрастны к обеим состязающимся сторонам, и выглядеть одинаково, от каких бы ворот вы на них ни смотрели...

Спортивный судья — бдительный и нелицеприятный страж тех правил, законов, требований, ограничений, без которых игра бы, собственно, перестала быть игрой, превратившись в беспорядочную возню. Условные ограничения необходимы. Они определяют характер игры, уравновешивают права участников, определяют их обязанности, выявляют те качества, развивать которые и предназначен данный вид спорта. Всякая игра сама по себе непременно условна. На то она и игра, спорт! То есть борьба за победу, достижение выигрыша средствами строго оговоренными.

Всякая спортивная игра в том и заключается, что нужно

уметь, проявляя высокий накал спортивной страсти, напрягая все свои физические силы, устремляя все свое существо в борьбу за победу над противником, в то же время обходиться лишь дозволенными приемами, строго оставаться в рамках ограничений, которые позволяют спортсмену в точно очерченных пределах возможностей, в разрешенной форме проявить свое телесное совершенство, специально направленное мастерство и точно нацеленную волю.

Такова игра. Но в нашем советском спорте судья не только блюститель технических правил игры, не только строгий законник ее; он должен быть на поле игры для всех — и для участников и для зрителей — живым напоминанием о принципах спортивной чести и доброго товарищества, ярким и действенным воплощением того чистого, требовательного и высокого духа, который свойствен нашей физической культуре.

И вот он выходит с мячом в руках, встреченный аплодисментами знатоков,— правитель игры, взыскательная совесть ее! Вместе со своими двумя ассистентами он шагает к центру поля. Он кладет мяч на землю и стоит там, очерченный меловым кругом, наведенным по траве.

На трибунах умолкают. Тишина. Звук судейского свистка вызывает появляющихся словно из-под земли участников матча: команды выбегают из таинственной тени люка на зеленую поверхность поля. Они выстраиваются из центра двумя скобкообразными шеренгами, охватывающими самый центр поля. Капитаны выходят вперед, здороваются с судьей, пожимают руки друг другу. Судья как бы благословляет это дружеское рукопожатие и тихо говорит что-то, он произносит какие-то слова посвящения и напутствия, которые никогда не дано услышать на трибунах. Затем метают жребий, определяющий право начала и выбора ворот.

Между тем радиотрубы, расположенные вокруг всего поля, скрещивают свои голоса над ним. Они объявляют составы играющих команд. Они извещают:

— Судит матч судья всесоюзной категории Латышев.

Впрочем, судью уже давно узнали на трибунах. Постоянным посетителям стадиона, истинным ценителям футбола, хорошо знакома эта подвижная, легкая и в то же время крепкая фигура в черной футболке с характерной, привычно подчеркнутой спортивной выправкой.

Знают эту прямую, легко и решительно двигающуюся фигуру в черной футболке и на стадионах Англии, Швеции, Норвегии, Ирана, Чехословакии, Венгрии, Польши, Албании.

Итак, сегодня судит Николай Латышев.

А начинал он свою спортивную биографию лет двадцать с лишним назад, как и многие физкультурники его поколения, в «дикой», дворовой футбольной команде, где лет с одиннадцати «гонял» мяч.

Впервые настоящие бутсы, футболку и щитки Латышев надел в 1930 году, когда учился в Электромеханическом техникуме им. Красина и стал играть правым защитником команды. Через год, проходя производственную практику на электрозаводе, он стал выступать за электрозаводцев. Он работал технологом инструментального цеха АТЭ. Завод был передовым, снискал громкую славу, выполнив пятилетку за два с половиной года. Увлеченный работой, Латышев уделял футболу не очень много времени, и успехи его на поле были скромны. Но все же он медленно перемещался из пятой команды в четвертую, из четвертой в третью и т. д. Потом Московский комитет физкультуры организовал семинар для футбольных судей. Латышева послали туда. Он отнесся к этому без особой радости. Роль судьи на поле казалась ему беспокойной и кляузной: бегай, свисти, разбирайся во всех неприятностях... И вечно на тебя все в обиде... Но ничего не поделаешь — спортивная дисциплина; пришлось отправиться на семинар.

Однако на деле все оказалось куда интереснее, чем предполагал молодой футболист. Занимаясь на семинаре, Латышев узнал много нового и интересного касательно самой игры, ее тактики, внутреннего ее существа. Участникам семинара давали для практики судить второстепенные матчи. И бывало иногда так, что утром Латышев играл в своей команде правого защитника, а вечером бегал по полю с судейским свистком. Он тогда уже учился в Станкоинструментальном институте. Спорт он полюбил по-настоящему, увидев, что времени и сил при правильном распределении дня хватает вполне для безукоризненной учебы и для спортивных занятий, без которых жизнь показалась бы ему ущербной. Он был уже игроком первой команды «Сталинца». Став опытным футболистом, участвовал в играх на Кубок СССР и ВЦСПС. Это не мешало ему в 1939 году защитить дипломную работу и окончить институт инженером-станкостроителем. Молодой инженер стал работать конструктором на прожекторном заводе.

Во время войны вместе с одним из заводов, на котором он работал конструктором, Латышев эвакуировался в Куйбышев. Там он был до апреля 1943 года, умело совмещая трудную, в условиях эвакуации, работу со спортом. Он играл на своем

излюбленном месте правого защитника в заводской команде. Вернувшись в Москву, Латышев усердно взялся за научную работу. Был в аспирантуре, с 1945 года стал ассистентом кафедры технологического машиностроения в Станкоинструментальном институте. И вот, если вас после матча допустят в раздевалку под Северной трибуной стадиона, вы увидите в небольшом спортивном чемодане Латышева рядом со знаменитой черной футболкой объемистые тетради, страницы которых испещрены записями, формулами, чертежами. Дав финальный свисток, объявляющий конец матча, вместе с командами покинув поле, приняв душ, подписав протокол, он выходит со стадиона, как всегда, очень прямой, развернув плечи, невысокий, крепкий, но не тяжеловесный, с завидным румянцем на суховато-остром лице.

Мальчишки узнают его, уважительно называют по имени, бегут за ним. Это уже не футбольный судья Латышев, это— Николай Гаврилович Латышев, ассистент кафедры технологии; он спешит в институт работать над своей исследовательской темой «Вибрация при резании металлов».

Но это будет потом, когда улягутся бури на поле, когда опустеет стадион. А сейчас Латышев стоит в центре поля, и игроки занимают свои места перед началом матча.

Судья вглядывается в их лица. Что ему предстоит сегодня? Ведь он единственный, кто видит весь матч изнутри, сам не играя. Он обязан примечать все, на что мы не всегда успеваем обратить внимание, сидя на трибунах. Он должен вправить игру в русло благородного товарищеского состязания. Летучей тенью нужно скользить между стремительно пересекающимися, подвижными, борющимися линиями команд, не путаясь в них, не суетясь, не нарушая рисунка игры.

Не случайно Латышев давно уже, один из первых у нас, стал надевать, выходя на поле, скромную черную футболку, черные трусы и гетры. Присутствие судьи в матче должно быть почти незримым и максимально неслышным. «Судья не музыкант»,— любит говорить Латышев,— рулады моей сирены никого не усладят. Судья не скворец, чтобы насвистывать то и знай!..»

В то же время Латышев всегда на месте. Очень редко самое наималейшее нарушение правил ускользает от его внимания. Латышев судит уверенно, точно, решительно. Он не часто напоминает о себе. Но его вмешательство в игру всегда своевременно и авторитетно. Он умеет воспитывать и игроков и зрителей. Он высоко держит знамя советского спорта, зорко оберегает престиж судьи, которому доверено быть на поле представителем спортивных законов нашей страны. Хорошо зная всех мастеров

советского футбола, Латышев изучил манеры, привычки, приемы, психологические особенности почти каждого из игроков, участвующих в розыгрыше первенства страны. Латышев знает, кого надо вовремя осадить резким замечанием, демонстративно подозвав к себе через все поле, а к кому следует дружески подойти самому или достаточно мягко, походя предупредить. И игроки знают, что дело тут не в личных пристрастиях судьи, а в его умении быстро оценить меру нарушения, отличить недобрый умысел от случайной провинности, дозволенную резкость от грубости, спортивный азарт от нетоварищеской злости.

Таков стиль судейства Латышева, характерный и для других наших лучших судей.

Во всех действиях Латышева на поле чувствуется сознание своей правоты, непоколебимая уверенность в зрелой справедливости решения, которое он принимает. Вероятно, и у него случаются ошибки— не бывает совершенно непогрешимых судей, как и нет на свете непромахивающихся игроков. Но никто не посмеет объяснить ошибку Латышева хотя бы невольным пристрастием к той или иной команде. Мы были свидетелями на одном из матчей последнего розыгрыша первенства СССР, как в присутствии десятков тысяч зрителей Латышев дал жестокий урок вежливости одному, обычно очень корректному и дисциплинированному, мастеру. В этот раз игрок нервничал. И случилось так, что, борясь за мяч недалеко от своего угла поля, он на какую-то долю секунды выпустил его за лицевую линию. Латышев дал свисток. Раздосадованный игрок, вместо того чтобы отдать мяч на угол, в сердцах ударил с силой по мячу и выбил его далеко с поля к трибунам. Мальчик на дорожке собрался вернуть мяч на поле. Но Латышев остановил его и под аплодисменты зрителей заставил весьма популярного, уважаемого у нас и за рубежом футболиста самого пройти к трибуне и принести мяч на поле.

Латышев впоследствии рассказывал, как трудно было ему принять такое решение:

— Но вы поймите,— объяснял мне Латышев, — ведь дело шло не о моем личном престиже. Вопрос ставился так: либо ты уважаешь судью, представляющего собой советские законы спорта, либо ты не считаешься с ним.

Внешне спокойный, уравновешенный, Латышев относится ко всякой игре, которую ему приходится судить, со сдержанным волнением, со страстным интересом. Перед большими, решающими матчами он соблюдает специальный режим. Это образцовый спортсмен, он ежедневно занимается гимнастикой, продол-

жает играть в футбол, тренирует команду института, где работает.

Латышеву приходилось выходить на поле в качестве судьи во время зарубежных выступлений наших команд. Он судил матчи тбилисцев в Иране, участвовал в знаменитом рейде динамовцев по Англии. Там на его долю выпало судить матч с «Арсеналом», когда туман полузакрыл стадион и надо было проявить нечеловеческую зоркость и сверхъестественное внимание, чтобы не ошибиться.

Но и в этом трудном матче Латышев блестяще справился со своими обязанностями. Вместе со «Спартаком» он ездил в Албанию. Его блестящее судейство в первом матче произвело такой фурор, что албанские спортсмены предложили Латышеву судить и два следующих матча. В Швеции и Норвегии во время победоносных выступлений московских динамовцев, в Венгрии, куда Латышев ездил с «Торпедо», зрители, спортсмены, зчатоки единодушно восхищались истинно спортивным поведением Латышева.

Опыт, авторитет и судейское мастерство Латышева стали так популярны в спортивном мире, что его уже несколько раз приглашали за границу судить большие международные матчи. Его трезвое, суровое, уверенное судейство повсюду вызывало всеобщее одобрение. Игрокам и зрителям импонировали изящное спокойствие, решительность, тактичность истинного спортсмена, воспитанного страной, где умеют ценить и оберегать подлинное мастерство, где живительный дух народного спорта объединяет в одно целое и игроков, и зрителей, и судью.

...Но вот команды уже разбежались по своим местам, сейчас начнется игра. Судит матч Николай Латышев, спортсмен, молодой инженер, ученый, доверенное лицо обеих команд и многих тысяч ревностных болельщиков.

Свисток! Предисловие о судье кончилось. Началась игра.

1949 г.

ВОКРУГ ПЕРВОЙ ДОСКИ МИРА

В Москве, в Концертном зале имени Чайковского, где все создано для звучания, где воздух обычно сотрясается от могучих аккордов оркестра и аплодисментов, в эти часы царила тишина, хотя все места были заняты зрителями.

Здесь 15 марта 1951 года, через сто лет после того, как впервые было установлено звание чемпиона мира по шахматам, за маленьким одиноким столиком на эстраде заняли свои места и склонились в боевой неподвижности над клетчатой, в 64 квадрата, доской, над черно-белым строем 32 фигур два сильнейших шахматиста земного шара тех дней: чемпион мира гроссмейстер М. Батвинник и вступивший с ним в почетный поединок, добившийся высокого права занять противоположное место за первой доской мира гроссмейстер Д. Бронштейн.

И с того вечера тысячи любителей этой внешне почти неподвижной, а внутренне полной стремительных соображений, быстроходных мысленных выкладок классической игры с азартным уважением вперяли свои взоры в эту маленькую шахматную доску. Ведь это же действительно была первая доска для всех шахматистов мира!

Двуглазое время скашивало орбиты своих циферблатов то на одного, то на другого из двух соперников, двух соотечественников, двух самых блистательных представителей сильнейшей в мире советской школы шахматной игры.

Часы на столике двойные. Двойные потому, что каждый из соперников ведет свой собственный счет времени, независимый от времени противника. В этом внутренне раскаленном (под корочкой внешней холодной респектабельности) мире 64 квадратов мало пространства — его ограничивают пределы настольной доски. Скупо движение фигур — оно открывает лишь знатокам истинный ход искусно замаскированных мыслей гроссмейстеров. Но зато время, время выражает себя с наглядной, назойливой и неумолимой непреложностью: каждый из партнеров должен затратить на обдумывание первых сорока ходов лишь два с половиной часа, ни одной секунды больше! И двигаются поочередно стрелки то на одном, то на другом циферблате двуоких часов, и все чаще делались на доске ходы. Оба соперника торопились выйти из тисков времени.

На огромной демонстрационной клетчатой доске, вертикально расположенной в глубине эстрады, каждый ход, сделанный на столике гроссмейстеров, как будто отражался в гигантском увеличительном зеркале. Вспыхивали светящиеся буквы: «Ход белых». Затем гасли. И тотчас зажигалось: «Ход черных». И загорался соответственно один из двух больших циферблатов по углам щита.

— Пошел!

И каждый раз возникали легкое гуденье, шушуканье и шорох в безмолвном зале. Зрители, знатоки или полагающие себя та-

ковыми шепотом комментировали совершенный на доске ход. Но тогда к краю эстрады приближался главный судья матча чехословацкий мастер Карел Опоченски. Он поднимал руки и медленно махал ими, как бы благословляя тишину, которая тотчас же снова утверждалась в зале...

В фойе и кулуарах уже послушно повторили подвижку, которую зал видел на доске гроссмейстеров и на демонстрационном щите. И звонили телефоны в редакции газет. И в сотнях блокнотов записывалось, что гроссмейстер такой-то пошел так...

А я в эти минуты снова и снова вспоминал не столь уже давние времена, когда мы, тогда еще студенты или школьники, взволнованной гурьбой толкались у входа в зал, где происходил один из международных шахматных турниров, и возбужденно следили за выставленными на подъезд демонстрационными фанерными щитами, на которых отражалось то, что происходило в эти мгновения там, в заветном зале. А когда наиболее счастливым и всепроникающим удавалось прорваться внутрь, в святилище 64 клеток, мы с нескрываемым благоговением читали на табличках, висевших у столиков, оглушавшие наше юношеское воображение имена знаменитейших шахматистов планеты, узнавали прославленных чужеземцев, заморских гостей. В облаках сигарного дыма парил перед нами похожий на старого седого кондора Ласкер. Фланировал между столиками то и дело охорашивающийся смуглощекий Капабланка. И их распечатанная в миллионах экземплярах газет, репродуцированная в фотопортретах и кинокадрах слава казалась нам тогда экзотической и почти недосягаемой.

Да, а вот теперь все уже знали, что чемпионом мира по шахматам так или иначе будет советский гроссмейстер.

А в зале много знакомых лиц: это почитатели спорта вообще, любой его разновидности. Ну, конечно, я же не раз встречал вот этих порывистых, громогласных, лишь сегодня вынужденно шепчущихся в зале пареньков на трибунах столичного стадиона «Динамо», где приветственный или негодующий клич их тогда сотрясал небо!

А так хотелось и здесь, в зале Чайковского, торжествующе закричать «Тама!», когда пешка гроссмейстера, за которого ты «болел», добралась до противоположного края доски и тем самым провозглашала себя королевой! И разве не «вне игры» оказался вон тот неосмотрительно выдвинутый, зарвавшийся и теперь лишенный поддержки конь?! И как хорошо было бы в нужный момент, когда «твоему» гроссмейстеру предложена малообоснованная жертва фигуры, во весь голос крикнуть «Бей!» и затем ли-

кующе провозгласить, как кричат на стадионе вратарю: «Взял!».

Нет, ничего этого делать здесь нельзя. Нельзя даже в горячке цейтнота громко напомнить: «Время!».

Всегда неподвижно сидит чемпион мира, не отрываясь, пристально глядит на расположившиеся по всей доске охваченные полуденным жаром середины игры фигуры, прощупывая между ними тайные замыслы противника, и упрямо, дальновидно, прочно намечает дальнейшие перспективы борьбы.

Сделав ход, прогуливается короткими шажками по ковровой дорожке на эстраде Бронштейн. Останавливается, заложив руки за спину, смотрит, закинув голову, на большой демонстрационный щит, словно оценивает свежим глазом все то, что он смело и хитроумно подстроил на доске.

А в кулуарах, в фойе, в вестибюле, у демонстрационных щитов и даже в подъезде шли споры. Здесь каждый припас свой совет, который бы он — если б только позволили! — дал Батвиннику или Бронштейну. Здесь у каждого тысячи наилучших вариантов из всех возможных. Все говорили разом, вместе и с такой уверенностью, что, кажется, любой из спорящих немедленно — позови его только — согласился бы занять одно из мест за первой доской мира, там, в большом зале, и довести партию до победного конца за гроссмейстера, который, видимо, сам не догадывается, как надо сейчас пойти.

— Могу поручиться: берет конем пешку це-три.

— А слон что, по-вашему?.. Слон — собака?

— Слона он тогда ест ладьей.

— Это уж вы сами кушайте слона на здоровье.. ладьей! А ему расчета нет: ослабляет позицию! Ему один выход: ферзем сюда вот.

На доске медленно перемещается пешка, расположенная совсем в другом «районе игры». Знатоки явно смущены:

— Да-с... Не угадали.

Впрочем, надо сказать, что «не угадывали» в кулуарах довольно часто. И не потому, что плохо знали игру, нет! Шахматы у нас умеют ценить. Большинство зрителей отлично разбираются в самых сложных позициях. Но тут частенько виною всему горячее пристрастие к любимому гроссмейстеру. От этого пристрастия иной раз находит затмение.

Я присутствовал на знаменитой одиннадцатой партии матча, когда, не совсем осмотрительно пожертвовав две пешки и затем дав возможность Бронштейну перехватить инициативу, Ботвинник попал в бедственное положение. Это было видно даже не знатокам. Вот Ботвинник оказался вынужденным отдать ферзя за

ладью и коня... В тишине зала, казалось, слышится треск вскрываемых Бронштейном позиций чемпиона мира. Но вокруг меня упрямые болельщики успокаивающе отмахивались:

— Ну и что? Подумаешь — ферзь!.. А зато как развязал себе руки! Можете не сомневаться, зря ферзя не пожертвует! Значит, у него в запасе есть что-то...

Они были неколебимы в своей уверенности. Они не сдавались. Чемпион мира сдался раньше их, крепко пожав руку выигравшему у него на этот раз противнику.

Мне запомнились среди зрителей некоторые фигуры, которые казались уже обязательными для каждого тура матча. Были тут школьники-старшеклассники с маленькими карманными досками, испачканными чернилами. Боюсь, что в дни матча на первенство мира подобного рода потайные доски не раз обнаруживались в классе под партой во время урока...

Всегда можно было найти среди зрителей людей приезжих, командированных в столицу по делам и улучивших свободный вечерок, чтобы хоть раз в века поглядеть на самых знаменитых гроссмейстеров мира. Они же, пользуясь возможностью дать домой телеграмму с пометкой «с матча на первенство мира по шахматам», заполняли в кулуарах бланки.

Были специальные любители цейтнота. Они являлись, как правило, после девяти часов вечера, чтобы поглядеть, выражаясь их собственными словами, как будет расхлебываться уже заваренная каша на доске... Они, невесть где задержавшиеся, торопливо входили в зал, не слишком разумеющими глазами вглядывались в расположение фигур на демонстрационной доске, цедили сквозь зубы глубокомысленное «мм-да», затем с надеждой вглядывались в лица секундантов, но, не в силах разгадать непроницаемую тайну, лежавшую на лицах Рагозина и Константинопольского, опускались со вздохом на свои места и с ходу начинали болеть вместе со всеми.

В левом секторе амфитеатра, если стать лицом к эстраде, обычно дремал некий старичок, худенький, благообразный. Убаюканный тишиной зала, он большею частью спал, склонив голову на руки, сложенные на рукоятке трости. Но едва на доске следовал ход, старичок приоткрывал один глаз и внимательно смотрел на эстраду. Причем действовал он, как я убедился, наподобие шахматных часов: пойдет Ботвинник — старичок откроет правый глаз, сделает ход Бронштейн — у старичка глядит левый...

Встречал я здесь одного из завсегдатаев любого спортивного соревнования, будь то эстафета на Бульварном кольце, водное поло, теннис, велосипед или футбол. Неугомонный остряк, он, бы-

стро входя в зал, с наивным видом неизменно осведомлялся шепотом у наиболее сосредоточенных шахматных болельщиков: «Бобров сегодня играет?» или: «А кто же из них Хомич?», чем каждый раз вызывал возмущение шахматных любителей, шипевших и фыркавших на него.

Подавляющее большинство, основную массу зрителей, изо дня в день посещавших зал Чайковского в эти вечера, составляли искренние почитатели древней и вечно молодой игры, умеющие распознавать в бесстрастной неподвижности черных и белых фигурок и в их ходах горение замечательной творческой мысли.

Здесь можно было встретить знатных передовиков производства московских заводов, комсомольцев из рабочих шахматных кружков, прославленных героев, известных писателей, артистов, музыкантов. Внимательно следили они за борьбой на первой доске мира, ныне прочно утвердившейся в Москве.

Ботвинник или Бронштейн? Бронштейн или Ботвинник?

Мы еще не знали тогда, как будет решен этот финальный спор за первой доской мира, чем кончится поединок, за которым следил весь шахматный мир. Но мы твердо знали: у чемпиона мира по шахматам и после этого матча будет наш советский паспорт и московский адрес.

«Все в дом» — как подытоживает в таких случаях народная поговорка...

Все в наш большой советский дом, во славу его, во имя роста и процветания нашей отечественной советской шахматной славы, нашего спорта!

1951 г.

МЯЧ И ГЛОБУС

Над туго натянутой сеткой, поделившей на два ровных поля безукоризненно гладкую, со скрупулезной точностью размеченную площадку перед полукружием западных трибун стадиона, стремительно мечется мяч. А на программках, которые белеют в руках десятков тысяч зрителей, плотно заполнивших обширный амфитеатр, изображен глобус — земной шар.

Ибо здесь, на Центральном московском стадионе, и решится сейчас окончательно судьба розыгрыша мирового первенства по волейболу и станет ясно, кто на всем земном шаре может почитаться в наше время сильнейшим в распространеннейшей этой игре.

Судьба волейбола напоминает иной раз судьбу хорошей песни, которая, будучи простой и несложной по мелодии, приобретя громадную популярность, становится достоянием многих миллионов людей. Ее поют везде, она звучит на эстрадах, передается по радио, ее запевают хором на вечеринках, мурлычут себе под нос тихонько, когда работа спорится. И, смотришь, песня эта, так хорошо ложащаяся на голос, доставляющая столько милых радостей множеству людей, иным слушателям уже приедается, не признаваемая ими за настоящую музыку. Но вот где-то на концерте выходит певец-мастер, запевает эту всеми нами тысячу раз петую песенку — и звучит она заново, обнаружив свою истинную душу и всю прелесть подлинного звучания.

Нечто похожее происходит и с такой популярной у нас спортивной игрой, как волейбол. По сей день многие считают ее скорее дачным или санаторным развлечением, чем настоящим, серьезным спортом. Простаки, которые видели волейбол лишь у себя во дворе, на площадке возле подмосковной дачки или сами дерзали послать мяч над сеткой в доме отдыха, привыкли порой относиться к этому виду спорта со снисходительным пренебрежением: «Тоже мне игра... натянул сетку, достал мячик и стукай его руками. Что тут хитрого?».

А между тем настоящий волейбол — игра поистине атлетическая, требующая от спортсмена всесторонней закалки, абсолютного владения своим телом, блистательной реакции, зоркого глаза, точной руки, мгновенного соображения, а минутами и известной отваги. С пушечной силой пробитый, иногда почти невидимый для зрителей, мяч приходится подчас отбивать в акробатическом броске. Игроки стремглав опрокидываются на землю, успевая в воздухе парировать удар; встречают мяч в настоящем полете, когда тело спортсмена пересекает пространство над площадкой, поспевая в дальний уголок ее, куда каверзно направил свою подачу противник. Как чутко надо понимать здесь партнера, который стоит далеко от тебя и, не оборачиваясь, пасует назад мяч, уверенный, что там его примет как надо товарищ по команде! Какой безошибочной слаженности должна добиться вся команда в целом и каждый ее игрок в отдельности, чтобы не оказаться застигнутым врасплох ошеломляющим «гасом», которым внезапно прянувший за сеткой в воздух противник пытается погасить огонь сопротивления в команде соперников.

И то, что видели десятки тысяч любителей спорта за прошедшую неделю на стадионе «Динамо» в Москве, было подлинной песней во славу популярной, ставшей по-настоящему народной

спортивной игры, песней мажорной, дружной, где мячи разыгрывались словно по нотам и самым неотразимым ударом одной команды как бы вторил вдохновенный порыв другой...

Сильнейшие команды разных частей света, волейболисты и волейболистки Европы, Азии, Африки, весь цвет мирового волейбола, были представлены в эти дни на московском стадионе. И мы с вами, друзья, видели поистине классический волейбол — игру стремительную, мужественную, где каждое мгновение проявлялись и неистощимая спортивная изобретательность, и самоотверженное рвение, и восхитительная товарищеская спайка. Все эти качества наличествовали в равной степени почти у каждой из команд, участвующих в розыгрыше волейбольного первенства мира. И объективный в своих спортивных симпатиях, всегда честно откликающийся московский зритель бурно аплодировал и сильным игрокам Чехословакии, Болгарии, Венгрии, и стойко сопротивлявшимся волейболистам Франции, Румынии, и быстро освоившимся с непривычными для них международными правилами волейболисткам Индии, и нашим гостям из Финляндии, Израиля, Ливана...

Но с особой отчетливостью и пленительной мощью все лучшие качества, которые прививает человеку волейбол, проступали в стиле советских волейболистов, в игре мужской и женской волейбольных команд СССР. Неискушенному зрителю, впервые пришедшему посмотреть большой волейбол, могло бы показаться, пожалуй, что наши волейболисты играют без того изощренного совершенства, которым блистали игроки ряда команд, оспаривавших звание чемпиона мира по волейболу. Действительно, не так уж часто совершали наши волейболисты замысловатые пируэты в воздухе и кульбиты на земле. Они играли с хорошей классической строгостью, стремясь не столько ошеломить зрителей, сколько победить соперников в игре. С первой до последней минуты состязания, сколько бы оно ни длилось, по ту сторону сетки, где находилась советская команда, жил напряженной, вдумчивой, глубоко осмысленной жизнью прекрасный коллектив, проникнутый непреодолимым стремлением к победе, неуклонно, от минуты к минуте, от мяча к мячу, наращивавший неотразимую мощь своего спортивного напора. И только тогда, когда игра требовала этого, наши волейболисты — и Ульянов, и Шагин, и Якушев, и другие, как и наши спортсменки, вроде Чудиной, Кузькиной и их подруг, демонстрировали поистине героические прыжки, ошеломляющие броски, которые следовало бы назвать головокружительными, если бы только при этом в движении игрока не чувствовался молниеносный, тончайший расчет.

И ни одна из команд, оспаривавших звание чемпиона мира по волейболу, не могла противостоять неудержимому могучему натиску наших волейболистов. Достаточно просмотреть ныне уже целиком заполненную таблицу первенства. Во всех решительных графах ее возле дорогих нам букв «СССР» везде значится 3 : 0. Не только ни одной встречи не проиграли гостям они — не проиграли ни одной партии. А их, как известно, в каждой встрече может быть до пяти. С блистательным, сухим, как порох, счетом обе наши волейбольные команды — и мужская и женская — вышли победителями во всех встречах с лучшими волейболистами мира и завоевали почетное звание мировых чемпионов по волейболу.

В последний раз взлетел мяч над белой сеткой и с силой опустился на поле чехословацкой команды, в игре с которой наши спортсмены решили судьбу мирового первенства по волейболу. На щите загорелись цифры 15 : 6. Это был счет последней, третьей партии. На мачте почета взвился алый флаг Советского Союза. Августовский ветер звонко хлопал развевавшимися над площадкой игры национальными флагами стран, приславших свои команды на розыгрыш первенства.

И казалось, что флаги народов хлопают вместе с десятками тысяч московских зрителей, бурно аплодирующих нашим чемпионам мира!

1952 г.

ВРАТАРЬ МИРА И ВРАТА РИМА

Прошло уже немало времени после матча СССР — Италия в 1963 году на римском олимпийском стадионе, а подробности этой встречи все еще продолжали волновать любителей футбола всего мира.

После поражения в Москве со счетом 0 : 2 итальянская команда с особенной тщательностью готовилась к реваншу. Только победа с перевесом в три мяча открывала ей путь к четвертьфинальному матчу со шведами. И надо сказать, что итальянские футболисты, славящиеся своим мастерством, отлично подготовились к игре. Они самоотверженно и искусно атаковали ворота сборной команды СССР.

Но первый мяч в этой встрече забил центр нападения нашей команды Г. Гусаров. И этот мяч оказался решающим: лишь за несколько секунд до конца игры Д. Ривера отквитал гол. Ничья в этой ситуации была для итальянцев равносильна поражению.

И команда СССР, доказавшая в Риме, что она является одной из лучших команд Европейского континента, продолжала борьбу за обладание Кубком Европы. А спортивная дружба советских и итальянских футболистов, впервые встретившихся на высшем «сборном» уровне, нашла свое продолжение. По достигнутой договоренности сборные команды СССР и Италии будут встречаться ежегодно.

С того самого часа, как с экранов наших телевизоров к вечеру 10 ноября исчезли видения далекого Рима, большинство моих друзей спрашивали:

— Видели, как Яшин в Риме? А? Что скажете?

— Скажу про Яшина в Риме то же, что говорил про Яшина в Лондоне,— отвечал я.

И действительно, все, что мы видели у ворот сборной СССР, защищаемых Львом Яшиным на римском стадионе «Форо Италико», вызывало, быть может, еще большее восхищение, чем блестящая игра советского вратаря на лондонском стадионе «Уэмбли». И на берегах Темзы и на берегах Тибра наш прославленный вратарь был подлинным героем больших дней в истории мирового футбола.

Пост, занимаемый футболистом, играющим под № 1, во многом отличается от тех игровых обязанностей, которые несут десять остальных его товарищей по команде — десять полевых игроков.

Сфера действий вратаря как будто ограничена по площади, куда каждое проникновение мяча, если только он не отдается умышленно одним из партнеров по команде назад, всегда бурно взвинчивает драматизм игры, и влияние вратаря ощущает вся команда.

Как известно, вот этот-то ответственнейший пост в сборной команде Советского Союза и занимает уже много лет вратарь команды московского «Динамо» Лев Яшин. Давно уже закреплен за ним пост № 1 в нашей сборной. А когда игра в футбол отмечала свой вековой юбилей, на торжественном «матче столетия» в английской столице ворота сборной команды Всемирной федерации футбола, кратко именуемой «сборной мира», в матче против сборной Англии были доверены Льву Яшину.

Мы, старые болельщики футбола, еще хорошо помним те времена, когда на наших стадионах с восторженным придыханием трепетно произносились имена лучших вратарей мира. «Замора!» — болельщики мечтательно зажмуривались, когда речь заходила о знаменитом испанском вратаре. «Планичка!» — причмокивали они, смакуя имя прославленного вратаря чехов. Но

вот, друзья, пришло время, когда на всех стадионах мира зазвучало произносимое с уважительным восхищением имя нашего советского вратаря: «О, Яшин! Экстра-класс! Прима!».

Да, Лев Яшин, по единодушному мнению мировой спортивной прессы и специалистов футбола, был признан № 1 среди всех футбольных «первых номеров».

Не хочу бесцеремонно заглядывать в душу нашему знаменитому вратарю, чтобы представить себе, что переживал он, стоя в «воротах мира». Но в свою собственную душу я имею право заглянуть бесцеремонно и могу признаться, что волновался я, как и все мои друзья-болельщики, за нашего Яшина отчаянно...

Если матч в Лондоне был событием скорее торжественно-исторического, чем чисто спортивного, характера, то игра 10 ноября 1963 года в столице Италии была уже действительно ответственна до предела для каждого из участников ее. Решался вопрос о том, кто — СССР или Италия — завоюет право продолжать восхождение на пик, где сияет Кубок Европы, которым владели наши футболисты.

Уже включая наши телевизоры, мы не знали, кто будет стоять в воротах нашей сборной. И, честно сказать, были очень обрадованы, когда увидели в этих воротах на римском стадионе Льва Яшина. «Вратарь мира» встал в воротах нашей сборной против «врат Рима». Надо ли еще раз говорить о том, как играл в этот день Яшин?! Миллионы людей видели это на экранах телевизоров. Десятки миллионов прочли подробные отчеты о римском матче. Но как не напомнить еще раз о драматических мгновениях первого тайма, когда Яшин несколько раз предотвращал, казалось бы, уже неминуемый гол. И мы видели, как он умело и с поразительным спокойствием руководил обороной, как хладнокровно и авторитетно «рассылал» игроков по их местам, как точно и всегда с дальним прицелом посылал мяч, чтобы завязать из тыла нашей команды атаку на ворота противника.

Уже по поведению и реакции трибун «Форо Италико», неистово жаждавших победы «голубых», мы чувствовали, что Яшин постепенно завладевает симпатиями стадиона. А что сказать о втором тайме, когда итальянцы были буквально обескуражены на поле, а десятки тысяч тиффози уже не могли сдержать восхищения на трибунах, увидев, как Яшин совершил самый трудный подвиг вратаря — наглухо погасил мяч, пробитый со штрафного одиннадцатиметрового удара, обычно считающегося безнадежным для оштрафованной команды! Да, он взял одиннадцатиметровый, пробитый со всей силой, разве лишь чуть-чуть неточно

удар! И стадион «Форо Италико», знаменитый олимпийский стадион Рима, на мгновение как бы обомлел, чтобы разразиться уже безудержной овацией. А когда на следующий день центра нападения С. Маццолу спросили, почему он не забил пенальти, он ответил: «Просто Яшин лучше меня играет в футбол».

Сборная наша вела счет в свою пользу, забив в первом тайме гол итальянцам. Стало уже ясно, что «голубым» не отыграться при суммарном счете 0:3. Но Яшин продолжал играть с прежней самоотверженностью. Видно было, что его непробиваемость в какой-то мере обескуражила итальянцев. Они уже не надеялись на хитроумные финты, дальние удары, внезапные прорывы: этим Яшина было не взять. Надо было полностью подавить оборону нашей сборной, целиком завладеть пространством перед самыми воротами, чтобы проникнуть в них мячом.

Несколько раз Яшин своей беззаветной игрой разряжал, казалось бы, уже катастрофические ситуации у самых ворот. В одном из бросков под ноги нападавших он получил ушиб головы. И мы видели, как двое итальянских игроков, подбежав к нему, когда он поднялся, с почтительной тревогой тронули его виски.

В другой раз в высоком горизонтальном прыжке он не очень удачно приземлился и сильно ушиб ногу. Был момент, когда казалось, что Яшину придется покинуть поле. А ведь в кубковом матче запрещены всякие замены... Но Яшин остался в воротах. И вел бой за них до самого конца игры. Лишь на последней секунде игры в кромешной толчее у штанги, когда сбитый Яшин сидел на земле, итальянцам удалось протолкнуть за его спиной мяч в сетку. Снова лечь на центр поля мячу уже не удалось: прозвучал финальный свисток судьи. Ничейный счет был для нашей команды победным. Общее соотношение мячей в двух матчах 3:1 в пользу сборной СССР открыло ей дальнейший путь к европейскому кубку.

Обычно считают, что если после матча уже очень много говорят об игре вратаря, то это значит, будто его команда играла слабее, менее агрессивно, чем противник. В матче на «Форо Италико» наши футболисты играли очень активно, собранно, с отличным напором. Во втором тайме стремительные итальянцы сделали все, что от них зависело, чтобы сокрушить защиту сборной СССР, оказавшую необыкновенно стойкое сопротивление. И что толковать, огромная доля заслуги тут принадлежит Льву Яшину.

Вот что мне и хотелось сказать в ответ на вопросы: «Видели, как Яшин в Риме? Что скажете?»

1963 г.

ТРИ КОРОНЫ, ДВА ГОЛА

На шведских эмблемах три короны. Недаром и национальная сборная Швеции по хоккею носит название «Тре крунур» («Три короны»). И у всех игроков ее, которых мне довелось видеть уже трижды на зимних олимпийских играх и в матчах на первенство мира в Москве, вышита на груди эта тройная эмблема.

Могу сказать, что и впечатления от поездки в Швецию у меня тоже, если можно так выразиться, тройственные...

Зарубежное путешествие, предпринимаемое официально ради того, чтобы присутствовать на большом международном спортивном состязании, естественно, определяется особым распорядком. В центре программы — то событие, во имя которого и собрался в путь болельщик спорта. Но, разумеется, для человека любопытного имеется немало возможностей сделать поле зрения значительно шире, чем футбольное. И как бы ограниченно ни было время нашей поездки, круг интересов и наблюдений выходил далеко за пределы кольца трибун на стадионе в Стокгольме.

Немало интересного и противоречивого удалось увидеть нам в дни нашего пребывания в шведской столице, куда мы ездили на футбольный матч сборных команд СССР и Швеции, разыгрывавших первую свою встречу в четвертьфинале соревнований на Кубок Европы.

Мне довелось побывать в Швеции восемь лет назад. Меня уже и тогда взволновала строгая, гордая и очень своеобразная красота Стокгольма, отраженная в просторной глади гавани, каналов, озер, полная наглядных напоминаний о суровой твердости и «норманском» складе земли скандинавов: то и дело среди города, прямо на улицах, проступает твердь скальных пород, стесанных, но круто возвышающихся прямо над улицами.

Но сейчас я был несколько поражен тем, как сверкающая стеклом и пластиками предприимчивая современность врубилась в недра города, потеснила или снесла вовсе напрочь многое из того, что веками утверждала старина. Чего стоит, например, один лишь торговый центр современного Стокгольма, так называемый «Сити», где ослепительные грани пяти новых небоскребов, соединенных переходами, галереями, путепроводами, отражают в огромных витринах уютные небольшие площади, выстланные цветными плитами, заставленные простыми комфортабельными скамьями для отдыха и емкими вазонами со свежими цветами. Во много крат выросла плотность людского и автомашинного потока на стокгольмских улицах. Большой бизнес, облаченный в

сверкающие пластиковые доспехи, играющий тысячами многоцветных рекламных огней, уже не умещается в старых улицах и на прежних мостах шведской столицы. Он гонит тысячи машин по новым путепроводам, тоннелям, виадукам. И на пути из отеля «Мальмен», где мы жили, в Старый город мы каждый раз оказывались в сложнейшем хитросплетении мостов, путевых дамб, акведуков — там в одном лишь месте связываются, пересекают друг друга, взлетают над водой, ныряют под землю около дюжины дорожных уличных линий...

А на другом берегу видны узкие средневековые теснины кварталов Старого города, остроконечные пики древних церквей с крестами на тонких шпилях, старомодные мостки, арки, под которыми прошли столетия, и традиционные трехкоронные эмблемы над фасадами.

И сразу видишь два Стокгольма: из древних массивов, как бы взрывая их, уже господствуя над горизонтами, поднялись сверкающие вертикали ультрасовременных торговых, деловых зданий-громад.

Пестр и противоречив также и облик стокгольмской толпы. Рядом с несколько чопорными, очень прямо держащимися и подчеркнуто ухоженными седыми старожилами пенсионного возраста, обилие которых бросилось мне в глаза еще восемь лет назад, болтаются в толпе стокгольмских улиц патлатые, вихляющиеся на ходу юнцы и девицы, которых можно встретить сегодня и в Нью-Йорке, и в Париже, и в Риме. Некоторые из них отрастили «битницкие» бороды, которые кажутся приклеенными к их желторотым физиономиям. Другие начесали челки на самые брови и уши, словно их остригли «под горшок» — это самая модная прическа в стиле известных «битлз», чьи пластинки продаются во всех музыкальных магазинах, а счетверенный портрет глядит с обложек всех бульварных журналов. Проносятся на мотороллерах, пренебрегая всеми правилами уличного движения и ограничениями в скорости, молодчики в белых шлемах и куртках из черной искусственной кожи. К скользкой черной спине приникла девица в теснейших брючках — джинсах, а ее по спине шлепает гитара, повешенная на ремне через плечо. Иностранца, прибывшего в Стокгольм, первым делом предупреждают: «Помните! У нас левостороннее движение... А главное — берегитесь мотоциклистов с девицами и с гитарами за спиной. Будьте осторожны!».

В двенадцать часов дня бьют барабаны и поют трубы. Торжественно меняется караул у королевского дворца. Вышагивают, старательно отшлепывая подошвами шаг на старинных плитах, часовые. А совсем рядом на патриархальном скверике, где гре-

ются на солнышке почтенные и аккуратные старички и старушки, прямо на земле у стены старинного здания сидят бородатые, кудлатые типчики, раскинув босые посиневшие ноги (камни-то в Стокгольме еще по-весеннему холодные...), тренькают на гитарах и изо всех сил стараются походить на заокеанских «битников». Потом они подымаются, пихают гитары под мышки, бессмысленно и хмуро из-под начесанных на брови челок вперяют как бы отсутствующие взоры куда-то вдаль и бредут с подчеркнутой ленцой, что-то бормоча или напевая, слегка приквакивая и нарочито вихляя задами, по которым очень хочется дать хорошего шлепака...

О том, что в этой благопристойной, мерно отбывающей дни своего бытия, уже полтораста лет не знающей военных бед и горестей стране не все ладно с молодежью, писалось и говорилось предостаточно. В международной литературе уже много сказано о распущенности, моральной опустошенности и убийственной нравственной слепоте, поразившей изрядную часть шведской молодежи. С болью и тревогой говорят об этом и прогрессивная литература, передовое искусство сегодняшней Швеции.

Мы видели в кино нашумевший фильм «491», поставленный по известному в Швеции одноименному роману Ларса Герлинга. Действие в нем происходит сегодня в Стокгольме. И когда осветился экран, мне показалось, что убрали стену зала, противоположную той, которая выходила на улицу, и мы все оказались на другой улице шведской столицы. Впрочем, до того, как пошли первые кадры, экран известил нас специальным титром о том, что по требованию цензуры из фильма вырезано ленты на один час сорок минут демонстрации...

Да, мы уже слышали о шумном скандале, который возник вокруг этого фильма. Дело дошло до риксдага — парламента, где долго и бурно кипели споры о том, можно ли вообще допускать к зрителю этот фильм, с убийственной откровенностью показывающий, что происходит в среде молодежи, живущей под эмблемой с тремя коронами. После длительной дискуссии фильм был выпущен на экран, но из него была изъята добрая половина. Впрочем, и той половины, которая осталась, достаточно для того, чтобы понять, какие поистине страшные, вызывающие зловещую тревогу явления вошли и прочно обосновались в жизни и быте шведской молодежи. Здесь не место приводить все содержание этой кинокартины. Да, если честно признаться, у меня бы, вероятно, и язык не повернулся пересказать многие эпизоды, моменты фильма, отличающегося откровенностью, прямо отвергающей все правила стыдливости. Хочу только сказать, что при несомненной

талантливости фильма и благородности авторского замысла немало мест в картине просто ошарашивает своим ни с чем не считающимся и грубым натурализмом (особенно в показе ряда отвратительных извращений, начиная от гомосексуализма и кончая содомией). Чувство гадкого любопытства у одних зрителей и естественное ощущение неловкости у других то и дело заслоняет те эмоции, к которым бы хотели, вероятно, адресоваться создатели фильма. Трудно вообразить, что же там вырезано еще на целых полтора часа?!

А потом, несколько обескураженные увиденным, мы вышли из зала на вечернюю, залитую огнями стокгольмскую улицу и услышали веселые звуки оркестра, хор молодых голосов. И увидели уже третью Швецию. На грузовиках, традиционно разукрашенных цветочными гирляндами и яркими, наполненными отраженным светом воздушными шарами, ехали и пели с флажками в руках юноши и девушки, все в фуражках с маленькими белыми околышами. А на тротуарах стояли девушки в цветных цилиндрах с яркими лентами. На лентах были начертаны цифры: 5, 4, 5... Это те, кто сдал экзамен на аттестат зрелости или поступил в университет, праздновали свое вступление в новый этап жизни. А цифры на лентах у девушек в цилиндрах напоминали, оказывается, об отметках, полученных на экзаменах.

Пели дружно, складно, истово и весело. Махали флажками и многоцветными шарами. И нельзя было смотреть на них без доброго веселого участия. Так и глядели вслед нарядным грузовикам с молодежью приостанавливавшиеся на тротуарах люди.

И когда мы 13 мая заняли свои места на стадионе «Расунда», когда я оглядел переполненные трибуны, скамьи которых подступили к самому полю, когда десятки тысяч молодых голосов закричали «Хейя!» появившимся футболистам, причем игроки в алых майках были встречены не менее приветливо, чем шведские, мне показалось, будто доброе большинство зрителей вокруг нас составляют те, кого мы видели катившими с хорошей песней на нарядных грузовиках по стокгольмским улицам. Конечно, когда пошла игра и накалились страсти, трибуны стали громогласно болеть за своих. И стадион потряс клич, который мы уже не раз слышали во время выступлений спортсменов «Тре крунур» на международных полях: «Хейя! Сверие! Фриск хумор!». Если перевести на русский язык, это значит что-то вроде: «Гей, Швеция! Давай веселей!».

Вряд ли мне тут нужно пересказывать ход уже известных событий, свидетелями которых мы были в тот вечер на стокгольмском стадионе. Напомню лишь, что ливень, хлынувший незадолго

до матча на шведскую столицу, безнадежно испортил поле. Казалось порой, что именно здесь, на стадионе, самое болотистое место среди всех скандинавских скал... Несмотря на это, обе команды играли с подлинно техническим блеском. Правда, это потребовало огромной затраты физических сил и предельного волевого напряжения. В перерыве я слышал через транзистор выступления по радио крупнейших футбольных специалистов Швеции. Они говорили, что если рассматривать встречу по правилам бокса, по очкам в первой половине победу стоило бы присудить хозяевам поля. Но во второй половине игры наши сумели преодолеть казавшуюся до этого непробиваемой оборону шведов, где мгновенно концентрировалось, прикрывая доступы к воротам, до шести игроков.

Как известно, на семнадцатой минуте Валентин Иванов сумел завершить молниеподобную комбинацию Воронин— Численко — Иванов. Счет стал 1 : 0. На трибунах пали духом. Но мне кажется, что к концу матча наши футболисты уже чрезмерно увлеклись обороной, думая не об увеличении счета, а о сохранении его во что бы то ни стало. Это позволило шведам освободить часть своих игроков от непосредственного участия в обороне, подтянуть их поближе к нашим воротам. Ну и, как вы знаете, Хамрин, знаменитый Хамрин, швед, играющий в итальянской команде «Фиорентина», специально и за огромные деньги выписанный в Швецию на этот матч, использовал ошибку наших защитников. Растянувшись в стремительном шпагате на мокрой траве, он ухитрился достать отскочивший к нему мяч и втолкнуть его в ворота мимо рванувшегося навстречу Льва Яшина. Само собой понятно, что овации трибун были куда сокрушительней на этот раз, чем те, которыми до того трибуны сопровождали игру общего кумира — Яшина, когда он смело выходил из ворот и отбивал атаки.

На другой день шведские газеты писали, что Хамрин был в офсайде, то есть в положении «вне игры». Правда, тут же утверждали, что английский рефери, судивший матч, должен был бы назначить в наши ворота после одного эпизода на штрафной площадке одиннадцатиметровый удар... Так что, по мнению некоторых шведских специалистов, судья, не признав офсайда Хамрина, тем самым скомпенсировал ошибку... 1 : 1.

И тут же под пространными отчетами о матче мы увидели «героя матча» — Хамрина, «коронованного» изящной прической, красоте которой, как гласила подпись, содействовал бриолин, рекламируемый какой-то расторопной парфюмерной фирмой...

Стокгольм — Москва, 1964 г.

Вратарь неосмотрительно выбежал вперед, надеясь перехватить мяч. На трибунах перестали дышать. Судья уже приложил сирену к губам. Нападающий ударил по пустым воротам. Но внезапно возникший в их белой рамке высокий, широкогрудый защитник гулким раскатистым ударом отбил верный мяч, и мяч, обезвреженный, прочертил над полем длинную пологую дугу, благостную для вратаря, словно радуга после потопа...

На трибуне среди горластых и непоседливых болельщиков сидел солидный человек в темной шляпе. Это был иностранец, любитель футбола, аматёр. В момент, когда защитник спас от гола уже обреченные ворота, иностранец проявил неожиданную живость, он вскочил, зааплодировал, сорвал с себя шляпу, помахал ею, крикнул «браво»... Когда буря улеглась, иностранец обратился к соседу, мотнув подбородком в сторону спасителя ворот.

— Кто это? — спросил иностранец.

— Старостин,— ответили ему слева.

Тем временем игра продолжалась. Рослый защитник, снова отобрав мяч у нападающих, передал его правому хаву. Молодой и легкий в беге полузащитник отлично принял труднейший пас. Он уверенно продвигался с мячом между противниками.

— Кто это? — спросил у соседа иностранец.

— Старостин,— ответили ему справа.

Правый полузащитник точно подал мяч центрхаву. Центр полузащиты, тоже плечистый, с решительным подбородком, сумел принять мяч, несмотря на толчок противника.

— А это кто? — спросил иностранец.

— Старостин,— ответили ему сзади.

Центр полузащиты послал мяч на правый край. Мяч принял крайний нападающий. Крепкие ноги его заработали, как поршни. Замелькали с машинной частотой полосатые гетры. «Паровоз, рви, дави!» — закричали с трибун. Правый край, на стремительном беге гоня легкими прикосновениями мяч, прошел в жарких теснинах схватки, и болельщики зажмурили глаза от волнения и блеска, который, казалось, должен был исторгнуть пушечным ударом забитый мяч.

— Браво! — воскликнул иностранец. — Кто это вбил?

— Старостин,— отвечали ему спереди не оборачиваясь.

И иностранец, недавно приехавший в нашу страну, с трудом разумеющий по-русски, вынул блокнотик, куда он записывал новые слова, и записал: «футболист по-русски — Старостин».

Таков анекдот о футбольном, переиначенном наизнанку «ка-

них-ферштапе». Где же было человеку, первый раз попавшему на наш стадион, знать, что в команде «Спартак» среди одиннадцати подвижных, решительных атлетов в красных футболках с белым перехватом на груди четверо носят фамилию Старостиных, что во всех линиях команды — и в защите, и в полузащите, и в нападении — имеется минимум по одному брату из этого славного спортивного рода, и мяч, пущенный правой стороной, переходил от брата к брату, от Александра к Петру, от Петра к Андрею, от Андрея к Николаю, от Николая в гол.

История спорта знает несколько таких спортивных фамилий. У нас были братья Канунниковы, Фомины, Артемьевы. Пять футболистов Артемьевых играли все в первой команде. В Англии была команда, состоявшая из десяти братьев и отца, стоявшего в воротах голкипером. Всем известно превосходное бегучее братство Знаменских — Серафима и Георгия, по-братски деливших рекорды на беговой дорожке. Среди всех этих фамилий, среди семей прыгающих, плавающих, бегущих, бьющих мяч, пожалуй, самая именитая, самая популярная у физкультурников фамилия Старостиных.

Род Старостиных — крепкий, дружный род футболистов, хоккеистов, спортсменов-физкультурников. За последние десять лет не было в Москве ни одной интернациональной игры сборной команды столицы, чтобы в ней не участвовал по крайней мере один Старостин.

Первым стал известен на футбольном поле Николай. Ответственный секретарь общества «Спартак», один из создателей этого общества, организатор, душа команды. «Папа», «отец», «папа Коля» — зовут его физкультурники.

Николай Петрович Старостин — образцовый спортсмен, истинный физкультурник, заслуженный мастер спорта — долгое время был одним из лучших правых нападающих в СССР, он и сейчас служит для молодых футболистов, спортсменов, физкультурников идеалом безукоризненного режима, выполняемого подчас с аскетической строгостью, образцом поведения спортсмена в жизни и примером бешеной, неукротимой энергии на поле.

Он играл в футбол более двадцати лет. На Пресненском валу, на пустыре, засоренном и загаженном, было отвоевано у свиней и коров местечко для игры в футбол. Этим местом владело РГО — Русское гимнастическое общество. Николай был старший в семье, и братишки почтительно завидовали ему: он был принят в команду РГО и играл там левым инсайдом. А Александр, Андрей и маленький Петя таскали по очереди за ним

чемодан с бутсами, с трусами и майкой. Они заравнивали ямы перед матчем, гоняли со стадиона коров и свиней, и за это им позволяли быть «заворотными хавами», как тогда называли «диких» мальчиков, которые подавали мячи, вылетевшие за пределы поля. Раз прикоснувшись к тугому, звенящему при ударе кожаному мячу, братья уже не могли забыть его. Через год шестнадцатилетний Александр играл в четвертой команде правым хавом. Андрея приняли в детскую команду правым инсайдом. Они являлись домой с кровоподтеками и ссадинами. Они беспощадно рвали в пух и прах обувь. Младшие товарищи с уважением и завистью старались перенять их вынужденную иногда, но всегда шикарную хромоту — хромоту бойца, бретера, спортсмена. Это не то, что подагрическое припадание, ковылянье ревматиков или мучительно жеманная походка щеголей в узких ботинках. Нет! То была грозная и великолепная хромота.

Дома им редко попадало за расколоченные ботинки, за рваные штаны, за царапины и синяки на теле. Отец был егерем-окладчиком. Он ходил на медведя. Это был человек великолепного природного здоровья, отличный лыжник. Он никогда не пил, не курил и, предоставляя сыновьям полную свободу на улице, на дворе, в лесу, на футбольном поле, яростно разбушевался бы, если бы почуял хоть малейший запашок табака или водки. И старший брат Николай унаследовал эту целомудренную строгость в быту. Он не курит. Он почти совершенно не пьет. И какой неиссякаемой бодрости и силы был полон этот человек до самой последней минуты труднейшего и изнурительного матча!

Здоровье и спортивный азарт — вот что отличало Николая Старостина в первые годы его выступлений на футбольном поле. У него еще не было разработанной стремительной техники, без которой играть на краю поля невозможно. Но Николай Старостин недаром считался одним из самых упорных, неукротимых и настойчивых физкультурников. Он непрестанно учился. Он тренировался с дьявольским усердием. Он совершенствовался. Часами, как пианист, он мог разрабатывать какой-нибудь недававшийся ему пассаж с мячом. И он добился. Здоровье было возведено в степень силы. Сила была облагорожена мастерством. Он выработал, он вышколил каждое свое движение. Теперь его сильное, крупное тело беспрекословно слушалось его. Мяч повиновался любому движению, выполнял все замыслы игрока и казался продолжением существа человека, целиком устремленного к победе. Николай Старостин поражал нас всегда этим необыкновенным, яростным, всесокрушающим рвением в игре. Он был неутомим. Он не признавал уныния в самые безнадежные мину-

ты уже наверняка проигранного матча. Замечательный бег, безудержный напор, ураганный стиль игры сделали его одним из самых блестящих и сильных игроков нашего футбола. Он играл в сборных командах Москвы. Он стал игроком сборной СССР, войдя в плеяду одиннадцати лучших футболистов страны.

Он был капитаном сборных команд столицы, республики, Союза.

Необычайны были его выдержка и «спортивная злость», как называют братья Старостины это фамильное упорство и волевое напряжение, когда дело идет о победе. Мне пришлось однажды видеть, как сборная команда Москвы проигрывала серьезнейший полуфинальный матч на первенство республики более слабой команде Северного Кавказа. Москвичи играли вяло. Выйдя на поле слишком уверенными в победе, они пропустили два мяча и теперь никак не могли отыграться. До конца матча оставались считанные минуты. Москвичи скисли. Матч был явно проигран, проиграно было первенство республики. И вот тут проявил себя всего Николай Старостин. На его игре не были заметны ни усталость, ни уныние. Он все время рвался вперед, бегал, нападал, сердился, подбодрял, подгонял, неуклонно лез к воротам противника, не терялся при неудаче и сейчас же начинал новую комбинацию. «Ребята, ребята, играть надо!» — то и дело слышался его голос. И он добился результатов. Незадолго до конца он вбил ответный мяч. Не довольствуясь этим, он, продолжая воодушевлять своим упорством всю команду, снова повел нападение, и за несколько минут москвичи вбили еще три мяча. Два из них вколотил сам Старостин. И матч был выигран.

Когда Николай Старостин перестал играть в сборных, он передал свое главное капитанство на футбольном поле брату Александру. Александр играл правым защитником в команде «Спартак», в сборных командах Москвы, республики и СССР. Это был один из самых сильных, самых виртуозных и надежных игроков СССР. Спокойный, решительный, точный в каждом своем движении, бесстрашный и корректный, он создавал у ворот подвижной заслон железобетонной непробиваемой уверенности.

Если он почему-либо выбывал из команды, капитанство обычно передавалось третьему брату — Андрею. Андрей играл центром полузащиты. Центр полузащиты — это большей частью узел команды, сердце, от бесперебойной работы которого зависит успех команды на всех линиях. Полный истинно «старостинской» неутомимости, сочетавший спортивную ярость с мгновенным расчетом, Андрей отлично пришелся на это место. Он играл

центрхавом в команде «Спартак». Он играл на этом месте в сборных столицы и Союза.

Четвертый брат — Петр, самый младший, — играл на месте правого полузащитника в «Спартаке». Это был энергичный молодой игрок. С 1932 года он уже играл в первой команде своего клуба. Таково его место на футбольном поле. А в жизни он тем временем кончал Московский энергетический институт. «Моцарт»— называют его братья. Братья очень любят музыку, они страстные театралы и меломаны, но в отношении музыкального слуха у них не совсем благополучно. «Бутсой на ухо наступили»,— отшучиваются братья. Петр играет на рояле, и братья считают его виртуозом по этой части. Слушатели они благодарные...

Братья играли десятки раз против зарубежных гостей, много раз защищали цвета СССР за границей: в Турции, Германии, Австрии, Чехословакии, Франции. Нерушимая, чудесная, мужественная дружба объединяет братьев и на поле, и дома, и в чужих странах. Нежная, застенчивая сердцевина этого братства защищена от посторонних взоров грубоватыми шутками, беспрестанными колкостями, доброй иронией. Но я видел, с какой сдержанной тревогой и глухой братской любовью положил Александр свою руку на плечо Андрею, когда, возвращаясь после матча из Турции, мы терпели бедствие на море и десятибалльные штормовые валы колотили наш беспомощный корабль...

Я помню их в ту страшную ночь. Суровые, сильные стояли они — два широкоплечих, рослых брата Старостины, Андрей и Александр.

Удивительная физкультурная семья! Сестры Старостины — тоже отличные, высококлассные спортсменки. Вера играла в первой волейбольной команде «Буревестника». Муж ее, Попов,— известный футболист. Клавдия была игроком сборных команд столицы по волейболу и хоккею; муж ее, Виктор Прокофьев, тоже был знаменитым футболистом. Жена Александра, Зинаида Старостина, прославилась как центрфорвард сборной хоккейной команды Москвы и классная теннисистка.

Жизнь у братьев Старостиных разносторонняя, интересная: Николай занят огромной организационной работой в «Спартаке». Андрей — председатель правления фабрики «Спортинвентарь». Он член партии. Александр — главный бухгалтер другой фабрики спортивного инвентаря и журналист. Он — автор книжки «Рассказ капитана». Коммунист. Летом братья жили в Тарасовке, недалеко от стадиона «Спартака». Их мирная и тихая

Тарасовка стала шумным поселением спортсменов и болельщиков. Раз ночью мы искали одного из Старостиных. Шофер наш спросил первую встречную компанию, как проехать к Старостину. «Вам кого? Николая, Александра, Андрея?»— с готовностью отвечали нам. Поздно ночью 8 июля я проезжал на дачном поезде мимо Тарасовки. На станции царило необыкновенное оживление. Какое-то праздничное настроение царило в Тарасовке. «Наши басков побили»,— объяснили мне тарасовцы. Братья жили там же, где и другие спартаковцы. Александр держал в горячей ванночке разбитую в последнем матче ногу. Братья готовились к новым матчам, оперативным поездкам, серьезным встречам. Они читали, тренировались, работали, готовились к параду на Красной площади, собирались ехать в Антверпен. Победа над командой басков — одна из самых значительных в их жизни. О ней все время говорили, переживая, обсуждая отдельные минуты игры. «Спартак» победил не случайно. Были учтены все особенности манеры басков. Спартаковцы многому научились, многое переняли. Они увидели, что наиболее эффективная для нападения не мелкая поперечная передача, а продольный длинный пас с финальной комбинацией на штрафной площадке противника.

Учеба у лучших заграничных команд не призывала, однако, лишить советских футболистов их собственного, сложившегося уже стиля. Стиль этот очень хорошо был выражен в игре самих братьев Старостиных. Это — воинственный и дружеский коллективизм в игре, братство всех линий команды — от защиты до нападения. Вспомните, как наши нападающие в матче с басками помогали защитникам, а полузащитники участвовали в нападении, хотя это и стоило огромных затрат физической энергии. Этот стиль — стиль напора, воли, выдержки. Он подсказан атлетическими свойствами нации, народа. Но нашим игрокам часто не хватает еще высокой индивидуальной техники.

Этому надо учиться в матчах с лучшими командами мира, хотя бы эти матчи на первых порах и проигрывались нами.

Долго, внимательно и кропотливо, минуту за минутой разбирали братья и их товарищи выигранный матч, восторгались точностью и чистотой игры басков, искали ошибки в своей игре, спорили, мечтали о новых больших встречах. Но вот из Москвы возвращается после заседаний Николай, приехал Андрей с работы. Братья выходят на поле. Надо потренироваться — свободная минута. Удар — и мяч идет от брата к брату.

Было время, когда, совершив вместе с одним из них далекий путь в вагоне зарубежного поезда, в каюте морского лайнера

или в кабине самолета, мы вынуждены были затем в самые волнующие часы расставаться: я занимал свое скромное место в журналистской ложе на стадионе, а он под аплодисменты зрителей, заполнивших трибуны, выходил вместе с другими своими десятью товарищами к центру зеленого поля, где его ждали кожаный мяч и слава.

Ныне мы частенько уже сидим с ним рядом, в ложе прессы большого нашего или зарубежного стадиона, потому что сосед мой давно стал нашим прославленным коллегой, отличным спортивным журналистом, превосходная, умная и яркая книга которого о большом футболе выдержала уже три массовых издания. А на страницах наших центральных газет и журналов то и дело появляются очень добротно написанные, остроумные и в то же время полные какого-то изящного понимания футбола очерки и корреспонденции, под которыми стоит подпись: «Заслуженный мастер спорта Андрей Старостин».

Старостин! Старостины!! Братья Старостины!!! Вслушайтесь: ведь это не только фамилия, не только знаменитая династия, долгие годы царствовавшая на зеленых полях советского и международного футбола. Это почти нарицательное имя.

Подобно тому как когда-то мяч шел по полю от брата к брату, так в семье этой от старших к младшим передавались лучшие заветы и традиции советского спорта.

О каждом из этих прославленных братьев можно было бы рассказать немало увлекательного и волнующего. Но сейчас по случаю недавнего шестидесятилетия одного из братьев — Андрея Старостина — мы говорим именно о нем.

Я пишу об Андрее Старостине с давним и неизбывным восхищением, хорошо помня, каким заразительно-неутомимым, вдохновляющим всех в самые трудные минуты матча, каким сокрушительно-напористым и в то же время техничным и рыцарски корректным по отношению к противнику был он всегда на поле, как бы ни складывалась игра. Я помню его и в календарных матчах «Спартака», и на капитанском посту наших сборных, и знаю, каким авторитетным начальником, старшим товарищем был он совсем еще недавно в сборной команде Советского Союза.

Я пишу об А. Старостине с искренней сердечной признательностью, потому что он помог многим любителям спорта и мне лично ощутить глубже, шире суровую и пленительную суть, красоту и психологию атлетической игры, рассмотреть ее многие, часто пропускаемые зрителем-профаном перипетии.

Я пишу об Андрее Петровиче Старостине с глубоким уважением, как о настоящем гражданине, коммунисте, стойко перенес-

шем горькие беды, несправедливо коверкавшие на время его чистую жизнь... Пишу с любовью, как о человеке удивительно артистичном по своей натуре, разностороннем, влюбленном не только в спорт, но и в литературу, в искусство. Недаром с ним давно уже крепко и душевно дружат крупнейшие мастера советской сцены, писатели, музыканты. И не случайно, когда мы недавно летели вместе с ним в Англию на чемпионат мира по футболу, я увидел у него в руках томик писем Байрона, с которым он не расставался и в самолете.

И не скрою, мне было чертовски приятно и радостно видеть на лондонском стадионе «Уэмбли» во время матчей большого футбола мира рядом с собой, в журналистской ложе, ставших нашими товарищами по литературно-корреспондентской работе знаменитых братьев: старшего, Николая Старостина, давно признанного «папу Колю», и Андрея Петровича, которого все спортсмены, все любящие футбол и отзывающиеся биением своих бескорыстных сердец на трепетание мяча в сетке недавно поздравили с заслуженным и славным юбилеем.

1966 г.

ГОЛОС СО СТАДИОНА

С него-то все и началось! Да, от него все и пошло. Он первым сделал все, что было наиболее интересным из происходившего на стадионах, слышным в то же самое мгновение по всей стране.

Не так уже много народа видело его и знает в лицо. Но голос этот знаком миллионам, и все тотчас же, с первого произнесенного им слова узнают его: «Вадим Синявский передает!».

Вадима Святославовича Синявского можно по праву считать пионером спортивного радиорепортажа и, по существу, родоначальником этого жанра передач у нас. Сам спортсмен, игравший в одном из московских футбольных клубных команд, он сохранил верность спорту на всю жизнь и безошибочно нашел свое призвание, работая в Радиокомитете, у микрофона на стадионе. Четкая дикция, чуточку резковатый тембр голоса, хорошо пробивающийся сквозь любые атмосферные помехи, великолепная реакция, которой позавидовал бы любой вратарь или фехтовальщик, безукоризненное знание всех видов спорта, и в первую очередь футбола, темпераментный речитатив, отлично поспевающий за всеми перипетиями событий, совершающихся на поле, на беговой

дорожке, огромная внутренняя заинтересованность подлинного любителя и знатока, иной раз переходящая в страсть болельщика, но сдерживаемая дисциплиной радиокомментария, призывающей к нелицеприятности, — весь этот разнообразный арсенал выразительных средств стремительно сделал Синявского не только популярнейшим человеком в радиоэфире, но и как бы живым символом звучания спорта — «на слух».

Я помню годы, когда еще радиорепортаж был у нас в новинку. И мне часто приходилось слышать, как изумлялись радиослушатели, когда из репродукторов доносилась характерная скороговорка: «Удар! Еще удар! Штанга! Добивать надо! Бить! Ну? Ой-ей-ей-ей!..».

— Ну и шпарит! — удивлялись слушатели. — И как только поспевает за всем? Это опять тот самый, что намедни выступал. Вадим зовут, Синявский, кажется.

Но это было давно. Даже самые далекие от спорта люди прочно запомнили и голос и фамилию нашего популярнейшего радиокомментатора и уверенно отличают его от всех других.

А мне самому еще тридцать с лишним лет назад уже доводилось наблюдать непосредственно за тем, как работает Вадим Синявский у микрофона, частенько деля с ним место в комментаторской будке стадиона. И я не скрою, что многому учился у Синявского на первых порах моей радиоработы в области спортивного репортажа. Иногда, просидев на стадионе возле Синявского во время какой-нибудь бесцветной и скучной игры, выпавшей в этот раз на долю нашего неутомимого комментатора, и подивясь многообразию интонаций, искусству подмечать интересные блесточки, изредка освещавшие серый фон матча, я возвращался домой и слышал:

— Ну что? Хороша игрушка была? Получил, небось, удовольствие! Мы и то, не видя, тут напереживались. Синявский уж не поскупился на краски...

И я не хотел разочаровывать моих домашних, которых мастерство и темперамент Синявского полностью убедили в том, что они слышали рассказ о матче упоительно интересном.

Писательская и журналистская судьба много раз сводила меня с Вадимом Синявским не только в комментаторской будке на стадионе, но и в местах очень далеких от футбольного поля. В 1935 году, например, мы с ним вместе были командированы в составе спортивной делегации Советского Союза в Турцию. Кто хорошо знает историю нашего спорта, тот, конечно, помнит, что на обратном пути из Стамбула в Одессу наш корабль «Чичерин», на котором мы возвращались домой, попал в чудовищный шторм

и был брошен огромными волнами на подводную отмель неподалеку от румынского мыса Мидия, на котором стояло уже немало крестов и отметин, напоминавших о погибших тут кораблях. На всю жизнь врезалась в память та жутковатая ночь, которую мы провели на накренившемся, заливаемом волнами, тяжко бьющемся днищем об отмель судне. Спортсмены наши, впрочем, держались с безукоризненным и дружным спокойствием. И вот, когда в пустовавший трюм залили воды, чтобы корабль крепче осел на отмель и не бился о нее, футболисты наши собрались в кают-компании. Все молчали. Положение наше оставалось еще неясным. Вызванный нашим капитаном по радио из Одессы спасательный корабль сообщил, что должен резко свернуть с курса, так как ему необходимо спасать оказавшийся в безнадежном положении греческий пароход. Тихо было в кают-компании. Только иногда, при очень уж гулком ударе волны в борт, раздавался всем знакомый и невозмутимый голос Вадима: «Удар!.. Еще удар!..».

В паузах между ударами штормовых валов, рушившихся на нашу палубу, мы вдруг стали слышать какой-то слабый, но частый стук где-то возле нас, прямо вот тут, рядом, в кают-компании. И тут мы увидели, что у одного из известнейших наших футболистов, форварда сборной команды Советского Союза, лихорадочно стучат колени одно о другое. Парень изо всех сил старался сдержать себя, но ничего не получалось. И тогда вдруг Синявский шагнул к дивану, взял оттуда подушку, обошел нервничавшего футболиста сзади и осторожно, очень вежливо и заботливо просунул ее между его коленями.

— Твои колени, Вася, государственное достояние, — сказал очень серьезно Вадим. — Побереги их. Они еще пригодятся.

Таким же невозмутимым, порой даже ироничным, видел я Вадима Синявского и на фронте. Мне довелось работать с ним в одной радиобригаде на 1-м Украинском фронте, когда наши войска под командованием генерала Ватутина готовились к последнему удару для освобождения Киева. У нас был хороший радиоприемник. И ночью мы услышали сообщение Информбюро об освобождении от фашистов одного из близлежащих, как тогда выражались, «населенных пунктов» у самого Днепра. Жившие по соседству с нами в той же деревне, где остановились мы, корреспонденты других газет ничего об этом еще не знали. В Синявском проснулся вполне простительный при подобных обстоятельствах репортерский азарт.

— Поехали! — предложил он немедленно, и в голосе его я услышал хорошо знакомые мне интонации, которые мы слушали

обычно, когда он начинал комментировать очередную атаку футболистов на ворота противника. — Двинули, товарищи! Сейчас же! Воткнем всем перо. У соседей наших радио же нет. Значит, мы первые попадем в Ч. Запишем репортаж на тонфоли, через нашу рацию дадим все прямо в Москву. Вот будет номер!

— Удар! Еще удар! — пошутил, помнится, я, захваченный возникшим в нашей радиоизбе ажиотажем.

Мы вскочили в наш радиокомитетский «виллис» и помчались в населенный пункт Ч. Вадим держал на коленях карту местности, подсвечивая на нее электрическим фонарем, прикрытым ладонью.

— Давай, давай! Гони, — наседал он при этом на шофера.

Вдруг я услышал где-то поблизости выстрелы. Один, второй. Мне ясно показалось, что пули просвистели над самым брезентовым верхом нашего «виллиса».

— Слушайте, Вадим, — робко сказал я, — если не ошибаюсь, стреляют.

— Если не ошибаюсь, — ехидно заметил Вадим, — мы с вами едем не на стадион «Динамо». Тут, между прочим, фронт. А на фронте, как известно, стреляют.

— Это верно, — смиренно согласился я, — но стреляют, по-моему, где-то сзади, а не впереди.

Синявский сказал шоферу, чтобы тот остановил машину. Раздались еще два выстрела, один ближе другого. И явно — позади нас. И оттуда же из тьмы, где раздавались выстрелы, мы услышали... впрочем, я не имею возможности дословно передать то, что мы услышали. Приведу лишь, так сказать, схему доносившихся до нас реплик:

— Сто-ой!!! Куда вы едете, растуды вас? Сто-ой!!

Мы мгновенно выскочили из машины. К нам подбежал молодой солдат с винтовкой. Он был вне себя, он чуть не плакал.

— Куда же вы заехали?! Я же вам стреляю. Кричал, кричал, потом стрелять стал. Ну куда вы едете?!

— К нашим, в Ч., — бодро сказал Синявский.

— К нашим, к вашим, — сказал, отдуваясь после быстрого бега, солдат. — Были там с вечера наши, а ночью повышибали нас. Опять там фашисты. Вон там за бугром. Куда же вас понесло?! Жизнь надоела?

— Так, — произнес Синявский, — удар мимо ворот! Надо поворачивать обратно.

— Да легче вы! Вы куда заехали-то, соображаете? Тут поле минное. Заминировано все вокруг. Я за вами бежал и то на цыпочках... А вы с машиной!

— Поезжай на самой малой,— сказал Вадим нашему шоферу. — А я пойду впереди, буду дорогу щупать.

И он действительно принялся щупать руками дорогу, то и дело прогибаясь и двигаясь на четвереньках перед нашей машиной. Уже слегка рассвело, но, как нам объяснил Вадим, на зрение он свое уже не надеялся. Ведь мало кто знает, что незадолго до того специальный корреспондент Всесоюзного радиокомитета Вадим Синявский был в Севастополе и, записывая на Малаховом кургане радиорепортаж о действиях наших артиллеристов, был тяжело ранен снарядом, лишившим его одного глаза и едва не оставившим совсем без зрения...

Но он работал фронтовым спецкором до конца войны, вел записи на хрупкие тонфолевые пластинки на самых опасных участках. И как приятно, как радостно было снова сесть с ним рядом у микрофона — и на Красной площади в дни больших наших праздников, и на стадионе во время матча или спортивных праздников в честь международного молодежного фестиваля! Или где-то на зимнем олимпийском стадионе в Кортина д'Ампеццо... Уже выросла и заняла свое место у микрофонов целая плеяда спортивных радиокомментаторов. Но старейшиной этого неутомимого, вездесущего и звонкогорлого племени по-прежнему считается Вадим Синявский. И, слушая по радио очередной репортаж его со стадиона, я, несколько переиначив его излюбленную формулу, повторяю про себя:

— Год! Еще год! Еще!..

И пусть будет так как можно дольше!

1966 г.

ЛЕВ ПОКОРЯЕТ БОГИНЮ

1. Так проходили дни у Вилли

Как известно, предварительные игры IV подгруппы чемпионата мира по футболу проходили в городах Сандерленде и Мидлсбро. И пока на их полях шли сражения за выход в четвертьфиналы, мы, корреспонденты, жили в Сандерленде, в одном из его колледжей — огромном современном десятиэтажном здании.

В номере у каждого из нас на письменном столе красовалась переносная, на раздвижной многоколенчатой стойке лампа, которой обычно пользуются чертежники в конструкторских бюро.

При ее свете поздними вечерами так и тянуло производить всевозможные расчеты, строить графики и выводить замысловатые кривые прогнозов, на которые стал так падок хор болельщиков всего мира. Но известно, что специалисты односторонни, а мяч кругл. И многие прикидки и расчеты лопнули, а умозаключения некоторых наблюдателей провалились.

Алгебра, которой пробовали проверить гармонию футбольных битв, так же подвела, как и пристрастие к экзотике.

Уже самый первый матч — Англия — Уругвай — сломал многие схемы и принес негаданную сенсацию там, где ее не ждали. А те, кто ожидал сенсацию в матче СССР — КНДР и сообщал на ухо тайные данные по «секретному оружию» Кореи, должны были довольствоваться результатом, который предугадали мы, старые спортивные «волки». Корейцы действительно играли слаженно и с подлинной самоотверженностью. Такая игра принесла им в дальнейшем заслуженную победу в матче с командой Италии и трудную, выстраданную ничью со сборной Чили, но во встрече с нашими ребятами одной слаженности и самоотверженности было мало. Уровень спортивного мастерства всех шестнадцати сборных, приехавших в Англию, чрезвычайно высок. И, как мне показалось после трудных матчей, которые я имел возможность увидеть, характерная особенность «футбола-66» — ставка на монолитное единство действий, на высочайший уровень игрового соперничества, а не на фаворитов сборных, собирающих в себе, как в фокусе, все лучшие надежды своих команд.

Мы видели игру превосходную там, где был великолепно организован коллектив.

Совершенно оглушительным ударом по всем прогнозам явилось поражение двукратных чемпионов мира, которых уже прочили в трехкратные, — бразильцев от сборной Венгрии. Венгры, проигравшие свой первый матч Португалии, были на этот раз безукоризненны и отмобилизованы до предела. Бразильцы же показались мне, особенно в защите, несколько отяжелевшими. Молниеподобные венгры на большой скорости обходили их, напоминая своими финтами зигзаги слаломистов.

Мое впечатление о слабости защитных линий сборной Бразилии подтвердилось еще раз во встрече чемпионов с командой Португалии, беззастенчиво расправившейся со знаменитым Пеле... Вот это уж была настоящая сенсация: дважды чемпионы мира потерпели второе поражение подряд.

Еще много хлопотных волнений и дел было у символического и духовного, так сказать, хозяина матча, симпатичненького мордастого львенка Вилли в футболке из английского флага. Он тор-

чал и в витринах, и в петлицах; он был из пластмассы и из кожи. Он был вездесущ.

Четыре флага гостили в эти дни в Сандерленде и Мидлсбро. Сенсации и потрясения от матчей перемещались из города в город. Но что делалось здесь в те дни, когда играла сборная Италии! Англичане не видели такого количества итальянцев со времен древнеримской оккупации. Перед глазами мелькали красные, голубые, белые розетки и банты, трещали, ревели, звонили, вопили дудки, трещотки, трастюллы, колокола, пищалки. И все это настроение как бы символически выражала реклама: в витрине одного магазина стоял телевизор с экраном, в котором застрял, пробив его, мяч.

Тиффози — итальянские болельщики — буквально оккупировали стадион «Рокер парк». У каждого из них было не менее двух лозунгов с надписью «Форо, Италия!», и каждый вопил за троих.

Наших болельщиков было меньше, но вели они себя так же старательно.

Мне запомнилась одна трогательная встреча с семьей местного любителя футбола, страстно желавшего победы нашей команде. Сам папаша щеголял в шляпе, на которой было написано «Русия», а двое детей несли рейку с развевающимися лентами красного цвета. Даже над коляской самого младшего представителя этой семьи колыхалась красная ленточка. Так как денег на билеты этому многолюдному семейству, видно, не хватало, то отец привез всех на тренировку, где наша сборная знакомилась с полем.

Матч прошел, как известно, напряженно и очень интересно. В хоре голосов, приветствующих нашу команду, явно слышались возгласы, адресованные Хурцилаве: «Давай, давай, генацвале!». Это помогали нам болеть за своих артисты ансамбля грузинского танца, успешно гастролирующие в Сандерленде. Самое важнсе и самое приятное, самое замечательное в этом матче — гол, который забил Игорь Численко. «Неотразимо и ослепительно», — как писали в местных газетах. Забитый «с ракетной силой», он был не случайной удачей, не результатом попустительства и ошибки итальянской защиты, а итогом подлинного энтузиазма и того преимущества, которого добилась наша команда, играя с сильными итальянцами. Матч СССР — Италия, несомненно, сказался на следующем выступлении итальянской команды. Растерянная после поражения, «Скуадра адзурра» так и не нашла в себе сил, чтобы противостоять энтузиазму и натиску корейцев.

Из наших футболистов самой огромной популярностью в Англии пользовался Лев Яшин. «Рокер парк» высоко оценил тот момент, когда в удивительном броске Яшин спас нашу команду от неминуемого гола в матче с итальянцами.

Итак, восемь сильнейших сборных, имена которых вам известны, продолжали свой спор за «Золотую богиню». А мы поспешили в Лондон, где наступали самые напряженные дни штурма вершины мирового футбола. О чем и имел честь сообщить уважаемому читателю ваш специальный корреспондент, тоже Лев, но не Вилли, не Яшин, а всего лишь — Лев Кассиль...

2. Четыре года и три недели большого футбола

Седоватый толстяк с большими, смущенно притаившими печаль глазами сидит за столиком бара в Лондонском аэропорту и, медленно попивая кофе, водя ложечкой по дну чашки, ведет с нами невеселую беседу. Имя этого человека лет восемь не сходило со страниц спортивной печати и носилось на радиоволнах по всему миру. Это сам Феола — знаменитый наставник и тренер еще три недели назад казавшейся многим непобедимой футбольной команды Бразилии, за восемь лет привыкшей быть обладательницей Кубка Жюля Риме, восемь лет гремевшей своей ослепительной славой под золотым крылом богини Нике, готовившейся стать в третий раз, и значит навечно, хранительницей ее, а ныне с ней распрощавшейся.

Пользуясь долгой задержкой нашего самолета, оказавшегося, к конфузу известной английской авиационной фирмы БЕА, неисправным, мы ведем деликатный разговор с почтенным грустноглазым человеком, питомцы которого дважды выигрывали самый драгоценный приз самого большого футбола в мире. Один из моих спутников, страстный почитатель спорта и неутомимый коллекционер всевозможных футбольных реликвий, извлекает из дорожной сумки своей футбольный мяч, сплошь покрытый подписями знаменитейших игроков нашей советской и ряда зарубежных команд, и просит именитого бразильца оставить на кожаной сфере автограф. Феола берет мяч, медленно поворачивает в руках перед собой и смотрит на него примерно так, как смотрел Гамлет на череп бедного Иорика.

— Трудно сказать что-нибудь о том, выдержала или не выдержала проверку на английских полях система нашей игры, — говорит Феола, отвечая на заданный ему незадолго до этого вопрос одного из собеседников. — Мы были физически выбиты из турнира... Вы же сами все видели, господа. Мы предлагали дру-

гой футбол. Мы рассчитывали на победу над противниками, а противники сделали ставку на истребление наших игроков.

Я слушаю негромкий голос Феолы и вспоминаю, как три недели до того, 11 июля, на этом же Лондонском аэродроме мы, спускаясь с трапа московского самолета, увидели прежде всего перед собой зеленые флаги, зеленые розетки, зеленые банты, несколько нас озадачившие, так как цвета эти не входили в гамму красок английского флага. Но оказалось, то были вовсе и не английские, а бразильские флаги, бразильские розетки и банты. И аэропорт был заполнен шумливыми смуглолицыми и подвижными бразильцами, которые тысячами съехались в Англию, чтобы сопроводить свою любимую команду на ее пути к новой славе, сулившей переход Золотого кубка в вечное владение их страны. У многих из встретившихся нам тогда в залах Лондонского аэровокзала в розетках национальных цветов Бразилии было написано: «Великий болельщик»... Впрочем, все было ясно и без этой авторекомендации: средней руки болельщик не поедет за тысячи километров через океан в другое полушарие, чтобы присутствовать на играх даже самой любимой своей команды. Ведь это стоило огромных денег!

А сегодня наш собеседник, прислушавшись к радио, оповестившему зал, что начинается посадка на самолет Лондон — Париж, тяжело поднимается, раскланивается с нами, берет пальто и, направляясь к выходу на летное поле, говорит негромко:

— Да, сначала побуду в Париже, отдохну немного, приду в себя... А домой не раньше чем через месяц. Там лучше мне сейчас не показываться...

Вот так же выходил из здания Технического колледжа в Сандерленде, где был наш пресс-центр, дней девять до этого Фабри — тренер итальянской национальной команды, дважды давшей «петуха» вместо ожидаемого «бельканто» и, как известно, после проигрыша нашим футболистам и корейским сошедшей с турнирной дорожки. Честно говоря, мне не полагалось быть на этой беседе с итальянскими журналистами, для которых он давал закрытую пресс-конференцию. Но толстая сигара и итальянская фраза, которой я обменялся у входа в зал с одним из римских журналистов, знакомым мне хорошо по нескольким олимпийским играм, послужили, по-видимому, пропуском в помещение, и я стал свидетелем состоявшегося и, признаться, удивившего меня по тону разговора представителей некоторых итальянских газет с заслуженным, недавно еще пользовавшимся уважением соотечественников человеком. Вопросы звучали резко, с чрезмерной напористостью, а порой и просто бесчеловечно. «Вы знаете,

сеньор Фабри, что огорчили не только всех нас и тех, кто рядом с нами был на трибунах, приехав сюда из Италии, но и обидели миллионы истинных почитателей футбола, веривших в вас и в нашу команду?» — кричали из зала. И Фабри тихо отвечал: «Да, знаю... Но вы, вероятно, понимаете, что более всех вами названных убит был я сам...»

И хотя за день-другой до этого я, сидя за своим корреспондентским пюпитром на трибунах сандерлендского стадиона, яростно болел сам за наших футболистов и вместе с моими друзьями кричал: «Шайбу!» и «Мо-лод-цы!» и полностью разделил в тот день с нашими ребятами восторг и радость победы над сильной итальянской командой, глядя теперь, как понуро и виновато выходил из здания пресс-центра Фабри, невольно ощутил горькое сочувствие к этому, не так уж мало сделавшему для успеха итальянского футбола человеку.

Совсем по-иному, хотя и нелицеприятно и взыскательно, шел разговор руководителей советской сборной с зарубежными журналистами и с нашими корреспондентами. Конечно, что тут таить, было бы еще куда более приятно и радостно, если бы мы совершили обратный путь из Лондона до Москвы на крыльях «Золотой богини». Но только люди, далекие от спорта, уделяющие ему свое внимание лишь в дни чрезвычайных по важности состязаний мирового масштаба, не понимают сегодня, как важны и обнадеживающи для нашего отечественного футбола общие итоги выступлений сборной команды СССР на английском финальном чемпионате по футболу. Возможно, что не полностью оценят эти результаты и те безудержно восторженные при победах и раздраженно разочаровывающиеся в случае малейшей неудачи своей команды болельщики, которые всегда хотели бы лишь поздравлять нашу команду и не желают знать никаких огорчений. А без них, без огорчений, настоящего спорта не бывает. Может быть, истинная прелесть большого спорта в том и заключается, что он постоянно таит в себе элементы игры, то есть самые разительные неожиданности. Я уже говорил об этих, порой оглушающих, ниспровергающих все прогнозы и частенько озадачивающих специалистов неожиданностях. Конечно, надо заранее точно представлять себе силы противников и свои собственные. И нужны определенные расчеты и разработанные тактические предварительные соображения и по части расстановки игроков на поле, и в области общего тактического рисунка предстоящего состязания. Представления о возможностях нашей команды, об уровне ее силы и мастерства у нас имелись и до начала английского финала. И все, что мы знали о нашей команде и о пятна-

дцати ее соперниках, заставляло нас верить в успех больший, чем был достигнут советскими футболистами на прежних розыгрышах первенства мира по футболу в Стокгольме и Чили.

Но смешно было бы скрывать, что люди, внимательно следящие за календарными играми внутри страны, за выступлениями нашей сборной у себя дома и за рубежом, трезво понимали: если дойдем до полуфинала, то есть преодолеем уже дважды бывший для нас роковым четвертьфинальный барьер, — это уже будет успех немалый. И вот это произошло. Мы уверенно вышли на первое место в своей подгруппе, отлично провели трудный матч в четвертьфинале с венграми, добившимися до этого успехов почти сенсационных, и дошли до полуфинала. Четвертое место в таком сложном, предельно трудном для каждого из участников и исполненном разительных неожиданностей состязаний, каким был английский финал мирового первенства по футболу, одиннадцать бронзовых медалей, завоеванных нашей командой, — это, поверьте, для тех, кто серьезно задумывается о судьбах советского футбола и постоянно следит за ним, результат, вызывающий уважение и немалое удовлетворение.

Конечно, всегда хочется большего. И кому из нас не мечталось втихую, что из самолета, опустившегося в августе на дорожку Шереметьевского аэродрома столицы, выпорхнет, играя на солнце золотыми крылышками, футбольная богиня мира. Но не пришел еще тот день. Однако он, несомненно, приблизился, и вера в то, что день такой сбудется, окрепла, утвердилась после того, как мы видели мужественную, упорную, энергичную, подчас подлинно самоотверженную игру нашей сборной на английских полях.

Но пока что мы должны мужественно и честно признаться, что английская «прописка» богини Нике на ближайшие четыре года должна быть признана законной. Англичане, начавшие финальный чемпионат не очень уверенно, не сумевшие в день открытия игр на «Уэмбли» сладить с не очень сильной командой Уругвая, набирали силы от игры к игре. Они сумели в полуфинале закрыть свои ворота от неутомимого и всепроникающего Эйсебио, переиграли темпераментных португальцев, а в финале, полном исключительного драматизма, не спадавшего до последнего мгновения, остановили силовой натиск германцев, не растерялись после гола, пропущенного ими в начале игры, выдержали горчайшее разочарование в последнюю минуту второго тайма, когда счет перестал быть победным для Великобритании и Кубок Жюля Риме опять повис как бы над центром поля, сумели найти в себе резерв сил для энергичнейшего наступления в дополнительном

тайме и, наконец, подтвердили свое бесспорное преимущество над грозным противником мячом, забитым в самую последнюю секунду чемпионата...

Спорт — дело чистое, не терпящее демагогии, лжи и затаенной злобы. Только что непримиримо сражавшиеся друг с другом соперники, едва просвистел финальный сигнал судьи, становятся товарищами. И я не скрываю, что всем сердцем разделил искреннюю и жаркую радость за наших английских друзей, когда вслед за мячом, влетевшим в сетку команды ФРГ, пронесся звук судейской сирены, возвестившей о конце мирового чемпионата, и английские футболисты, обнимаясь, плача от счастья, валясь от усталости с ног, падая на колени, припадая ничком к траве, поднялись затем и сбежались к центру, чтобы оттуда уже подняться на трибуну и получить в руки драгоценный Золотой кубок. О, что творилось в этот миг на стадионе! Тысячи людей вокруг нас пели, вскочив со своих мест, бросались друг другу в объятия... Да что там на стадионе! Праздник вторгся в Лондон. Я оказался у самых дверей пресс-центра в «Ройял Гарден отеле» в тот самый миг, когда, с великим трудом пробравшись по забитым до предела улицам, красный сверкающий автобус доставил победителей и Золотой кубок на прием, который устраивался в честь участников чемпионата и во славу его победителей. Рослые «бобби», полицейские, с предельной натугой удерживали огромные толпы болельщиков, запрудившие соседние улицы. В воздух летели цветы, ленты. Возносились флаги. Толпа пела, скандировала приветствия. И вот они, победители, любимцы, поднялись на большой балкон. И Золотой кубок переходил у них из рук в руки над головами буквально бесновавшейся внизу толпы. А потом ликование перекинулось на другие улицы, и автомобилям, автобусам уже не пробраться было ни по Оксфорд-стрит, ни по Пикадилли. А на знаменитом Трафальгарском сквере, у колонны Нельсона, самые ярые из болельщиков кидались в подсвеченные струи фонтана, но и это не охлаждало их пыла.

До поздней ночи шагали с транспарантами, толкались, пели, поздравляли друг друга на улицах огромного города люди, обернутые в национальные флаги... Везде звучали песни, смех, поздравления.

— Этого Лондон у нас не видел даже в самое веселое рождество,—сказал нам один старожил, достопочтенный джентльмен с национальной футбольной розеткой на пиджаке и со второй такой же на котелке диккенсовских времен.

Причем каждая из этих розеток была размером больше чайного блюдца.

Не хотелось уходить с улицы... Уж очень по-хорошему бескорыстно и дружно радовались люди вокруг нас тому, что Золотой кубок достался после такой трудной борьбы их соотечественникам...

3. Прощай, Вилли! Гуд бай, Нике!

В дни чемпионата мы, посмотрев очередной матч где-нибудь в Сандерленде, Мидлсбро или на «Уэмбли», успевали вернуться к себе в отель к тому часу, когда по разным программам телевидения начинали передавать специальные футбольные выпуски. На экранах телевизоров демонстрировались, так сказать, избранные моменты только что состоявшихся игр, показывался общий ход матча, монтаж наиболее примечательных эпизодов. А затем обычно следовал аналитический просмотр прошедших матчей, сопровождаемый комментариями виднейших футбольных специалистов Англии и эрудированных комментаторов. Иногда наиболее важные и заслуживающие специального рассмотрения моменты демонстрировались по нескольку раз. Сначала, например, мы видели на экране просто кусок игры, эпизод, завершившийся голом. Потом этот этап игры показывался в замедленном темпе, и мы, вспоминая только что промелькнувшую перед нами на стадионе сцену, могли проследить, как осуществлялась атака, как действовал тот или иной игрок, по какой схеме прошел мяч. А самый кульминационный миг, когда мяч оказывался, допустим, в воротах или гол был предотвращен в последнюю секунду вратарем, давался стоп-кадром, то есть с полной остановкой движения и концентрацией внимания зрителя на неподвижном изображении.

Это позволяло точно оценить индивидуальные и коллективные действия футболистов, раскрывало тактический смысл отдельных эпизодов, иногда ускользавших от нас на стадионе. А порой тут и решались сами собой кое-какие споры, возникавшие на поле и на трибунах в горячие минуты игры.

И вот сейчас, когда уже давно сняты флаги шестнадцати стран с белых мачт у роскошного подъезда «Ройял Гарден отеля», когда уже розданы награды, премии и медали и три недели самого большого на свете футбола, бывшие вершиной и апофеозом очередного футбольного четырехлетия, позади, я перелистываю бюллетени пресс-центра, торопливые свои заметки в блокнотах, с которыми ходил на матчи. И мне кажется, будто я еще и еще раз просматриваю волнующие моменты из уже виденного и опять вглядываюсь в замедленные изображения его или стоп-

кадры. И какие-то частности и детали становятся еще более ясными и бесспорными.

Сказать по совести, после некоторых первых игр, виденных мною в Англии, мне сперва подумалось о том, что мировой футбол, может быть, переживает сейчас известный кризис, что высокое спортивное искусство, которым так захватывает нас футбол и которое так пленяло нас в бразильском стиле, сменяется ныне силовой, бесшабашно напористой, порой не знающей даже элементов рыцарского благородства, грубоватой борьбой. Не тонкое и вдохновенное обыгрывание противника, а физическое подавление его. Не преодоление мастерством и тактикой, а схватка «на снос»... И надо сказать, что для подобных опасений некоторые основания на первых порах английского чемпионата были. Да и судейство, не всегда находившееся на должной высоте, предоставляло возможность чересчур уж примитивно и прямолинейно проявлять на поле в открытую физическую силу, порой весьма некорректно. Потом, как бы спохватившись и опираясь на суровые решения дисциплинарных органов чемпионата, судьи стали наводить порядок на поле, порой уже с излишней поспешностью и размашистостью. Это, в свою очередь, приводило иной раз к излишне поспешным выводам рефери, оказывавшим прямое влияние на результаты игр.

И некоторые команды, например та же команда ФРГ, в какой-то мере использовали такие просчеты судей. Футболисты подчас весьма хитроумно, оставаясь безнаказанными, вызывали такие контрдействия противника, которые приводили немедленно к судейскому свистку, к штрафным ударам, а порой и к более серьезным репрессиям. И ведь не случайно, что в играх с германцами, умеющими отлично проявлять и свои силовые качества, противники их то и дело встречались с судейскими осложнениями и чуть ли не в каждом матче даже лишались игроков, удаленных с поля. Между тем сами германцы играли подчас далеко не по-джентльменски. На первых же порах матча нашей команды с ними в полуфинале Сабо был несколько раз снесен, тяжко ушиблен и, по-существу, выбыл из игры.

Как известно, итальянский судья, видевший, какие травмы нанесены Сабо, не реагировал на такой стиль игры. Не остановил он игру и в тот момент, когда был сшиблен Численко. А, как известно, после падения его германцы перехватили мяч, нависли на ворота — и гол был забит.

Я ни в какой мере не оправдываю рокового поступка Численко, он, по-видимому, не сумел справиться с болью и обидой, совершенно недопустимо «срезал» обидчика, у которого в тот

момент и мяча даже не было. Конечно, проступок, требующий судейской кары. Но казалось бы, что справедливость требует и того, чтобы упущения, совершенно явные, приведшие к тому, что один из игроков нашей команды фактически уже выведен из строя, были бы тоже учтены. Однако судья решил прибегнуть здесь к «высшей мере наказания» и лишил нашу команду еще одного игрока. В тот миг мы уже все ясно понимали, что полуфинал нами проигран... Ведь всю вторую половину матча наши ребята играли, по существу, вдевятером. Надо только поражаться волевой стойкости и подлинно героической настойчивости нашей команды, которая сумела в таком трагическом положении уйти от «сухой» и забить все же один гол в ворота противника.

Жаль, что этого упорства и спортивной бдительности не хватило у наших футболистов во время матча за третье и четвертое места с Португалией. Ведь решивший игру мяч, благодаря которому мы уступили третье место португальцам, был забит на последней минуте второго тайма. Не будь этого, дополнительный тайм при том утомлении, которое уже чувствовалось у противников, оставлял бы большие и реальные надежды на победу.

И еще раз возвращаясь к своим записям, «замедленной съемке» виденного, хочу остановиться на моменте, который в финальном матче между хозяевами поля на «Уэмбли» и командой ФРГ вызвал столько вздорных кривотолков. Я имею в виду третий гол в ворота германцев, забитый англичанами в дополнительное время. У нас, хорошо видевших все, что происходило у ворот, и тогда не было никаких сомнений в законности решения швейцарского судьи, засчитавшего гол после краткой консультации с Тофиком Бахрамовым, несшим в этой игре обязанности судьи на линии. Ничего нет предосудительного в том, что судья, не до конца в первый миг уверенный во взятии ворот, решил проверить себя, прежде чем вынести окончательное решение, обращением к боковому судье. Бахрамов подтвердил, что мяч был в воротах команды ФРГ. Игроки ФРГ попробовали было возражать, впрочем весьма нерешительно. Но тысячи германских болельщиков, приехавших с флагами, дудками, дрынчалками, барабанами из ФРГ на матч в Лондон, подняли шум. Да и сидевшие возле меня на корреспондентских местах некоторые журналисты из Западной Германии тоже стали кричать, что «русский судья подыгрывает Англии», что «красный всегда за красных». (Дело в том, что по жребию англичанам выпало играть финал в алых майках...)

Надо ли напоминать, что в самую последнюю секунду этой невероятно напряженной, не только для футболистов на поле, но и для нас, зрителей на трибунах, буквально изнурившей игры, в

секунду, оказавшуюся и финальной секундой всего чемпионата, англичане забили четвертый гол, полностью утвердивший их в правах на владение «Золотой богиней». А в тот же вечер мы дважды видели по телевидению момент, когда мяч в третий раз посетил ворота ФРГ. И в стоп-кадре было с предельной очевидностью показано, что мяч после удара опустился за роковой линией ворот, но не долетел до сетки, а отскочил вверх и был отбит головой одного из прыгнувших в ворота немецких футболистов. Никаких сомнений ни у кого не осталось. Дело действительно решили сантиметры, — на мой глаз, примерно 25—30 сантиметров. Но эти сантиметры, зафиксированные кинопленкой и видеомагнитофоном, подтвердили точность решения швейцарского судьи и его советского коллеги по боковой линии поля. И противно, что в таком хорошем и чистом деле, как спорт, где все взывает к чести, взаимоуважению и мужественной дружбе, кто-то из болельщиков и некоторых деятелей ФРГ хочет развести муть вздорной склоки.

Итак, судьба золотой Нике на ближайшие четыре года определилась. Команды разъехались по своим странам. Вернулась домой 2 августа и наша команда. С бронзовыми медалями в своем богаже. Ребята оправдали наши надежды, хотя, быть может, и не дали сбыться мечтам пылких болельщиков. Нужно сказать, что команда наша, особенно ее защита, произвела хорошее впечатление и на нас, и на зарубежных обозревателей и специалистов. Особенно восхищали непостижимая реакция Яшина и игра капитана Шестернева. Несколько слабее обстоит у нас пока дело с нападением. Дело тут не только в том, что мы не располагаем в этой линии звездами такой величины, как, скажем, Бобби Чарльтон, венгр Альберт, португалец Эйсебио. Беда, что наши молодые нападающие, вроде Банишевского или Малафеева (а также и хорошо сыгравший Паркуян), не вошли еще органично в ту систему атак, которой придерживается наша сборная, явно уступавшая в этом плане лучшим командам чемпионата. Нападающие наши играют пока еще «узкоколейно», не умея использовать просторы поля. Но приятно, что в защите и в нападении у нас уже имеется немало весьма обнадеживающих игроков, у которых еще все впереди. А впереди и игры на первенство Европы будущего года, и — через четырехлетие — новый чемпионат мира в Мексике.

А пока футболисты наши возвращаются в свои родные клубы, в команды, которые их взрастили.

Игры в Англии окончены. Итоги финала розыгрыша мирового первенства по футболу вписаны в летописи международного

спорта. Но у нас в календаре розыгрыша первенства страны еще очень много незаполненных листков.

Да и в смысле подбора равноценного основному составу сборной резерва есть еще белые пятна. Игра продолжается!..

Сандерленд — Лондон — Москва
1966 г.

СОСТОИТСЯ ПРИ ВСЯКОЙ ПОГОДЕ

Обращали ли вы когда-нибудь внимание на скромную и гордую фразу, которая в прежнее время всегда печаталась на футбольной афише. «Матч состоится при любой погоде» — гласит эта строка, и вы можете быть уверены, что хотя бы прорвало все небесные шлюзы и тяжкий ливень пал бы на землю и разразилось бы землетрясение или свирепый циклон закрутил бы воздух, воду, песок и листья в жгут, как скручивают прачки белье, — все равно болельщики займут свои места на трибуне и в положенный час судья возвестит начало игры. Мне доводилось видеть игру на юге Турции, когда песчаный ураган обрушился на футбольную площадку, опрокинул ворота и судью мы с трудом нашли под трибуной, куда укатил его ветер. Я видел матч на Волге, близ Саратова, в полузатопленном во время паводка городе, когда стадион, чудом уцелевший на островке, походил на Ноев ковчег во время потопа, с той только разницей, что голуби, несшие благую весть, не прилетали извне, а вышвыривались из-за пазухи болельщиков, когда брала верх местная команда. Был я также на памятном матче команд Валенсии и Барселоны, когда шла в Испании гражданская война и каждый из восемнадцати тысяч зрителей, пришедших на стадион, прочел перед входом воззвание комендатуры и муниципалитета, объяснявшее гражданам Валенсии опасность всякого рода людских скоплений ввиду угрозы воздушного нападения...

Нет, ни одна из этих игр не может сравниться с матчем, на котором довелось мне во время войны присутствовать за Полярным кругом, на одной из баз Действующего Северного флота.

Играли на маленьком стадиончике, который, может быть справедливо, моряки называют самым северным стадионом мира. Здесь скалы подковой обрамляют каменистую террасу, образуя естественный амфитеатр, обращенный к морю. Дугообразная гряда скал концами своими упирается в море. В скалах высечены

ступени и сиденья для зрителей, а на маленьком каменистом плато, обрывающемся в море, моряки разместили футбольную площадку.

Мы пришли на базу, проведя в один из северных портов караван британских, канадских и американских кораблей. И едва наш миноносец «Громокипящий» пришвартовался у пирса, как ребята у нас стали проситься на берег, ибо все знали, что в этот день разыгрывается финальный матч флотской спартакиады. Две команды дошли без поражений до вершины розыгрыша. Две команды оспаривали «Кубок северных морей» — команда базы подводного плавания и команда дивизиона минных заградителей — подплав и минзаг.

Мы поспешили на стадион. Свежий нордовый ветер выл в фиорде, слепой конец которого вмещал маленький стадион — самый северный стадион мира. Тяжелая и злая волна катилась в глубь фиорда, ударялась о берег, и часто брызги долетали до футбольных ворот. День был пасмурный, туман сползал с сопок, в воздухе сыпалась мелкая изморось, но, как всегда, на афишах значилось, что «матч состоится при любой погоде». И скалистый амфитеатр вокруг плато с трудом вмещал всех, кто хотел посмотреть решающую игру подплава и минзага. Я нашел местечко в углублении на скале, недалеко от северных ворот. Сидевшие тут краснофлотцы о чем-то говорили между собой и выглядели хмурыми и озабоченными. Из их разговора я узнал, что все они приверженцы подплава, но дела складываются так, что подводники непременно проиграют заградителям. Я услышал несколько раз повторяющееся в разных концах этого необыкновенного стадиона имя Андрея Самошина. Я уже и раньше слышал о Самошине — лучшем футбольном вратаре Северного флота. Встречал я его и на московских стадионах. Молодой игрок в два сезона завоевал признание на стадионах столицы, и о нем говорили уже как об одном из наиболее одаренных голкиперов Москвы. Потом он уехал учиться в морской техникум и с начала войны служил механиком на подводной лодке, которой командовал Герой Советского Союза капитан 2-го ранга Звездин. На флоте он стал капитаном-тренером и вратарем сборной команды подплава. Защитниками у его ворот стояли Куличенко и Воронков, плечистые и толстоногие парни, оба комсомольцы, оба с той же лодки, на которой плавал механиком Самошин. И так сыгралась эта дружная тройка, что уже шутили про них на флоте: «С такой защитой и на море сухим останешься» — что намекало на «сухие» результаты, с которыми команда подплава обыгрывала противника, не пропустив ни одного мяча в свои ворота.

Куличенко и Воронков обладали стенобитными ударами, хватка и точный бросок Самошина известны были каждому, а на море в походе эта популярная и дружная троица действовала так же слаженно, как у ворот на поле, и пользовалась любовным уважением всего экипажа подводной лодки. На рубке подводного крейсера уже красовалась цифра 14... Четырнадцать вражеских кораблей пустила на дно лодка, которой командовал Герой Советского Союза Звездин. Удачливый и дерзкий командир хаживал не раз в самые опасные районы, проникал в норвежские фиорды, где отстаивались корабли противника, и, как выражался Самошин, «шутовал под самую планку», то есть метким торпедным ударом поражал фашистские транспорты и военные корабли. И, вернувшись на свою базу, лодка Звездина неизменно салютовала орудийными выстрелами, сообщая товарищам на берегу, что поход прошел удачно и задание выполнено.

— Сработали всухую, два ноль в нашу пользу, — говаривал довольный Самошин, вылезая из люка лодки, только что давшей два выстрела из бортового орудия.

Кто бывал на аэродромах бомбардировочной авиации дальнего действия или на базах флота, тот, верно, подмечал своеобразное противоречие между бытом людей, довольно, в общем, комфортабельным, и суровой, полной опасности и лишений обстановкой, в которую сразу попадает человек, отправляющийся на выполнение боевых заданий.

На берегу он может пройтись не спеша с девушкой по пирсу, где вечерами слышатся баян, женский смех и молодые голоса, может посидеть в Доме флота, посмотреть кинокартину. Но вот засвистели боцманские дудки, сняты трапы, отданы швартовые концы, вспененная волна горой встала за кормой, и ты прямо с мирного берега попадаешь в кипучую и жестокую военную водоверть... А потом, если поход прошел удачно и ты благополучно вернулся на базу, снова несколько дней береговой тишины, если только нет тревог, и снова разительный переход к делам и опасностям войны. Все это создает особую манеру, непередаваемый «почерк» береговой жизни.

Необыкновенным был и матч, на котором мне удалось присутствовать. Гулкие удары мяча глохли в тяжелых всплесках волн, бивших с наката в сваи, шлепавших о прибрежные скалы. Белые флажки судей на линии трепыхались от ветра в руках, как пойманные чайки, и казалось, что живые чайки, носившиеся с криком над полем, только что вырвались из рук лейнсменов. За северными воротами стадиона, там, где каменная терраса — площадка стадиона — обрывалась над морем, у берега ходила

дежурная шлюпка. И краснофлотцы то и дело должны были браться за весла, чтобы догонять мяч, который от неосторожного удара падал в море и плыл покачиваясь, как буек. Встав на качающейся шлюпке, краснофлотец вбрасывал мокрый мяч обратно в игру, крича: «Мяч за бортом!», «Стоп игра!», «Взяли!»...

Команда подплава играла в голубых футболках, минзаги — в красных. Голубые в этот день всяческими ухищрениями пытались отменить встречу или хотя бы максимально оттянуть время. Дело в том, что знаменитая защитная тройка находилась еще в море. Лодка Звездина некоторое время назад ушла в большой поход и до сих пор не возвращалась. Матч был назначен на прошлое воскресенье, подплаву удалось перенести игру на сегодня, но лодка и сегодня не вернулась, и, значит, ворота подплава оставались без испытанной и надежной стражи: Самошин, Куличенко и Воронков не могли участвовать в игре. Это повергало в отчаяние и команду и всех, кто болел за подплав. Правда, у подводников нашлись хорошие запасные игроки, и юркий длиннорукий малый, уже разминавшийся в воротах, брал мяч за мячом, пробитый игроками, которые вышли «постучать» перед началом.

Подводники пробовали было отменить матч, ссылаясь на туман и дождь, что делало игру на скользком каменном плато опасной, но «матч состоится при любой погоде» — таков закон людей спорта. И матч состоялся.

Как ни старалась запасная тройка спасти свои ворота, все же через пять минут рукастому вратарю подплава пришлось выгребать из сетки ворвавшийся туда мяч. И оркестр на палубе стоявшего у стенки миноносца заиграл насмешливо: «Понапрасну, Ваня, ходишь, понапрасну ножки бьешь...». Прошло еще десять минут, и опять оркестр помянул Ваню: второй мяч посетил ворота голубых. Болельщики на скалах хватались за голову, в отчаянии сдирали с себя бескозырки и вслух тосковали по Самошину.

А Самошина все не было. Не было Куличенко и Воронкова. Лодка Звездина не возвращалась из моря, и уже несколько дней не было связи с ней. Наши радисты перехватили сообщение с немецких кораблей о том, что лодка была обнаружена и враг преследовал ее....

Игра тем временем продолжалась. Снова нападали красные. Но тут матч пришлось прервать. В порту завыла сирена воздушной тревоги. Вторя ей, залилась сирена судьи на поле, и неумолимые правила противовоздушной обороны заставили игроков и зрителей немедля сорваться с места и поспешить на свои кораб-

Лев Абрамович у своего катера «Швамбрания» на Химкинском водохранилище — 1938 г.

$^{1}/_{2}$ 9—380

В Заполярье, на Северном флоте, 1942 г.

В гостях
у чкаловского экипажа

В гостях у пионеров

Лев Кассиль — почетный пионер

Лев Кассиль в гостях у читателей перед своим юбилеем
Юрий Власов в гостях у Кассиля
У микрофона
На первой елке в Кремлевском дворце

В Белграде, 1946 г.

Автограф для библиотеки

Лев Кассиль в ЦДЛ на вечере-встрече с космонавтами

В гостях у пионеров

Юбилей фильма «Вратарь», апрель 1968 г.

На Дону, 1951 г.

Лев Яшин вручает Льву Кассилю мяч-сувенир

На Красноярском стадионе в 1969 г.

Перед парадом Победы

В Токио во время Олимпийских игр в 1964 г.

ли, поднявшие клетчатые флаги, и в убежища, выдолбленные в скалах. Там, в каменных пещерах, болельщики обступили неудачливых подводников, корили их, умоляли поддержать честь подплава, хватали и трясли за мокрые плечи, стучали себя кулаками в грудь, обтянутую отсыревшей тельняшкой, клялись, божились, ругались. Наверху тем временем стучали зенитки, отбивавшие налет. Потом капитан-лейтенант Сумский, рефери матча, подбегая по очереди к входу всех укрытий, сиреной вызвал игроков и зрителей обратно на стадион. И снова началась игра. Уже висел над воротами подплава третий неотвратимый мяч, как вдруг тяжелый, тугой удар прокатился над морем, и пошел бродить из ущелья в ущелье, и поплыл над сопками, будя чуткое северное эхо. За первым ударом последовал второй, еще более плотный и протяжный. Все на скалах поднялись разом, глядя в сторону моря, и запасной вратарь подплава, успевший поймать шедший в ворота мяч, видя, что на него никто не нападает, так и замер на своей мелом очерченной площадке.

В ворота гавани медленно вползало длинное зеленоватое тело подводной лодки. На узкой палубе тесно, плечом к плечу, рядком выстроились люди, похожие издали на шахматные фигурки. Мигнуло огнем у дула орудия, разбухло серое облачко, потом оно улетучилось — третий удар потряс округу, валко прокатился по фиорду и замер за сопками.

— Вернулись! Пришли! — кричали вокруг меня бегущие к берегу краснофлотцы, взбрасывая на ходу вверх бескозырки и от радости обнимая друг друга. — Три раза пальнули! Считай, три посудины на дно пустили... Ура-а-а! Самошин пришел!

И вдруг обогнавший всех высокий моряк остановился, медленно поднял руку и указал на что-то...

— Флаг-то, гляди, флаг, — тихо заговорили вокруг меня.

— Может, на захождение спускали и фалы заело? Потому не поднят до места, — сказал неуверенно молоденький старшина.

Ему никто не ответил.

Флаг на гафеле лодки был приспущен... Все разом замолчали, с тревогой вглядывались в него. А подводный корабль медленно подходил к пирсу, Звездин стоял на рубке. У него было осунувшееся, небритое лицо с отяжелевшими чертами.

Он приложил руку к козырьку и отдал команду хриплым простуженным голосом.

Вышедший из ворот базы начальник подплава приказал всем немедленно идти на места...

* * *

Прошло полчаса. И вдруг на площадке снова пропела сирена. Перед северными воротами — это был уже второй тайм, и команды переменились местами,— перед северными воротами, над которыми развевалось теперь знамя подводников, появились два плечистых, толстоногих парня в голубых майках, один чернявый, приземистый, другой сутулый, с могучей, выпуклой спиной пловца. Это были Куличенко и Воронков — знаменитые непробиваемые беки подплава. Но ворота подплава оставались пустыми. «Самошина!.. Где Самошин?» — кричали со скал. Тогда Куличенко, тяжело ступая, вышел на центр поля и поднял руку. Стало тихо.

— Товарищи моряки! — сказал Куличенко и набрал воздуха во всю вместительную грудь, широко распиравшую голубую шнуровку футболки.— Товарищи моряки! Самошина нет. Не будет больше стоять у нас в голу Андрюша Самошин. Ввиду того, что двенадцатого числа, на той неделе, погиб смертью храбрых при выполнении боевого задания... И велел без него... Вот перчатки... наказал отдать Васенцеву.

И тут все увидели в руках Куличенко небольшой сверток. Он бережно развернул его, пошел навстречу молоденькому рукастому парню, который должен был заменить погибшего вратаря, и сам надел ему на руки знаменитые заветные перчатки Самошина.

— Бери, Васенцев, и помни, от кого...

В тот момент я еще не знал, как погиб Самошин. Позже, вечером, Звездин рассказал мне, что они были настигнуты сторожевиками противника. Лодку забросали глубинными бомбами. Звездин ушел, но у него оказался заклиненным горизонтальный руль. Пришлось всплыть и чиниться. Самошин сам вызвался исправить повреждение. По горло в ледяной воде работал он. Однако вскоре лодку выследили немецкие самолеты. Проводники зенитным огнем отгоняли налетчиков, но разрывом бомбы Самошин был тяжело ранен. Он продолжал работать на руле, отказывался подняться на палубу, пока не потерял сознание. Самошина еле успели втащить на лодку, волна чуть было не унесла раненого в море. Через три часа он скончался. Перед смертью Самошин завещал свои прославленные перчатки молодому вратарю Васенцеву, который должен был заменить его в воротах подплава.

Обо всем этом я узнал лишь к вечеру. А сейчас я видел вокруг себя лица моряков, затененные молчаливым горем. Все на стадионе встали, понурив обнаженные головы. Поднялись и за-

морские гости, союзные моряки. Тихо стало на берегу. И тяжелые, медленные удары волн о скалу гремели в тишине, как залпы погребального салюта. Молча стояли игроки в красных футболках, с хмурым сочувствием поглядывали на голубых. Они не знали, как теперь быть. Беда, стрясшаяся над противником, обескураживала их. Тяжело и неловко было играть теперь. И тут слово взял сутулый Воронков.

— Он наказывал: «Кубок без меня забирайте»,— проговорил Воронков, и на круглой спине его под голубой футболкой заходили бугры.— Как сказал Андрюша, так и будет... В честь его памяти... Товарищ капитан-лейтенант,— обратился он к Сумскому,— разрешите? Надо доиграть.

И судья, оглядев лица игроков, вспомнил, должно быть, суровые законы этой мужественной игры, действительные при любых условиях. И он приложил свисток к губам. Игра возобновилась. Но то ли минзаги чувствовали себя стесненно и били неточно, то ли трудно было пройти между скалоподобными Куличенко и Воронковым, только мяч, несмотря на все усилия красных, не входил в ворота подплава. Уже, казалось, вот-вот ворвется он туда, и вдруг какая-то неведомая сила, может быть, шквалистый ветер, порой налетавший с моря, срезала линию полета, и мяч, круто завернув, уходил в сторону. Казалось, что он не может пробиться через какую-то невидимую прозрачную препону, вставшую перед воротами, и еще казалось, что заветные перчатки, которые надел молоденький краснофлотец Васенцев, заменивший Самошина, обладают магической способностью притягивать на себя мяч — он цепенел в полете и покорно падал в протянутые руки вратаря. Никогда так не играли Куличенко и Воронков. Удары их гудели, как орудийные залпы. Они бросались на падавших, выбивали у них в самую последнюю минуту мяч из-под ног, плюхались в лужи, не просохшие после бури, и безжалостно швыряли себя на каменистую почву. Вымокшие футболки и трусы их были разорваны, но оба с беззаветной яростью закрывали собой ворота, в которые уже никогда не мог теперь встать знаменитый капитан. А им, верно, все казалось, что он стоит там, у белой сетки: они чувствовали его за своей спиной. Нападение подплава, пользуясь тем, что ворота теперь были непробиваемы, подтянулось к стороне противника, и один за другим три мяча, пущенных по ветру, вторглись в сетку ворот минзага.

Так прошел этот матч на самом северном стадионе мира. И я считаю его самым удивительным и прекрасным из всех матчей, когда-либо виденных мною. Потому что на этот раз я увидел, как

правила игры становятся законами мужества, и еще раз убедился, что неукротимая молодость, верность другу и добрые заветы торжествуют у нас всегда, везде, под любой широтой, при любой погоде, какие, бы тучи ни закрывали небо, какое бы горе ни томило сердце...

МАТЧ В ВАЛЕНСИИ

Теплоход «Комсомол» стоял в те дни у стенки в испанской гавани Вилльянуэва дель Грас, близ Валенсии.

Война была в разгаре, в гавани и в городе все двигалось, жило, шумело тревожно и возбужденно.

Ждали очередного воздушного налета. Зеркальные окна магазинов были зарешечены наклеенными на стекло бумажными лентами. По вечерам город гасил огни и горели только синевато-фиолетовые фонарики у домов да летели во тьме пригашенные вполсвета фары машин, надевших темные очки. Ночью вдруг начинали по-волчьи выть предупредительные сирены; взывали до истошного визга, и город замирал в полной тьме и тревоге. А утром собирались у больших ярких плакатов, которые взывали к сознательности населения, просили не устраивать больших скоплений на улицах, ибо «враг ищет случая для массовых убийств».

И вот однажды утром рядом именно с таким плакатом мы увидели огромную афишу. «Футбол» — прочли мы на ней и забыли о соседнем плакате.

«Футбол! Валенсия — Барселона! Все на стадион!»

Матч был назначен на воскресенье, а в пятницу к нам на корабль явился сам Мануэль Руфо, фаворит валенсийских болельщиков, лучший игрок валенсийской команды, обожаемый Маноло Руфо.

— Оле, Манолито, Маноло! — кричали ему грузчики, работавшие на нашем теплоходе.

И чемпион приветствовал их с нашего трапа, весело помахивая рукой. Он был очень высок и крепок. На выпуклой груди его поблескивал значок Социалистического объединения молодежи. Держался Маноло с достоинством и просто, как человек, привыкший к славе, но не придающий ей слишком большого значения.

Мануэль Руфо пришел к нам для того, чтобы пригласить советских моряков на воскресный матч. Он принес кипу билетов.

— Это наш последний матч,— сказал он вздохнув.

— Последний в сезоне? — спросил его кто-то из наших.

— Может быть, и в жизни,— усмехнулся он, пожав широкими плечами, — кто знает... Но именно потому, камарадос, игра будет очень серьезной. Мы уже не первый год встречаемся с Барселоной. Каталонцы — наши старые противники на поле. Мы должны им напоследок всыпать за прошлогоднее поражение. Это была чистая случайность, клянусь вам, карафита, черт побери этого Санчо! Вы слышали о Санчо? Как, вы не знаете Санчо? Что же на свете тогда вам известно, если даже о Санчо Григейросе вы ничего не слышали? Григейрос — лучший игрок Барселоны, правый хав, будь он проклят, каналья! И таких хавов, поверьте мне, нет больше ни в одной команде на свете... От него не уйти, через него не пробиться, он мешает вам дышать, понимаете вы или нет? От него становится душно на краю поля. Кому, как не мне, знать это? Он правый полузащитник, а я, заметьте себе, ибо вы, вероятно, не слыхали и обо мне, я, Мануэль Руфо, играю на левом краю. И даже мне не пробиться, не продохнуть от этого дьявола. Что за молодец! Но в воскресенье я ему докажу, что может сделать Маноло Руфо, когда он решил взяться за дело. Вы увидите. Приходите непременно. Скучать не придется. Эта наша последняя встреча с ними на поле... Мы вместе уходим на фронт. Поезд отправляется через час после матча.

Он собрался уже уходить, но вдруг, вспомнив что-то, хлопнул себя по лбу:

— О, карафита! Чуть не забыл... У нас есть такой обычай. Самый почетный наш гость сам открывает матч. Советские моряки — лучшие гости Валенсии. Мы просим капитана русского корабля сделать первый удар по мячу.

Большой валенсийский стадион был полон в это воскресенье. Все билеты были проданы еще накануне, хотя у касс стадиона спорили друг с другом два плаката. Плакат муниципалитета просил не скопляться. Афиша союза молодежи призывала всех валенсийцев прийти на стадион, ибо сбор от матча шел целиком на нужды республиканской армии. Второй плакат переспорил.

В этот день Валенсия справляла свой традиционный городской праздник, и на всех вышках стадиона трепетали легкие и нарядные флаги с гербом Валенсийской провинции: три серебряные звезды на голубом поле и оранжевые полосы вперемежку с желтыми. По случаю городского праздника многие пришли на стадион в национальных костюмах. На мужчинах были желтые и красные колпачки со свешивающимися кистями и свободные короткие белые штаны, белые чулки, легкие фигаро и широкие шелковые кушаки, плотно намотанные на талии. Девушки были

в очень ярких и пестрых платьях с белыми кружевными передниками, с большими гребнями в волосах, с распустившимися валенсийскими розами на груди.

Стадион, залитый солнцем, цветистый и шумный, ждал начала игры. На трибунах ловким винтообразным движением ножа мгновенно очищали апельсины, ели каштаны, пили ледяную «оранжаду». Изредка кто-нибудь из-под ладони оглядывал небо, озабоченно, но без особой тревоги, как обычно смотрят болельщики: не будет ли дождя, не испортит ли погода игры...

Но сейчас в небе искали не тучу...

Команды вышли на поле со своими городскими знаменами. Каталонцы были в сине-красных майках, валенсийцы — оранжево-желтых. Оркестр сыграл медленный, громыхающий гимн Каталонии, потом грациозную песенку Валенсии «Розы душистые в нашей доброй Валенсии...». Стадион подхватил ее. Потом все встали: оркестр играл гимн республики, «Гимн де Риего», величественный и бодрый.

Команды выстроились в центре поля лицом друг к другу.

Каталонцы выглядели более коренастыми, чем валенсийцы. Нам сразу показали знаменитого Григейроса. Маленький, курчавый, полногубый, с круглыми насмешливыми глазами, он стоял на левом конце строя. Он хитро поглядывал то на противников, то на небо, то на публику. На трибунах с почтительным недружелюбием толковали о достоинствах этого опасного противника. Мануэля Руфо приветствовали любовно и с гордостью: «О, Манолито! Держись! Покажи этому коротышке! Холе!».

Вдруг все вскочили. На поле вышел наш капитан Георгий Афанасьевич. Его сопровождали два командира республиканской армии. Стадион аплодировал. Оркестр заиграл «Интернационал». Девушки бросили розы нашему капитану. «Вива, Русия!» — кричали игроки. «Да здравствует СССР!» — провозглашал переполненный стадион. Когда все стихло, судья матча соединил руки предводителей обеих команд. Капитан после рассказывал, что говорил судья.

«Камарадос, — сказал судья, — вы стоите друг против друга последний раз. Завтра вам придется драться плечом к плечу и рядом. Но сейчас будет игра. Помните же, что это только игра. Будьте бережны, камарадос. Ваши руки и ноги нужны республике. Они принадлежат уже не только вам. Будьте бережны, прошу вас. И пусть победителем выйдет сильнейший».

Над ложей губернатора появился транспарант: «Валенсийцы и каталонцы! Объединяйтесь на защиту Испании! У нас одна судьба, один враг!».

Команды разбежались по местам. Капитан наш неловко подошел к мячу. Рефери приложил сирену к губам. Георгий Афанасьевич, смущенно поглядев в сторону нашей ложи, ткнул ногой мяч и тотчас отскочил в сторону. Он еле выбрался из завязавшейся вокруг него схватки...

На поле все мчалось, сшибалось и стремительно перемешивалось из конца в конец. Поминутно создавались драматические положения то у ворот Барселоны, то у ворот Валенсии, и публика бесновалась, вздымаясь, опадая на скамьи, подпрыгивая, вопя, рукоплеща и проклиная... Нигде еще не приходилось нам видеть такого азарта на трибунах, такого темпа на поле.

Маноло понукали, подбадривали, умоляли. И он оправдал надежды сограждан. Как ни держал его верткий и неотступный Санчо Григейрос, Мануэль прорвался и вместе с мячом упал в сетку барселонских ворот. В наборных кассах не найдется столько восклицательных знаков, сколько потребовалось бы здесь для передачи восторгов стадиона.

Мануэля осыпали цветами, девушки посылали ему воздушные поцелуи. Оркестр играл песню Валенсии.

— Что, коротышка? — кричали Григейросу. — Что скажешь, малыш?! Тебя, кажется, еще укоротили...

Григейрос не обращал внимания на эти крики. Он только оттянулся от середины поближе к краю и словно присосался к Мануэлю. Он неотступно следовал за ним, легко поспевая, перехватывая подачи, мешая бежать, оттирая в сторону. Руфо пытался обходить его, делая фальшивые броски, но отделаться от Санчо не мог. Карапуз преследовал его по пятам и путал все планы. Нетерпеливый Мануэль стал горячиться, удары его теряли точность, он спотыкался. Григейрос с неподражаемой учтивостью помогал ему подняться и, как заботливая нянька, сопровождал его, вертясь, как овчарка около взъярившегося быка, не давал Маноло доступа к воротам. Публика уже стала посмеиваться над беспомощностью Мануэля, тем более что победа города была уже обеспечена еще двумя мячами. Но вбил их не Маноло. Все его усилия были ни к чему. Григейрос начисто «закрыл» его, и команда, видя, что левый край поля непроходим, стала все реже пасовать Мануэлю.

Внезапно у ворот Барселоны снова заварилась каша... Публика привстала на трибунах. На этот раз Мануэлю удалось пробиться к самому голу. Но тут подоспевший Григейрос сильно ударил по мячу. Удар был не из удачных. Мяч свечой пошел в небо над самыми воротами. Мануэль напрягся в ожидании, когда мяч вернется на землю. Он отжимал плечо Санчо, пытавше-

гося оттиснуть нападающего от ворот. Мяч высоко над головами медленно переходит в падение. Но вдруг Санчо, замерший, как и все, с задранной кверху головой закричал: «Аппарато!».

И все увидели: медленно плыл над городом, над стадионом большой самолет. В тишине все услышали зловещий рокот. Мяч между тем беспрепятственно упал перед воротами, и Санчо Григейрос отбил его в поле. И тут все услышали его насмешливый и резкий голос:

— Эй, валенсийцы, каракатицы вы полосатые... Это же пассажирский летит. Простофили! Смотреть надо.

И стадион грохнул таким хохотом, что одураченному Мануэлю показалось, будто слава его рухнула в тартарары... Он рассердился. Что такое, карафита! Он сейчас покажет всем, что может сделать Мануэль Руфо, когда он берется за дело всерьез. Мяч через минуту оказался на его краю. Он бросился на мяч. Санчо забежал немного вперед и хотел задержать Маноло. И тут Руфо что есть силы ударил его по ступне. Санчо упал и стал кататься от боли по траве. Судья свистнул, стадион завопил. Все видели, что Мануэль ударил умышленно. Но Руфо надеялся, что ему, как любимцу всей Валенсии, зрители простят грубость. Этот Санчо вывел его из себя.

Григейроса унесли с поля на руках. А оторопевшему Мануэлю судья предложил покинуть поле. Стадион бушевал.

— Пуф! Бахо! — кричали с трибун. — Уходи вон, Руфо!.. Долой его!.. Мало фашисты калечат наших! Руфо решил помочь им! Бахо!

Ленты апельсиновых очисток, жеваная бумага летели в Маноло, когда он, выгнанный и несчастный, шел с поля.

Когда матч кончился, команды ненадолго покинули поле, и вскоре игроки вернулись уже солдатами, уже в одной форме республиканцев, уже одетые в походные моно, с винтовками на наплечных ремнях. Только у Мануэля Руфо не было оружия. На рукаве у него была белая повязка с красным крестом, и он поддерживал под руку маленького Санчо Григейроса, одна нога которого была не обута и забинтована.

— Камарадос! — сказал Мануэль, опустив голову, и все стихли. — Камарадос! — повторил он громко. — Простите меня. Валенсия, ты знаешь меня. Прости, что я позволил себе нагрубить гостю и товарищу. Но я уже наказан. Товарищи поручили мне вылечить Санчо, и я буду носить повязку санитара, и я не возьму своей винтовки до тех пор, пока мой Санчо не оправится, честное слово, карафита, он славный малый! Мне очень жаль, что я его немножко повредил.

— Ничего, ничего, Маноло, — сказал Григейрос, — это все пустяки. Уверяю тебя, я скоро сниму это с ноги, а ты сбросишь повязку с рукава. С таким лекарем я живо поправлюсь.

Им аплодировали обоим. И они стояли рядышком: огромный Мануэль с повязкой красного креста и маленький Санчо, поджавший больную ногу...

ПЕКИНЫ БУТСЫ

Пека Дементьев был очень знаменит. Его и сейчас узнают на улице. Он долгое время слыл одним из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов Советского Союза. Где бы ни играли — в Москве, в Ленинграде, в Киеве или в Турции, — как только, бывало, выходит на зеленое поле сборная команда СССР, все сейчас же кричат:

— Вон он!.. Вон Дементьев!.. Курносый такой, с чубчиком на лбу... Вон, самый маленький! Ах, молодец Пека!

Узнать его было очень легко: самый маленький игрок сборной СССР. До плеча всем. Его и в команде никто не знал по фамилии — Дементьев или по имени — Петр. Пека — и все. А в Турции его прозвали «товарищ Тонтон». Тонтон — это значит по-турецки «маленький». И вот, помню, как только выкатится с мячом на поле Пека, сейчас же зрители начинают кричать:

— А, товарищ Тонтон! Браво, товарищ Тонтон! Чок гюзель — очень хорошо, товарищ Тонтон!

Так о Пеке и в турецких газетах писали: «Товарищ Тонтон забил отличный гол».

А если бы поставить товарища Тонтона рядом с турецким великаном Неждетом, которому он вбил в ворота мяч, Пека ему бы до пояса только достал...

На поле во время игры Пека был самым резвым и быстрым. Бегает, бывало, прыгает, обводит, удирает, догоняет — живчик! Мяч вертится в его ногах, бежит за ним как собачка, юлит, кружится. Никак не отнимешь мяча у Пеки. Никому не угнаться за Пекой. Недаром он слыл любимцем команды и зрителей.

— Давай, давай, Пека! Рви, Пека! Браво, товарищ Тонтон!

А дома, в вагоне, на корабле, в гостинице Пека казался самым тихоньким. Сидит молчит. Или спит. Мог двенадцать часов проспать, а потом двенадцать часов промолчать. Даже снов своих никому не рассказывал, как мы ни просили. Очень серьезным человеком считался наш Пека.

С бутсами ему только раз не повезло. Бутсы — это особые ботинки для футбола. Они сшиты из толстой кожи. Подошва у

них крепкая, вся в пенечках — шипах, с подковкой. Это чтобы не скользить по траве, чтобы крепче на ногах держаться. Без бутсов и играть нельзя.

Когда Пека поехал с нами в Турцию, в его чемодане аккуратно было сложено все футбольное хозяйство: белые трусики, толстые полосатые чулки, щитки для ног (чтобы не так больно было, если стукнут), потом красная почетная майка сборной команды СССР с золотым нашитым гербом Советского Союза и, наконец, хорошие бутсы, сделанные по особому заказу специально для Пеки. Бутсы были боевые, испытанные. Ими Пека забил уже пятьдесят два мяча — гола. Они были ни велики, ни малы — в самый раз. Нога в них была и за границей как у себя дома.

Но футбольные поля Турции оказались жесткими, как камень, без травы. Пеке прежде всего пришлось срезать шипы на подошвах. Здесь с шипами играть было невозможно. А потом на первой же игре Пека истоптал, разбил, размочалил свои бутсы на каменистой почве. Да тут еще один турецкий футболист так ударил Пеку по ноге, что бутса чуть не разлетелась пополам. Пека привязал подошву веревочкой и кое-как доиграл матч. Он даже ухитрился все-таки вбить туркам один гол. Турецкий вратарь кинулся, прыгнул, но поймал только оторвавшуюся Пекину подошву. А мяч был уже в сетке.

После матча Пека пошел хромая покупать новые бутсы. Мы хотели проводить его, но он строго сказал, что обойдется без нас.

Он ходил по магазинам очень долго, но нигде не мог найти бутсов по своей маленькой ноге. Все были ему велики.

Через два часа он наконец вернулся в нашу гостиницу. Он был очень серьезный, наш маленький Пека. В руках у него была большая коробка. Футболисты обступили его.

— Ну-ка, Пека, покажи обновку!

Пека с важным видом распаковал коробку, и все так и присели... В коробке лежали невиданные бутсы, красные с желтым, но такие, что в каждой из них уместились бы сразу обе ноги Пеки, и левая и правая.

— Ты что это, на рост купил, что ли? — спросили мы у Пеки.

— Они в магазине меньше были, — заявил нам серьезный Пека. — Правда... и смеяться тут не с чего. Что ж, не вырасту, что ли? А зато бутсы заграничные.

— Ну, будь здоров, расти большой в заграничных бутсах! — сказали футболисты и так захохотали, что у дверей отеля стал собираться народ. Скоро хохотали все: смеялся мальчик в лифте, хихикала коридорная горничная, улыбались официанты в ресторане, крякал толстый повар отеля, визжали поварята, хмыкал

швейцар, заливались бои-рассыльные, усмехался сам хозяин отеля. Только один человек не смеялся. Это был сам Пека. Он завернул бутсы в бумагу и лег спать, хотя был еще день.

Наутро Пека явился в ресторан завтракать в новых цветистых бутсах.

— Разносить хочу, — спокойно заявил нам Пека, — а то левый жмет маленько.

— Ого, растешь ты у нас, Пека, не по дням, а по часам! — сказали ему. — Смотри-ка, за одну ночь ботинки малы стали. Ай да Пека! Этак, пожалуй, когда из Турции уезжать будем, так бутсы совсем тесны станут...

Пека, не обращая внимания на шутки, уплетал молча вторую порцию завтрака.

Как мы ни смеялись над Пекиными бутсами, он украдкой напихивал в них бумагу, чтобы нога не болталась, и выходил на футбольное поле. Он даже гол в них забил.

Бутсы здорово натерли ему ногу, но Пека из гордости не хромал и очень хвалил свою покупку. На насмешки он не обращал никакого внимания.

Когда наша команда сыграла последнюю игру в турецком городе Измире, мы стали укладываться в дорогу. Вечером мы уезжали обратно в Стамбул, а оттуда — на корабле домой.

И тут оказалось, что бутсы не лезут в чемодан. Чемодан был набит изюмом, рахат-лукумом и другими турецкими подарками. И Пеке пришлось бы нести при всех знаменитые бутсы отдельно в руках, но они ему самому так надоели, что Пека решил отделаться от них. Он незаметно засунул их за шкаф в своей комнате, сдал в багаж чемодан с изюмом и поехал на вокзал.

На вокзале мы сели в вагоны. Вот пробил звонок, паровоз загудел и шаркнул паром. Поезд тронулся. Как вдруг на перрон выбежал запыхавшийся мальчик из нашего отеля.

— Мсье Дементьев, господин Дементьев!.. Товарищ Тонтон! — кричал он, размахивая чем-то пестрым. — Вы забыли в номере свои ботинки... Пожалуйста.

И знаменитые Пекины бутсы влетели в окно вагона, где молча и сердито их взял серьезный наш Пека.

Когда ночью в поезде все заснули, Пека тихонько встал и выбросил бутсы за окно. Поезд шел полным ходом, за окном неслась турецкая ночь. Теперь уже Пека твердо знал, что он отделался от своих бутсов. Но едва мы приехали в город Анкару, как на вокзале нас спросили:

— Скажите, ни у кого из вас не выпадали из окна вагона футбольные ботинки? Мы получили телеграмму, что из скорого

поезда на сорок третьем перегоне вылетели бутсы. Вы не беспокойтесь. Их завтра доставят сюда поездом.

Так бутсы второй раз догнали Пеку. Больше он уже не пытался отделаться от них.

В Стамбуле мы сели на пароход «Чичерин». Пека спрятал злополучные бутсы под корабельную койку, и о них забыли.

К ночи в Черном море начался шторм. Корабль стало качать. Сперва качало с носа на корму, с кормы на нос, с носа на корму. Потом стало шатать с боку на бок, с боку на бок, с боку на бок. В столовой суп выливался из тарелок, из буфета выпрыгивали стаканы. Занавеска на дверях каюты поднималась к потолку, как будто ее сквозняком притянуло. Все качалось, все шаталось, всех тошнило.

Пека заболел морской болезнью. Ему было очень плохо. Он лежал и молчал. Только иногда вставал и спокойно говорил:

— Минуты через две меня опять стошнит.

Он выходил на прыгающую палубу, держался за перила и снова возвращался, снова ложился на койку. Все его очень жалели. Но всех тоже тошнило.

Три дня ревел и трепал нас шторм. Страшные валы величиной с трехэтажный дом швыряли наш пароход, били его, вскидывали, шлепали. Чемоданы с изюмом кувыркались, как клоуны, двери хлопали; все съехало со своего места, все скрипело и гремело. Четыре года не было такого шторма на Черном море.

Маленький Пека ездил на своей койке взад и вперед. Он не доставал ногами до прутьев койки, и его то стукало об одну стену головой, закинув вверх ногами, то, наклонив обратно, било пятками в другую. Пека терпеливо сносил все. Над ним никто уже не смеялся.

Но вдруг все мы увидели замечательную картину: из дверей Пекиной каюты важно вышли большие футбольные бутсы. Ботинки шествовали самостоятельно. Сначала вышел правый, потом левый. Левый споткнулся о порог, но легко перескочил и толкнул правый. По коридору парохода «Чичерин», покинув хозяина, шагали Пекины ботинки.

Тут из каюты выскочил сам Пека. Теперь уж не бутсы догоняли Пеку, а Пека пустился за удиравшими ботинками. От сильной качки бутсы выкатились из-под койки. Сперва их швыряло по каюте, а потом выбросило в коридор.

— Караул, у Пеки бутсы сбежали! — закричали футболисты и повалились на пол — не то от хохота, не то от качки.

Пека мрачно догнал свои бутсы и водворил их в каюте на место. Скоро на пароходе все спали.

В двенадцать часов двадцать минут ночи раздался страшный удар. Весь корабль задрожал. Все разом вскочили. Всех перестало тошнить.

— Погибаем! — закричал кто-то. — На мель сели... Разобьет теперь нас...

— Одеться всем теплее, всем наверх! — скомандовал капитан. — Может быть, на шлюпках придется,— добавил он тихо.

В полминуты одевшись, подняв воротники пальто, побежали мы наверх. Ночь и море бушевали вокруг. Вода, вздуваясь черной горой, мчалась на нас. Севший на мель корабль дрожал от тяжелых ударов. Нас било о дно. Нас могло разбить, опрокинуть. Куда тут на шлюпках!.. Сейчас же захлестнет. Молча смотрели мы на черную эту погибель. И вдруг все заулыбались, все повеселели. На палубу вышел Пека. Он второпях надел вместо ботинок свои большущие бутсы.

— О, — засмеялись спортсмены, — в таких вездеступах и по морю пешком пройти можно! Смотри только не зачерпни.

— Пека, одолжи левый, тебе и правого хватит, уместишься.

Пека серьезно и деловито спросил:

— Ну как, скоро тонуть?

— Куда ты торопишься? Рыбы подождут.

— Нет, я переобуться хотел, — сказал Пека.

Пеку обступили. Над Пекой шутили. А он сопел как ни в чем не бывало. Это всех смешило и успокаивало. Не хотелось думать об опасности. Команда держалась молодцом.

— Ну, Пека, в твоих водолазных бутсах в самый раз матч играть со сборной дельфиньей командой. Вместо мяча кита надуем. Тебе, Пека, орден морской звезды дадут.

— Здесь киты и не водятся, — ответил Пека.

Через два часа капитан закончил осмотр судна. Мы сидели на песке. Подводных камней не было. До утра мы могли продержаться, а утром из Одессы должен был прийти вызванный по радио спасательный пароход «Торос».

— Ну, я пойду переобуюсь, — сказал Пека, ушел в каюту, снял бутсы, разделся, подумал, лег и через минуту заснул.

Мы прожили три дня на наклонившемся, застрявшем в море пароходе. Иностранные суда предлагали помощь, но они требовали очень дорогой уплаты за спасение, а мы хотели сберечь народные деньги и решили отказаться от чужой помощи.

Последнее топливо кончалось на пароходе. Подходили к концу запасы еды. Невесело было сидеть впроголодь на остывшем корабле среди неприветливого моря. Но и тут Пекины злосчастные бутсы помогли. Шутки на этот счет не прекращались.

— Ничего, — смеялись спортсмены, — как запасы все съедим, за бутсы примемся! Одних Пекиных на два месяца хватит.

Когда кто-нибудь, не выдержав ожидания, начинал ныть, что мы зря отказались от иностранной помощи, ему тотчас кричали:

— Брось ты, сядь в галошу и бутсой Пекиной прикройся, чтоб нам тебя не видно было...

Кто-то даже песенку сочинил, не очень складную, но привязчивую. Пели ее на два голоса. Первый запевал:

Вам не жмут ли, Пека, бутсы?
Не пора ль переобуться?

А второй отвечал за Пеку:

До Одессы доплыву —
Не такие оторву...

— И как у вас у самих мозолей на языке нет? — ворчал Пека.

Через три дня нас на шлюпках перевезли на прибывший советский спасательный корабль «Торос».

Тут Пека снова попытался забыть свои бутсы на «Чичерине», но матросы привезли их на последней шлюпке вместе с багажом.

— Это чьи такие будут? — спросил веселый матрос, стоя на взлетающей шлюпке и размахивая бутсами.

Пека делал вид, что не замечает.

— Это Пекины, Пекины! — закричала вся команда. — Не отрекайся, Пека!

И Пеке торжественно вручили в собственные руки его бутсы...

Ночью Пека пробрался в багаж, схватил ненавистные бутсы и, оглядываясь, вылез на палубу.

— Ну, — сказал Пека, — посмотрим, как вы теперь вернетесь, дряни полосатые!

И Пека выбросил бутсы в море. Волны слабо плеснули. Море съело бутсы даже не разжевав.

Утром, когда мы подъезжали к Одессе, в багажном отделении начался скандал. Наш самый высокий футболист, по прозвищу Михей, никак не мог найти своих бутсов.

— Они вот тут вечером лежали! — кричал он. — Я их сам вот сюда переложил. Куда же они подевались?

Все стояли вокруг. Все молчали. Пека продрался вперед и ахнул: его знаменитые бутсы, красные с желтым, как ни в чем не бывало стояли на чемодане. Пека сообразил.

— Слушай, Михей, — сказал он. — На, бери мои. Носи их! Как раз по твоей ноге. И заграничные все-таки.

— А сам ты что же? — спросил Михей.

— Малы стали, вырос, — солидно ответил Пека.

В кругу друзей

АЛЕКСАНДР КУЛЕШОВ,
ЦЕЗАРЬ СОЛОДАРЬ

У Льва Кассиля было несколько экслибрисов. Художники-графики, создающие книжные знаки, охотно придумывали и любовно выполняли их для писателя. Многие экслибрисы с надписью «Из книг Л. Кассиля» отличаются оригинальностью замысла и филигранностью графического исполнения.
И все же Льву Абрамовичу особенно пришелся по душе простой, самый, пожалуй, незатейливый из его книжных знаков.
Вот он перед нами: на щите вместе с пионерской эмблемой и устремленной вдаль картографической стрелкой соседствуют футбольный мяч и шахматная корона. Все чаще и чаще приклеивал в последние годы писатель этот экслибрис к внутренней стороне переплетов любимых книг из своей

личной библиотеки, книг, к которым он наиболее часто обращался.

Этот штрих весьма символичен. Он еще и еще раз напоминает нам, сколь душевно близок и несказанно дорог был спорт Кассилю, как он украшал его жизнь. И неспроста советские писатели, пишущие о спорте, единодушно считают Кассиля своим колонновожатым.

А что, собственно, значит «спортивный писатель»? Наверное, это писатель, пишущий спортивные романы, повести, рассказы. А что значит тогда «спортивный роман», «спортивная повесть»? Категорические определения в литературе, как, впрочем, и во всем другом, опасны. Однако есть условные обозначения, общепринятые понятия.

Есть ведь, например, «рабочий роман» или «роман военный», есть «колхозный очерк», «молодежная пьеса». Все это в значительной степени условно. Повесть о сельском учителе физкультуры, ушедшем на войну, какая — спортивная, военная, колхозная?

Вероятно, «спортивный роман» — это такой, где герои — спортсмены и коллизии из мира спорта, а фоном служит спортивная жизнь. Общеизвестно, что спортсменов-профессионалов у нас нет. Спортом у нас занимаются в свободное время. Не хотелось бы прибегать к модному словечку «хобби». Но спорт — это поистине страстное увлечение, сочетающееся с непреодолимой потребностью. Увлечение, но такое, в котором можно стать всемирно знаменитым, безмерно популярным, достичь многих вершин.

А можно и не достичь.

Филателия, нумизматика — тоже увлечения. И воспитывают наверняка полезные качества.

Но вряд ли какое иное увлечение вырабатывает столько прекрасных черт, столько нужных — и человеку, и обществу — качеств, как это делает спорт. Не только высоко прыгать или быстро бегать — добиваться цели и выручать товарища. Не только поднимать сотни килограммов и защищать свои ворота, но и переносить тяжелейшие испытания, готовить себя к защите Родины.

Спорт воспитывает мужество и волю, смелость и верность, честность и благородство.

И поэтому так прекрасна доля тех, кто учит людей спорту, приобщает к физической культуре. С ранних лет, с первых шагов в жизни.

Но при чем здесь Лев Кассиль? Разве он был тренером, преподавателем физкультуры, руководителем спортивного общества?

И тем, и другим, и третьим.

Нет, он не стоял с секундомером в руках у края гаревой дорожки, не давал указаний игрокам, сидя за воротами, но много ли прославленнейших наших тренеров могут похвастаться таким количеством учеников, как Лев Кассиль.

И рядовых, и чемпионов.

В этой книге они с любовью говорят о своем добром учителе.

И это естественно.

Потому что раньше чем стать чемпионами и рекордсменами, все они были детьми. А вряд ли найдутся у нас дети, не читавшие «Вратаря Республики», «Хода Белой королевы», «Чаши гладиатора», вряд ли найдется мальчишка, не мечтавший стать Антоном Кандидовым, девчонка, не видевшая себя в сладком сне Наташей Скуратовой.

Мальчишки и девчонки вырастают. В родном ли краю, в далеких ли странах завоевывают они славу сильнейших, устанавливают новые мировые рекорды. Высокое спортивное мастерство, тактическую мудрость, техническое совершенство постигают они в спортивных залах, на зеленых полях стадионов под руководством высококвалифицированных тренеров. А вот воле к победе, патриотизму, высоким моральным качествам учат их и книги Кассиля. Потому что герои этих книг не только веселые, смелые, сильные, молодые душой люди — это прежде всего советские люди, честные, благородные, любящие свою Родину, свой труд, своих товарищей.

У нас немало хороших детских писателей, но, бесспорно, не было ни одного, кто бы так глубоко, с такой любовью и знанием открывал для детей волшебный, увлекательный, прекрасный мир спорта.

Лев Кассиль потому так хорошо писал о спорте, что он не только был умный и тонкий писатель, но еще и великолепно знал спорт. В молодости он увлекался футболом. А впоследствии не пропускал ни одного интересного футбольного или хоккейного матча, неизменно смотрел и лыжные, и конькобежные, и тяжелоатлетические, и уж, конечно, боксерские соревнования.

Кассиль побывал почти на всех летних и зимних олимпийских играх, в которых участвовали советские спортсмены, на многих чемпионатах мира и крупнейших международных соревнованиях.

Корреспонденции Кассиля об играх наших хоккеистов, его отчеты об олимпийских сражениях — блестящие образцы спортивной публицистики.

Лев Кассиль — член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, секретарь московской писательской организа-

ции, председатель творческого объединения детских и юношеских писателей, член редколлегий и редсоветов многих газет и журналов, без конца выступающий, председательствующий, а главное, непрестанно пишущий — буквально разрывался между миллионом общественных и творческих дел. И все же он никогда не отказывался выступить перед спортсменами, помочь начинающему спортивному журналисту, прорецензировать книжку для издательства «Физкультура и спорт».

Мы не случайно перечислили некоторые из многочисленных общественных обязанностей Льва Абрамовича. Дело в том, что буквально каждую из них он старался действенно использовать для помощи спорту, для привлечения писателей, педагогов, журналистов — всех своих многочисленных друзей в ряды пламенных пропагандистов спорта.

Как секретарь столичной писательской организации, он выступает в роли создателя, а затем председателя совета по спортивно-художественной литературе.

— Конечно, объединить всех, кто пишет о спорте, крайне важно, — говорил он. — Но еще важнее помогать тем, кто пробует свои силы в спортивной тематике. Если мы не заметим хотя бы одного из них и по-настоящему не поможем талантливым дебютантам, — значит, мы работаем скверно, значит, наш совет не выполнит своей первой и главной задачи.

Авторам этих строк посчастливилось все это время работать со Львом Абрамовичем в качестве его заместителей и продолжать его дело и теперь.

В совет бюро вошли многие известные писатели, поэты, драматурги, в чьем творчестве спорт занимает не последнее место. Более ста писателей и литераторов, которым тема спорта близка, кто создает художественные произведения на эту тему, объединились и активно работают в совете.

Как член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, Кассиль добивается включения в план работы академии тем, связанных с физическим воспитанием школьников. Друг писателя и его сотоварищ по академии известный композитор и педагог Дмитрий Борисович Кабалевский вспоминает, как писатель делился с ним мечтой о большом симпозиуме в академии, где всесторонне были бы обсуждены проблемы гармонического воспитания школьников.

— Вы, Лев Абрамович, на этом симпозиуме будете, конечно, говорить о физкультуре и спорте? — не без лукавства спросил Кабалевский.

— Не отпираюсь, — весело откликнулся Кассиль, — вы проч-

ли в душе моей желание поговорить о спорте с академической трибуны.

Как член редколлегий журналов и газет, Кассиль считал своей непреложной обязанностью знакомиться с любой рукописью, в которой шла речь о спортсменах. Сотрудникам редакции еженедельника «Литературная Россия» памятны бурные «абордажи» Кассиля по поводу того, что в только что вышедшем номере не нашлось места для материалов «Спортивного клуба». Приходя в редакцию, он интересовался любой маленькой заметкой, предназначавшейся для этой, дорогой ему, рубрики.

Даже за рубежом Кассиль, перегруженный корреспондентскими обязанностями, охотно выполнял любое поручение, доставлявшее спортсменам радость. Скажем, именно он и в Гренобле, и в Мехико вручал «Приз неожиданности», присужденный «Сборной писателей-болельщиков» наиболее талантливым дебютантам Олимпиады.

Да, не случайно на экслибрисе писателя — футбольный мяч и шахматная корона. Романы и повести, рассказы и очерки, корреспонденции и репортажи, рецензии и статьи, пьесы и сценарии — богатое наследие оставил Лев Кассиль тем, кто в спорте сегодня и кто в будущем свяжет свою жизнь со спортом.

И значение этого наследия тем ценнее, что оно не стареет с годами.

Сколько поколений спортсменов сменилось в активной спортивной жизни, как далеко ушел вперед наш спорт с его триумфальными всемирными победами, с его многомиллионной армией любителей, с его новой техникой, мастерством, оснащенностью, а красавец грузчик Антон Кандидов, лихо подхватывающий ядреные арбузы, талантливый архитектор Чудинов, своенравная сибирячка Скуратова, могучий Артем Незабудный — люди больших и своеобразных характеров и замечательные спортсмены — и сегодня волнуют всех, кто готовится к спортивным подвигам.

В этой книге читатель найдет не только строки, принадлежащие перу Кассиля. Здесь есть страницы, написанные его товарищами по профессии, известными писателями. Есть воспоминания о нем прославленных, всемирно известных спортсменов.

Многие из них впервые познали мир спорта по книгам Кассиля.

И навсегда остались ему за это благодарны.

Лев Кассиль ушел из жизни рано. Не только потому, что не так уж и много было ему лет. Но и потому, что талант его был в расцвете, потому что полон он был творческих замыслов, сре-

ди которых спорт занимал важнейшее место. В работе был фильм. Лев Абрамович готовился к поездкам на Олимпийские игры в Саппоро, в Мюнхен, он замышлял новую спортивную книгу.

Смерть обрывает замыслы. Она не ждет их осуществления.

Прощаясь с ним у гроба, в почетном карауле стояли лучшие наши писатели. Это понятно: Кассиль сам был большим писателем. Но здесь же, в том же скорбном карауле, застыли и Яшин, и Акимов, и Старостин — спортсмены известные всему миру, прославившие наш спорт на стадионах десятков стран.

И это тоже естественно. Они отдавали последний долг тому, кто первым рассказал — и как! — о спорте, кому не в последнюю очередь они были обязаны своей славой.

Лев Кассиль был крупнейший детский писатель. Но он был и крупнейший наш «спортивный писатель».

2

Кассиль нескрываемо гордился своей неизменной причастностью к литературе для детей. Как-то на встрече с юными читателями один из них уверенно спросил писателя:

— Вы где живете? В Кремле?

Рассказывая об этом своим сотоварищам по детской литературе, Кассиль серьезно заметил:

— Вот по какому высокому адресу прописана в представлении нашего читателя детская литература! Всю жизнь думаю, как оправдать такую прописку...

Он понимал, что спортивная тема — неотъемлемое звено детской литературы, что, рассказывая ребятам о нелегком пути спортсменов, об их становлении, об их высокой гражданственности, он воспитывает в детворе умение преодолевать трудности и стремление упорно бороться за достижение намеченной цели.

В молодые годы Кассиль на себе испытал чудодейственные свойства спорта и часто рассказывал друзьям, как спорт помог его моральному становлению, как спортивная закалка выручала его в трудные минуты.

Вот один из последних примеров. За несколько месяцев до кончины Лев Абрамович попал в автомобильную катастрофу. Когда его автомашина столкнулась с грузовиком, он сидел на переднем сиденье рядом с шофером, но вышел из этого тяжелого происшествия с минимальными повреждениями.

— А знаете, почему? — горячо доказывал он впоследствии друзьям. — Сработал рефлекс бывшего вратаря: мне удалось молниеносно напружиниться. Если бы тело оставалось безволь-

ным, расслабленным, меня бы бросило вперед, на стекло. Но я остался прикованным к сиденью...

Может, это было вовсе не так, может, это все только потом показалось Кассилю, но он заражал собеседников верой во всепобеждающую силу спортивной закалки.

Лев Абрамович по-настоящему любил спортсменов. А в последние годы, подтрунивая над самим собой, сожалел, что его любимый футбол стал для него, вратаря в прошлом, только «сидячим» спортом, ибо участвовать в нем он мог только сидя на трибунах. Но все, кто видел писателя во время матча, явственно ощущали, что девяносто минут игры были для него переживаниями не зрителя, а участника.

Все чаще и чаще Кассиль с шутливой грустью говорил, как завидует спортсменам, как ему невесело оттого, что он уже не может числить себя в их рядах. И однажды вспомнил по этому поводу строки Максима Горького о параде физкультурников на Красной площади в 1935 году, которые Льву Абрамовичу, в ту пору журналисту-известинцу, довелось прочитать еще в рукописи:

«Видя эти десятки тысяч юношей и девушек, стройными рядами идущих к великому будущему, чувствуешь волнение, от которого сердце готово разорваться. Чувствуешь и печаль — от того, что у тебя нет места в рядах этой могучей армии, что ты уже не в силах идти в ногу с ней и, поравнявшись с Мавзолеем, крикнуть искреннее «ура!».

— Вслушайтесь в эти горьковские слова, — говорил Кассиль: — «сердце готово разорваться!».

3

Лев Кассиль оставил нам три больших романа о спорте: «Вратарь Республики», «долго писавшийся спортивно-приключенческий роман» (1937 г.), «Ход Белой королевы» (1956 г.) и «роман с приключениями, переживаниями и путешествиями» «Чаша гладиатора» (1961 г.). При всей несхожести сюжетов, героев, даже видов спорта, эти произведения роднит главное. Это главное Лев Кассиль определил сам в «Прологе» «Хода Белой королевы».

«Мы с ним, — пишет он, рассказывая об одном из героев романа — журналисте Карычеве, — одинаково смотрели на спорт как на одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью. И оба

мы видели такую же разницу между будничными занятиями физкультурой, с одной стороны, и спортом — с другой, какая есть, например, между общедоступной грамотой и поэзией».

Кассиль не случайно ставит знак равенства между «общедоступной грамотой» и физической культурой. Он как бы подчеркивает этим, что в нашей стране — стране всеобщей грамотности — заниматься физкультурой так же естественно, как уметь читать и писать. Кассиль не мыслит себе своих любимцев, мальчишек и девчонок, без физкультуры. Разной — школьной, «дворовой», пионерской, любой. Но все они должны бегать и прыгать, плавать и кататься на велосипеде, гонять на лыжах и коньках. А иной раз и поколотить обидчика...

А есть еще спорт. Поэзия, как определил его писатель. Поэзия и подвиг. И он пишет поэтические произведения, посвященные спорту и воспевающие подвиг. Такими с полным правом можно назвать три его романа.

Подвиги бывают разные. Гражданские, военные, спортивные...

Артем Незабудный — герой «Чаши гладиатора» — во время войны, рискуя жизнью, прятал советского солдата Багритули; Чудинов — герой «Хода Белой королевы» — вынес из боя своего товарища по оружию; журналист Карычев спас во время жестокого снежного бурана маленького Сергунка и Наташу Скуратову. Тот же Незабудный, подобно Портосу Дюма, удерживает на плечах чудовищный груз — он спасает детей, поддерживая потолок школы.

Велики и спортивные подвиги кассилевских героев. Наташа Скуратова, на последних метрах выигравшая чемпионское звание, Антон Кандидов — вратарь, забивший решительный гол...

Но подвиг героев Кассиля не изолированное действие, паче того не случайность. Он естественно вытекает из образа героя, его мировоззрения, его характера. Ведь та же Наташа Скуратова ни минуты не раздумывала, когда выбор встал между первым местом и помощью сопернице. И Артем Незабудный постоянно думает о путях искупления, чувствует вину перед Родиной и мучительно ищет, чем загладить ее.

Писатель не преподносит нам своих персонажей розовенькими и чистых в серебряной обертке. Антон Кандидов — сложный образ. Это самобытный спортивный талант. Кандидову не чужды соблазны, он спотыкается и мечется. И не легко ему дается прозрение. И тем радостней оно. Не побоимся сказать — за Кандидовым тянется безликая толпа литературных и киногероев — за-

знавшихся и исправившихся чемпионов, одно время густо населявших любые наши произведения о спорте.

Как далеки они от сочного, яркого, ощутимо живого своего первопроходца!

Задолго до других Лев Кассиль, подлинный знаток человеческих душ, сумел разглядеть одно из типичнейших и, можно смело сказать, важнейших явлений в жизни спортсмена, исследовать это явление, показать с огромной убеждающей силой, заклеймить.

Заклеймить и показать пути исправления.

Разумеется, с тех пор прошли десятилетия, многое и в спорте, и в литературе стало сложней, но заслуга Кассиля-первооткрывателя от того стала лишь весомей.

«Вратарь Республики» — роман и появившийся вскоре фильм «Вратарь» привели в спорт миллионы юношей. И не только привели в спорт, но научили честной, благородной спортивной борьбе, презрению к зазнайству и иждивенчеству.

«Вратарь Республики» был впервые напечатан в «толстом» журнале «Красная новь», опубликовавшем за свое двадцатидвухлетнее существование много краеугольных произведений молодой советской литературы. С этим журналом тесно связаны творческие биографии Алексея Толстого, Александра Фадеева, Федора Гладкова, Лидии Сейфуллиной, Вячеслава Шишкова, Всеволода Иванова и многих других выдающихся советских прозаиков. Почему же такой «солидный» журнал, связанный с самыми маститыми писателями и во многом определявший развитие советской прозы, предоставил свои страницы озорному и веселому «спортивному» роману, да еще предназначавшемуся преимущественно юному читателю?

Не потому ли, что «Вратарь Республики» прозвучал тогда как литературное открытие, как первая и весьма заметная ласточка спортивной темы в советской художественной литературе! Еще памятно было ироническое отношение иных критиков к А. И. Куприну, дерзнувшему сделать борцов содержательными персонажами литературных произведений. И вот молодой советский писатель Лев Кассиль, более известный в те времена своими фельетонами и очерками, осмеливается прорубить спортивное окно во владения большой литературы нашей страны.

И читатель это оценил.

«Чаша гладиатора» — другая книга Кассиля, поднимающая важные этические и моральные пласты. Любовь к Родине и ответственность перед ней, человек и общество, мерило славы, сила советской идеологии, советской действительности в борьбе с

буржуазной идеологией, буржуазным воспитанием... Артем Незабудный, Григорий Тулубей, Пьер — герои романа — образы сложные, тонкие, вопреки кажущейся порой простоте.

И пути их жизни — сложны.

Они заставляют задуматься юного (да разве только юного?) читателя. И ненавязчиво, доверительно, по-дружески, как это всегда делал Кассиль, он подсказывает ответы на вопросы — бессчетные вопросы, что ставят себе люди, когда им двенадцать, пятнадцать, семнадцать лет...

Вспомним в «Великом противостоянии» слова Расщепея, сказанные им Симе, те самые, что так запали ей в душу:

«По-нашему, надо всю жизнь достойно, толково прожить и каждую минуту быть в готовности, если потребуется, все свое отдать до конца, все начать сызнова!»

Это кредо и самого писателя.

И, пожалуй, нигде так ярко не проиллюстрировал он эту свою мысль, как в романе «Ход Белой королевы».

Оба главных героя его, и Степан Чудинов и Наташа Скуратова, начинают все сызнова.

Они совсем не идеальны, эти два героя, и ничто человеческое им не чуждо. И начинают-то они сызнова по глупости, из-за плохого в своих характерах.

Не просто приходят герои к мысли, что сами они, их дела и успехи принадлежат не только им самим. Но и обществу, в котором они живут, их товарищам, ученикам, наконец, их стране.

И не легко и не просто переделывают свои характеры, наступают на горло своему упрямству, своей строптивости, забывают о подлинных и кажущихся обидах и начинают действовать.

Роман «Ход Белой королевы» населен людьми сильными, благородными, честными. Не ими, разуеется, только. Но прежде всего ими.

Таков и старый богатырь-сибиряк Скуратов, но таков и совсем маленький Сергун. И уж, конечно, Чудинов и Наташа. Как замечательно, как лирично и увлекательно умеет Кассиль рассказать о гражданственности, о долге, о верности. Как умеет он перенести нас в «очень близкий мир, где гуляет азартный ветер, который жжет морозом щеки на лыжне, хлопает цветными флагами у финиша и раздувает священное пламя олимпийского факела».

Тех, кто был на зимних олимпийских играх в Кортине д'Ампеццо (а нам посчастливилось быть там), поражает, с какой образностью, точностью, с каким мастерством перенес писатель в свой роман яркую жизнь тогдашней олимпийской столицы. С ка-

ким искусством вплел в ткань повествования события того времени.

Он радовался тогда, что побывал на Играх. «Это то, что мне недоставало для книги, — говорил он, — теперь роман заживет новой жизнью!»

Немало у нас написано романов и повестей, которые мы условились называть спортивными. Среди них есть хорошие, завоевавшие популярность у читателей. Но спортивные романы Льва Кассиля навсегда останутся в золотом фонде советской литературы.

Неуемной любовью к героям своих книг талантливый писатель заражает и читателей: у них появляется желание подражать этим героям. И наиболее ценно и знаменательно не то, что в выведенных писателем спортсменах угадываются черты биографий и характеров лучших людей советского спорта, а в том, что очень и очень многие замечательные советские спортсмены искренне признают, что многому научились у кассилевских персонажей.

Особенно убедительно и сердечно говорили об этом прославленные ветераны советской школы вратарского мастерства на торжественной встрече, посвященной тридцатилетию со дня выхода на экраны фильма «Вратарь». А десятью годами ранее заслуженный мастер спорта Анатолий Акимов, обращаясь к юным читателям романа «Вратарь Республики», писал, что образ Антона Кандидова служит примером для советских футболистов, что его мощная и подвижная фигура, созданная писателем, «как бы продолжает стоять в воротах нашей спортивной литературы».

И не удивительно, что многие и многие спортсмены, подобно выступающему на страницах этой книги Акимову, особенно ценили умение писателя находить и образно, убедительно показывать наиболее живые и характерные черты, свойственные лучшим людям советского спорта.

4

Поистине знаменательно, что в последние дни жизни Кассиль работал над спортивным фильмом — на киностудии «Ленфильм» был запущен в производство сценарий «Ход Белой королевы».

Вдвойне горько сознавать, что писатель не увидел картины. Мы не хотим вдаваться в подробный анализ фильма. Скажем лишь одно: удача на экране произошла прежде всего потому, что столь распространенные ныне в кинематографии расхождения между киноэпизодами и литературным сценарием сведены к минимуму, что постановочной группе удалось бережно сохранить то кассилевское, что было присуще сценарию, и, главное, впечат-

ляюще показать колоритную фигуру умного и увлеченного тренера. А ведь работая над сценарием, Кассиль не раз говорил, что ему наиболее дорог образ тренера Степана Михайловича Чудинова, сумевшего воспитать из лыжницы Наташи Скуратовой чемпионку мира.

— Хочется убедить зрителя: раз и навсегда запомни, как важен в спорте тренер, воспитатель, педагог! Без талантливых тренеров не будет у нас выдающихся спортсменов!

И когда однажды молодой спортивный журналист поделился с Кассилем своим желанием написать книгу для детей о замечательном футболисте Никите Симоняне, писатель сказал ему:

— Для детей? Тогда постройте книгу так, чтобы две трети рассказывали о Симоняне-тренере. С первых же своих шагов в спорте ребята должны уяснить, что без хорошего тренера — они слепцы без поводыря. Тренер должен стать для них любимым учителем. Да, именно любимым!

5

Литературно-спортивное наследие, да позволено будет так выразиться, Льва Кассиля далеко не исчерпывается его романами и сценариями. Он автор многих рассказов, очерков, публицистических статей, образцы которых представлены в настоящей книге.

Иные из них, бесценные и неповторимые, свидетельство первых шагов нашего спорта на международной арене.

Вот очерк «Играли наши в Измире...», написанный тридцать пять лет назад. Герои этого очерка — футболисты нашей сборной. Имена иных из них — Шорец, Павлов — стали легендой и поныне озаряют путь советского футбола!

У Кассиля мы находим едва ли не лучшее описание первенства мира по футболу 1966 года в Англии. «Лев покоряет богиню». Эти заметки полны подлинной страстности, мягкого кассилевского юмора, тонкого понимания игры, которым может похвастаться лишь настоящий знаток. И, право же, излишне скромно звучат слова писателя: «...о чем и имел честь сообщить уважаемому читателю ваш специальный корреспондент, тоже Лев, но не Вилли, не Яшин, а всего лишь — Лев Кассиль...».

В репортажах о первенстве мира в Англии мы находим, как и во многих других очерках писателя, его высказывания о спорте вообще, о морали, о целях и задачах спорта, размышления и публицистические, а порой и лирические отступления, подкрепленные фактами...

«Спорт — дело чистое, не терпящее демагогии, лжи и затаенной злобы»,— пишет Кассиль («Четыре года и три недели большого футбола»).

Да, именно так смотрел он на спорт. Кассиль был в спорте, как и в жизни, непримиримым к обману и злу. Этот удивительно деликатный, чуткий, мягкий человек становился бескомпромиссно твердым и неумолимым, когда сталкивался в жизни с ложью, подлостью, неблагодарностью.

Помнится, с каким возмущением, но в то же время глубокой горечью говорил он нам об известном футболисте, скатившемся на путь преступления.

«Как он мог, — восклицал Лев Абрамович, — как мог совершить такое! Ему было все дано! И ведь он был спортсмен!» Это удивление Кассиля было наивным и трогательным. «Ведь он был спортсмен!». Кассиль не мог представить себе прославленного спортсмена, кумира миллионов мальчишек, преступником. Он отказывался верить в это.

Честность и принципиальность в глазах Кассиля — неотъемлемые черты советского спортсмена. В очерке «Играли наши в Измире...» Кассиль рассказывает о советском судье Щелчкове, не засчитавшем мяч, забитый нашими футболистами в турецкие ворота. Мяч принес бы победу. И забит был при обстоятельствах, когда, в общем-то, его можно было засчитать. А Щелчков не засчитал. Не патриотично? Нет, патриотично! Честность, высокая объективность советского судьи были важнее для престижа нашего спорта, чем победа команды.

И Кассиль отметил это. Неплохо бы перечитать этот очерк иным нашим обозревателям, для которых лишь тот судья хорош, кто засчитывает гол команде соперника.

«Кто бывал на хорошем боксе, — писал Кассиль («Перчатки на вес золота»),— тот уже не раз видел, как тотчас же после финального гонга спортсмены, только что бывшие, казалось бы, непримиримыми противниками, искренне, по-братски обнимаются, уважительно похлопывают перчатками по плечу и открыто проявляют свои взаимные товарищеские симпатии».

Вот такое отношение спортсменов друг к другу естественно в глазах Кассиля. Это норма. Но спорт есть спорт. Кассиль отлично понимает это. Он говорит: «Да, разумеется, бокс спорт сильных, бесстрашных, более устойчивых и решительных. В нем обмениваются не только приветствиями и вымпелами, но и ударами...» И тут же: «...на ринге закаляются не только мышцы и воля, но и дух взаимоуважительного соревнования...».

Вот этот дух «взаимоуважительного соревнования» Кассиль

подчеркивает во всех своих очерках, репортажах и корреспонденциях.

Показывая пример нашим спортивным журналистам, он настойчиво, требовательно, постоянно пропагандировал в своей публицистике вежливость, культуру, уважение к человеческой личности, он беспощадно боролся против хамства, грубости, пренебрежения к людям.

Накаленная атмосфера состязаний, стремление к победе, увлеченность, азарт требуют немалой выдержки от участника спортивных поединков. Он никогда ни в чем не должен перейти границ в проявлении своих чувств. И Кассиль писал:

«Всякая спортивная игра в том и заключается, что нужно уметь, проявляя высокий накал спортивной страсти, напрягая все свои физические силы, устремляя все свое существо в борьбу за победу над противником, в то же время обходиться лишь дозволенными приемами, строго оставаться в рамках ограничений, которые позволяют спортсмену в точно очерченных пределах возможностей, в разрешенной форме проявить свое телесное совершенство, специально направленное мастерство и точно нацеленную волю».

Это было сказано в 1949 году в очерке «Суждение о судье», посвященном одному из лучших наших футбольных судей Николаю Латышеву. Такие строки, право же, выразительный параграф для Устава чести и благородства спортсмена, если такой Устав будет когда-нибудь написан...

Латышев, разумеется, не единственный, кому посвятил Кассиль свои репортажи, очерки и корреспонденции. С его страниц встают перед нами многие выдающиеся советские спортсмены, чьи имена не стерлись за давностью лет, о ком много и много писали.

Братья Старостины («Мяч идет от брата к брату») и Лев Яшин («Вратарь мира и врата Рима»), Иван Кочетков («Полчаса из жизни футболиста») и Леонид Жаботинский («Схватки гигантов»), Михаил Ботвинник и Давид Бронштейн («Вокруг первой доски мира»)... Порой это беглые заметки, порой яркий портрет, порой основательный очерк. Но всегда точный, уважительный, теплый. Всегда умный и квалифицированный.

Лев Кассиль развертывал и широкие полотна спортивных событий: «Лазурь, багрянец, белизна», «Из американского блокнота», «Жарко было в Риме», «Над кручами Тироля», «Олимпик», «Лев покоряет богиню» и другие — это увлекательные, яркие рассказы о зимних и летних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли, Инсбруке, Гренобле, Риме, Токио,

Мехико, о первенстве мира по футболу в Англии, о хоккейных баталиях в Швеции, о многих исторических спортивных событиях. Он увлеченно выполнял обязанности специального корреспондента на многих крупнейших международных спортивных соревнованиях.

Корреспондентские блокноты очень помогали писателю в литературной работе. И не случайно многие исследователи творчества Кассиля считают, что к «Вратарю Республики» он пришел от футбольных репортажей и зарисовок, от поездок с футбольными командами на важные матчи. Что же касается «Хода Белой королевы», то Кассиль рассказывал своим друзьям, как эта поездка на зимние Олимпийские игры в Кортина д'Ампеццо помогла ему завершить работу над романом.

Нам посчастливилось быть частыми соседями Льва Абрамовича на трибунах московских стадионов и его спутниками, когда в составе «корпуса спортивной прессы» он выезжал в Австрию, Италию, Японию, Францию, Мексику, на Кубу... И хочется отметить: Кассиль зорко и пытливо приглядывался не только к спортсменам, но и к зрителям.

И писал он опять-таки не только о спортсменах, но и о болельщиках.

Об этом хочется сказать подробнее. Мы сознательно применяем слово «болельщик» — писатель так любил его! Как заразительно хохотал он, услышав, что один из нас в дни журналистской молодости был «проработан» в редакции за засорение русского языка надуманным словом «болельщик». С нескрываемым удовольствием Кассиль выслушивал назидательную концовку этой истории: яростные критики слова «болельщик» были вскоре посрамлены, ибо толкование этого, рожденного самой жизнью слова появилось в дополнениях к знаменитому ушаковскому толковому словарю.

Кассиль любил настоящих болельщиков. Вспомните россыпи теплых слов по их адресу во «Вратаре Республики» и в «Ходе Белой королевы». Какие меткие характеристики даны болельщикам в литературном варианте сценария «Удар, еще удар!». С большой сердечностью писал Кассиль в последней своей корреспонденции с XIX летней Олимпиады о «шумных, горластых, темпераментных, неукротимых, а порой наивно трогательных в проявлении своих страстей и симпатий мексиканцах»; о многоголосых хоровых тирадах, какие довелось услышать на стадионах Мексики, когда десятки жгучеглазых афисионадос-болельщиков, подбрасывая вверх широкополые сомбреро, подкрепляя слитными всплесками ладоней мощь своих голосов, кричали: «Мехико!

(хлоп, хлоп, хлоп), Мехико! (хлоп, хлоп, хлоп), Мехико, Мехико! Ра-ра-ра!».

Кассиль, повторяем, любил болельщиков. Он нескрываемо гордился тем, что наши болельщики взяли на вооружение размеренно скандируемый возглас «Мо-лод-цы!». Ведь первым так воскликнул именно он во время тяжелого для наших хоккеистов матча на зимней Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо!

Кассиль частенько приводил слова Ильфа и Петрова о чистом сердце болельщика и не раз выступал на эту тему в печати и на встречах с любителями спорта. Внешне спокойный, но глубоко взволнованный зритель спортивных соревнований, горячо переживающий все перипетии футбольных и хоккейных матчей, не скрывающий своих симпатий, Лев Абрамович был резко нетерпим к оголтелому, бездумному «болению», оборотной стороной которого становится губительное для спорта «отпущение всех грехов» своим любимцам.

В 1967 году в одном из своих писем, глубоко взволнованный тем, что иные чрезмерно ретивые болельщики «подогревают» недисциплинированных игроков, Кассиль писал:

«К сожалению, известная взаимосвязь между тем, что происходит на трибунах, и тем, что разыгрывается на поле, существует. Я говорю к сожалению, так как убежден, что хорошо воспитанный, обладающий нужной выдержкой спортсмен не имеет права оказываться во власти настроений, царящих на трибуне. Иначе ему придется очень туго во время, скажем, игры на зарубежных полях, где, разумеется, трибуны будут настроены против него и его команды. Я с резким осуждением, а порой даже известным презрением отношусь к футболисту, который, сочтя решение рефери несправедливым и слыша выгодную для себя реакцию зрителей, начинает апеллировать к трибунам при помощи всем нам известных пасов. У настоящего любителя футбола подобное поведение футболиста вряд ли вызовет сочувствие.

Я полагаю, что прошедший хорошую школу футболист должен вести себя на поле, считаясь лишь с правилами игры и не обращая внимания на реакцию трибун, какой бы она ни была — положительной или отрицательной... А так называемая «игра на публику», выражается ли она в никчемном щегольском жонглировании мячом или в конвульсивных корчах на траве после пустякового столкновения с противником, никогда еще к добру не приводила».

И вместе с тем Кассиль прямо и недвусмысленно выступает в защиту горячего, темпераментного болельщика, честно и жизнерадостно поддерживающего свою команду:

«В последнее время встречаются в нашей печати высказывания ряда журналистов и спортивных специалистов, возмущающихся слишком громкой реакцией зрителей и призывающих к тишине на трибунах. Многие возмущаются, например, наличием призывающих к победе любимой команды транспарантов, с которыми иногда болельщики являются на стадион. Слух других блюстителей академического порядка на трибунах режут даже коллективные возгласы приверженцев той или иной команды... А я, скажу по совести, ничего дурного не вижу в том, что на трибунах азартно скандируют подбадривающие приветствия командам, участвующим в матче, а кто-то машет транспарантом или флагом с эмблемой любимого клуба. Что тут зазорного? Это же игра. Почему наших болельщиков надо заставлять наглухо прятать в себе все эмоции? Другое дело, что иной раз не в меру разбушевавшиеся болельщики (обычно темперамент тут подогрет принятием «горючего») отравляют жизнь соседям и привносят в чистую атмосферу стадиона душок — весьма нежелательный и очень ясный по происхождению... Таких надо гнать с трибун безжалостно! Ну и, кроме того, хотелось бы, чтобы все, кто считает себя любителем футбола, по-настоящему знали его правила и обладали способностью вникать хотя бы в элементарные тактические соображения играющих...

Самыми губительными для спорта болельщиками я считаю тех, кто, мня себя меценатами футбола, готов из любви к своему фавориту-футболисту «побаловать» его в жизни, проявить не только снисходительность, когда требуется суровое дружеское осуждение, но и заняться утешением любимчика порой и при помощи бутылочки, впрямую нарушающей спортивный режим».

Мы сознательно не скупимся на выдержки из взволнованного кассилевского письма: дело в том, что так называемая «проблема трибун» становится все более острой и требует серьезного повседневного внимания и вмешательства спортивной общественности и прессы. Кассиля еще несколько лет назад серьезно обеспокоило то, о чем пишут и говорят сегодня. Как он говорил, кое-кто из псевдоболельщиков стал подражать «дурно пахнущим и нетерпимым в нашем спорте заморским «образчикам» оголтелого преклонения перед своими спортивными кумирами».

Писатель на собственном опыте знал, что «болеть» — дело нелегкое. Оно требует сердечной верности и моральной стойкости, то есть самовоспитания.

Сознавая, что спортивные зрелища привлекают все больше и больше зрителей и становятся в полном смысле слова народными зрелищами, он требовал самовоспитания не только от спорт-

сменов, но и от любителей спорта, от зрителей. И подлинной заповедью болельщика звучат сегодня его слова:

«Думаю, что первой заповедью должна быть горячая, всепоглощающая любовь к великолепной мужественной игре, а не слепое, оголтелое, всепрощающее пристрастие к «своей» избранной команде или визгливая восторженность по отношению к игроку-любимцу».

6

К сожалению, у Льва Кассиля не так уж много спортивных рассказов. Три из них —«Состоится при любой погоде», «Матч в Валенсии» и «Пекины бутсы»— представлены в этой книге.

«Матч в Валенсии»— героический рассказ о встрече двух испанских футбольных команд во время войны. В рассказе много смешного. И все же с тонкой грустью звучит мудрая мораль рассказа: спорт — игра, и не надо в азарте игры подрывать силы, нужные для другого — для борьбы с настоящим врагом.

Что касается «Пекиных бутсов», то это действительно великолепный юмористический рассказ. В нем в полной мере проявился чудесный кассилевский юмор. Повествование о том, как Пека Дементьев никак не мог избавиться от нелепых, слишком больших для него бутсов, читаешь с улыбкой от начала до конца.

Хотелось бы вспомнить еще об одном рассказе Кассиля — «Ученик чародея». Это, вероятно, первое спортивное произведение писателя. Рассказ был опубликован впервые в журнале «30 дней» в 1933 году. Герой рассказа — Тошка Кандидов. «У меня записано много занятных историй о моем друге Тошке Кандидове. Вот одна из них». Так начинается рассказ. Так мы впервые встречаемся с будущим знаменитым героем знаменитого романа «Вратарь Республики». Вначале писатель собирался даже включить рассказ в качестве одной из глав в роман.

Но потом почему-то передумал.

Со спортом и спортсменами мы встречаемся не только в спортивных романах и рассказах писателя.

Они частые гости почти всех произведений Кассиля. Достаточно вспомнить Гешку Черемыша («Черемыш, брат героя») — заядлого хоккеиста. В повести много увлекательных эпизодов — ледовых баталий между школьными хоккейными командами.

А печально закончившийся для затонцев футбольный матч с приезжими юнгами-ленинградцами («Дорогие мои мальчишки»)! А туристский поход на лодках по Москве-реке, в который

отправились пионеры во главе со своей вожатой Симой Крупициной («Великое противостояние»)!

А разве не веселой и озорной пародией на спортивное состязание выглядит матч в гляделки из «Кондуита» и «Швамбрании»?

Да, спорт всегда присутствует в произведениях Кассиля. И это по душе его верным и требовательным читателям, нашим мальчишкам и девчонкам.

7

Спортсмены любили беседовать с Львом Абрамовичем, как говорится, по душам, слушать, как просто и вместе с тем выразительно читает он свои рассказы и очерки. Особенно ценили они такие встречи за пределами Родины, когда холодок чужих стадионов и яростные вопли и трещотки наиболее оголтелых зарубежных «сюпортеров» действовали им на нервы.

Вспоминаются два характерных эпизода.

Англия, 1966 год, футбольный чемпионат мира. Наша сборная, победив всех соперников по сандерлендской группе, вышла в четвертьфинал. Предстояла очень трудная игра со сборной Венгрии. Внешне игроки были веселы и даже беспечны, но тренер Николай Морозов понимал, что на душе у его подопечных не очень-то спокойно.

Встретив Морозова на приеме у сандерлендского мэра, Лев Абрамович спросил тренера:

— Как настроение у ребят? Преобладает оптимизм?

Морозов ответил вопросом на вопрос:

— А не согласитесь ли вы, Лев Абрамович, приехать с коллегами к нам на базу и провести литературный вечер?

Собрав находившихся тогда в Сандерленде писателей, Кассиль сказал:

— Литературного вечера как такового не будет. Нам надо провести встречи с игроками так, чтобы они ощутили дыхание родного дома. Пусть почувствуют, что мы способны их подбадривать не только криками «Шайбу, шайбу!» и запоздалыми критическими советами в своих корреспонденциях, но и понимаем, насколько сложна их задача. И второе: пусть каждый из нас, в каком бы жанре он ни писал, в этот вечер почувствует себя юмористом. Согласны?

— Согласны,— тут же ответил за всех Анатолий Софронов,— но при одном условии: вести наш литературный вечер... виноват, нашу дружескую встречу с преобладанием юмористического жанра будет Лев Кассиль!

Когда писатели приехали в Дарем, где до переезда в Лондон базировалась наша сборная, Кассиль был настроен далеко не юмористически. Но стоило только футболистам, кстати, тоже не очень-то веселым, расположиться перед столиком, за которым сидели писатели, Кассиль стал неузнаваем. Буквально через несколько минут преобразились и лица футболистов, исчезла натянутость, и писатели почувствовали, что их слушают не из вежливости, что футболисты забыли о предстоящем нелегком матче. Кассиль сумел так «завести» своих собратьев по перу, что все они действительно переключились на юмористический жанр. Анатолий Софронов спел одну из своих шуточных песен.

До сих пор все, кто был в тот вечер в Дареме, вспоминают, с каким обаянием и остроумием Лев Абрамович вел эту встречу, к которой стопроцентно применимы эпитеты «теплая» и «душевная». Пусть не оригинальны эти эпитеты, но точнее, поверьте, не скажешь!

Прошло меньше года. Группа писателей приехала в составе корреспондентского корпуса в Вену на хоккейный чемпионат мира. Закончился этот чемпионат, как известно, блестящей победой советской сборной: досрочно, имея в запасе одну игру, она завоевала чемпионский титул. Но приехали в Вену наши хоккеисты, правду говоря, не в блестящем настроении. В зарубежных товарищеских матчах наша сборная выступила столь неудачно, что недостатка в пессимистических прогнозах не было, а иные спортивные обозреватели открыто заявляли, что стоило бы, пожалуй, воздержаться от участия в чемпионате.

Не удивительно, что сразу же по приезде в Вену среди писателей возникли разговоры: а не выступить ли перед хоккеистами — это поможет им несколько разрядиться от сковывавшей их напряженности! Тренеры нашей сборной Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов поддержали эту мысль. Было договорено, что капитан сборной Борис Майоров по телефону сообщит о часе, удобном команде для встречи с писателями.

Майоров действительно позвонил в гостиницу и попросил к телефону Льва Абрамовича Кассиля. Ему ответили, что Кассиль на венский чемпионат не приехал. Писатель, отвечавший Майорову, ощутил в голосе капитана сборной такое неподдельное разочарование и даже уныние, что под каким-то предлогом тут же отменил встречу. И надо сказать, что Майоров не возражал, ибо хоккеисты, как потом выяснилось, были уверены, что во встрече с ними примет участие Кассиль.

Без обиды вспоминая этот эпизод, мы еще отчетливее соз-

наем, насколько основательно один из сотоварищей Льва Кассиля по детской литературе озаглавил статью о нем —«Полпред советских болельщиков». Да, именно таким ощущали писателя за рубежом наши спортсмены.

8

Среди многочисленных начинаний, задуманных и осуществленных Львом Кассилем, было одно особенно ему дорогое. Это ежемесячные вечера в Центральном Доме литераторов под простым и выразительным названием «В кругу друзей».

Приходили писатели, художники, летчики, артисты, спортсмены, партработники, музыканты, люди науки. Звучали новые стихи и песни, можно было услышать воспоминания о первых годах советского искусства и свежие впечатления о только что закончившемся шахматном турнире. Один вечер, помнится, был посвящен встрече с друзьями из блестяще закончившей сезон футбольной команды «Спартак».

Встречи эти происходили обычно не в большом зале, а в не столь уж просторном помещении с деревянными хорами и камином. И хотя круг участников этих встреч непрестанно, к радости Кассиля, расширялся и у камина становился все тесней, хотя многим из гостей место доставалось только в соседних комнатах, Кассиль не соглашался перенести эти встречи в большой зал, где, как ему казалось, исчезнет обстановка теплоты и сердечности, где круг друзей затеряется среди строгих, многоярусных рядов чинно расставленных кресел.

Друзей принимал Лев Кассиль, избравший эпиграфом для этих встреч проникновенные пушкинские строки:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен...

В эти часы Кассиль был весел, неистощимо остроумен.

Почему мы вспомнили об этих встречах? Уж очень они характерны для Льва Абрамовича Кассиля.

Его жизнь прошла в кругу друзей, и этот круг был поистине безграничен и неисчислим.

Он и в этом сборнике в кругу друзей, потому что мы, без сомнения, причисляем к кругу друзей замечательного писателя, педагога и общественного деятеля Льва Кассиля всех читателей этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О Л. А. КАССИЛЕ 5

Анатолий Софронов. О друге . . . . —
Сергей Михалков, Юрий Яковлев. Звездочка в пути 7
Анатолий Алексин. Путь продолжается... 10
Юрий Нагибин. О писателе, любившем детей и спорт 11
Дмитрий Молдавский. Активный педагогический талант 15
Анатолий Акимов. Добрый учитель 18
Алексей Катулин. Товарищ журналист . . . . —
Всеволод Бобров. Такие переживают себя! 20
Александр Котов. Человек доброй души и большого сердца . . . 22
Лев Яшин. Люблю тебя светло 24

Л. А. КАССИЛЬ. ХОД БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ. Роман 27

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ 200

Играли наши в Измире... . . . . —
Полчаса из жизни футболиста 209
Суждение о судье 212
Вокруг первой доски мира 217
Мяч и глобус 222
Вратарь мира и врата Рима 225
Три короны, два гола 229
Мяч идет от брата к брату 234
Голос со стадиона 241
Лев покоряет богиню 245
Состоится при всякой погоде 257
Матч в Валенсии 264
Пекины бутсы 269

В КРУГУ ДРУЗЕЙ. *Александр Кулешов, Цезарь Солодарь* 277

КАССИЛЬ И О КАССИЛЕ

Редактор Н. Я. Суслова
Художник С. Н. Томилин
Художественный редактор Г. М. Чеховский
Технический редактор Е. А. Триденская
Корректор Л. В. Чернова

А 07786. Сдано в производство 24/V 1972 г. Подписано к печати 6/IX 1972 г. Бумага 60×84 1/16 офсетная № 1. Печ. л. 18,5+0,625 вкл. Усл. п. л. 17,26+0,58 вкл. Уч.-изд. л. 18,12+0,61 вкл. Бум. л. 9,25+0,31 вкл. Тираж 75 000 экз. Издвт. № 4717. Цена 96 коп. Зак. 380. Издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-6. Каляевская ул., 27. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госудврственного комитета Совета Министров СССР по делвм издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97.

96 коп.
ФиС